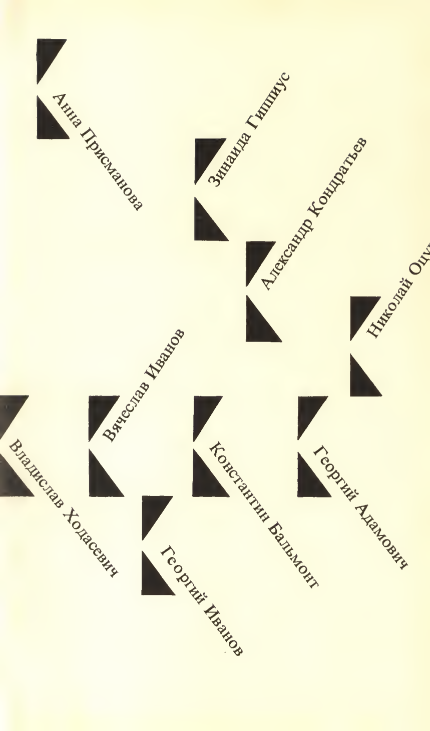
Ковчег

Поэзия первой эмиграции

Дон Аминадо
Юрий Терапиано
юбовь Столица
Игорь Северянин
Борис Поплавский
Сергей Маковский
Марина Цветае
Арсений Несмелов
Иван Бунин
А. Черный


Анна Присманова
Зинаида Гиппиус
Александр Кондратьев
Николай Оцу
Вячеслав Иванов
Владислав Ходасевич
Константин Бальмонт
Георгий Адамович
Георгий Иванов

Составитель,
автор предисловия и
комментариев
Вадим Крейд

Ковчег

Поэзия первой эмиграции

Москва
Издательство
политической
литературы
1991

ББК 84.Р6-5
К56

Художник *Ю. Н. Маркаров*

Рецензент *Е. В. Витковский*

К56 **Ковчег: Поэзия первой эмиграции/Сост., авт. предисл. и коммент. В. Крейд.— М.: Политиздат, 1991.— 511 с.**
ISBN 5—250—01710—X

«Хождеиье по мукам, что видел во сие — с изгнаньем, любовью к тебе и грехами. Но я не забыл, что обещаио мне — Воскреснуть. Вернуться в Россию — стнхами» — в этих строчках Георгня Иваиова — судьба многих позтов первой змиграции, чья позэия представлеиа в «Ковчеге». На родину из нзгнання возвращвются — стихамн — те, кто трагически был оторван от родной земли. Составитель аитологии — Вадим Крейд, профессор славистики Айовского уииверснтета (США), исследоввтель русской зарубежной литературы, автор книг, издвиных на Западе и в СССР.

Издвиие готовилось с мыслью о широком круге цеиителей русской поэзии.

К $\frac{4700000000—259}{079(02) — 91}$ 219—92 ББК 84.Р6-5

ISBN 5—250—01710

Составители эмигрантских антологий, изданных на Западе, не без удивления отмечали жизнеспособность поэзии русского рассеяния. Удивляться и на самом деле было чему. Без родной почвы, без родственной атмосферы, без читателя существовала эта поэзия, но не иссякла, не выдохлась, не погибла. Временами казалось, что вот-вот все лопнет, как радужный мыльный пузырь. Однако продолжали выходить сборники и альманахи, нарождались новые литературные кружки, журналы и газеты печатали стихи. Даже во время войны в Нью-Йорке выходили русские литературные журналы. За три года до начала войны была издана антология «Якорь»— первый представительный сборник поэзии эмиграции. Составителям «Якоря» представлялось, что зарубежная поэзия доживает последние годы. Этому пессимизму было на что опереться. Оторванность от языковой среды, конфликт поколений, безразличие читателя к стихам, отсутствие литературного, а часто и любого заработка — эти и сопутствующие им обстоятельства не могли подействовать воодушевляюще. Недаром Ю. Иваск, составитель другой известной антологии («На Западе»), открывает свое предисловие знаменательными словами: «Эмиграция всегда несчастье. Ведь изгнанники обречены на тоску по родине и обычно на нищету». Живая творческая практика оказалась мудрее пессимистических прогнозов и теоретизирований. Нужду и беспочвенность, отчуждение и одиночество талант мог претворить в художественное и метафизическое преимущество:

Она прекрасна, эта мгла.
Она похожа на сиянье.
Добра и зла, добра и зла
В ней неразрывное слиянье.
Добра и зла, добра и зла.
Смысл, раскаленный добела.

Эти строки написаны Георгием Ивановым в 1931 г. А позднее он еще и еще возвращается к тому же мотиву трагической свободы поэта:

Над бурями темного рока
В сиянье. Всего не успеть...
Дым тянется... След остается...

И полною грудью поется,
Когда уже не о чем петь.

Как же случилось, что эмигрантская поэзия не только выжила, но и талантливо прожила три четверти века? Не малый ли это исторический срок для больших выводов? Если следовать точке отсчета Пушкина, сказавшего, что новая «словесность наша явилась вдруг в XVIII столетии», то три четверти века — срок значительный. На протяжении всех этих лет поэзия зарубежья питалась не столько соками земли, сколько энергией свободы. Если вообще возможно увидеть некий объединяющий пафос, то это был пафос свободы. Именно отсюда происходит жизнеспособность поэзии диаспоры: благодаря свободе творческой, благодаря свободе личной.

Удивительна не только история этой поэзии, впрочем до сих пор не написанная, до сих пор испещренная белыми пятнами. Удивительна и география русской зарубежной литературы: ведь как много на земле мест, где создавались русские стихи! Адамович писал в Париже, Ницце, Манчестере; Дон Аминадо — в Париже; Бальмонт — в Шатильоне, Капбретоне, Париже; Бунин — в Париже, Грасе, Бретани; Вяч. Иванов — в Риме; Г. Иванов — в Берлине, Париже, Риге, Биаррице, Йере; Кондратьев до 1939 г. жил и работал на Волыни, отошедшей к Польше; Несмелов — в Харбине; Л. Столица — в Софии; И. Северянин — в эстонской деревушке Тойла, позднее — в Ревеле. Эмигрантское творчество Ходасевича и Цветаевой связано с Германией, Чехией, Францией; творчество Саши Черного — с Берлином, Парижем, Провансом.

Мы видим, что в этом перечне больше всего парижан; к ним надо добавить Маковского, Присманову, Поплавского, Терапиано, Гиппиус, Оцупа. Берлин лишь недолгое время оставался средоточием русской творческой эмиграции. С 1924 г. и до начала войны столицей русского зарубежья оставался Париж. Но если присмотреться к судьбам не девятнадцати, а двухсот поэтов, достойных включения в антологию, нам придется говорить о Сан-Франциско и Рио-де-Жанейро, Шанхае и Сиднее, Брюсселе и Гельсингфорсе и еще многих городах и весях, порой весьма неожиданных.

Есть ли глубинный смысл в этой диковинной географии, или в ней нет ничего, кроме перечня населенных пунктов? Одно из метафизических предназначений этого культурного рассеяния состояло в грандиозной абсорбции глобального культурного опыта. Со времени прорубленного в Европу «окна» наша литература не знала такой интенсивности художественного познания одновременно Запада и Востока. Об этом свидетельствуют страницы поэтических книг: «Соррентинские фотографии» и «Берлинское» у Ходасевича, «Стихи к Чехии» Цветаевой, «Римские сонеты» и «Римский дневник» Вяч. Иванова. Египет, Иерусалим, Неаполь, Бретань — в стихах Бунина; маньчжурские мотивы у Несмелова; названия стихотворений: «Весна в Шарлоттенбурге», «Бретань», «Диана Люксембургского сада», «У маленькой Терезы»... Все это — не туристические открытки, а биографические переживания. Чаще всего поэты-эмигранты писали о России, но в их поэзию вошло все многообразие земных широт, долгот и столетий культуры. Страна обитания дает порой о себе знать не только в темах и мотивах, но и на более тонком поэтическом уровне — в интонации, ритме, жесте. «Глобальная деревня» осваивалась поэтами эмиграции не по путеводителю, а по необходимости. Муза дальних странствий любит экзотические наряды, но, когда экзотическое становится будничным, своим околотком и околицей, наступает второе ви́дение, как приходит второе дыхание в марафонском беге.

У входа в бойни, сквозь стальной туман,
Поскрипывая полз подъемный кран
И ледяная чешуя канала
Венецию слегка напоминала...

(Г. Иванов)

Все то же: шуршание шин,
Автобусов грузных стремленье,
Прямых быстроходных машин
Холодное щучье скольженье.

(Ю. Терапиано)

Мне хочется сойти с ума,
Когда с беременной женой
Безрукий прочь из синема
Идет по улице домой.

(В. Ходасевич)

Как чума, тревога бродит,—
Гул лихих годин...
Рок черту свою проводит
Близ тебя, Харбин.

(А. Несмелов)

Некоторые поэты более, чем другие, застывали в нише своего собственного творчества. Большинство же оказались восприимчивыми к окружающим веяниям. Но в подавляющем, невероятном большинстве они остались русскими поэтами — не только по языку, но и в своем отношении к литературе, имеющей в разных культурах весьма различный общественный вес и статус. Еще важнее: они остались русскими поэтами и по духу, и по типу духовности. Язык часто и не являлся барьером на пути адаптации. Б. Поплавский, например, мог бы стать французским писателем, если бы того захотел, но сознательно предпочел нищету поэта-эмигранта, о которой Ходасевич сказал: «Достоевский рядом с Поплавским был то, что Рокфеллер рядом со мной». Не для одного Поплавского Париж был предельно своим городом. Мережковский, Гиппиус, Бальмонт и другие еще до революции подолгу живали за границей. Но опыт эмиграции показал, что в деле литературы (поэзии) важно не столько место проживания, сколько духовный потенциал. Русская идея есть нечто большее, чем вся сумма претензий монополизировать эту идею, и стихи «русского мальчика» парижанина Б. Поплавского так же национальны, как и стихи осудившей эмиграцию А. Ахматовой.

Но если так, то об одной или двух русских литературах мы говорим? Когда Вяч. Иванов, старейший из поэтов, представленных в нашем «Ковчеге», оказался в эмиграции, ему было 58 лет. Бальмонт покинул Россию через несколько дней после того, как ему исполнилось 53 года. Гиппиус эмигрировала в пятидесятилетнем возрасте. Затем идут поэты, родившиеся в 70-е годы: Бунин, Кондратьев, Маковский; и — в 80-е годы — Саша Черный, Столица, Ходасевич, И. Северянин, Дон Аминадо. Все они и даже поколение, родившееся в 90-е годы (Несмелов, Присманова, Адамович, Г. Иванов, Оцуп, Цветаева), уехали из России людьми зрелыми творчески и житейски. Эмигрировал серебряный век. И, лишенный почвы, общественной среды, читателя, он продолжал излучать затухающее сияние едва ли не до начала второй мировой войны. Скрытая энергия былого культурного ренессанса оказалась столь витальной, взятый в начале века разбег столь динамичным, что одной инерции этого стремительного движения хватило еще на два десятилетия.

Эмигрантская литература продолжала расти, как полная жизненных соков молодая ветвь, питавшаяся от старого ствола литературы; другая, столь же молодая, была лите-

ратура советская. И там и здесь литературный процесс следовал теперь своим автономным законам.

Вопрос «одна или две русских литературы» углубляется и уточняется, когда мы пытаемся ответить на него, исходя из конкретности судеб наших крупных поэтов за рубежом. Одним из лучших русских зарубежных поэтов был Георгий Иванов (1894—1958). Осенью 1922 г. он покинул Кронштадт на германском пароходишке «Карбо II».

Балтийское море дымилось
И словно рвалось на закат,
Балтийское солнце садилось
За синий и дальний Кронштадт.

И так широко освещало
Тревожное море в дыму,
Как будто еще обещало
Какое-то счастье ему.

Целью поездки было составление театрального репертуара, но командировка оказалась бессрочной и продлилась до конца жизни. В Германию Г. Иванов приехал автором шести поэтических книг, зрелым художником, менявшимся от сборника к сборнику. В Берлине и через год в Париже он, естественно, еще не знал, что станет первым поэтом эмиграции (критика величала его «королевичем зарубежной поэзии»). В равной степени он не знал еще, ценой какой утраты обойдется ему обретенная свобода. Древнейший эмигрант, известный нам из истории европейской культуры,— Пифагор Самосский, отправляясь в изгнание на Сицилию, сказал, что разумному человеку безнравственно оставаться под властью тирана. Пифагор был философ; для поэта столь жестокая альтернатива — родина или свобода — решается труднее. Поэзия должна быть немного глуповата, писал Пушкин Вяземскому. Она и на деле оказалась «глуповатой» (ум с сердцем не в ладу) и не помогла преодолеть тягу к родной земле.

И ничего не исправила,
Не помогла ничему,
Смутная, чудная музыка
Слышная только ему.

Г. Иванов утратил все, ибо утратил город, в котором вырос, который глубоко любил и о котором в конце жизни писал: «Петербург — наше все»; и о себе: «Я последний из петербургских поэтов, еще продолжающий гулять по этой становящейся все более и более неуютной и негостеприимной земле». «Розы», его первый эмигрантский сборник, вышел в Париже в 1931 г. Десять лет отделяют

«Розы» от первого издания «Садов»— лучшей книги петербургского периода. Две книги различны настолько, что это различие побуждало критиков говорить о двух совершенно несходных Георгиях Ивановых — петербургском и парижском. Но читатель, не чуждый «искусства медленного чтения», видит между петербургским и парижским периодами тысячи тонких связей, протянувшихся от «Садов» к «Розам» и показывающих, что парижские «Розы» выросли все же в петербургских «Садах».

Итак, два Георгия Иванова или один, две русских литературы или одна? Ответ зависит от уровня нашего проникновения в поэтическое наследство эмиграции. Легкие ответы о единстве этой поэзии или о ее двойственности в равной степени убедительны и необязательны. Чем ближе к сущности, тем определеннее, тем однозначнее ответ: русская поэзия едина, но условия ее существования множественны. В условиях полной творческой свободы, но лишенная родной почвы и родственной среды, поэзия диаспоры стала чем-то бóльшим, чем только продолжение или эпилог серебряного века. Поэзии этой был дан редкий исторический шанс — увидеть себя не только в изгнании, но и в послании.

Нас забыли, душа. Мы остались на том пароходе,
грудь которого будет, конечно, разбита меж льдин.
Льдом он сдавлен, как панцырем рыцарь в крестовом походе,
он в молчаньи, в полярном сияньи, остался один.

Это писала Анна Присманова в 1936 г., в год выхода в свет первой антологии зарубежной поэзии — «Якорь», вскоре после гибели Б. Поплавского, надежды русской поэзии (еще немного — и оправдавшей бы себя), вскоре после окончания знаменитого спора Ходасевича и Адамовича о поэзии. Спор закончился «вничью», но привлек внимание и к самой поэзии, и к судьбам ее за рубежом.

Творчество Владислава Ходасевича вызывало в эмиграции много споров. Некоторые критики писали о нем как о лучшем русском поэте, «Арионе эмиграции»; другие только как о мастере, лишенном вдохновения. Время рассудило спорящих — настоящий ценитель теперь может сказать вслед за Алдановым: того, о чем рассказал Ходасевич, уже рассказать не может никто.

«Европейская ночь», написанная в эмиграции,— писал М. Алданов,— совершеннее даже «Тяжелой лиры», написанной еще в России. Сам Ходасевич относился к творческому деланию с благоговением; искусство для него,

«не будучи молитвой, подобно молитве». Ходасевич был одним из тех, кто глубоко осмыслил эмигрантскую поэзию в ее предназначении, очищенном от примесей и случайностей. Литература за рубежом имеет миссию, и миссия эта состоит в посланничестве. Знавший Ходасевича поэт Вл. Смоленский расшифровывает эту идею посланничества: оно заключается в передаче литературной традиции и культуры, подвергшейся преследованию и искоренению, будущим русским поколениям.

Было и еще одно достоинство у этой поэзии, проявившееся в беспримесной чистоте: ее полнейшее бессребреничество. Она жила без гонораров, без премий, без толпы поклонников, без тысячных тиражей и почти никогда не смешивала мамонну и музу, успех и призвание. Она жила в одиночестве, но в свободе. Чемпионом этой нищеты и свободы был, несомненно, Борис Поплавский, лучший из поэтов, полностью сложившихся в эмиграции, главное действующее лицо незамеченного поколения. «Эта необычная страница истории русской литературы еще почти не написана,— замечает критик Эммануил Райс,— но недалек час, когда их неизданные рукописи будут разыскиваться литературоведами как величайшая драгоценность, как свидетельство о бессмертии русского духа при любых внешних условиях». А условия жизни были таковы, что, вспоминая Поплавского и группу поэтов, окружавших его, Гайто Газданов назвал их «ассоциацией созерцателей и фантазеров, которым почти не остается места на земле». Они не умели устраивать свои дела, не умели заниматься коммерцией, живя в обществе негоциантов, и писали стихи, в которые русский «широкий» читатель за рубежом не хотел заглянуть даже из любопытства. Искусство было главное дело жизни Поплавского. У него есть неряшливые строки, стилистические срывы, но он принадлежал к тем избранным поэтам, которым дано слушать музыку в блоковском смысле. В его стихах видна такая бездна субъективности, которая в своей последней крайности становится общепонятной, трогательной и горькой объективностью.

Парадокс, высказанный Ходасевичем, что эмигрантская поэзия еще недостаточно эмигрантская, был понятен Поплавскому. В любой толпе он выделялся как иностранец, и в любом коллективном сборнике стихотворений он должен казаться иностранцем. Вероятно, такова судьба поэта, муза которого — муза самопознания. Отсюда и субъективность, отсюда и содержание поэзии, которое

за несколько дней до смерти он выразил в формуле: «Солнце, отшельничество, труд, счастье». Некоторые поэты оставляют будущим поколениям свой неповторимый мир, другие — свою особенную ноту. Своя нота звучит, например, в «Черной мадонне» Поплавского:

...Головой счастливою качали.
Спал асфальт, где полдень наследил.
И казалось, в воздухе, в печали,
Поминутно поезд отходил.

В этой щемящей ноте поминутного прощания с миром, в котором переплетены грусть и счастье, чувствуется присутствие какого-то «метафизического предмета». Оттого и нелегко читать Поплавского, и широкий читатель появляется у него, кажется, только теперь.

В статье «Без читателя» Георгий Иванов писал: «Читательская масса окрашена в один цвет — безразличной усталости, а усталость не только внешне рифмуется с отсталостью. В литературе она ищет развлечения и условности». Поэтому сборники стихов и выходили крошечными тиражами. Вот несколько напоминаний: «На Западе» Адамовича — тираж 200 экз., З. Гиппиус — «Сияния» — 200 экз., из них 20 нумерованных в продажу не поступило. «Отплытие на остров Цитеру» Г. Иванова — 300 экз. А. Кондратьев — «Славянские боги»: тираж был мал и книга вообще не поступила в продажу. А. Несмелов — «Полустанок» — тираж 150 экз.

Невелики были и тиражи книг Анны Присмановой, одной из самых своеобразных поэтесс XX в. Как и Поплавский, Ходасевич, Георгий Иванов, жила Анна Присманова в Париже. Печаталась она с начала 20-х годов, когда Париж уже становился главным литературным центром эмиграции. Однако первый свой поэтический сборник Присманова выпустила поздно — незадолго до второй мировой войны. В поэзии Присманова всегда оставалась одинокой, хотя лично знала многих парижских поэтов, включая Б. Поплавского, которому она посвятила стихотворение:

Любил он снежный падающий цвет,
ночное завыванье парохода...
Он видел то, чего на свете нет.
Он стал добро: прими его, природа.

Верни его зерном для голубей,
сырой сиренью, сонным сердцем мака...
Ты помнишь, как с узлом своих скорбей
влезал он в экипаж, покрытый лаком...

О Присмановой писал один эмигрантский критик в журнале «Мосты»: «Она всегда была как бы сама по себе, всегда шла своей собственной непроторенной дорогой, мучительно ища свою личную тему и в конце концов так ее и не нашла». Но не столько поиск темы, сколько напряженная борьба за точное слово составляет пафос ее поэзии. В ее цветистых, метафорических стихах, полных неожиданных словосочетаний, виден поиск независимого, некнижного мировоззрения. Ей дороги, говоря словами Льва Шестова, «начала и концы» вещей («но начало вещей и конец их пленяет умы»). Стихи Присмановой — лирический дневник, в котором приметы времени переживаются эстетически. Лично зная поэтов «парижской ноты», она оставалась почти не затронутой их влиянием, однако, как и они, старалась сказать в стихах «о самом главном»:

Но след сияния живуч всегда
(лучи луны сияют и над моргом),
и в нас блестит, как некая руда,
соединенье жалости с восторгом.

Георгий Адамович, «изобретатель» «парижской ноты» относился к усложненной поэзии Присмановой сдержанно. Как поэт Г. Адамович начинал свой путь еще до революции, входил в гумилевский Цех поэтов. В Петербурге вышли два его сборника — «Облака» и «Чистилище», оба отмеченные влиянием Блока и Анненского. В эмиграции также вышло два сборника. Стихи Адамовича печатались в важнейших периодических изданиях зарубежья. Его известность как ведущего критика эмиграции всегда перевешивала его известность как поэта. Думается, никогда не переиздававшиеся две эмигрантские книжки стихов, за исключением горстки читателей, так и не были адекватно прочитаны и оценены. Его поэзия сдержанная, даже как бы приглушенная. Она избегает каждого лишнего слова и каждого лишнего звука. За внешней сдержанностью в его стихах виден утонченный вкус, угадывается огромная культура и незаурядный душевный опыт. Сам он очень точно сказал о своих стихах:

Сквозь отступленья, повторенья,
Без красок и почти без слов.
Одно, единое виденье,
Как месяц из-за облаков.

То промелькнет, то исчезает,
То затуманится слегка,
И тихим светом озаряет,
И непреложно примиряет
С беспомощностью языка.

«Настоящие стихи,— писал Адамович,— всегда больше текста, и всегда в них остается нечто, перерастающее непосредственный смысл слов». Личные настроения Адамовича помогли сформировать что-то вроде литературной школы, которую Поплавский назвал «парижская нота». В своем эстетическом кредо Адамович исходит скорее из осмысления жизненного опыта, из мировоззрения, чем из литературы. Сам Адамович «парижскую ноту» не считал литературной школой, однако признаки особого литературного направления в «ноте» очевидны. Для формирования школы, казалось бы, имелось все: обилие талантов, благородные предки (Лермонтов, Анненский, Блок), свои темы (самое главное: любовь, смерть, поиск духовной истины), своя поэтика. Но настроения поэтов «ноты» слишком часто выражались в негативных определениях. Даже отдельно взятые строки стихотворений Адамовича дают представление о глухом, непретенциозном тембре этой «ноты»: «Все выдохлось за столько лет», «Нет доли сладостней все потерять», «Но слова единственного не найти».

В своем поиске «единственного слова» все поэты «парижской ноты» отличались один от другого. Почти все они печатались в журнале «Числа», основанном Николаем Оцупом, чья поэзия соприкасается и перекликается с «парижской нотой», хотя имеются и существенные отличия. Поэты «ноты» решительно предпочитают малое лирическое стихотворение как бы дневникового характера. Оцуп тоже лирик, но оставшийся более верным заветам акмеизма, чем его товарищи по гумилевскому Цеху поэтов — Г. Иванов и Г. Адамович. В отличие от поэтов «ноты» Оцуп тяготел к большим жанрам, к лироэпической поэме. В этом он также был верен своему учителю Гумилеву, значение которого в духовной жизни Оцупа вряд ли когда-нибудь шло на убыль. Гумилева, Анненского и философа Бергсона Оцуп считал своими учителями в поэзии и в жизни. О своей преданности творчеству он писал в автобиографии: «Вероятно, поэзия — единственное священное дело на земле».

К кругу парижских поэтов принадлежит и Юрий Терапиано, но тональность его поэзии более светлая. Акмеистическая выучка, религиозный настрой, мистическая образованность влекут его к жизнеутверждающему приятию мира. Внимание поэта направлено на «роскошь природы и веселые краски». Его стихи, писала И. Одоевцева, «понемногу овладевают нами, постепенно становясь неотъем-

лемой частью нашего мироощущения». Г. Адамович определил высокую направленность поэзии Терапиано как спокойствие и величавость. Над его стихами, писал он, «трудно не задуматься». В своих последних книгах он — мастер, преодолевший, однако, соблазн сотворения кумира из мастерства. «Отделывая стихи,— писал Ю. Иваск,— он всегда надеялся на чудо в поэзии, и ему удавалось чудесное передавать». В лирике Терапиано мы находим ту высокую правдивость мысли и подлинность чувства, которые определяют личность, наделенную даром духовного созерцания:

Господи, какая сила
В этом возвращенье дней,
В сменах года легкокрылых,
В ясной осени моей.

Я вдыхаю грудью полной,
С благодарностью всему,
Этот воздух, эти волны,
Побеждающие тьму.

«Все просто, обыкновенно, но и окончательно в приоткрывшейся ему вечности»,— писал Ю. Иваск о духовидческих проблесках, встречающихся в поэзии Ю. Терапиано.

Еще один парижский поэт, не примыкая к кругу поэтов «парижской ноты», сходится с ними в стремлении писать о «самом главном». Мы говорим о Сергее Маковском, поэте старшего поколения. Его первый сборник стихов вышел еще в 1905 г. Но известность пришла к нему только в 40-е годы. В стихах Маковского заметен религиозный подход к осмыслению глубоко личных переживаний. При желании можно провести много параллелей между ним и другими парижскими поэтами, но Маковский более, чем кто-либо из них, кроме только Ходасевича, связан с русским классическим наследием, и теснее всего с тютчевским космизмом. Сдержанно, благородно, умудренно он писал о чуде творения, «о каком-то счастье дивном, недоступном на земле».

С. Маковский был одним из немногих, кто избежал страшного жребия русского поэта, говоря словами М. Волошина. Ведь этот жребий неисповедимыми путями распространялся и на тех, кто изгнанием заплатил за благо свободы творчества. Ходасевич пережил в эмиграции глубокий кризис и перестал писать стихи. Кондратьев был изгнан из своего дома в 1939 г., провел несколько лет в скитаниях по Европе и уже никогда не мог оправиться

от потрясений и вернуться в литературу. Несмелов был схвачен в Китае и перевезен в сибирскую тюрьму, где и скончался на холодном полу камеры. Поплавский либо отравился наркотиками, либо покончил самоубийством — обстоятельства его трагической смерти остались не вполне выясненными. Ужасный конец Цветаевой хорошо известен: реэмиграция, бездомность, самоубийство. В возрасте 50 лет, в расцвете таланта умерла от разрыва сердца Л. Столица. Игорь Северянин жил с 1918 г. в Эстонии; после же 1939 г., то есть незадолго до своей смерти, он должен был писать катастрофические вирши по «социальному заказу». Саша Черный никогда не мог забыть, как рвали его рукописи на пограничной заставе, и двойная травма — от революции и эмиграции — оставила в нем глубокий след. Георгий Иванов после войны жил в крайней нищете, а в 50-е годы еще не старым человеком вынужден был поселиться в доме для престарелых.

Вспомним еще раз слова знатока эмигрантской поэзии Ю. Иваска «Эмиграция — всегда несчастье». В слове «всегда» содержится известное преувеличение. Роман Гуль писал в своих мемуарах: «И все-таки мне почему-то даже нравится эта странность моего эмигрантского положения. Может быть, потому, что в сущности, где-то в своей глубине именно и хочу быть «вне общества», «вне государства», а быть в вечном странствии». Словом, ностальгия, одна из заметных тем в литературе эмиграции, все же не так универсальна.

Константин Бальмонт не избежал ни страшного жребия русского поэта, ни восприятия эмиграции как несчастья. В свои поздние годы Бальмонт страдал от душевной болезни и был травмирован невниманием. Молодым поэтам, да и многим читателям, его творчество представлялось принадлежащим ушедшей эпохе. Бальмонт, как и прежде, до революции, продолжал писать очень много. Мнение, что в эмиграции он переживал упадок, излишне категоричное. В обширном наследии позднего Бальмонта немало стихотворений, исполненных пронзительного лиризма, музыкальности, виртуозных формальных достоинств.

Зинаида Гиппиус, которая, как и Бальмонт, выступила со своим первым поэтическим сборником еще в конце прошлого века, переехала в Париж в 1920 г. В эмиграции при жизни Гиппиус вышло три ее сборника: «Походные песни» (под псевдонимом Антон Кирша), «Стихи. Дневник 1911—1921» и «Сияния», лучшая ее поэтическая книга. По стихам З. Гиппиус можно проследить историю

русского модернизма. Это рациональная, интеллектуальная поэзия, отличающаяся глубиной и оригинальностью мысли: поэзия острая, ироничная, субъективная, скупая на эмоции, но когда в ней есть непосредственное чувство — оно достигает особенной концентрации и выразительности. Поэзию она определяла вслед за Баратынским как «полное ощущение данной минуты». Темы З. Гиппиус — «святое своей души», любовь, смерть, высшая метафизическая мера и трагическая невозможность ее достижения. Ее стихотворения, писал Д. Святополк-Мирский, «исключительно оригинальны, и я не знаю ни на каком языке ничего на них похожего».

Общественная жизнь русского Парижа непредставима без Гиппиус и ее мужа Д. Мережковского. На «воскресеньях» у Мережковских перебывала «вся» литературная эмиграция и бывали многие из участников нашей антологии: Адамович, Бунин, Оцуп, Г. Иванов, Маковский, Ходасевич, Поплавский, Терапиано. Эти «воскресенья» служили мостом между литературой начала века и литературой рассеяния; сама З. Гиппиус сыграла роль интеллектуального катализатора в общественной жизни эмиграции. Из «воскресений» Мережковских выросло общество «Зеленая лампа», своего рода инкубатор идей. На заседания «Зеленой лампы», основанной в феврале 1927 г., иногда собиралось до двухсот и более человек.

Иван Бунин — единственный из значительных поэтов эмиграции, кто был вполне свободен он влияний символизма, акмеизма или иных разновидностей модернизма. В начале 1920 г. он уехал из Крыма в Константинополь, в скором времени переселился во Францию, где и прожил 33 года. В эмиграции он пользовался огромным успехом как выдающийся прозаик, а в 1933-м, когда Бунину была вручена Нобелевская премия, это событие было отпраздновано как общий триумф русского зарубежья.

Сам Бунин ставил свою поэзию не ниже своей же всемирно признанной прозы. Однако эмигрантский читатель в этом отношении был поделен на две несговорчивые стороны. Одни, как это сформулировал Ю. Иваск, считали, что «монотонным» стихам Бунина недостает поэтической магии, лирического огня, свойственных его прозе. Другие же, как заметил В. Набоков, предпочитали «его удивительные струящиеся стихи той парчовой прозе, которой он был знаменит».

В эмиграции оказались лучшие русские сатирики — Тэффи, Аверченко, Лоло, П. Потемкин, В. Азов, В. Го-

рянский, и в их числе — поселившиеся в Париже Дон Аминадо и Саша Черный. До революции Дон Аминадо был известен москвичам своим постоянным участием в газете «Раннее утро», а как сотрудника популярного «Сатирикона» его знали во всех уголках России. Живя в Париже, Аминадо много лет писал фельетоны для ежедневной газеты «Последние новости» и популярностью своей превосходил чуть ли не всех поэтов зарубежья. «Без преувеличения можно сказать,— вспоминал писатель Леонид Зуров,— в те времена не было в эмиграции ни одного поэта, который был бы столь известен».

В юмористических стихах Аминадо множество строф, исполненных проникновенного лиризма. Своей книге «Накинув плащ» он дал подзаголовок «Сборник лирической сатиры». За этот лиризм его ценили мастера поэтического слова. Бунин отзывался о нем с восхищением: «Уже давно пора дать подобающее место его большому таланту — художественному, а не только газетному, злободневному». Марина Цветаева, упрекая Дон Аминадо за «расшвыривание дара», писала ему: «Вы — совершенно замечательный поэт (инструмент). В Вашей шутке больше лирической жилы, чем во всем их серьезе».

Примечательно, что именно у сатириков, «бичевавших» до революции пороки «больной» России, любовь к покинутой стране достигала степени благоговения, идеализации, идолотворчества. Встретившийся с Сашей Черным в Берлине Роман Гуль вспоминал впоследствии о своем главном впечатлении: «Его надо было отнести к людям, совершенно раздавленным революцией». Россию он любил страстно; ностальгия — непреходящий знак, под которым все 12 лет в эмиграции развивалось его творчество. Только эта любовь избавила его творческий дух от оскудения. Другие стимулы были слабее, и без идеализации прошлого талант Саши Черного оказался бы более скованным и менее плодотворным. Однако за все эти 12 лет Саша Черный, подписывавшийся теперь: «А. Черный», успел сделать очень много: переиздал ранее написанные произведения, редактировал альманах «Грани», был литературным редактором журнала «Жар-птица», издавал русских классиков для детского чтения, писал детские стихи и рассказы, опубликовал несколько книг прозы, большой сборник стихотворений «Жажда», само название которого указывало на горячую привязанность к утраченному. Эта книга вышла в 1923 г., однако с того времени Сашей Черным было опубликовано еще много стихотворений в

газетах и журналах. Они до сих пор не выходили отдельным изданием и остаются не полностью собранными. Незадолго до смерти им была написана большая лироироническая поэма «Кому в эмиграции жить хорошо» — широкая панорама эмигрантских судеб, быта и настроений.

Семнадцать лет прожила за рубежом Марина Цветаева, из них тринадцать с половиной — во Франции. Ее жизнь в Париже — трагическая внутренняя эмиграция в эмиграции. «Меня в Париже, за редкими, личными исключениями, ненавидят, пишут всякие гадости, всячески обходят и т. д. Ненависть к присутствию в отсутствии, ибо нигде в обществ. местах не бываю, ни на что ничем не отзываюсь»,— писала Цветаева своей подруге Анне Тесковой. Однако это одиночество было не результатом какого-нибудь «заговора», но следствием неистового темперамента, обернувшегося судьбой. Расцвет цветаевского творчества пришелся именно на годы эмиграции. В стихотворениях и поэмах этой поры видна творческая щедрость во всем: тематическое изобилие, ритмическая изобретательность, «вулканическая энергия» (Ю. Иваск), «вихревая вдохновенность» (Ф. Степун), напор, надрыв, упоение, дерзость, витальность, крылатость. Творчество Цветаевой во многих отношениях воспринималось как редкое исключение в эмигрантской литературе, в частности и в своем сближении с советской поэзией.

Из поэтов, живших не во Франции, в настоящую антологию включены Л. Столица, А. Кондратьев, А. Несмелов, И. Северянин, Вяч. Иванов. Просматривая пять лучших зарубежных антологий, видим, что более других непарижских поэтов пользовались вниманием Вячеслав Иванов и Игорь Северянин. Стихи Несмелова включены лишь в одну из антологий. Стихов Кондратьева и Л. Столицы в этих антологиях мы вообще не найдем, впрочем, так же как и стихотворений десятков других поэтов, живших не в Париже, а в послевоенное время и не в США, куда со временем в известной мере переместился центр эмигрантской культурной активности.

Но, конечно, и за пределами Франции существовали поэтические кружки, печатались сборники и альманахи, выходили газеты и журналы. Русские читатели и писатели в Париже были недостаточно осведомлены о литературной жизни русской зарубежной «провинции». И хотя в Белграде, Софии, Праге, Варшаве, Харбине, Шанхае в целом больше знали о литературной жизни русского Парижа, все же взаимная осведомленность всегда остав-

ляла желать лучшего. Например, когда Г. Иванов напечатал в 1930 г. в парижских «Числах» статью «К юбилею В. Ф. Ходасевича» и подписал ее псевдонимом А. Кондратьев, он совсем не принял в расчет, что в Польше живет и работает поэт и прозаик Александр Кондратьев, с которым Г. Иванов встречался в Петербурге. Малоизвестный поэт и критик В. Мансветов, один из свидетелей этой «раздробленности», переехав в начале войны из Европы в США, вспоминал о том, как виделась из Парижа «остальная» русская поэзия: «Отдельные имена, отдельные случайные вещи. Немного больше известно о европейской периферии (Эстония, Латвия, Польша, Балканы), совсем почти ничего — о слишком далеком Дальнем Востоке. Не говорю уже об Америке... о которой мы, сидя в Европе, не знали ровно ничего».

Как себе представляла себя эта литература? Знала ли она о своих масштабах? В двухтомнике Л. Фостер «Библиография русской зарубежной литературы» содержится более 17 тысяч названий. В парижском указателе «L'émigration Russe»— 25 260 названий. Но оба этих издания вышли в свет соответственно в 1970 и 1988 гг., то есть когда первая эмиграция стала уже историей. Осведомленнейший в зарубежной литературе Г. Адамович говорил, что в эмиграции выходило, по крайней мере, по одному поэтическому сборнику в месяц. Но оценка Адамовича оказалась заниженной. Л. Фостер подсчитала, что за 50 лет (1918—1968) «вышло 1024 сборника стихов отдельных авторов». В дополнение к этому изобилию нужно иметь в виду еще бóльший объем «стихотворной продукции», остающейся разбросанной по многочисленным газетам, журналам и альманахам. Итак, эта поэзия оказалась в положении двойного рассеяния: во-первых, вне России, во-вторых, распыленной по малотиражным сборникам или по эфемерным периодическим изданиям. Надо еще помнить о никогда не публиковавшихся, оставшихся в рукописях стихах, в лучшем случае попавших в архивы, а чаще опровергавших романтическую максиму, что рукописи не горят. Они превосходно горели, исчезали и попадали в уличные мусорные баки, как еще недавно случилось с рукописями умершей в Нью-Йорке поэтессы Лидии Алексеевой.

Эмиграция в отношении своих поэтов была не слишком внимательна и слишком расточительна. Только в 1990 г., впервые после смерти Присмановой и Кондратьева, были изданы на Западе сборники их произведений. Очевидно,

пришла пора, когда история уже сделала свой неслучайный отбор. Но есть еще многие, чье творчество ждет бережного внимания и переоценки. К таким поэтам принадлежит Любовь Столица, жившая с 1921 г. по февраль 1934 г. в Софии. В Болгарии она была в числе основателей Общества русских писателей и журналистов, изъездила всю страну с чтением своих стихов и с лекциями, причем излюбленной темой ее выступлений была Москва, город, который поэтесса с юности воспевала. Дух и стиль старой Москвы определили в ее стихах все: от мироощущения до поэтической техники включительно. Поэзия Л. Столицы своими корнями уходит в русский фольклор, в историю, в древнерусскую литературу. «Творчество Любови Столицы,— писал А. М. Федоров, поэт, эмигрировавший в Болгарию,— коренное, почвенное, или — вспоминаю ее любимое слово — кондовое».

Другой поэт, в чьем творчестве неизгладимый след оставила русская, славянская старина,— Александр Кондратьев. Со школьных лет вкусы и интересы поэта были связаны с древними цивилизациями. Понять поэта — значит понять его любовь. Ранняя и навсегда сохранившаяся любовь А. Кондратьева — к матери муз Греции и к русским древностям. В круге этих интересов от начала и до конца умещается творчество Кондратьева. С 1918 до 1939 г. поэт жил в Дорогобуже. Именно эти два десятилетия оказались в его эмигрантской жизни плодотворными. Во многих случаях стихи Кондратьева узнаются «по почерку». Как мало кто другой в русской поэзии, он приблизил к нам дух и ценности эллинской и славянской древности. В его стихах встречаются образцы звукописи — той осознанной фонетики, которая несет тонкие обертоны смысла. Некоторые его лирические стихотворения звучат как гимны источнику человечности. В религиозной лирике он вдохновляется благоговением, в пейзажной — он полон любви к зримому миру. Его эпические стихотворения из сборника «Славянские боги»— своего рода филологические исследования в форме сонета, но прежде всего это произведения художника слова.

Эмигрантская поэзия дала значительно больше, чем от нее ожидали, и больше, чем она сама предполагала создать. Игорь Северянин покинул Россию в 1918 г. В год перед отъездом его известность была исключительной, но даже те, кого его стихи поражали дерзостью и новаторством, вряд ли могли предположить, что этот «король поэзии» (избрание состоялось в феврале 1918 г. в Поли-

техническом музее) в будущем действительно вырастет в большого поэта. Его стихи печатались во многих эмигрантских газетах и журналах — от парижских «Чисел» до харбинского «Рубежа». В эмиграции вышло более 20 книг (стихотворений и переводов поэта). Муза Северянина стала естественнее, просветленнее, сохранив жизнерадостность и влюбленность в прекрасное. Одна из ведущих тем его лирики эмигрантского периода — Россия, «неподражаемой России незаменимая земля».

Арсений Несмелов — единственный поэт в нашей антологии, представляющий литературу русского Китая. Чтобы составить хотя бы общее понятие об интенсивности культурной жизни в дальневосточной эмиграции, достаточно принять во внимание, что в Китае до 1949 г. жило около миллиона выходцев из России, что в 20 — 40-е годы ими издавалось около 300 газет и журналов. Из Парижа дальневосточная литература виделась заштатной, провинциальной. «Но именно этой оторванности от центра,— писал Валерий Перелешин,— дальневосточная литература обязана своим своеобразием». Особой популярностью среди русских харбинцев пользовались стихи Николая Гумилева, и у поэтов-дальневосточников, не исключая Несмелова, мы находим отзвук гумилевского творчества.

Как в русском Париже, так и в русском Китае, акмеизм, созданный Гумилевым, нашел не только продолжателей и подражателей, но и обрел новую жизнь. Акмеистической поэтикой во многом определяется и характер стихотворений А. Несмелова, темы которых многообразны: собственно, каждое стихотворение — «тематическое». Но за какую бы тему он ни брался, стихи его окрашены лиризмом романтической мужественности:

Иногда я думаю о том,
На сто лет вперед перелетая,
Как, раскрыв многоречивый том
«Наша эмиграция в Китае»,
О судьбе изгнанников печальной
Юноша задумается дальний...

. . . .

И, не бывший в яростном бою,
Не ступавший той стезей неверной,
Он усмешкой встретит речь мою
Недоверчиво-высокомерной.

В этих строфах мы улавливаем эхо гумилевского творчества, однако его стихи живы подлинностью индивидуального опыта и искренностью переживаний. О чем бы ни

писал Несмелов — весь он в земном, его небесное — эмоционально и чуть-чуть риторично.

Для Вячеслава Иванова, старейшего из поэтов, включенных в «Ковчег», назначение поэзии — не столько в душевных переживаниях, сколько в поиске духовного откровения. Стихотворения Вяч. Иванова преимущественно надэмоциональны, ибо сам процесс поэтического творчества у него нацелен на спокойное созерцание вневременного бытия. Когда он пишет о римском городском пейзаже или о загородной природе, он видит сквозь нее знаки высшей реальности:

Как иа тусклом стройны, строги
Кипарисов темных иглы!
Миится: клинописью боги
Начертали эти сиглы
На челе страиы счастливой,
И встают иад мглой тумаиной,
Над оливой дымиоткаиной
Зиаки тайиы молчаливой.

Еще в начале столетия за Вяч. Ивановым утвердилась репутация вождя символизма; верным основным заветам этой школы поэт остался и в эмиграции. О нем писал Георгий Иванов: «Всем своим обликом он как бы «символизировал» русский символизм». Поклонников его эзотерической поэзии в эмиграции было немного. Да и сам Вяч. Иванов держался от эмиграции в стороне, впервые выступив со стихами в русской зарубежной печати лишь в середине 30-х годов. Но само его присутствие в эмиграции воспринималось как живое свидетельство о серебряном веке, непрерванность традиций которого поэзия зарубежья справедливо вменяла себе в заслугу.

Щедрое наследие, оставленное поэзией первой эмиграции, убеждает, что заслуги ее не исчерпываются только лишь передачей традиции. Верная духовным заветам России, эта поэзия искала новых тем и новых слов, но обрела нечто большее — «новый трепет». Она создавала атмосферу, в которой зазвучали новые голоса, утверждавшие торжество личности над обезличиванием. Она говорила от имени России раскрепощенной и поэтому смогла дать намного больше, чем от нее ожидали.

Вадим Крейд

Георгий Адамович
1894-1972

* * *

Без отдыха дни и недели,
Недели и дни без труда.
На синее небо глядели,
Влюблялись... И то не всегда.

И только. Но брезжил над нами
Какой-то божественный свет,
Какое-то легкое пламя,
Которому имени нет.

* * *

Холодно. Низкие кручи
Полуокутал туман.
Тянутся белые тучи
Из-за безмолвных полян.

Тихо. Пустая телега
Изредка продребезжит.
Полное близкого снега,
Небо недвижно висит.

Господи, и умирая,
Через полвека едва ль
Этого мертвого края,
Этого мерзлого рая
Я позабуду печаль.

* * *

Как холодно в поле, как голо,
И как безотрадны очам
Убогие русские села
(Особенно по вечерам).

Изба под березой. Болото.
По черным откосам ручьи.
Невесело жить здесь, но кто-то
Мне точно твердит — поживи!

Недели, и зимы, и годы,
Чтоб выплакать слезы тебе
И выучиться у природы
Ее безразличью к судьбе.

* * *

Нет, ты не говори: поэзия — мечта,
Где мысль ленивая игрой перевита,

И где пленяет нас и дышит легкий гений
Быстротекущих снов и нежных утешений.

Нет, долго думай ты и долго ты живи,
Плачь, и земную грусть, и отблески любви,

Дни хмурые, утра, тяжелое похмелье —
Все в сердце береги, как медленное зелье,

И, может, к старости тебе настанет срок
Пять-шесть произнести как бы случайных строк,

Чтоб их в полубреду потом твердил влюбленный,
Растерянно шептал на казнь приговоренный,

И чтобы музыкой глухой они прошли
По странам и морям тоскующей земли.

* * *

По широким мостам... Но ведь мы все равно не успеем,
Этот ветер мешает, ведь мы заблудились в пути,
По безлюдным мостам, по широким и черным аллеям
Добежать хоть к рассвету, и остановить, и спасти.

Просыпаясь, дымит и вздыхает тревожно столица.
Окна призрачно светятся. Стынет дыханье в груди.
Отчего мне так страшно? Иль, может быть, все это снится,
Ничего нет в прошедшем и нет ничего впереди?

Море близко. Светает. Шаги уже меряют где-то.
Будто скошены ноги, я больше бежать не могу.
О, еще б хоть минуту! Но щелкнул курок пистолета.
Не могу... все потеряно... Темная кровь на снегу.

Тишина, тишина. Поднимается солнце. Ни слова.
Тридцать градусов холода. Тускло сияет гранит.
И под черным вуалем у гроба стоит Гончарова,
Улыбается жалко и вдаль равнодушно глядит.

* * *

Еще переменится все в этой жизии,— о, да!
Еще успокоимся мы, о былом забывая.
Бывают минуты предчувствий. Не зиаешь когда.
На улице, дома, в гостях, на площадке трамвая.

Как будто какое-то солнце над намн встает,
Как будто над нами последиее облако тает,
И где-то за далью почти уж раскрытых ворот
Один только свет бескоиечный н белый сияет.

* * *

Ни с кем не говори. Не пей вииа.
Оставь свой дом. Оставь жеиу н брата.
Оставь людей. Твоя душа должиа
Почувствовать — к былому нет возврата.

Былое надо разлюбнть. Потом
Настаиет время разлюбить природу,
И быть все безразличией,— деиь за дием,
Неделю за неделей, год от году.

И медленно умрут твои мечты.
И будет тьма кругом. И в жизни новой
Отчетлнво тогда увидишь ты
Крест деревянный и венок терновый.

* * *

З. Г.

Там, где-инбудь, когда-нибудь,
У склона гор, на берегу реки,
Или за дребезжащею телегой,
Бредя привычио под косым дождем,
Под инзким, белым, бесконечным иебом,
Иль миого позже, много, миого дальше,
Не знаю что, ие понимаю как,
Но где-ннбудь, когда-нибудь, иаверно...

* * *

Под веткамн сирени сгнившей,
Не слыша лести и обид,
Всему далекий, все забывшнй,
Он, накоиец, спокойно спит.

Пустынно тихое кладбище,
Простореи тихий иебосклои,
И воздух с каждым дием все чище,
И с каждым дием все глубже сон.

А ты, заботливой рукою
Сюда принесшая цветы,
Зачем кощунственной мечтою
Себя обманываешь ты?

* * *

(У дремлющей парки в руках,
Где пряжи осталось так мало...)
Нет, разум еще не зачах,
Но сердце... но сердце устало.

Беспомощно хочет любить,
Бессмысленно хочет забыться
(...И длится тончайшая нить,
Которой не надо бы длиться).

* * *

Что там было? Ширь закатов блеклых,
Золоченых шпилей легкий взлет,
Ледяные розаны на стеклах,
Лед на улицах и в душах лед.

Разговоры будто бы в могилах,
Тишина, которой не смутить...
Десять лет прошло, и мы не в силах
Этого ни вспомнить, ни забыть.

Тысяча пройдет, не повторится,
Не вернется это никогда.
На земле была одна столица,
Все другое — просто города.

* * *

Всю ночь слова перебираю,
Найти ни слова не могу,
В изнеможенье засыпаю
И вижу реку всю в снегу,
Весь город наш, навек единый,
Край неба бледно-райски-синий,
И на деревьях райский иней...

Друзья! Слабеет в сердце свет,
А к Петербургу рифмы нет.

* * *

Патрон за стойкою глядит привычно, сонно,
Гарсон у столика подводит блюдцам счет.
Настойчиво, назойливо, неугомонно
Одно с другим — огонь и дым — борьбу ведет.

Не для любви любить, не от внна быть пьяным.
Что знает человек, который сам не свой?
Он усмехается иад допитым стакаиом,
Он что-то говорнт, качая головой.

За все, что не сбылось. За трндцать лет разлуки,
За вечер у огия, за рукн иа плече.
Еще, за ангела... н те, иные звуки...
Летел, полуночью... за небо, вообще!

Ои проиграл нгру, он за нее ответил.
Пора н по домам. Надежды никакой.
— И беспощадно бел, иеумолимо светел
День занимается в полоске ледяной.

* * *

За слово, что помнил когда-то
И после навеки забыл,
За все, что в сгораньях заката
Искал ты н не находил.

И за безысходность мечтанья,
И холод растущий в груди,
И медлеииое умираиье
Без всяких надежд впередн,

За белое имя спасенья,
За темиое имя любви
Прощаются все прегрешенья
И все преступленья твои.

* * *

«О, если где-нибудь, в струящемся эфнре,
В надзвездиой вышине,
В невероятной тьме, в невероятном мире,
Ты все же внемлешь мне,

То хоть бы только раз...»
Но длилось промедленье,
И, все слабей дыша,
От одииочества н от недоуменья
Здесь умерла душа.

* * *

Ну, вот н кончено теперь. Конец.
Как в мелодраме, грубо н уныло.
А ведь из человеческих сердец
Таких, мне кажется, иемного было.

Но что ему мерещилось? О чем
Ои вспоминал, поверя сиу пустому?
Как на большой дороге, под дождем,
Под ледеиящим ветром, к дому, к дому.

Ну, вот и дома. Узнаешь? Конец.
Все ясно. Остановка, окончанье.
А ведь из человеческих сердец...
И это обманувшее сиянье!

* * *

Невыносимы становятся сумерки,
Невыносимые вечера...
Где вы, мои опоздавшие спутники?
Где вы, друзья? Отзовитесь. Пора.

Без колебаний, навстречу опасности,
— Без колебаний и забытья,—
Под угасающим факелом «ясности»,
Будто на праздник пойдем, друзья!

Под угасающим факелом «нежности»,
— Только бы раньше не онеметь,—
С полным сознанием безнадежности,
С полной готовностью умереть.

* * *

«Граф фон-дер Пален».— Руки на плечах.
Глаза в глаза, рот иссиня-бескровный.—
«Как самому себе. Да сгинет страх.
Граф фон-дер Пален. Верю безусловно!»

Все можно искупить: ложь, воровство,
Детоубийство и кровосмешенье,
Но ничего на свете, ничего
На свете нет для искупления

Измены.

* * *

Если дни мои, милостью Бога,
На земле могут быть продлены,
Мне прожить бы хотелось немного,
Хоть бы только до этой весны.

Я хочу написать завещанье.
Срок исполнился, все свершено:
Прах — искусство. Есть только страданье,
И дается в награду оно.

От всего отрекаюсь. Ни звука
О другом не скажу я вовек.
Все постыло. Все мерзость и скука.
Нищ и темен душой человек.

И когда бы не это сиянье,
Как могли б не сойти мы с ума?
Брат мой, друг мой, не бойся страданья,
Как боялся всю жизнь его я...

* * *

Твоих озер, Норвегия, твоих лесов...
И оборвалась речь сама собою.
На камне женщина поет без слов,
Над нею небо льдисто-голубое.

О верности, терпении, любви,
О всех оставленных, о всех усталых...
(Я здесь, я близко, вспомни, назови!)
Сияет снег на озаренных скалах,

Сияют сосны красные в снегу.
Сон недоснившийся, неясный, о котором
Иначе рассказать я не могу...

Твоим лесам, Норвегия, твоим озерам.

* * *

Пора печали, юность — вечный бред.

Лишь растеряв по свету всех друзей,
Едва дыша, без денег и любви,
И больше ни на что уж не надеясь,
Он понял, как прекрасна наша жизнь,
Какое торжество и счастье — жизнь,
За каждый час ее благодарит
И робко умоляет о прощеньи
За прежний ропот дерзкий...

* * *

Был дом, как пещера. О, дай же мне вспомнить
Одно только имя, очнуться, понять!
Над соснами тучи редели. У дома
Никто на порог нас не вышел встречать.

Мужчины с охоты вернулись. Звенели
И перекликались протяжно рога.
Как лен, были волосы над колыбелью,
И ночь надвигалась, темна и долга.

Откуда виденье? О чем этот ветер?
Я в призрачном мире сбиваюсь с пути.
Безмолвие, лес, одиночество, верность...
Но слова единственного не найти.

Был дом, как пещера. И слабые, зимние,
Зеленые звезды. И сиег, и покой,
Коиец, навсегда. Обрывается линия.
Поэзия, жизнь, я прощаюсь с тобой!

* * *

Из голубого океана,
Которого на свете нет,
Из-за глубокого тумаиа
Обмаичиво-глубокий свет.

Из голубого океаиа,
Из голубого корабля,
Из голубого обещанья,
Из голубого... la-la-la...

Голубизна, исчезновенье,
И невозможный смысл вещей,
Которые приносят в пенье
Всю глубь бессмыслицы своей.

* * *

Когда мы в Россию вериемся... о, Гамлет восточиый, когда? —
Пешком, по размытым дорогам, в стоградусные холода,
Без всяких коией и триумфов, без всяких там кликов, пешком,
Но только наверное знать бы, что вовремя мы добредем...

Больница. Когда мы в Россию... колышется счастье в бреду,
Как будто «Коль славен» играют в каком-то приморском саду,
Как будто сквозь белые стены, в морозной предутренней мгле
Колышатся тонкие свечи в морозиом и спящем Кремле.

Когда мы... довольно, довольно. Он болен, измучен и наг.
Над нами трехцветиым позором полощется иищенский флаг,

И слишком здесь пахиет эфиром, и душно, и слишком тепло.
Когда мы в Россию вернемся... но снегом ее замело.

Пора собираться. Светает. Пора бы и двигаться в путь.
Две медных монеты навеки. Скрещенные руки на грудь.

* * *

Чрез миллионы лет — о, хоть в эфирных волнах! —
Хоть раз — о, это все равио! —
Померкшие черты среди теней безмолвных
Узнать мие будет суждено.

И как мне хочется — о, хоть бессильной теиью! —
Без упоения н мук,
Хоть только бы прильнуть — о, только к отражеиью! —
Твоих давно истлевшнх рук.

И чтоб иад всем, что здесь не понял ум беспечиый,
Там разгорелся наконец
Огромиый и простой, торжествеиный и вечный
Свет от слияиья двух сердец.

* * *

Тянет сыростью от островов,
Треплет ветер флаг на пароходе,
И глаза твои, как две лагуны,
Отражают розовое иебо.

Мнмолетный друг, ведь все обмаи,
Бога нет и в мире нет закона,
Если может быть, что навсегда
Ты меия оставишь. Не услышишь
Голоса зовущего. Не вспомнишь
Этот летний вечер...

* * *

Рассвет и дождь. В саду густой тумаи,
Ненужные на окнах свечи,
Раскрытый и забытый чемодан.
Чуть вздрагивающие плечн.

Ни слова о себе, ни слова о былом.
Какие мелочи — все то, что с нами было!
Как грустно одиночество вдвоем...
— И солнце, накоиец, косым лучом
Прядь серебристую позолотило.

* * *

Он говорил: «Я ие люблю прнроды,
Я иаучу вас не любнть ее.
И лес, и море, и отроги скал
Однообразны и унылы. Тот,
Кто в них одиажды прнстально вглядится,
От книги больше не поднимет глаз.

Один лишь раз, когда-то в сентябре,
Над темиою, рябой и бедной речкой,
Над призрачиыми куполами Пскова,
Увидел мимоходом я закат,
Который мне иапомнил отдалеиио
Искусство человека...»

* * *

...может **быть** залог.
Пушкин

«О, если правда, что в ночи...»
Не правда. Не читай, не надо.
Все лучше: жалобы твои,
Слез ежедневные ручьи,
Чем эта лживая услада.

Но если... о, тогда молчи!
Еще не время, рано, рано.
Как голос из-за океана,
Как зов, как молния в ночи,
Как в подземельи свет свечи,
Как избавление от бреда,
Как исцеленье... видит Бог,
Он сам всего сказать не мог,
Он сам в сомненьях изнемог...
Тогда бессмер... молчи! ... победа,
Ну, как там у него? «залог».

* * *

Один сказал: «Нам этой жизни мало»,
Другой сказал: «Недостижима цель».
А женщина привычно и устало,
Не слушая, качала колыбель.

И стертые веревки так скрипели,
Так умолкали — каждый раз нежней! —
Как будто ангелы ей с неба пели
И о любви беседовали с ней.

* * *

Ничего не забываю,
Ничего не предаю...
Тень несозданных созданий
По наследию храню.

Как иголкой в сердце, снова
Голос вещий услыхать,
С полувзгляда, с полуслова
Друга в недруге узнать,

Будто там, за далью дымной,
Сорок, тридцать,— сколько? — лет
Длится тот же слабый, зимний
Фиолетовый рассвет,

И, как прежде, с прежней силой,
В той же звонкой тишине
Возникает призрак милый
На эмалевой стене.

* * *

Ни срезанных цветов, ни дыма панихиды.
Не умирают люди от обиды
И не перестают любить.

В окне чуть брезжит день, и надо снова жить.

Но если, о мой друг, одной прямой дороги
Весь мир пересекла бы нить,
И должен был бы я, стерев до крови ноги,
Брести века по ледяным камням,
И коченея, где-то там,
Коснуться рук твоих безмолвно и устало,
И все опять забыть, и путь начать сначала,
Ужель ты думаешь, любовь моя,
Что не пошел бы я?

* * *

Есть, несомненно, странные слова,
Не измышленья это и не бредни.
Мне делается холодно, едва
Услышу слово я «последний».

Последний час. Какой огромный сад!
Последний вечер. О, какое пламя!
Как тополя зловеще шелестят
Прозрачно-черными ветвями...

* * *

За все, за все спасибо. За войну,
За революцию и за изгнанье.
За равнодушно-светлую страну,
Где мы теперь «влачим существованье».

Нет доли сладостней — все потерять.
Нет радостней судьбы — скитальцем стать,
И никогда ты к небу не был ближе,
Чем здесь, устав скучать,
Устав дышать,
Без сил, без денег,
Без любви,
В Париже...

* * *

Когда успокоится город
И смолкнет назойливый гам,
Один выхожу я из дому,
В двенадцать часов по ночам.

Под чериым, иевидимым небом,
По тоикому первому льду,
Не встретив нигде человека,
Не помня дороги, иду.

И вижу широкую реку,
И темиую тень на коие,
И то, что забыла Россия,
Тогда вспомииается мие.

Но спит иепробудио столица,
Не светит иа иебе луиа.
Не бьют барабаиы. Из гроба
Никто ие встает. Тншина.

Лишь с воем летя от залива
И будто колебля граиит,
Сухой и порывистый ветер
Мне ноги сиежком порошнт.

* * *

Куртку потертую с беличьим мехом
Как мне забыть?
Голос ленивый иебесиым ли эхом
Мие заглушить?

Ночью иастойчиво бьется иеиастье
В шаткую дверь,
Гасит свечу... Мое бедиое счастье,
Где ты теперь?

Имя тебе непонятное дали.
Ты — забытье.
Или, точиее, циаиистый калий —
Имя твое.

* * *

Летит паровоз, клубнтся дым.
Под иим сиег, небо над ннм.

По стороиам — лишь сосны в ряд,
Одна за другой в снегу стоят.

В вагоне полутемио и тепло.
Запах эфнра донесло.

Два слабых голоса, два лица.
Воспомииаиьям иет конца!

«Милый, куда ты, в такую рань?»
Поезд останавливается. Любань.

«Ты ждал трн года, остался час,
Она на вокзале н встретит нас».

Два слабых голоса, два лнца.
Нет на свете надеждам конца...

Но вдруг на вздрагивающее полотно
Настежь дверь н настежь окно.

«Нет, не доеду я ннкуда,
Нет, я не увижу ее ннкогда!

О, как мне холодно! Прощай, прощай!
Надо мной вечный свет, надо мной вечный рай».

* * *

Ложится на рассвете легкий снег.
И медленно редеют острова,
И холодеет небо... Но хочу
Теперь я говорнть слова такие,
Чтоб нежностью наполнился весь мир,
И долго, долго эхом безутешным
Мон стихи носились бы... Хочу,
Чтоб через тысячи глухих веков,
Когда под крепким льдом уснет, быть может,
Наш опустелый край, в нной стране,
Иной влюбленный, тихо проходя,
Над розовым, огромным, теплым морем
И глядя на закат, вдруг повторил
Твое двусложное, простое нмя,
Пронзнося его с трудом...
                                        И сразу,
Бледнее неба, был бы он охвачен
Мучнтельным н непонятным счастьем,
И полной безнадежностью, н чувством
Бессмертня земной любвн.

* * *

Навеки блаженство нам Бог обещает!
Навек, я с тобою! — несется в ответ.
Но гибнет надежда. И страсть умнрает.
Нн Бога, ни счастья, ни вечности нет.

А есть облака на высоком просторе,
Пустынные скалы, сняющий лед,
И то без названья... ни скука, нн горе...
Что с нами до самого гроба дойдет.

* * *

Наперекор бессмысленным законам,
Наперекор неправедной судьбе
Передаю навек я всем влюбленным
Мое воспоминанье о тебе.

Оно, как ветер, прошумит над ними,
Оно протянет между ними нить,
И никому не ведомое имя
Воскреснет в нем и будет вечно жить.

О, ангел мой, холодную заботу,
Сочувствие без страсти и огня
Как бы по ростовщическому счету
Бессмертием оплачиваю я.

* * *

Тихим, темным, бесконечно-звездным,
Нет ему ни имени, ни слов,
Голосом небесным и морозным
Из-за бесконечных облаков,
Из-за бесконечного эфира,
Из-за всех созвездий и орбит,
Легким голосом иного мира
Смерть со мной все время говорит.

Я живу, как все: пишу, читаю,
Соблюдаю суету сует...
Но, прислушиваясь, умираю
Голосу любимому в ответ.

* * *

Стихам своим я знаю цену.
Мне жаль их, только и всего.
Но ощущаю как измену
Иных поэзий торжество.

Сквозь умаленья, повторенья,
Без красок и почти без слов,
Одно, единое виденье,
Как месяц из-за облаков,

То промелькнет, то исчезает,
То затуманится слегка,—
И тихим светом озаряет,
И непреложно примиряет
С беспомощностью языка.

* * *

Да, да... я презираю нервы,
Истерику, упреки, все.
Наш мир — широкий, щедрый верный,
Как небеса, как бытие.

Я презираю слезы,— слышишь?
Бесчувственный я, так н знай!
Скажи, что хочешь... тише, тише...
Нет, нмеии ие называй.

Не изывай его... а впрочем,
Все выдохлось за столько лет.
Воспомнианья? Клочья, клочья.
Надежды? Их и вовсе иет.

Не бойся, я сильней другого,
Что хочешь говорн... да, да!
Но только нет, ие это слово
Немыслнмое:
                    инкогда.

* * *

Он милостыии просит у тебя
Он — нищнй, он протягивает руку.
Улыбкой, взглядом, молча, не любя
Ответь хоть чем-ннбудь на эту муку.

А впрочем, в муке н блаженство есть.
Ты не поймешь. Блаженство униженья,
Слов сгоряча, ночей без сна, Бог весть
Чего... Блажеиство утра н прощенья.

* * *

Ночь... н к чему говорить о любвн?
Кончеиы розы и соловьн,

Звезды ие светят, леса не шумят,
Непоправимое... пятьдесят.

С розами, значит, нли без роз,
Ночь,— н «о жизни покоичен вопрос».

...И оттого еще более иочь,
Друг, ие способиый любнть и помочь,

Друг моих сиов, моего забытья,
Счастье мое, безиадежность моя,

Розовый идол, персндскнй фазан,
Птица, зарннца... ну, что же, я пьяи,

Друг мой, ну что же, так сходят с ума,
И оттого еще более тьма,

И оттого еще глуше в ночи,
Что от немеркнущей, вечной свечи,

— Если сознание, то в глубине,
Если душа, то на самом дне,—

Луч беспощадный врезается в тьму:
Жить, умирать — все равно одному.

* * *

В последний раз... Не может быть сомненья,
Это случается в последний раз,
Это награда за долготерпенье,
Которым жизнь испытывала нас.

Запомни же, как над тобой в апреле
Небо светилось всею синевой,
Солнце сияло, как в ушах звенели
Арфы, сирены, соловьи, прибой.

Запомни все: обиды, безучастье,
Ночь напролет,— уйти, увидеть, ждать? —
Чтоб там, где спросят, что такое счастье,
Как в школе руку первому поднять.

* * *

Приглядываясь осторожно
К подробностям небытия,
Отстаивая, сколько можно,
Свое, как говорится, «я»,

Надеясь, недоумевая,
Отбрасывая на ходу
«Проблему зла», «проблему рая»,
Или другую ерунду,

Он верит, верит... Но не будем
Сбиваться, повышая тон.
Не объяснить словами людям,
В чем и без слов уверен он.

Над ним есть небо голубое,
Та бесконечность, вечность та,
Где с вялой дремой о покое
О жизни смешана мечта.

* * *

Остров был дальше, чем нам показалось.
Зеркало озера, призрачный снег,
С неба снежинки... ну самая малость...
Лишь обещаньем заоблачных нег.

С неба снежинки... а впрочем, какому
Летом и снегу небесному быть?
В памяти только... сквозь сонную дрему...
Воображение... к ниточке нить.

Остров и снег. Не в России, а где-то,
Близко глядеть, а грести — далеко.
Было слепое и белое лето,
Небо, как выцветшее молоко.

Что ж, вспоминай, это все, что осталось,
И утешения лучшего нет.
С неба снежинки, сомнения, жалость,
За морем где-то, за тысячи лет.

* * *

Был вечер на пятой неделе
Поста. Было больно в груди.
Все жилы тянулись, болели,
Предчувствуя жизнь впереди.

Был зов золотых колоколен,
Был в воздухе звон, а с Невы
Был ветер весенен и волен,
И шляпу срывал с головы.

И вот, на глухом перекрестке
Был незабываемый взгляд,
Короткий, как молния, жесткий,
Сухой, будто кольта разряд,

Огромный, как небо, и синий,
Как небо... Вот, кажется, все.
Ни красок, ни зданий, ни линий,
Но мертвое сердце мое.

Мне было шестнадцать, едва ли
Семнадцать... Вот, кажется, все.
Ни оторопи, ни печали,
Но мертвое сердце мое.

Есть память, есть доля скитальцев,
Есть книги, стихи, суета,
А жизнь... жизнь прошла между пальцев
На пятой неделе поста.

* * *

Я не тебя любил, но солнце, свет,
Но треск цикад, но голубое море.
Я то любил, чего и следу нет
В тебе. Я на немыслимом просторе

Любил. Я солнечную благодать
Любил. Что знаешь ты об этом?
Что можешь рассказать
Ветрам, просторам, молииям, кометам?

Да, у меня кружилась голова
От неба, от любви, от этой рощи
Оливковой... Ну да, слова.
Ну да, лнтература... Надо проще.

Был сад во тьме, был ветерок с высот,
Две-три звезды,— что ж ие простого в этом?
Был голос вдалеке: «Нет, только тот,
Кто зиал...» — мие одному ответом.

И даже ночь с Чайковскнм заодно
В своем безмолвии предвечиом пела
О том, что все обречено,
О том, что иет ии для чего предела.

«Нет, только тот...» Поймн, я ие могу
Ясией сказать, последним сиам ие вторя,
Я отплываю, я на берегу
Ииого, не земиого моря.

Я ие тебя любил. Но если там,
Где все кончается, все возиикает,
Ты к иовым мукам, новым небесам
Покорно, медлеино... нет, ие бывает...

Но еслн все-таки... не будет, ложь...
От одного к другому воплощенью
Ты предо мной когда-нибудь пройдешь
Неузиаваемой, ужасной тенью,

Из глубины веков я вскрнкну: да!
Чрез мнллионы лет, но как сегодня,
Как солице вечиости, о, навсегда,
Всей жизнью н всей смертью — помню!

* * *

Светало. Сиделка вздохнула. Потом
Себя осеннла небрежным крестом
И отложила ненужиые спицы.
Прошел корндориый с дежурным врачом.
Покойиика вынесли из больиицы.

А я в это время в карты играл,
Какой-ннбудь вздор по привычке читал,
И даже ие встал. Ничего ие расслышал,
На голос из-зá моря звавший не вышел,
Не зиая куда, без оглядкн, навек...

А вот, еще говорят — «человек»!

* * *

Sulmo mihi patria est...
Овидий

Нам Tristia — давно родное слово.
Начну ж, как тот: я родился в Москве.
Чуть брезжил день последнего, Второго,
В апрельской предрассветной синеве.

Я помнить не могу, но помню, помню
Коронационные колокола.
Вся в белом, шелестящем,— как сегодня! —
Мать улыбаясь в детскую вошла.

Куда, куда? — мы недоумеваем.
Какой-то звон, сиянье, пустота...
Есть меж младенчеством и раем
Почти неизгладимая черта.

Но не о том рассказ...

* * *

Ни музыки, ни мысли... ничего.
Тебе давно чистописанья мало,
Тебе давно игрой унылой стало,
Что для других — и путь, и торжество.

Но навсегда вплелся в напев твой сонный,—
Ты знаешь сам,— вошел в слова твои,
Бог весть откуда, голос приглушенный,
Быть может, смерти, может быть, любви.

* * *

Но смерть была смертью. А ночь над холмом
Светилась каким-то нездешним огнем,
И разбежавшиеся ученики
Дышать не могли от стыда и тоски.

А после... Прозрачную тень увидал
Один. Будто имя свое услыхал
Другой... И почти уж две тысячи лет
Стоит над землею немеркнущий свет.

* * *

Слушай — и в смутных догадках не лги.
Ночь настает, и какая: ни зги!

Надо безропотно встретить ее,
Как ни сжималось бы сердце твое.

Слушай себя, но не слушай людей.
Музыка мира все глуше, бедней.

Космос, полеты, восторги, война,—
Жизнь, говорят, измениться должна.

(Да, это так... Но не поняли вы:
«Тише воды, ниже травы»).

* * *

Ночью он плакал. О чем, все равно.
Многое спутано, затаено.

Ночью он плакал, и тихо над ним
Жизни сгоревшей развеялся дым.

Утром другие приходят слова,
Перебираю, что помню едва.

Ночью он плакал. И брезжил в ответ
Слабый, далекий, а все-таки свет.

Пять восьмистиший

1

Ночь... в первый раз сказал же кто-то — ночь!
Ночь, камень, снег... как первобытный гений.
Тебе, последыш, это уж невмочь.
Ты раб картинности и украшений.

Найти слова, которых в мире нет,
Быть безразличным к образу и краске,
Чтоб вспыхнул белый, безначальный свет,
А не фонарик на грошовом масле.

2

Нет, в юности не все ты разгадал.
Шла за главой глава, за фразой фраза,
И книгу жизни ты перелистал,
Чуть-чуть дивясь бессмыслице рассказа.

Благословенны ж будьте вечера,
Когда с последними строками чтенья
Все, все твердит — «пора, мой друг, пора»,
Но втайне обещает продолженье.

3

Окно, рассвет... Едва видны, как тени,
Два стула, книги, полка на стене.
Проснулся ль я? Иль неземной сирени
Мне свежесть чудится еще во сне?

Иль это сквозь могильную разлуку,
Сквозь тускло-дымчатые облака
Мне тень твоя протягивает руку
И улыбается издалека?

4

Что за жизнь! Никчемные затеи,
Скука споров, скука вечеров.
Только по ночам, и все яснее,
Тихий, вкрадчивый, блаженный зов.

Не ищи другого новоселья.
Там найдешь ты истину и дом,
Где пустует, где тоскует келья
О забывчивом жильце своем.

5

«Понять-простить». Есть недоступность чуда,
Есть мука, есть сомнение в ответ.
Ночь, шепот, факел, поцелуй... Иуда.
Нет имени темней. Прощенья нет.

Но, может быть, в тоске о человеке,
В смятеньи, в спешке все договорить
Он миру завещал в ту ночь навеки
Последний свой закон: «понять-простить».

* * *

Там солнца не будет... Мерцанье
Каких-то лучей во мгле,
Последнее напоминанье
О жизни и о земле.

Там солнца не будет... Но что-то
Заставит забыть о нем,
Сначала полудремота,
Полупробужденье потом.

Там ждет нас в дали туманной
Покой, мир, торжество,
Там Вронский встретится с Анной,
И Анна простит его.

Последние примиренья,
Последние разъясненья
Судеб неведомых нам.

Не знаю... как будто храм
Немыслимо-совершенный,
Где век начнется нетленный,
Как знать? быть может, блаженный...

Но солнца не будет там.

Памяти М. Ц.

Поговорить бы хоть теперь, МариAа!
При жизни не пришлось. Теперь вас нет.
Но слышится мне голос лебединый,
Как вестник торжества и вестник бед.

При жизни ие пришлось. Не я виною.
Литература — приглашеиье в ад,
Куда я радостно входил, не скрою,
Откуда никому — путей иазад.

Не я виной. Как много в мире боли.
Но ведь и вас я не виню ни в чем.
Все — по случайности, все — по иеволе.
Как чудио жить. Как плохо мы живем.

На чужую тему

Так бывает: ни сна, ни забвения,
Тени близкие бродят во мгле,
Спорь, не спорь, никакого сомнения,
«Смерть и время царят на земле».

Смерть и время. Добавим: страдание,
...Ну а к утру, без повода, вдруг,
Счастьем горестным существования
Тихо светится что-то вокруг.

Дон Аминадо
1888-1957

Don Aminado (A. Spoliansky)
1920-1957

В театре

Есть блаженное слово — провинцня...
Кто не ведал из русскнх актрнс
Этот трепет, тоску, замнранне
Во блнстательном мраке кулис!..

Темный зал, как пучнна огромная,
Только зыбкие рампы огнн.
Пой, взлетай, о, душа многострунная,
Оборвись, как струна, но звенн!..

Облети эти ярусы темные,
В них простые томятся сердца.
Вознесн, погрузн их в безумие
И кружн, и кружн без конца!..

Дай нспить им отравы сладчайшей,
И, когда обессилевшн, ннц
Упадешь на подмостки неверные
Хрупкой тяжестью раненых птиц,

Дрогнет зал ослепнтельной бурею
И отдаст и восторг, и любовь
За твою небылнцу чудесную,
За твою бутафорскую кровь!..

Старая Англия

Веселое пламя, шипенье полен.
Надежные, крепкие рамы.
Темнея от времени, смотрят со стен
Какие-то гордые дамы.

В поблекших, тугих н тяжелых шелках,
В улыбке лица воскового
И в этих надменных, седых париках
Есть нежность, уже обращенная в прах,
Суровая нежность былого.

Но весело, ярко пылает камин,
А чайннк поет и клокочет,
Клокочет, как будто он в доме один
И делает все, что захочет.

А черный, огромный н бархатный кот,
С пленительным именем Томми,
Считает, что нменно он — это тот,
Кто главным является в доме.

И думает, щурясь от блеска огня
На ярко начищенной меди:
Хотел бы я видеть, как вместо меня
Тебя бы погладила леди!..

И Томмн, пожалуй, действительно прав.
Недаром же чайннк имеет
Такой сумасшедший н бешеный нрав,
Что леди и думать не смеет

Своею божественно дивной рукой
Коснуться до крышки горячей...
И, явно утешенный мыслью такой,
Опять погружается Томмн в покой,
Глубокий, ленивый, кошачнй.

За окнами стужн, туманы, снега.
А здесь, как на старой гравюре,
Хрусталь и цветы, н оленьи рога,
И важные кресла, и блеск очага,
И лампы огонь в абажуре.

Я знаю, н это, н это пройдет,
Развеется в мире безбрежном.
И чайник кипящий, н медленный кот...
И женщина с профилем нежным.

И в том, что считается счастьем земным,
Убавится чьим-то дыханьем,
И самая память нсчезнет как дым,
И только холодным, надменным, чужим
Останется в раме блистаньем.

Но все же, покуда мы в мире пройдем,
Свой плащ беззаботно накинув,
Пускай у нас будет наш маленький дом
И доброе пламя каминов,

Пусть глупую песенку чайник поет
И паром клубится: встречай-ка!..
И встретит нас Томми, пленительный кот,
И наша н Томмн хозяйка.

Воспоминание

Утро. Станция. Знакомый
С детских лет телеграфист.
От сирени дух истомный.
Воздух нежен. Воздух чист.
В небе легкой акварели
Полутон и полудым.
Хорошо любить в апреле,
Хорошо быть молодым.
Возвращаться на побывку,
Гнать ленивца-ямщика.
Ради Бога, ткни ты сивку
В запотевшие бока!

Пахнут запахом медвяным
Бесконечные поля.
Дымом синим, паром пьяным
Испаряется земля.
Сердце бешеное бьется.
В горле сладостный комок.
А над полем вьется, вьется
Еле видимый дымок.

Вот откос знакомой крыши.
Дорогой и милый дом.
Сердце, тише! тише! тише!
— Стой... Направо... За углом...
Там, в саду, скрипят качели.
Выше! В небо! И летим...
Хорошо любить в апреле,
Хорошо быть молодым.

Как вас звали?! Катей? Олей?
Натой? Татой? Или нет?
Помню только небо, солнце,
Золотой весенний свет,
Скрип качелей, дух сирени,
Дым, плывущий над землей,
И, как двадцать вознесений,
Двадцать весен за спиной!

Из чужого окошка

На углу разворотили,
Раздробили тротуары.
Жарким варевом смолистым
Заливают щебень старый.
Весь мой тихий переулок
Полон куревом и мглою.
Но зато дышу я чистой,
Настоящею смолою...

Если сесть на подоконник
И, зажмурившись, представить,

Что кругом сплошные сосны,
То... какая красота ведь!
Вот, налево узкой лентой
Вьется быстрая речушка,
А направо лес сосновый,
А в конце его опушка.

За опушкой полустанок,
По названию Овражки,
И начальник полустанка
С красным донышком фуражки.
Пролетит курьерский поезд,
А потом пройдет товарный
С хлебом, с кожей сыромятной,
С кукурузою янтарной...

А потом наступит вечер,
И луна зеленым блеском
Заиграет над рекою,
Над сосновым перелеском,
И потянет той прохладой,
Той особенною смолью,
О которой вспоминают
С благодарностью и с болью.

А когда начнут лягушки
Квакать в маленьком болоте
И луна уступит яркость
Бледной, лунной позолоте,
Кто-то кликнет, кто-то выйдет,
Скрипнут старые ступени,
И мелькнут за полустанком
Две обнявшиеся тени...

Чоррт!.. И влезет же такое
В душу, в голову шальную!
Оттого что под окошком
Развернули мостовую,
Оттого что от асфальта,
Запах коего несносен,
Человека потянуло
На смолу каких-то сосен,
Оттого что иа минуту
Вспыхнул прежний, дивный пламень.
Оттого что человек он,
А не щебень, а не камень!

Уездная весна

Пасха. Платьице в горошину,
Легкость. Дымность. Кисея.
Допотопная провинция.
Клены. Тополи. Скамья.

Брюки серые со штрипками.
Шею сдавливает кант.

А в глазах мелькает розовый
Колыхающийся бант.

Ах, пускай уж были сказаны
Эти старые слова.
Каждый год наружу новая
Пробивается трава.

Каждый год из неба синего
Нестерпимый льется свет.
Каждый год душе загадывать,
Слышать сладостный ответ.

Для чего же в мире тополи,
Гул морей и говор птиц,
Блеск очей, всегда единственных,
Из-под ласковых ресниц?

Для чего земля чудесная
Расцветает каждый год,
Наполняя сердце нежностью,
Наливая соком плод?

Для того, чтоб в милом городе,
На классической скамье,
Целый мир предстал в пленительной,
В этой белой кисее,

В легком платьице в горошину,
В кленах, в зелени, в дыму,
В том, что снилось сердцу каждому,
Моему и твоему!

Жили-были

Если б вдруг назад отбросить
Этих лет смятенный ряд,
Зачесать умело проседь,
Оживить унылый взгляд,
Горе — горечь, горечь — бремя,
Все — веревочкой завить,
Если б можно было время
На скаку остановить,
Чтоб до боли закусило
Злое время удила,
Чтоб воскликнуть с прежней силой —
Эх была, да не была!
Да раскрыть поутру ставни,
Да увидеть под окном
То, что стало стародавней
Былью, сказочкою, сном...
Этот снег, что так синеет,
Как нигде и никогда,
От которого пьянеет
Сердце раз и навсегда.

Сииий снег, который режет,
Колет, жжет и холодит,
Этот сиег, который иежит,
Нежит, душу молодит,
Эту легкость, эту тоикость,
Несказанность этнх нег,
Хрупкость эту, эту звоикость,
Эту ломкость, этот сиег!
Если б иам да в переулки,
В переулки, в тупички,
Где когда-то жили-были,
Жили-были дурачки,
Только жили, только были,
Что хотели, ие смогли,
Говорилн, что любилн,
А сберечь не сберегли...

Ветер с пустыни

Уже стихов Экклезиаста
Я познавал сладчайшнй яд.
Уже оглядывался часто
И я, не мудрствуя, назад.

И, наливаясь, тяжелели
Давио отсчитаииые дни.
И ровиым пламеием горели
Мон вечерние огни.

И так, улыбкой многознанья,
Я встретил зарево очей,
И стаи, не ведавший касанья,
И легкость милого дыхаиья,
И взгляд открытый и ничей.

Но ты прошла, смеясь иад блеском
Моих расширеиных зрачков.
Трещал камин привычным треском.
А стук веселых каблучков

Звучал, как громы золотые,
Как злые ямбы Бомарше,
В моей смирившейся впервые
И вновь взволнованной душе.

Ах знаю, знаю: все бывало!
Но, многознанью вопреки,
Над сиией жнлкой так устало,
Так нежно вьются завнткн...

Пусть ветер, веющий с пустыни,
Камниион тешится золой.
Мы посмеемся, я над ветром,
А глупый ветер надо миой.

Города и годы

Старый Лондон пахнет ромом,
Жестью, дымом и туманом,
Но и этот запах может
Стать единственно желанным.

В страшном каменном Нью-Йорке
Пахнет жеваной резинной,
Испарением асфальта
И дыханием бензина.

Ослепительный Неаполь,
Весь пронизанный закатом,
Пахнет мулями и слизью,
Тухлой рыбой и канатом.

Город Гамбург пахнет снедью,
Лесом, бочками и жиром,
И гнетущим, вездесущим,
Знаменитым, добрым сыром.

У Варшавы запах сладкий,
И дразнящий, и несложный,
Запах сахарно-мучнистый,
Марципаново-пирожный.

А Севилья пахнет кожей,
Кипарисом и вербеной,
И прекрасной чайной розой,
Несравнимой, несравненной.

Вечных запахов Парижа
Только два. Они все те же:
Запах жареных каштанов
И фиалок запах свежий.

Есть, чем вспомнить в поздний вечер,
Когда мало жить осталось,
То, чем в жизни этой бренной
Сердце жадно надышалось!..

Но один есть в мире запах
И одна есть в мире нега:
Это русский зимний полдень,
Это русский запах снега.

Лишь его не может вспомнить
Сердце, помнящее много.
И уже толпятся тени
У последнего порога.

Голубые поезда

Каждый день уходит к морю
Голубой курьерский поезд.
Зябко кутаются в соболь
Благороднейшие леди.

Пахнет кожей несессеров,
И сигарой, и духами,
И еще щемящим чем-то,
Что не выразить стихами...

Если вы не лорд английский,
Не посол Венесуэлы,
Не владелец медных копей
В юго-западном Техасе,

Если герцогов Бульонских
Вы не косвенный потомок,
Не глава свиного треста,
Не плантатор из Таити,

Если вы не задушили
Тетку, Пиковую даму,
То чего же вы стоите,
И куда же вы суетесь?!

Ах, шестое это чувство,
Чувство рельс, колес, пространства,
То, что принято у русских
Называть манящей далью...

Замирающее чувство,
Словно вы на полустанке.
Вот придет швейцар огромный.
Страшный бас и густ, и внятен:
— Пер-рвый... Поезд... на четвертом...
Фастов... Знаменка... Казатин...

Март месяц

Оттепель. Дымка. Такси вздорожали.
Нежность какая-то. Грусть.
Двух радикалов куда-то избрали.
Поезд ограбили. Пусть.

Ноет шарманка. Рапсодия Листа.
Серб. Обезьянка в пальто.
Я вспоминаю Оливера Твиста,
Диккенса, мало ли что...

Все-таки лучшее время природы —
Это весна, господа!
Все сочиняют поэмы и оды.
Даже извозчики. Да.

Что-то весеннее грезится миру.
Бог его ведает что.
Ах если б мне итальянскую лиру...
Даже не лиру, а сто!

Признание

На минувшее взираю
Я почти с благоговеньем.
Я завидую невольно
Предыдущим поколеньям.

Было все когда-то легче,
Было все когда-то проще,
Три кита на свете были:
Русь, исправники и тещи.

У купца, у Пастухова,
Что у Каменного моста,
Все, что в мире совершалось,
Объяснялось очень просто.

Шею шарфом обмотавши,
Алкоголик и безбожник,
В наводивших страх галошах
Приходил к нему художник,

И за три рубля в неделю,
С возмущеньем непритворным,
Всю уездную Управу
Пригвождал к столбам позорным.

О, доколе, Катилина...—
Восклицал он без варьяций,
Осуждая непорядки
Городских ассенизаций.

А потом, надев намордник,
Тещу, женщину сырую,
Рисовал в ужасном виде,
Вообще, как таковую.

Ах, я знаю, все проходит,
Все есть тлен и быстротечность.
Отошла и наша теща
В пожирающую Вечность.

Но когда я меж консьержек
Заблудившись безнадежно,
Вспоминаю то, что было
И что стало невозможно,

У меня вот к этой теще,
К сатирическому устью,
Прямо, знаете ли, нежность,
Перемешанная с грустью!..

Без заглавия

Я люблю осенний дождь,
Когда он стучит по крыше,
Барабанит мне в окно
И звенит в оконной нише.
И стекает на асфальт,
А оттуда прямо в Сену,
Словом, я люблю, когда...
Это дождь по Андерсену!

Если вспомнить хорошо
Сказку юности туманной,
То у каждого ведь был
Свой солдатик оловянный.
Тот, который на заказ
Был раскрашенным на славу,
Тот, который как-то раз
Из окна упал в канаву.

Я не знаю, может быть,
Это все такая малость —
Старый, добрый Андерсен,
Наше детство, наша жалость,

Этот милый переплет
С пожелтевшими краями,
Из которого весь мир
Открывался перед нами,
Этот дивный сладкий бред
И порыв, еще неясный,
И солдатик без ноги,
Оловянный, но прекрасный!

Я не знаю, может быть,
Для сегодняшних, для новых,
Научившихся любить
Эту поступь дней суровых,
Для которых каждый миг
Только миг преодолений,
Для обветренных в боях,
В дымном порохе сражений,
Правда, может быть, для них
Чуждо все, во что когда-то
Раз уверовали мы
И доныне верим свято!

Пусть... Поделим этот мир,
Нашим чувствам сообразно.
Слава Богу, что любить
Так умеют люди разно.
Я люблю, и не горжусь,
Кур, намокших под забором,
Потому что я мирюсь
С их куриным кругозором.

Я люблю, когда земля
Пахиет влагой дождевою.
Дождь стучит в мое окио,
Круг от лампы иадо миою.
Сядешь. Вспомнишь обо всем.
Дни побед. И дни падений.
Нет! Люблю осенний дождь,
Уж за то, что ои осеиий.

Друг-читатель

Читатель желает — нн много ни мало —
Такого призыва в маиящую ширь,
Чтоб все веселило и все утешало
И мысли, н сердце, н желчный пузырь.

Допустим, какой-нибудь деятель умер.
Ну просто, ну взял н скончался, подлец...
Ему, разумеется, что ему юмор,
Когда он покойник, когда он мертвец?

А другу-читателю хочется жизии
И веры в бодрящий, в жнвой идеал.
И ты в него так это юмором брызни,
Чтоб он хоронил, ио чтоб он хохотал.

Август

Тяжкие грозди глициний,
Утро, симфоиия света.
Воздух прозрачиый и сиий,
Воздух парижского лета.

Прелые запахн тлена,
Милая сладость земиого.
Легкая, смертиая пена,
Горечь бессильиого слова.

Разве ие чуют, что ветер
С русской, бескрайиой равнины
Вихрем взметет эти розы,
Стебли, газоны, куртииы,

Стаиет в слепом сладострастье,
В страшном припадке удушья,
Рвать и топтать это счастье,
Мстить за предел равнодушья.

Лишь бы, сломав, уничтожив,
Вольно гулять по пустыие,
Сыпля иа смертное ложе
Хрупкие грозди глнцииий!..

Летняя запись

Лето пахнет душным сеном,
Сливой темною и пыльной,
Бледной лилней болотной,
Тонкостанной н бессильной.

Испареньями земными,
Тмином, маком, прелью сада
И внном, что только бродит
В сочных гроздьях винограда.

А еще в горячий полдень
Лето пахнет лесом, смолью
И щекочущей н влажной
Голубой морскою солью,

Мшнстой сыростью купальни,
Острым запахом нода
И волнующей и дальней,
Синей дымкой парохода.

Путешествие в Швейцарию

Переехали границу.

Чтоб отметить первый рейс,
Честно вставнли в петлицу
Настоящий эдельвейс.

Осмотрели Лигу Наций,
Трн фонтана н тюрьму.
Дети страшно веселилнсь,
Нензвестно почему.

Съели плитку шоколада
По фамилии Сюшар
И, как бешеное стадо,
Напихалнсь в автокар.

Гид, подлец, на каждом спуске
Тыкал пальцем на Монблан.
Вообще, плевал на русских,
А смотрел на англичан.

Так что, брошенные гидом,
Были мы принуждены
Самн радоваться видам
Сей божественной страны.

Вышли. Стали. Посмотрелн.
Явь лн это нли сон?
Справа сосны, слева ели,
А внизу стонт Шильон.

Тихо тронули рукою
Звеиья цепи роковой,
На которой ои вращался,
Этот узник молодой.

Повздыхали. Помечтали.
Вышел сторож иевзиачай...
Мы мучительио считали,
Сколько дать ему иа чай.

И, ие давши ии сантима,
Вышли с детками гуськом,
Помахав, проехав мимо,
Из любезиости — платком.

«Пролегóмены»

— Долой Пушкииа и Белииского,
Читайте Степияка-Кравчииского!

Прочитали, марш вперед.
Девятьсот пятый год.

От нигилизма — иожки да рожки.
Альмаиахи в зелеиой обложке.
Андреев басит в Куоккале,
Горький поет о соколе.
Буревестник взмывает вдаль.
Читает актер под рояль.
— Эх, грусть-тоска...
Дайте иам босяка!

Идет тип в фуражке.
Грудь. На груди подтяжки.
Расчищает путь боксом,
Говорит парадоксом.
Я это «Я», не трожь!
Молодежь в дрожь...
Дрожит, но ходит попарио.
Читает стихи Верхариа.
Плюет плевком в простраиство,
Говорит, что все мещаиство...

А ей иавстречу Саиии,
Мие, говорит, страиеи
Такой взгляд иа вещи!
А сам глядит зловеще,
И сразу — иа жеи и дев,
От Ницше осатанев.

А рояль уже сам играет.
А актер иа измор читает.

Начинается ловля моментов.
Прнезд, гастроль декадентов.
Стенька Разин в опале.
Босяки совсем пропали.
Полная перемена вкусов.
На эстраде Валернй Брюсов.

— Цевннцы. Блудннцы. Царнцы.
Альбатросы нз-за граннцы.
Любовь должна быть жестокой.
У девушек глаза с поволокой.
Машу зовут Марго.
А в оркестре уже — танго...

Бьют отбой снмволисты.
Идут толпой футурнсты.
Паника. Давка. Страх.
Облако, всё в штанах!

Война. Гнмны. Пушки.
Полный апофеоз теплушкн.
Глыба ползет, сползает.
А Ходотов все чнтает.

На балкон выходит Леннн,
Под балконом стонт Есеннн,
Плачет слезою жалкой,
Бьет Айседору палкой.

А актер, на контракт без срока,
Чнтает «Двенадцать» Блока.

Искания

Какая-то лнчность в простом пнджаке
Взошла на трнбуну, с тетрадкой в руке,
Воды нз графнна в стакан налила
И сразу высокую ноту взяла.

И так н поставила тему ребром:
— Куда мы идем? И зачем мы идем?
И сорок мннут говорила подряд,
Что все мы ндем, очевндно, назад.

Но всем было лестно, что всем по пути,
И было прнятно, что еслн ндтн,
То можно ндтн, не сннмая пальто,
Которые снять н не думал ннкто.

И вышлн, вдыхая осеннюю слнзь.
И долго прощалнсь, пока разошлись.
И, в сердце святую лелея мечту,
Шагали н мокли на славном посту.

Русская баллада

Прнзрак. Месяца рога.
Конн. Стражникн. Снега.

Черный, страшный мавзолей.
Камень. Ладан. И елей.

Сырость. Запах кумача.
Воск. Оплывшая свеча.

Влажный лоб. Холодный пот.

Снег. Россия. Кто идет?..

Лязг железа. Караул.
Мерзлой проволоки гул.

Замедляя звездный бег,
Падал снег н таял снег.

А наутро по Москве
В дымной снзой снневе

Взвод за взводом проходил.
Барабан тревогу бнл.

Дрогн медленно ползли,
Мелочь разную везли.
Трндцать трех за одного...

Вот, н больше ничего.

Honoris causa

Скрнпят возы, телеги н тачанки.
Внушают страх орудия н танки.
Горят костры, н факелы дымят...
Что древннй Рнм? Что древние Афины?
Кто праздновал такне нменнны?
Что понимал Платон нлн Сократ?

Когда ж, склонив намыленные шен,
Пришли его поздравнть Птоломеи,
Жрецы наук, блюстнтели добра,
И возвели строителя каналов,
Отца киргиз, мордвы и камчадалов,
Не в вахмистры, а прямо в доктора...

Лншь в этот миг осмыслил я воочью,
Что там вдали, над северною ночью,
Наш путь в веках указан навсегда,
Что свет звезды нам светит непреложно,
Вот отчего я говорю тревожно:

— Ну что ж, горн... горн моя звезда!

Родина-мать

Господи, сколько на свете народностей,
Сколько различий и сколько несходностей,
Даже не веришь ушам.
Как обменяться и словом и мнением,
Если ты хочешь со всем населением
Поговорить по душам.

Как, заразившись безумием массовым,
Вслед за писателем, вслед за Некрасовым
Именно вслух не сказать:
— Ты и узбецкая, ты и кумыцкая,
Ты и киргизская, ты и калмыцкая,
Общая родина-мать.

Ты их рожала в снегу и на холоде,
Ты их морила, держала их в голоде,
Но не могла уморить.
Очень уж были голубчики дюжие,
Ездили ловко, имели оружие...
В общем, об чем говорить!

Выросли эти узбеки с бурятами,
Вышли вполне социал-демократами,
Стали на правильный путь.
Взяли учебник изящной словесности
И как давай наводить на окрестности
Азербайджанскую жуть...

Ходят башкиры и купно с монголами
Учат грамматику, жарят глаголами,
И от зари до зари
В страшном порыве народного рвения
То наизусть повторяют склонения,
То ли долбят словари.

Бодро идут караваны с верблюдами,
Бойко туркмены стучат ундервудами,
В такт им стараясь попасть.
И, не теряя рабочего времени,
Вслух переводят для тюркского племени
Маркса последнюю часть.

Как же, взирая на массы крестьянские,
Нам удержать наши чувства гражданские
И со слезой не сказать:
— Ты и Калинина, ты же и Ленина,
Ты и Малинина, ты и Буренина
Общая родина-мать!

Подражание Беранже

Не знаю как, но, вероятно, чудом
И ты, мой фрак, в изгнание попал.
Я помню день, мы вырвались Оттуда,
Нас ветр морской неистово трепал.

Но в добрый час на берега Босфора
Выходим мы, молчание храня.
Как дни летят... Как все минует скоро...
— Мой старый фрак, не покидай меня.

Шумел Стамбул. Курениьями насыщен,
Здесь был иной, какой-то чуждый мир.
Я обменять хотел тебя, дружище,
На белый хлеб и на прозрачный сыр.
Но турки только фесками качнули,
Покроя твоего не оценя.
В закатном солнце тополи тонули...
— Мой старый фрак, не покидай меня.

Я помню, как настойчивей и ближе
Отчаянье подкрадывалось вдруг.
И мы одни, одни во всем Париже,
Еще быстрее суживался круг.
Вот-вот судьба своей придавит крышкой.
А тут весна... фиалки... блеск огня.
И я шептал, неся тебя под мышкой:
— Мой старый фрак, не покидай меня.

Но счастье... ты — нечаянность созвучий
В упорной, непослушливой строфе!
Не знаю, счастье, чудо или случай,
Но вот, гарсон в изысканном кафе,
Во фраке, между тесными столами,
Скольжу, хрустальными бокалами звеня.
Гарсон, сюда! Гарсон, шартрезу даме!
— Мой верный фрак, не покидай меня.

А ночью, вынув номер из петлицы
И возвратясь, измученный, домой,
Я вспоминаю темные ресницы,
И старый вальс... И призрак над Невой.
Ты помнишь, как на отворот атласный
Волну кудрей тяжелых роняя,
Она, бледнея, повторяла страстно:
— Мой милый друг, не покидай меня!

Бегут, бегут стремительные годы.
Сплетаются с действительностью сны.
И скоро оба выйдем мы из моды,
И скоро оба станем не нужны.
Уже иные шествия я внемлю.
Но в час, когда лопатами звеня,
В чужой стране меня опустят в землю...
— Мой старый фрак, не покидай меня.

Пролог

Привет вам, годы вольнодумства,
Пора пленительных затей,
Венецианские безумства
Прошедшей юности моей,

Где каждый миг был как подарок,
И весел, шумен, бестолков,
И ослепителен, и ярок,
Был полдень майских пикников.

И только вздох цезур лукавый
Был тем законом красоты,
Которым нам давалось право
Быть с мирозданием на ты!

Уездная сирень

Как рассказать минувшую весну,
Забытую, далекую, иную,
Твое лицо, прильнувшее к окну,
И жизнь свою, и молодость былую?

Была весна, которой не вернуть...
Коричневые, голые деревья.
И полых вод особенная муть,
И радость птиц, меняющих кочевья.

Апрельский холод. Серость. Облака.
И ком земли, из-под копыт летящий.
И этот темный глаз коренника,
Испуганный, и влажный, и косящий.

О, помню, помню!.. Рявкнул паровоз.
Запахло мятой, копотью и дымом.
Тем запахом, волнующим до слез,
Единственным, родным, неповторимым,

Той свежестью набухшего зерна
И пыльною, уездною сиренью,
Которой пахнет русская весна,
Приученная к позднему цветенью.

Шли поезда по Казанской дороге

Прошлое. Бывшее. Тень на пороге.
Бедного сердца комок.
Шли поезда по Казанской дороге...
Таял над лесом дымок.

Летнее солнце клонилось к закату.
Ветер вечерний донес
Горечь полыни, душистую мяту,
Странную свежесть берез.

Где-то над миром, над тайным пределом,
Кротко сияла звезда.
Где-то какие-то барышни в белом
Вышли встречать поезда.

Не было? Было? А тень на пороге.
Смех раздается, зловещ:
— Шли поезда по Казанской дороге...
Экая важная вещь!

Бабье лето

Нет даже слова такого
В толстых чужих словарях.
Август. Ущерб. Увяданье.
Милый, единственииый прах.

Русское лето в России.
Запахи пыльиой травы.
Небо какой-то старнниой,
Темной, густой синевы.

Утро. Пастушья жалейка.
Поздннй н горький волчец.
Эх, еслн б узкоколейка
Шла из Парижа в Елец...

«Спрятался месяц за тучку»

«Спрятался месяц за тучку,
Больше ие хочет гулять»...
Дайте стило илн ручку
Милой пнсьмо написать.

Это не то, что когда-то,
Первую чувствуя страсть,
Быть ей двоюродным братом,
Вместе с ней яблоки красть.

Падать пред ней на колени,
Плакать н тихо, без слов,
Где-то, под веткой сиренн,
Слушать всю ночь соловьев.

Это не то, что, бывало,
Всеми восторгами жить,
В вихре блестящего бала
Мчать ее, мучнть, кружить,

Прятать на память перчатки,
И — на широких санях
Так н лететь без оглядкн
В снежный, неведомый прах...

«Спрятался месяц за тучку»...
Пусть. Ни о чем ие прошу,
Дайте чернила и ручку.
Я ей пнсьмо напишу.

Пусть она знает, упрямый
Чувствуя сердца закат,
Что за дурак этот самый
Бедный двоюродный брат!

Как он учился смиренью,
Как ему стало невмочь.
...Вот он и бредит снренью
В эту январскую ночь.

Amo — amare

Довольно описывать северный снег
И петь петербургскую вьюгу...
Пора возвратиться к нсточнику нег,
К навеки блаженному югу.

Там первая молодость буйно прошла,
Звеня, как цыганка запястьем.
И первые слезы любовь пролила
Над быстро нзведанным счастьем.

Кипнт, не смолкая, работа в порту.
Скрнпят корабельные цепи.
Безумные ласточки, взяв высоту,
Летят в молдаванские степи.

Играет шарманка. Цыганка поет,
Очей расточая сиянье.
А город лиловой сиренью цветет,
Как в первые дни мнрозданья.

Забыть ли весну голубую твою,
Бегущие к морю ступени
И Дюка, который поставнл скамью
Под куст этой самой снренн?..

Забыть ли счастливейших дней ореол,
Когда мы спрягали в угаре
Еднественный в мнре латннский глагол —
Amare, amare, amare?!

И боги нам сами сплетали венец,
И звезды светнли нам ярко,
И пел о любви нтальянский певец,
Которого звалн Самарко.

...Приходнт волна, н уходит волна.
А сердце все медленней бьется.
И чует, н знает, что эта весна
Уже ннкогда не вернется.

Что ветер, который пришел нз пустынь,
Сердца приучая к смнренью,
Не только развеял снрень и латынь,
Но молодость вместе с сиренью.

Константин Бальмонт
1867-1942

Из ночи

Я от детства жил всегда иапевом,
Шелестом деревьев, цветом трав,
Зиал, какая радость, иад посевом,
Слышать гул громов, и шум дубрав.

Видеть честиость лиц, когда упруго
Жмет рука надежную соху,
Слышать, сколько звуков в сердце друга,
Волю мчать по звонкому стиху.

В поле ячмеией светловолосых
Видеть зиак достойиого труда.
Путь иной — ходить в кровавых росах.
Зиак иной — багряиая звезда.

Час иной — когда все люди звери,
И от сердца к сердцу иет дорог.
Я ие зиал, какой дождусь потери,
Этого предвидеть я ие мог.

Я ие зиал, что все дожди ие смоют
Ржавчииы, упавшей иа поля,
Люди строят, духи тоже строят,
В мареве родимая земля.

Я смотрю на иочь из кельи тесиой,
Без коица проходят облака.
Где мой день святыии благочестиой?
Где моя прозрачиая река?

Я смотрю иа мир в окио чужое,
И чужое иебо иадо мной.
Я хочу страдать, еще, хоть вдвое,
Только б видеть светлым край родной.

Слышу, в сердце лед разбился звоико,
Волны бьются, всплески жалоб дия.
Мать моя, прими любовь ребеика,
Мир тебе, родимая земля.

Светлая кудель

Солиечные зайчики на белом потолке.
Солиечиое зарево в глубоком роднике.
Зеркало ие солиечио, оио с луной сродии,
Все же тают в зеркале веселые огни.

Как же так из холода доходит жаркий луч?
Теплым иежным воздухом овеяи льдяиый ключ.
Солиечные зайчики скакнули иа постель.
В сердце вдруг распуталась горячая кудель.

Встреча

1

Тебя я встретил ребеиком малым,
И мы узиали тогда друг друга,
И был закатом я запоздалым,
А ты весеиним расцветом Юга.

Белели брызги иа Океаие,
И я, прошедший по всем пустыням,
Любил цветочек любовь в тумаие,
Воздушный стебель с расцветом синим.

Душой, уставшей от придорожий,
Прильиул я иежио к душе ребеика,
И ты была мне невестой Божьей,
А птицы свадьбу пропели звоико.

2

Потом иевестою чужою,
И улетающей душою,
    Тебя я увидал в саду.
Меж иас прошли с годами мысли,
И тени дымиые повисли,
    Весь мир опять любил в бреду.
Любимой быть так нежио мило,
И ты любила и дразнила,
    В венке из сииих васильков.
И ты его ие разлюбляла,
Но и в меня воизала жало,
    И мие струила мед оков.
О, было так в душе медвяио,
Что в трех сердцах алела раиа,
    И отошла ты от иего.
Ко мне приблизилась украдкой,
И был я счастлив сказкой сладкой,
    Но не испил я торжество.

Ветер

Ветер ворвался в трубу.
Мчаться не стало отваги.
— Знаю лихую судьбу,
Шорох сожженной бумаги.

Он ли не был властелин
В гулах и леса и сада?
— Сажей покрытый камин
Буйному ныне преграда.

Больше не реять ему.
Влечься тоскою до сердца.
— Будит полночную тьму,
Пляшет железная дверца.

Что суждено, суждено.
Степи просторны и дики.
— Кто зацепился за дно,
Знает лишь вздохи, не всклики.

В полдень цветы горячи.
Думы лучисты в июле.
— В полночь тоскуй и молчи,
Спи, если силы заснули.

Ведьмы ночные на бал
С визгом несутся кошачьим.
— Как ты так низко упал?
Или всегда был незрячим?

Прошлое стало золой,
Шаткой прикрыто заслонкой.
— Добрый ты был или злой,
Плачь панихидою звонкой.

Таинственная склянка

Я из таинственной склянки
Медленный сделал глоток.
Мирно лежит на лежанке
Кошка, свернувшись в клубок.

Жарко натоплено в доме.
Вьюга летит по полям,
Воет и поет в истоме,
Призраком всходит из ям.

Дали в снегах задремали,
Сад мой заиндевел весь.
Тот же, что был я вначале,
Буду пред смертью и здесь.

Лишь колокольчик люблю я,
Скрип и качанье саней,
Только восторг поцелуя,
Только прижаться нежней.

Царства земные не нужны
Порабощенным двонм,
Вольно вступившим в жемчужный,
Сказкамн тающий дым.

Там далеко за холмамн
Все превращения лет.
Звездные осыпн с намн,
Час наш весь небом одет.

Пламя в печн снневато.
Колокол полночь пропел.
Сердце дорогой возврата
Бьется о крайннй предел.

Гармония гармошки

Я люблю гармошки пьяной
В явном всклике тайный бред.
Знмннй вечер. Час багряный.
Ткань загадок н примет.

Нет нн звука, нет нн шага,
Нет снежннкн без того,
Чтоб не вспыхнула отвага
В том, кто любнт торжество.

Этот Месяц тонкорогий,
Слева слезы, справа смех,
Мне, ндя своей дорогой,
Обещает он успех.

Я его увидел прямо
В высн нежно-голубой.
Знаю я, что н без храма
Обвенчаюсь я с тобой.

Нн тебе, нн мне не нужно
Обручальное кольцо,
В час как с ветром я содружно
На твое взойду крыльцо.

Разве ты не усмехнулась
В мнг, когда я был певуч?
Разве шатко не качнулась
Тень, бегущая от туч?

Разве заяц в снеге белом
Сказку нам не наследил?
Разве царственным пределом
Не проходит хор светил?

Разве буйная гармошка
Не пропела в ночь рассказ,
Что умеем мы немножко
Брызнуть Вечностью в наш час?

Она

В мгновенной прорези зарниц,
В крыле перелетевшей птицы,
В чуть слышном шелесте страницы,
В немом лице, склоненном ниц,—
В глазке лазурном незабудки,
В веселом всклике ямщика,
Когда качель саней легка
На свежебелом первопутке,—
В мерцаньи восковой свечи,
Зажженной трепетной рукою,
В простых словах «Христос с тобою»,
Струящих кроткие лучи,—
В глухой ночи, в зеленоватом
Рассвете, истончившем мрак,
И в петухах, понявших знак,
Чтоб перепеться перекатом,—
В лесах, где папоротник, взвив
Свой веер, манит к тайне клада,
Она, одна, другой не надо,
Лишь ей, Жар-Птицей, дух мой жив.
И все пройдя пути морские,
И все земные царства дней,
Я слова не найду нежней,
Чем имя звучное, Россия.

Моя твердыня

Вседневность Солнца — моя твердыня.
Настанет утро, оно взойдет.
Так было древле. Так будет ныне.
И тьме, и свету сужден черед.

Вперед уходят все сочетанья,
Хотя по кругу идет узор.
Что было, было. Тут нет гаданья.
Что будет, будет. Бесплоден спор.

От гор высоких — густые тени.
Из гроз сгущенных — повторный гром.
Но есть исход нам из всех сцеплений.
Есть быль, давно ей был нужен — слом.

Узлом давнишним себя не мучай.
Свой парус емкий — с ветрами ставь.
И против ветра. И бейся с тучей.
Не бойся вала. Спасайся вплавь.

Ты — явь, не греза. Свой облик помни.
Ты — слиток света. Умам — звено.
Хотя б в глубокой каменоломне,
Но взять свой мрамор тебе дано.

Давно мученья. Еще минута.
Еще минута. Как больно мне.
Но срок короче. Слабеет пута.
Твердыня ночи сгорит в огне.

На дне чистилищ мы, погибая,
Не погибаем, пока — хотим.
Душа провидит, как та слепая,
Что оком духа пронзила дым.

К златым есть далям в душе оконце.
Нас голубая помчит река.
Я сгусток света. Я слиток Солнца.
Моя твердыня во мне крепка.

Капля

В глухой колодец, давно забытый, давно без жизни и без воды,
Упала капля, не дождевая, упала капля ночной звезды.

Она летела стезей падучей и догорела почти дотла.
И только искра, и только капля, одна сияла, еще светла.

Она упала не в многоводье, не в полногласье воды речной,
Не в степь, где воля, не в зелень рощи, не в чащу веток стены лесной.

Спадая с неба, она упала не в пропасть моря, не в водопад,
И не на поле, не в ровность луга, и не в богатый цветами сад.

В колодец мертвый, давно забытый, где тосковало без влаги дно,
Она упала снежинкой светлой, от выси неба к земле звено.

Когда усталый придешь случайно к тому колодцу в полночный час,
Воды там много, в колодце влага, и в сердце песня, в душе рассказ.

Но чуть на грани земли и неба зеленоватый мелькнет рассвет,
Колодец меркнет, и лишь по краю — росистой влаги белеет след.

Русский язык

Язык великолепный, наш язык.
Речное и степное в нем раздолье,
В нем клекоты орла и волчий рык,
Напев, и звон, и ладан богомолья.

В нем воркованье голубя весной,
Взлет жаворонка к Солнцу — выше, выше.
Березовая роща. Свет сквозной.
Небесный дождь, просыпанный по крыше.

Журчание подземного ключа.
Весенний луч, играющий по дверце.
В нем Та, что приняла — не взмах меча,
А семь мечей в провидящее сердце.

И снова — ровный гул широких вод.
Кукушка. У колодца молодицы.
Зеленый луг. Веселый хоровод.
Канун на небе. В черном — бег зарницы.

Костер бродяг за лесом на горе.
Про Соловья-Разбойника былины.
«Ау!» в лесу. Светляк в ночной поре.
В саду осеннем красный грозд рябины.

Соха и серп с звенящею косой.
Сто зим в зиме. Проворные салазки.
Бежит савраска смирною рысцой.
Летит рысак, конем крылатой сказки.

Пастуший рог. Жалейка до зари.
Родимый дом. Тоска, острее стали.
Здесь хорошо. А там — смотри, смотри.
Бежим. Летим. Уйдем. Туда. За дали.

Чу, рог другой. В нем бешеный разгул.
Ярит борзых и гончих доезжачий.
Баю-баю. Мой милый. Ты уснул?
Молюсь. Молись. Не вечно неудачи.

Я снаряжу тебя в далекий путь.
Из тесноты идут вразброд дороги.
Как хорошо в чужих краях вздохнуть
О нем — там в сне — о родном пороге.

Подснежник наш всегда прорвет свой снег.
В размах грозы сцепляются зарницы.
К Царь-Граду не ходил ли наш Олег?
Не звал ли в полночь нас полет Жар-Птицы?

И ты пойдешь дорогой Ермака,
Пред недругом вскричишь: «Тесней, други!»
Тебя потопит льдяная река,
Но ты в века в ней выплывешь в кольчуге.

Поняв, что речь речного серебра
Не удержать в окованном вертепе,
Пойдешь ты в путь дорогою Петра,
Чтоб брызг морских добросить в лес и в степи.

Гремучим сновиденьем наяву
Ты мысль и мощь сольешь в едином хоре,
Венчая полноводную Неву
С Янтарным морем в вечном договоре.

Ты клад найдешь, которого искал.
Зальешь и запоешь умы и страны.
Не твой ли он, колдующий Байкал,
Где в озере под дном не спят вулканы?

Добросил ты свой гулкий табор-стан,
Свой говор златозвонкий, среброкрылый,
До той черты, где Тихий океан
Заворожил подсолнечные силы.

Ты вскликнул: «Пушкин!» Вот он, светлый бог,
Как радуга над нашим водоемом.
Ты в черный час вместишься в малый вздох.
Но завтра — встанет. С молнией и громом.

Отчего?

Отчего, хоть нежней Фет,—
Если в грезе, на опушке
Неземной, предстанет Пушкин,
Вопросив: «Кто твой поэт?» —
Молвлю, чуя ход планет:
«Ты, конечно, спору нет».
    Отчего, хоть Тютчев мудрый,
    Люб мне Лермонтов, я рад
    Каждой грезе златокудрой,
    Песням всем, где Русский лад,—
    Молвлю, радостный стократ:
    «Только Пушкин — весь наш клад».
Оттого, что только зори
Вводят душу в ряд светил.
Тот, кто с Солнцем в договоре,
Слыша в сердце звон кадил,
Вступит в мир — и звездных сил.
Пушкин — утро освятил.
    В раннем часе Русской речи,
    В дыме дремлющих годов,
    Им разосланы предтечи
    В сто подвластных городов,
    Чтобы праздник был готов
    Нежной завязи цветов.
В трудный час родного слова,
Как еще качалась тень
Сна, немотства векового,
Златорогий мчал олень,
С края Солнца взятый, день,
В нем же — корень Одолень.
    Звонкий отрок, певший Леду
    И родной страны успех,
    Длиннокрылую Победу
    Обольстил на радость всех,
    Брызнул в рой земных утех,
    Звон по гуслям, светлый смех.
Верной дланью исполина,
Оком, зрящим сквозь века,
Им построена плотина,
Чтоб вспененная река,
Задержав свой ход слегка,
Мчала бег наверняка.
    Самосдержанная буря,
    Юным бунтом восплескав,
    Просияла, взор не хмуря,
    Свой постигла божий нрав.
    В жизни, в песне, в сне забав,
    В каждом миге Пушкин прав.
И в игре недовершенной
В вещем лике опочил.
Вдохновенный, благозвонный,
Разбросав зачатки сил,
Наши песни предрешил: —
К утру ход ночных светил.

1924

Мне хочется

Мне хочется расцветов полусонных
Прн перебеге косвенных зарннц.
Мне хочется свиданья звуков звонных,
Идущих от невидимых звонннц.

Чтоб звук души, ндя в тишн к другому,
Был светом — пересветом хрусталей,
Чтоб в сердце забаюкал я нстому,
Заслыша бег — напев коростелей.

Чтоб в памяти, в сверкающем затоне,
В подводных далях шлн навстречу сны.
Чтоб в голубых куреньях благовоннй
Всходила мысль до луниой вышнны.

1927

Дремота

Задремал мой единственный сад,
Он не шепчет под снегом густым.
Только вьюга, вперед н назад,
Здесь ведет снегодышащнй дым.

Ты куда же стремншься, метель?
Зачннаешь, чтоб вечно кончать.
Ты для тканн какой же кудель
Раскрутила — скрутила — опять?

Я по дому однн прохожу,
Все предметы стоят в забытьи.
От бессмертных полей на межу
Смотрят в прошлое мыслн мон.

Высоко-далеко-небосинь,
Широко-широчайший простор.
Занавеску души отодвннь,
Рассветн мыслевнутренннй взор.

Ты не сделал с собой ничего,
Что бы сердцем не сделал опять.
Отчего же кругом так мертво,
И на всем снеговая печать?

Только дымно мерцает свеча,
Содвнгая дрожащую тень.
Только знаю, что жизнь горяча
И что в Вечность проходншь ступень.

Отчего же, весь снежный, мороз
Наковал многольдяность преград?
Нет ответа на жгучнй вопрос.
Задремал мой таннственный сад.

У жернова

У жериова,
У чериого,
Серебряиая круть.
Под мельницей,
Свирельиицей,
Мечта, со миой побудь.
Не мучая,
Певучая,
Качии там в сердце зыбь.
Созвучия
Тягучие,
Цветочные рассыпь.
Ты мошками,
Дорожками
Воздушными, пляши.
Все таяиья
Отчаянья
Напевио хороши.
Под иастами
Зубастыми
Нам холодио всегда.
Но полая —
Веселая,
Всецепкая вода.
Наскучило,
Что мучило,
Ушло в глухую земь.
Растаяло,
Что маяло,
Кругом ии свет, ии темь.
Вся звоиами
Зелеными
Исполиеиа весиа.
Ты рыбкою,
Ты гибкою,
Всплыви ко мие со дна.
Касаткою,
Разгадкою
Загадок, щебечи.
И в струииые,
И в лунные,
Затки меия лучи.
Как тучами,
Пахучими
Кустами шевельии.
С купавами
Лукавыми
Будь девушкой в теии.
Над вишиею
Всю лишнюю
Свою разбрызгай хоть.
Древесная,
Чудесиая,
Да забелеет плоть.

И вязкою
Ты сказкою
И присказкой мелькай.
Былииою
Дроздииою
Да стоиет целый край.
Незнаемой,
Но чаемой,
Желаииой мие явись.
Дразии меия,
Огни в меня
Закиыь и отзовись.
Ах, где же я?
Вся свежая,
Лесиая чаща — вот.
Аукая,
Сторукая,
Вся тяиется, зовет.
И пениая,
Бессмеииая,—
То сои? То явь? То дрем? —
Истомиая,
Бездомиая,
Дробиться взбрызгом гром.

Тринадцать

Леониду Тульпе

В тайге, где дико все и хмуро,
Я видел раз на утре дией,
Над быстрым зеркалом Амура,
Тринадцать белых лебедей.

О нет, их не тринадцать было,
Их было ровио двадцать шесть.
Когда иебесиая есть сила,
И зеркало земное есть.

Все первого сопровождая
И соблюдая свой черед,
Свершала дружиая нх стая
Свой торжествующий полет.

Трииадцать цепью белокрылой
Летело в синей вышиие,
Трииадцать белокрылых плыло
На сребровлажиой быстрние.

Так два стремленья в крае диком
Умчалось с кликом вдаль н ширь,
А солнце в пламеии великом
Озолотило всю Сибирь...

Теперь, когда навек окончен
Мой жизиениый июльский зиой,
Я четко зиаю, как утончен
Летящих душ полет двойной.

Я русский

Я русский, я русый, я рыжий.
Под солнцем рожден и возрос.
Не ночью. Не веришь? Гляди же
В волну золотистых волос.

Я русский, я рыжий, я русый
От моря до моря ходил.
Низал я янтарные бусы,
Я звенья ковал для кадил.

Я рыжий, я русый, я русский.
Я знаю и мудрость и бред.
Иду я — тропинкою узкой,
Приду — как широкий рассвет.

Северный венец

Только мы, Северяне, сполна постигаем природу
В полнозвучьи всех красок, и звуков, и разностей сил,
И когда приближаемся к нашему Новому Году,
Нам в морозную ночь загораются сонмы кадил.
Только мы усмотрели, что все совершается в мире
Совершенством разбега в раздельности линий Креста,
Лишь у нас перемены — в своем нерушимом — четыре,
Всеобъемная ширь, четырех тайнодейств полнота.
Не дождит нам зима, как у тех, что и осень и лето
Не сумеют сполна отличить от зимы и весны.
Наша белая быль в драгоценные камни одета,
Наши Святки — душа, наша тишь — неземной глубины.
О, священная Смерть в безупречном — чистейшей одежды,
Ты являешь нам лик беспредельно-суровой зимы,
Научая нас знать, что, когда замыкаются вежды,
Воскресение ждет,— что пасхальны и вербы, и мы.
Только Север узнал, как в душе полнозначна примета,
И предпервую весть приближенья весенних огней
Нам чирикнет снегирь,— красногрудый, поманит он лето,
Мы расслышим весну — в измененных полозьях саней.
Переведались дни — через оттепель — с новым морозом.
Зачернелась земля, глухариный окончился ток,
И проломленный наст — это мост к подступающим грозам,
В полюбивших сердцах разливается алый восток.
Развернись, разбежись, расшумись, полноводная сила,
Воля Волги, Оки и пропетого югом Днепра,
Сколько звезд, столько птиц, и бескрайно колдует бродило.
По лугам, по лесам, по степям — огневая игра.
Насладись, ощутив, как сверкают зарницы в рассудке,
Захмелевшая кровь провещает свой сказ наизусть,
И вздохни близ купав, и довей тишину к незабудке,
И с кукушкой расслышь, как в блаженство вливается грусть.
Досказалась весна. Распалилась иная истома.
Огнердеющий мак. Тайновеющий лес в забытьи.
Полноцветное празднество молнии, таинство грома,
Вся Россия — в раскатах телеги пророка Ильи.

Вся небесная высь — в полосе огневеющей гривы.
В перебросе копыт, в перескоке и ржаньи коня.
И серебряный дождь напоил золотистые нивы,
В каждой травке припев: «И меня — напои и меня!»
Что красивее колоса ржи в полноте многозерни?
Что желанней душе, чем тяжелая важность снопа?
Что прекрасней, чем труд? Или песня — его достоверней?
Лишь работой припавши к земле, наша мысль не слепа.
И опять оттолкнись от тебя обласкавшего праха.
Посмотри, как простор углубился вблизи и вдали,
Закурчавился ветер, летит, налетает с размаха,
Улетают — с душой — далеко — за моря — журавли.
Разбросалась брусника. Развесились гроздья рябины.
Многозаревный вечер последнее пламя дожег.
Столько звезд в высоте, что, наверно, там в небе смотрины.
Новый выглянул Серп. Завтра первый перистый снежок.

Вандея. 1925. Осень

Грядущая Россия

Я чую в близких далях грядущую Россию,
Исчерпав наважденье, предельный гнет беды.
Всю слепоту, весь ужас, все подчиненье Змию,
Она блеснет в сияньи Пастушеской Звезды.
В ней будут полновластны лишь творчество и воля.
Исшедшая из бездны, воскресшая душа,
Идя с серпом к колосьям вновь радостного поля,
Поет, что жизнь с любовью — лишь с нею — хороша.
Все страны, где теснила зловражьей чарой уза,
Литва, Суоми, много, тех стран — великий круг,
С Россией будут слиты лишь верностью союза
Той светловольной дружбы, где с другом равен друг.
Войдите в лес весною, вы все, что это слово
Усмотрите чрезмерным: Все птицы там поют,
Своя у каждой песня,— умолкнут,— вспевы снова,
Во всплеске крыл и в песне — лишь тут душе уют.
Одним красивой будет Великая Держава,
Явленьем благоволья, как лика своего,
Быть вольным и счастливым — у всех от Бога право,
Всепочитанье мира — лишь в этом торжество.
Грядущая Россия, когда низвергнет злое,
Что в заревах зловещих есть царство Сатаны,
Вселюбием скрепится на каменном устое,
«Воистину Воскресе!» — раздастся с вышины.
Я верю. Помоги лишь, Воскресший, маловерью.
Свет не объялся тьмою и светит в дымах тьмы.
Еще душой сто́ю я перед закрытой дверью,
Но слышу в катакомбах победные псалмы.

Капбретон. 1929. 13 декабря

Златовоздух

Вселюбящей душою ввергаюсь я в смущенье: —
Я ие пастух иародов и я не пастырь стад.
Лишь одного хочу я — всемирного цветеиья,
Люблю я только пенье, весну и мир как сад.
Сосиа влюбилась в Солице, а ель желает теии,
Среди корней деревьев — захват, мятеж, метель.
Мие любы все растенья, расцветы всех цветений,
Но как же певчей птице мирить сосну и ель?
Я с Солнцем и с Луиою — в цветке н в птичьем кличе,
Весиой раскрыт весь воздух превыше облаков.
Превыше вой и распрей, превыше всех различий,
У каждого есть сердце и в каждом сердце зов.
Я зиаю,— в том, что молвил, есть высшие соблазны,
И в каждом нежиом слове есть тоикость лезвия.
Но дайте звоикой песие,— вы все, что сердцем разиы,—
Восславить Перемирье — хоть в миге бытия!

Нашептыванья осени

Шершавый лнст шуршит и шебаршит,
Так мышь в норе шушукается с мышью.
Еще вчера, предавшись вся затишью,
Являла роща шелковистый вид.
А иыиче хлещет ветер сучья в сучья,
И шастают по лесу шептуиы,
В осиие шаткой, в шорохах сосиы.
В реке темио. Застыла жадиость щучья.
Укол всегдашией алчиости умолк.
Прильиув иа дие к коряге, хищный волк
Речиого стада, щука, цепеиея,
Заснула. Шелестящая затея.
Шипучнх звуков ветра по траве
Ширяет и швыряется бурьяном.
Шишигу злого Леший сгреб аркаиом,
И мхи шерстятся в утлой голове.
Другой цветок — любить и быть любимым.
— О, Север! Полюбив, люблю всегда!

Отсюда вижу

Нас в дни стариииые теснили Печеиеги
И дикоглазая звериозлая Чудь.
Но Печеиегов иет. Но Русь всегда во взбеге.
А Чудь есть н во мне и здесь поет чуть-чуть.
Нас в дни превратиые н Половцы исправно
Сражали, и не раз. А ныне где они?
Но в «Слове о полку» иапевиа Ярославна,
Из «Слова» брызжут иам поющие огии.
К нам в дни судьбнниые грозой пришли Татары,
Неволю знали мы, трехвековую иочь.

В крови Татарской есть — коня и степи чары,
Она влила в мой стих цветную узорочь.
Мы в дни Перунные, померявшись с Литвою,
Платили дань Литве. Всему свой день и час.
В себя прияв приток, ширь Волги я удвою,
И мой костер горит, мой пламень не погас.
Германец, Швед, ни Галл, ни Турок не препона
Для предназначенных — залить земной простор
Напевом, звучностью серебряного звона,
Душой, что ширь степей скрепляет гранью гор.
Нам Время Смутное опять Судьба послала.
Оно износится. Личинам есть черед.
Отсюда вижу я, как утро будет ало,
Когда в России Русь по-Русски запоет.

* * *

Я вижу тебя проходящей — цветущей межой,
Далеко, далеко твой милый, в пустыне чужой.

Я вижу тебя — заглянувшей в глубокий затон.
Ты знаешь — любимый — всегда — и единственно — он.

Я вижу тебя — обрамленной в созвездную ночь.
Любимая — помни — мы верны — молись и пророчь.

В себя заглянув, озвездись — и, шепнув, прореки,
Что яркий огонь высекается темью тоски.

О камень студеный — железная тяга земли.
Какие сверканья не раз две темноты зажгли.

Я вижу тебя — проходящей по ниве — со мной.
Весь воздух растоплен — текучий качается зной.

Алмазная брошь — Семизвездье — старинный твой знак.
Ты вся — одоленная ночь — озвездившийся мрак.

Нам звонкая птица поет — и уводит в простор.
Любимая — помни — что Солнце — творящий костер.

Я люблю тебя

Я люблю тебя больше, чем Море, и Небо, и Пение.
    Я люблю тебя дольше, чем дней мне дано на земле.
Ты одна мне горишь, как звезда в тишине отдаления,
    Ты корабль, что не тонет ни в снах, ни в волнах, ни во мгле.
Я тебя полюбил неожиданно, сразу, нечаянно,
    Я тебя увидал — как слепой вдруг расширит глаза
И, прозрев, поразится, что в мире изваянность спаяна,
    Что избыточно вниз, в изумруд, излилась бирюза.
Помню. Книгу раскрыв, ты чуть-чуть шелестела страницами.
    Я спросил: «Хорошо, что в душе преломляется лед?»
Ты блеснула ко мне, вмиг узревшими дали, зеницами.
    И люблю — и любовь — о любви — для любимой — поет.

Сквозная сеть

Дохнуть в напев порывным ветром, полным длительиости,
Шуршаиьем листьев, духом ландыша в тени,
Качнуть мечту, ее качать до утомительиости,
Истомы сладкой разбросать по ией огни.
Журчать стихом, как бы вечерними кузиечиками,
Манить любовь, роияя в теиь иеверииый свет,
Пока малютка, нстомясь, ие дрогиет плечиками,
И, «Да» почуяв, своеиравио бросит: «Нет!»
Не веря ей, продлить всю вкрадчивость гадательиости,
Любовь любя, влюблять, влюбляться и любить,
В густых ресиицах, в зыби их и в их мечтательиости
Прочесть, что счастье в мире дышит, может быть.

Ива

Как иве хочется печали,
Как иве хочется домой!
Чужда мие пышиость, Боже мой,
Куда меня иавек умчали,
Закутанной в персидской шали,
Судьбы велеиья роковой?
Как вербу, с ветки мие родиой
Меня в зиак счастия сорвали,
В густом взлелеяли саду,
Красавицею возросла я.
Но с кактусом ли поведу
Я речь любви? О, доля злая!
Мие сиится вечер иа пруду...
О, стороиа моя родная!
Какою девой молодой
Я сорваиа. Ей нзъяснялся,
Курчавой головой склонялся
Певец влюблеииости златой,
Сам Пушкин юный. Над водой
Волшебный вечер засвечался.
С мечтой мечтою он венчался,
Дарил ей перстень золотой.
Оиа же, девствеиности сила,
Любвн горючее горнило,
Поэта пламеииым устам
Лебяжьи перси подарила...
Звезда Любвн — любви светила...
О, я опять хочу — быть — там!

1936. 25 октября
Тиаис

Кветцалы

Кветцалы, голубая заринца,
Живой пламецвет, весь в огие,
Лазуриая ты огиевица,
О, птица струи по струие.

Что с юности в сердце боролось,
Что билось в душе у меня,
Все спел мне лазурный твой голос,
Цветок голубого огня.
Ты в Мексике мне засветила
Синь-пламя мечты голубой,
Такая была в этом сила,
Что я не расстанусь с тобой.
Ты краем крыла голубого
Коснулась так края зари,
Что стал я Ваятелем Слова,
И брызжут с пера янтари.
Шаманству тягучего пенья
Отдался истомному я,
И нижутся звонкие звенья,
В них синезлатая струя,
В них клюв твой играет и крылья,
Предчувствия, взлеты мечты,
Фиалка цветов без усилья,
И ландыши, снег красоты.
Кому все сиянье это?
Желанную мне назови.
Во мгле голубого рассвета
Я слышу: «Все — в Тайне Любви!»

1936. 9 ноября
Тиаис

Голубая занавеска

Голубая занавеска
Колыхнулась на окне.
Океан, весь полный блеска,
Из постели виден мне.
Весь гудит он от разгула,
Крика, всклика голосов,
Словно в синем потонуло
Полногласие лесов.
С человеческою песней
Слита песня соловья,
Оттого звучит чудесней
Многозвонности струя.
Для какой веселой цели,
Над гремучею волной,
Звон густой виолончели,
Флейты голос разливной?
Для чего безумства скрипки,
Переплески всех тонов,
Звуковой зазыв до ошибки
Зычных, звучных голосов.
Светлозвончатые звенья
Рдяно-звучного огня?
Одинокое мученье
Одинокого меня?
Чуть качнется занавеска,
Синей вновь стоит волной,

Чуть коснусь я златоблеска,
  Тает он передо мной.
Не хотят прикосновенья
  Сердцем тканые цветы.
Отчего ж в одно мгновенье
  Отдалась так полно ты?
Отчего ж потом, нежданно,
  Ты покинула меня?
Чтоб томился я так странно
  Многозернию огня?
Чтоб терзало и боролось
  То, что жалит и горит,
Видя, как златистый колос
  Искры страстные струит?

[1936]

Ты мне снишься

Посвящается
Илларии Владимировне Амфитеатровой

Ты мне снишься красивой, желанной,
  Я пленительным сном уязвлен,
И, тобою светло осиянный,
  Я в воздушную нежно влюблен.
Ты поешь, мы блаженны и юны,
  Мы в сверканьях горим золотых,
И мои светлозвонные струны
  Запевают ликующий стих.
Ты танцуешь полет баядеры,
  Ступь твою серебрят жемчуга,
Я пленяюсь, без грани, без меры,
  Ты безбрежно душе дорога.
Ты слегка опустила ресницы,
  Внутрезоркостью взор твой зажжен,
Голубые мерцают зарницы,
  Я люблю, я горю, я влюблен.
Но душа твоя в сказочной дали,
  И напрасно я взор твой ловлю,
И в душе моей зыби печали,
  Потому что я вправду люблю.
Ты в цветенье далекой долины,
  Явь твоя сочеталась с мечтой.
О, любить! Это праздник единый!
  Это май, навсегда золотой!

1937. 15 марта
10 ч. н. Тишина

Звездный звон

В звездах — звон. Но мы не слышим.
Но ведь мы не слышим много.
Вот лунатик у порога.
Вот он вышел. Он на крыше.
Должен он идти все выше.
Он проходит по черте.

Как идет он, я не знаю: —
Безошибочно, по краю,
Он проходит в высоте.
Белый призрак спит, но дышит,
Лик подъятый озарен.
Я не слышу, он же слышит
Лунный зов и звездный звон.

Не в эти дни

Не в эти дни вечеровые
Паденья капель дождевых,
Не в эти дни полуживые,
Когда мы душу прячем в стих,
Чтоб озарить себя самих,—
О, нет, тогда, когда впервые,
Как капли жаркого дождя,
Струились звезды, нисходя
На долы Неба голубые,—
Тогда, как в первый раз в ночи,
Средь звезд, как меж снежинок — льдина,
Жерло могучего Рубина,
Соткав кровавые лучи,
Окружность Солнца-Исполина
Взметнуло в вышний небосклон,
И Хаос древний был пронзен,—
Тогда, как рушащие громы,
Бросая миллионный след,
Качали новые хоромы,
Где длился ливнем самоцвет,
И свет был звук, и звук был свет,—
Тогда, тебя, кого люблю я,
С кем «я» мое — навек сплелось,
Взнести хотел бы на утес,
В струях разметанных волос,
Яря, качая и волнуя,
Тебя, касаньем поцелуя,
Сгорая, сжег бы в блеске гроз.

Круг

Слышать ночное дыханье
Близких уснувших людей,
Чувствовать воли колыханье,
Зыбь отошедших страстей,—

Видеть, как вечно гадая,
Сириус в небе горит,
Видеть, как брызнет, спадая,
В небо один хризолит,—

Знать, что безвестность от детства
Быстрый приснившийся путь,
Вольно растратить наследство,
Вольным и нищим уснуть.

Иван Бунин
1870-1953

Изгнание

Темнеют, свищут сумерки в пустыне.
      Поля и океан...

Кто утолит в пустыне, на чужбине
      Боль крестных ран?

Гляжу вперед, на черное Распятье
      Среди дорог —

И простирает скорбные объятья
      Почивший Бог.

Бретань. 1920

3 октября 1917 года

Щеглы, их звон, стеклянный, неживой,
И клен над облетевшею листвой,
На пустоте лазоревой и чистой,
Уже весь голый, черный и ветвистый...
О, мука мук! Что надо мне, ему,
Щеглам, листве? И разве я пойму,
Зачем я должен радость этой муки,
Вот этот небосклон, и этот звон,
И темный смысл, которым полон он,
Вместить в созвучия и звуки?
Я должен взять — и, разгадав, отдать,
Мне кто-то должен сострадать,
Что пригревает солнце низким светом
Меня в саду, просторном и раздетом,
Что озаряет желтая листва
Ветвистый клен, что я едва-едва,
Бродя в восторге по саду пустому,
Мою тоску даю понять другому...
— Беру большой зубчатый лист с тугим
Пурпурным стеблем — пусть в моей тетради
Останется хоть память вместе с ним
Об этом светлом вертограде
С травой, хрустящей белым серебром,
О пустоте, сияющей над кленом
Безжизненно-лазоревым шатром,
И о щеглах с хрустально-мертвым звоном!

* * *

У птицы есть гнездо, у зверя есть нора...
    Как горько было сердцу молодому,
Когда я уходил с отцовского двора,
    Сказать простн родному дому!

У зверя есть иора, у птицы есть гнездо...
    Как бьется сердце, горестио и громко,
Когда вхожу, крестясь, в чужой, иаемиый дом
    С своей уж ветхою котомкой!

25.VI.22

Радуга

Свод радуги — Творца благоволеиье.
Ои сочетает воздух, влагу, свет —
Все, без чего для мира жизии иет.
Ои в черной туче дивиое видеиье
Являет иам. Лишь избранный Творцом,
Исполнениый Господией благодати,—
Как Радуга, что блещет лишь в закате,—
Зажжется пред концом.

15.VII.22

Морфей

Прекрасен твой венок из огиенного мака,
Мой Гость таинственный, жилец земного мрака.
Как бледен смуглый лик, как долог грустиый взор,
Глядящий на меия н кротко и в упор,
Как страшеи смертному безгласиый час Морфея!

Но сказочио цветет, во мраке пламеиея,
Божественный веиок, н к радостиой страие
Уводит ои меия, где все доступио мие,
Где нет преград земных монм надеждам вешним,
Где сиюсь я сам себе далеким и нездешиим,
Где не дивит иичто — ии даже ласки той,
С кем Бог иас разделил могильиою чертой.

26.VII.22

Вход в Иерусалим

«Осаина! Осаина! Гряди
Во имя Господие!»
И с яростиым хрипом в груди,
С огнем пренсподией
В сверкающих гиойиых глазах,
Вздувая все жилы иа шее,
Вопя все грозиее,
Калека кидается в прах

На колени,
Пробившись сквозь шумный народ,
Ощеривши рот,
Щербатый и в пене,
И руки раскинув с мольбой —
О мщеньи, о мщеньи,
О пире кровавом для всех обойденных судьбой —
И Ты, Всеблагой,
Свете тихий вечерний,
Ты грядешь посреди обманувшейся черни,
Преклоняя свой горестный взор,
Ты вступаешь на кротком осляти
В роковые врата — на позор,
На пропятье!

29.VII.22

На острове Буяне

Ворон

Ну, что, бабушка, как спасаешься?
        У тебя ль не рай, у тебя ль не мед?

Яга

Ах, залетный гость! Издеваешься!
        Уж какой там мед — шкуру пес дерет!
Лес гудит, свистит, нагоняет сон,
        Ночь и день стоит над волной туман,
Окружен со всех с четырех сторон
        Тьмой да мгой сырой островок Буян.
А еще темней мой прогнивший сруб,
        Где ни вздуть огня, ни топить не смей,
А в окно глядит только голый дуб,
        Под каким яйцо закопал Кощей.
Я состарилась, изболела вся,
        Сохраняючи чертов тот ларец!
Будь огонь в светце — я б погрелася,
        Будь капустный клок — похлебала б щец.
Да огонь-то, вишь, в океане — весть,
        Да не то что щец — нету прелых лык!

Ворон

Черт тебе велел к черту в слуги лезть,
        Дура старая, неразумный шлык!

15.VIII.21

Сириус

Где ты, звезда моя заветная,
        Венец небесной красоты?
Очарованье безответное
        Снегов и лунной высоты?

Где вы, скитания полночные
В равнинах светлых и нагих,
Надежды, думы непорочные
И радость вымыслов моих?

Пылай, играй стоцветной силою,
Неугасимая звезда,
Над дальнею моей могилою,
Забытой Богом навсегда!

22.VIII.22

* * *

О, слез невыплаканных яд!
О, тщетной ненависти пламень!
Блажен, кто раздробит о камень
Твоих, Блудница, новых чад,
Рожденных в лютые мгновенья
Твоих утех — и наших мук!

Блажен тебя разящий лук
Господнего святого мщенья!

22.VIII.22

* * *

Овальный стол, огромный. Вдоль по залу
Проходят гости, слуги,— на столе
Огни свечей, горящих в хрустале,
Колеблются,— и скупо внемлет балу,
Гремящему в банкетной, и речам
Мелькающих в гостиной милых дам,
Круг игроков. Все курят. Беглым светом
Блестит огонь по жирным эполетам.
Зал, белый весь, прохладен и велик.
Под люстрой тень. Меж золотисто смуглых
Больших колонн, меж окон полукруглых —
Портретный ряд: вон Павла плоский лик,
Вон шелк и груди важной Катерины,
Вон Александра узкие лосины...
За окнами вся снежная Москва
И звездной зимней ночи синева.

И вновь морская гладь бледна
Под звездным благостным сияньем,
И полночь теплая полна
Очарованием, молчаньем —
Как, Господи, благодарить
Тебя за все, что в мире этом
Ты дал мне видеть и любить
В морскую ночь, под звездным светом!

Засыпая в ночь
с 24 на 25.VIII.22

* * *

Зачем пленяет старая могила
Блаженными мечтами о былом?
Зачем зеленым клонится челом
Та ива, что могилу осенила,
Так горестно, так нежно и светло,
Как будто все, что было и прошло,
Уже познало радость воскресенья
И в лоне всепрощения, забвенья
Небесными цветами поросло?

25.VIII.22

* * *

Душа навеки лишена
Былых надежд, любви и веры.
Потери нам даны без меры,
Презренье к ближнему — без дна.

Для ненависти, отвращенья
К тому, кто этим ближним был,
Теперь нет даже выраженья:
Нас Бог и этого лишил.

И что мне будущее благо
России, Франции! Пускай
Любая буйная ватага
Трамвай захватывает в рай.

25.VIII.22

* * *

В полночный час я встану и взгляну
На бледную высокую луну,
И на залив под нею, и на горы,
Мерцающие снегом вдалеке...
Внизу вода чуть блещет на песке,
А дальше муть, свинцовые просторы,
Холодный и туманный океан...

Познал я, как ничтожно и неново
Пустое человеческое слово,
Познал надежд и радостей обман,
Тщету любви и терпкую разлуку
С последними, немногими, кто мил,
Кто близостью своею облегчил
Ненужную для мира боль и муку,
И эти одинокие часы
Безмолвного полуночного бденья,
Презрения к земле и отчужденья
От всей земной бессмысленной красы.

25.VIII.22

* * *

Мечты любви моей весенней,
Мечты на утре дней моих,
Толпились как стада оленей
У заповедных вод речных:

Малейший звук в зеленой чаще —
И вся их чуткая краса,
Весь сонм блаженный и дрожащий
Уж мчался молнией в леса!

26.VIII.22

* * *

Зарос крапивой и бурьяном
Мой отчий дом. Живи мечтой,
Надеждами, самообманом!
А дни проходят чередой,
Ведут свой круг однообразный,
Не отступая ни на миг
От пожелтевших, пыльных книг
Да от вестей о безобразной,
Несчастной, подлой жизни там,
Где по родным, святым местам,
По ниве тучной и обильной
И по моим былым следам
Чертополох растет могильный.

27.VIII.22

* * *

Все снится мне заросшая травой,
В глуши далекой и лесистой,
Развалина часовни родовой.
Все слышу я, вступая в этот мшистый
Приют церковно-гробовой,
Все слышу я: «Оставь их мир нечистый
Для тишины сей вековой!
Меч нашей славы, меч священный
Сними с бедра,— он лишний в эти дни,
В твой век бесстыдный и презренный.
Перед Распятым голову склони
В знак обручения со схимой,
С затвором меж гробами,— и храни
Обет в душе ненарушимо».

27.VIII.22

* * *

Печаль ресниц, сияющих и черных,
Алмазы слез, обильных, непокорных,
И вновь огонь небесных глаз,
Счастливых, радостных, смиренных,—
Все помню я... Но нет уж в мире нас,
Когда-то юных и блаженных!

Откуда же являешься Ты мие?
Зачем же воскресаешь Ты во сне,
    Несрочной прелестью сняя,
И дивио повторяется восторг,
    Та встреча, краткая, земиая,
Что Бог иам дал и тотчас виовь расторг?

27.VIII.22

* * *

Шепиуть заклятие при блеске
Звезды падучей я успел,
Да что измеинт наш удел?
Все те же топи, перелески,
Все та же полночь, дичь и глушь...
А если б даже Божья сила
И помогла, осуществила
Надежды иаших темных душ,
То что с того?
    Уж нет возврата
К тому, чем жили мы когда-то,
Потерь ие счесть, не позабыть,
Пощечин от солдат Пилата
Ничем ие смыть — и не простить,
Как не простить ни мук, ии крови,
Ни содроганий на кресте
Всех убиенных во Христе,
Как ие принять грядущей иови
В ее отвратиой наготе.

28.VIII.22

* * *

Колоколов средневековый
Певучий зов, печаль времеи,
И счастье жизни вечно иовой,
И о былом счастливый сои.

И чья-то кротость, всепрощеиье
И утешенье: все пройдет!
И золотые отраженья
Дворцов в лазуриом глянце вод.

И дымка млечного опала,
И солнце, смешаииое с иим,
И встречный взор, и опахало,
И ожерелье из коралла
Под катафалком водяиым.

28.VIII.22

* * *

В гелиотроповом свете молний летучих
На небесах раскрывались дымные тучи.
На косогоре далеком — призрак дубравы,
В мокром лугу перед домом — белые травы.
Молнии мраком топило, с грохотом грома
Ливень свергался на крышу полночиого дома —
И металлически страшно, в дикой печали,
Гуси из мрака кричали.

30.VIII.22

Пантера

Чериа, как копь, где солнце, где алмаз.
Брезгливый взгляд полузакрытых глаз
Томится, пьян, мерцает то угрозой,
То роковой и иеотступной грезой.

Томят, пьяият короткие круги,
Размеренно-иеслышные шаги,—
Вот в царственном презрении ложится
И вновь в себя, в свой жаркий сон глядится.

Сощурившись, глаза отводит прочь,
Как бы слепит их этот сон и ночь,
Где черных копей зиойиое горнило,
Где жгучих солнц алмазная могила.

9.IX.22

Весна 1886 г.

Была весна, и жизнь была легка.
Зияла адом свежая могила,
Но жизнь была легка, как облака,
Как тот дымок, что веял из кадила.

Земля, как зацветающая новь,
Блаженная, лежала предо мною —
И первый стих и первая любовь
Пришли ко мне с могилой и весною.

Где этот взор, сиявший небом мне?
Где та весна и гробные рыданья?
Один погост в далекой стороне,
Один призывный сон воспоминанья!

И что ни год, тем все призывней он,
Все радостней, все чище и нетленней,
И уж другой, нездешний небосклон
Сияет мне красой своей весенней.

И это ты, простой степной цветок,
Забытый мной, отцветший и безвестный,
Ты первая взошла на мой порог,
На утре дней попрала смерть, как Бог,
И увела в мир вечный и чудесный!

9.IX.22

Петух на церковном кресте

Плывет, плывет, бежит, бежит...
Как высоко его стремит,
Как ровно, бережно, легко
И как безбрежно далеко!

Он круто выгнут, горд и прост,
Кормою поднят длинный хвост...
Назад бежит весь небосвод,
А он вперед — и все поет.

Поет о том, что мы живем,
Что мы умрем, что день за днем
Идут года, текут века —
Вот как река, как облака.

Поет о том, что все обман,
Что лишь на миг судьбою дан
И отчий дом, и милый друг,
И круг детей, и внуков круг.

Поет о том, что держит бег
В чудесный край его ковчег,
Что вечен только мертвых сон,
Да Божий храм, да крест, да он!

12.IX.22

Встреча

Ты на плече, рукою обнаженной,
    От зноя темной и худой,
Несешь кувшин из глины обожженной,
    Наполненный тяжелою водой.
С нагих холмов, где стелются сухие
    Седые злаки и полынь,
Глядишь в простор пустынной Кумании,
    В морскую вечереющую синь.
Все та же ты, как в сказочные годы!
    Все те же губы, тот же взгляд,
Исполненный и рабства и свободы,
    Умерший на земле уже стократ.
Все тот же зной и дикий запах лука
    В телесном запахе твоем,
И та же мучит сладостная мука,—
    Бесплодное томление о нем.

Через века найду в пустой могиле
    Твой крест серебряный, и вновь,
Вновь оживет мечта о древней были,
    Моя неутоленная любовь,
И будет вновь в морской вечерней сини,
    В ее задумчивой дали,
Все тот же зов, печаль времен, пустыни
    И красота полуденной земли.

12.IX.22

Морская краса

Уж как на море, на море,
На синем камени,
Нагая краса сидит,
Белые ноги в волне студит,
Зазывает с пути корабельщиков:
— «Корабельщики, корабельщики!
Что вы по свету ходите,
Понапрасну ищете
Самоцветного яхонта-жемчуга?
Есть одна в море жемчужина —
Моя белая краса.
Уста жаркие,
Груди холодные,
Ноги легкие,
Лядвии тяжелые!
Есть одна утеха не постылая —
На руке моей спать-почивать,
Слушать песни мои унывные!»
Корабельщики плывут, не слушают,
А на сердце тоска-печаль,
На глазах слезы горючие.
Ту тоску не заспать, не забыть
Ни в пути, ни в пристани,
Не отдумать довеку.

10.V.23

* * *

Льет без конца. В лесу туман.
Качают елки головою:
«Ах, Боже мой!»— Лес точно пьян,
Пресыщен влагой дождевою.

В сторожке темной у окна
Сидит и ложкой бьет ребенок.
Мать на печи,— все спит она,
В сырых сенях мычит теленок.

В сторожке грусть, мушиный гуд...
— Зачем в лесу звенит овсянка,
Грибы растут, цветы цветут
И травы ярки, как медянка?

— Зачем под мерный шум дождя,
Томясь всем миром и сторожкой,
Большеголовое дитя
Долбит о подоконник ложкой?

Мычит теленок, как немой,
И клонят горестные елки
Свои зеленые иголки:
«Ах, Боже мой! Ах, Боже мой!»

10.V.23

Дочь

Все снится: дочь есть у меня,
И вот я, с нежностью, с тоской,
Дождался радостного дня,
Когда ее к венцу убрали,
И сам, неловкою рукой,
Поправил газ ее вуали.

Глядеть на чистое чело,
На робкий блеск невинных глаз
Мне почему-то тяжело,
Но все ж бледнею я от счастья,
Крестя ее в последний час
На это женское причастье.

Что снится мне потом? Потом
Она уж с *ним*,— как страшен он!—
Потом мой опустевший дом —
И чувством молодости странной,
Как будто после похорон,
Кончается мой сон туманный.

7.VI.23

* * *

«Опять холодные седые небеса,
Пустынные поля, набитые дороги,
На рыжие ковры похожие леса,
И тройка у крыльца, и слуги на пороге...»

— Ах, старая наивная тетрадь!
Как смел я в те года гневить печалью Бога?
Уж больше не писать мне этого «опять»
Перед счастливою осеннею дорогой!

7.VI.23

* * *

Тихой ночью поздний месяц вышел
Из-за черных лип.
Дверь балкона скрипнула,— я слышал
Этот легкий скрип.

Все давно уснули,— мы не спали,
И для нас, для нас
В темноте аллей цветы дышали
В этот сладкий час.
Нам тогда — тебе пятнадцать было,
Мне семнадцать лет.
Но ты помнишь, как ты отворила
Дверь на лунный свет?
Ты к губам платочек прижимала
Смокшийся от слез,
Ты, рыдая и дрожа, роняла
Шпильки из волос,
У меня от нежности и боли
Разрывалась грудь...
— Если б, друг мой, было в нашей воле
Эту боль вернуть!

День памяти Петра

«Красуйся, град Петров, и стой
Неколебимо, как Россия...»

О, если б узы гробовые
Хоть на единый миг земной
Поэт и Царь расторгли ныне!
Где Град Петра? И чьей рукой
Его краса, его твердыни
И алтари разорены?

Хлябь, хаос — царство Сатаны,
Губящего слепой стихией.
И вот дохнул он над Россией,
Восстал на Божий строй и лад —
И скрыл пучиной окаянной
Великий и священный Град,
Петром и Пушкиным созданный.

И все ж придет, придет пора
И воскресенья и деянья,
Прозрения и покаянья.
Россия! Помни же Петра.
Петр значит Камень. Сын Господний
На Камени созиждет храм
И скажет: «Лишь Петру я дам
Владычество над преисподней».

28.I.25

* * *

Уныние и сумрачность зимы,
Пустыня неприветливых предгорий,
В багряной смушке дальние холмы,
А там, за ними,— чувствуется — море.

Там хлябь н мгла. Угадываю нх
По свежести, оттуда доходящей,
По туче, в космах мертвенно-седых,
Вдоль тех хребтов плывущей и дымящей.
Гляжу вокруг, остановив коня,
И древний человек во мне тоскует:
Как жаждет сердце крова и огня,
Когда в горах вечерний ветер дует!
Но отчего так тянет то, что там?
— О море! Мглой и хлябью довременной
Ты все-такн родней н ближе нам,
Чем радости всей этой жизни бренной!

1925

* * *

1

Лик прекрасный и бескровный,
Смоляная борода,
Взор архангельский, церковный,
Вязь тюрбана в три ряда.

Плечи круты и покаты,
Вышнт золотом халат,—
Точно старые дукаты
На шелку его лежат.

Шалью, ярко расцвеченной,
Подпоясан ладный стан,
На ноге сухой, точеной,
Малахитовый сафьян.

Наклоняясь вместе с баркой,
На корме сидит весь день,
А жена в каюте жаркой
С черной нянькой делит лень.

Он глядит на белый парус
Да читает суры вслух,
А жена сквозь тонкий гарус
С потных губ сдувает мух.

2

Я снял узду, седло — и вольно
Она метнулась от меня,
А я склонился богомольно
Пред солнцем гаснущего дня.

Она взмахнула легкой гривой
И, ноздрн к ветру обратив,
С тоскою нежной и счастливой
Кому-то страстный шлет призыв...

Едины Божии созданья.
Благословен Создавший их
И совместивший все желанья
И все томления — в моих.

3

Уличив меня в измене,
Мой Али,— он был Азис,
Божий праведник,— с Сюрени
Променял меня на рис.

Умер новый мой хозяин,
А недавно и Али,
И на гроб его с окраин
Все калеки поползли.

Шли и женщины толпами,
Побрела и я шутя,
Розу красную губами
Подведенными крутя.

Вот и роща и пригорок,
Где зарыт он... Ах, Азис!
Ты бы должен был раз сорок
Променять меня на рис.

* * *

Маргарита прокралась в светелку,
Маргарита огня не зажгла,
Заплетая при месяце косы,
В сердце страшную мысль берегла.
Собиралась рыдать и молиться,
Да на миг на постель прилегла
И заснула.— На спящую Дьявол
До рассвета глядел из угла.

На рассвете он встал: «Маргарита,
Дорогое дитя, покраснел,
Скрылся месяц за синие горы,
И петух на деревне пропел,—
Поднимись и молись, Маргарита,
Ниц пади и оплачь свой удел:
Я недаром с такою тоскою
На тебя до рассвета глядел!»

Что ж ты, Гретхен, так неторопливо
Под орган вступила в двери храма?
Что ж, под гром органа, так невинно
Ты глядишь на огоньки престола,
А склоняешь кроткие ресницы
Так спокойно? Вот уж скоро полдень,
Солнца луч все жарче блещет в купол:
Скоро все замрет благоговейно,
Колокольчик зазвенит навстречу

Жениху небесному,— о Гретхен,
Что ж ты не бледнеешь, не рыдаешь,
А тиха и радостна, как ангел.
Неневестной Лилии подобна?
Бог прощает многое — ужели
Любящим, как ты, он все прощает?

1926

* * *

Только камни, пескн да нагие холмы,
Да сквозь тучн летящая в небе луна,—
Для кого эта ночь? Только ветер, да мы,
Да крутая и злая морская волна.

Но и ветер — зачем он так мечет ее?
И она — отчего столько ярости в ней?
Ты покрепче прижмись ко мне, сердце мое!
Ты мне собственной жизни милей и родней.

Я и нашей любви никогда не пойму:
Для чего и куда увела она прочь
Нас с тобой ото всех в эту буйную ночь?
Но господь так велел — и я верю ему.

1926

Свет

Ни пустоты, ни тьмы нам не дано:
Есть всюду свет, предвечный и безликнй...

Вот полночь. Мрак. Молчанье базилики,
Ты пригляднсь: там не совсем темно,
В бездонном, черном своде над тобою,
Там на стене есть узкое окно,
Далекое, чуть видное, слепое,
Мерцающее тайною во храм
Из ночи в ночь одннадцать столетий...
А вкруг тебя? Ты чувствуешь лн эти
Кресты по скользким каменным полам,
Гробы святых, почиющих под спудом,
И страшное молчание тех мест,
Исполненных неизреченным чудом,
Где черный запрестольный крест
Воздвиг свон тяжелые объятья,
Где таинство сыновнего распятья
Сам Бог-отец незримо сторожит?

Есть некий свет, что тьма не сокрушнт.

1927

Разлука

Бледна приморская страна,
Луною озаренная.
Низка луна, ярка волна,
По гребням позлащенная.

Волна дробится вдалеке
Чеканною кольчугою.
Моряк печальный на песке
Сидит с своей подругою.

Полночная луна глядит
И думает со скукою:
«В который раз он тут сидит,
Целуясь пред разлукою?»

И впрямь: идут, бегут века,
Сменяют поколения —
Моряк сидит! В глазах тоска,
Блаженное мучение...

1927

* * *

Ты жила в тишине и покое.
По старинке желтели обои,
Мелом низкий белел потолок,
И глядело окно на восток.

Зимним утром, лишь солнце всходило,
У тебя уже весело было:
Свет горячий слепит на полу,
Печка жарко пылает в углу.

Книги в шкапе стояли, в порядке
На конторке лежали тетрадки,
На столе сладко пахли цветы...
«Счастье жалкое!» — думала ты.

18.X.38

Nel mezzo del camin di nostra vita

Дни близ Неаполя в апреле,
Когда так холоден и сыр,
Так сладок сердцу божий мир...
Сады в долинах розовели,
В них голубой стоял туман,
Селенья черные молчали,
Ракиты серые торчали,
Вдыхая в полусне дурман
Земли разрытой и навоза.

Таилась хмурая угроза
В дымящемся густом руне,
Каким в горах спускались тучи
На их синеющие кручи...
Дни, вечно памятные мне!

1947

Каир

В жарком золоте заката Пирамиды,
Вдоль по Нилу, на утеху иностранцам,
Светят в воду шелком парусные лодки
И бежит с Луксора белый пароход.
Это час, когда повсюду пальмы четки,
И в Каире окна блещут алым глянцем,
И Хедив в ландо катается, и гиды
Отдыхают по кофейням от господ.

А сиреневые дали Нила к югу,
К дикой Нубии, к Порогам, смутны, зыбки
И все так же миру чужды, заповедны,
Как при Хуфу, при Камбизе... Я привез
Лук оттуда и колчан зелено-медный,
Щит из кожи носорога, дротик гибкий,
Мех пантеры и суданскую кольчугу,
Но на что̀ все это мне — вопрос.

1912—1953 гг.

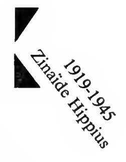
* * *

Сохнут, жарко пахнут травы.
Над полдневными горами,
Над сиреневым их кряжем
Встало облако колонной —
И, курясь, виясь, уходит
К ослепляющему небу.
В тень прозрачную маслины
Блик горячий и зеркальный
Льется с моря и играет
По сухим, колючим травам.

* * *

Что впереди? Счастливый, долгий путь.
Куда-то вдаль спокойно устремляет
Она глаза, а молодая грудь
Легко и мерно дышит и чуть-чуть
Воротничок от шеи отделяет —
И чувствую я слабый аромат
Ее волос, дыхания — и чую
Былых восторгов сладостный возврат...
Что там, вдали? Но я гляжу, тоскуя,
Уж не вперед, нет, я гляжу назад.

Зинаида Гиппиус
1869-1945



Красноглазое

Схватило, заперло, оставило
    Многоголовое Оно.
В холодной келье замуравило
    Мое последнее окно.

О, пусть бы яма одинокая,
    И темь, и тишь, и холод плит...
Но я не знал, что Красноокое
    Меня и с Ним разъединит.

Разъединило! Нету доступа
    Ему ко мне и мне к Нему.
Не уловлю я легкой поступи
    И уст к одежде не прижму...

И если в келью позабытую
    Он постучит ко мне: открой!
Как я открою дверь забитую
    Моей слабеющей рукой?

1919

Глаза из тьмы

О эти сны! О эти пробуждения!
    Опять не то ль,
Что было в дни позорного пленения,
    Не та ли боль?

Не та, не та! Стремит еще стремительней
    Лавина дней,
И боль еще тупее и мучительней,
    Еще стыдней.

Мелькают дни под серыми покровами,
    А ночь длинна.
И вся струится длительными зовами
    Из тьмы,— со дна...

Глаза из тьмы, глаза навекн милые,
Неслышный стои...
Как мышь иочиая, злая, острокрылая,
Мой каждый сои.

Кому страдание нестн бесслезиое
Моих иочей?
Таит ответ молчание угрозиое,
Но чей? Но чей?

Август, 20 г., Варшава

Родное

Т. И. М.

Есть целомудрие страданья,
И целомудрне любвн.
Пускай грешны мон молчанья —
Я этот грех ношу в крови.

Не назову родное имя,
Любовь безмолвиая свята.
И чем тоска неутолимей,
Тем молчаливее уста.

Декабрь, 20 г., Париж

Ключ

Струись,
Струись,
Холодный ключ осенний.
Молись,
Молись,
И веруй неизмеиией.
Молись,
Молись,
Молитвой неугодной.
Струись,
Струись,
Осеииий ключ холодный...

Сентябрь, 21 г., Висбаден

Будет

И. И. Манухину

Ничто не сбывается,
А я верю.
Везде разрушение,
А я надеюсь.

Все обманывают,
А я люблю.
Кругом несчастие,
Но радость будет.
Близкая радость,
Нездешняя — здесь.

1922 г.

Есть речи...

У каждого свои волшебные слова:
Они как будто ничего не значат,
Но вспомнятся, мелькнут, скользнут едва —
И сердце засмеется и заплачет.

Я повторять их не люблю; я берегу
Их от себя, нарочно забывая.
Они мне встретятся на новом берегу:
Они написаны на двери рая.

Не за мной

Мой путь идет по кручам,
и остры стремнины...
Давно я изранен, измучен,
но не сойду в долины.
Я для тех, кто всеми оставлен,
иду за второй белизною —
мой путь окровавлен,
не ходи за мною.
Я свободен — и связан,
все равно пойду по стремнинам:
мой путь мне указан
Отцом и Сыном.

Голубой конверт

В длинном синем конверте
Она мне письмо прислала.
Я думал тогда о смерти...
В письме было очень мало,
Две строчки всего: «Поверьте,
Люблю я, и мир так светел...»
Я думал только о смерти
И ей на письмо не ответил.
На сердце было пустынно...
Я сердцу не прекословил.
Разорванный, праздный, длинный
Конверт на ковре васильковел.

Надежда моя
(Амалии)

Speranza mia! Non piange...
Неаполитанская песенка

Надежда моя, не плачь:
С тобой не расстанемся мы.
Сегодня ночью палач
Меня уведет из тюрьмы.
Не видит слепой палач —
Рассветна зеленая твердь.
Надежда моя! Не плачь:
Тебя пронесу я сквозь смерть.

Домой

Мне —
о земле —
болтали сказки:
«Есть человек. Есть любовь».
А есть —
лишь злость.
Личины. Маски.
Ложь и грязь. Ложь и кровь.
Когда
предлагали
мне родиться —
Не говорили, что мир такой.
Как же
я мог
не согласиться?
Ну а теперь — домой, домой!

Зеркала повсюду

А вы никогда не видали?
В саду, или в парке — не знаю,
везде зеркала сверкали.
Внизу, на поляне, с краю,
вверху, на березе, на ели,
где прыгали мягкие белки,
где гнулись мохнатые ветки,—
везде зеркала блестели.
И в верхнем — качались травы,
а в нижнем — туча бежала...
Но каждое было лукаво,
земли иль небес ему мало,—
друг друга они повторяли,
друг друга они отражали...
И в каждом — зари розовенье
сливалось с зеленостью травной;
и были — в зеркальном мгновеньи —
земное и горнее — равны.

Программа

Здесь все — только опалово,
только аметистово,
да полоска заката алого,
да жемчужина неба чистого...

А где-то на́ поле — цветы небывалые,
и называется поле — нетово...
Что́ мне зеленое, белое, алое?
Я хочу, чтоб было ультрафиолетово...

Несогласные рифмы

В углу под образом
Горит моя медовая свеча.
Весной, как осенью,
Горит твоя прозрачная душа.
Душа, сестра моя!
Как я люблю свечи кудрявый круг.
Молчу от радости,
Но ангелы твои меня поймут.

Прошедший мимо

У каждого, кто встретится случайно
Хотя бы раз — и сгинет навсегда,—
Своя история, своя живая тайна,
Свои счастливые и скорбные года.

Какой бы ни был он, прошедший мимо,
Его, наверно, любит кто-нибудь.
И он не брошен: с высоты, незримо,
За ним следят, пока не кончен путь.

Как Бог, хотел бы знать я все о каждом,
Чужое сердце видеть, как свое,
Водой бессмертья утолять их жажду
И — возвращать иных в небытие...

Верность

И. И. Ф-му

Смерч пролетел над вздрогнувшей вселенной,
Коверкая людей, любовь круша.
И лишь одна осталась неизменной
Твоя беззлобная душа.

Как медленно в пространстве безвоздушном
Недель и дней влечется череда!
Но сердцем бедным, горько-равнодушным,
Тебя — люблю, мой верный, навсегда.

Сбудется

Что мне — коварное и злое данное:
я лишь о должном говорю,
я лишь на милое, мне желанное,
на него одно смотрю.

Радость помнится, не забудется,
надежно сердце ее хранит.
И не минуется, скоро сбудется
то, чем душа моя горит.

Не отвержено, не погублено
все, любимое Тобой.
И я увижу глаза возлюбленной,
увижу здесь, на земле, живой.

Ты отдаешь утрясенной мерою.
Господи! Знаю, что воля — Твоя,
но не боюсь, ибо радостно верую:
Ты хочешь того, чего и я.

Париж, весна

Веер времени

Смотрю в лицо твое знакомое,
Но милых черт не узнаю.
Тебе ли отдал я кольцо мое
И вверил тайну — не мою?

Я не спрошу назад, что вверено,
Ты не владеешь им, как я:
Все позабытое — потеряно,
Ушло навек из бытия.

Когда-то, ради нашей малости,
И ради слабых наших сил,
Господь от нежности и жалости
Нам Вечность — веером раскрыл.

Но ты спасительного дления
Из Божьих рук не приняла,
И на забвенные мгновения
Живую ткань разорвала.

С тех пор бегут они и множатся,
Всегда дробясь средь пустоты...
Но вечный веер снова сложится
И буду я — не там, где ты.

Лик

О моря тишь, в вечерний час осенний!
О неба жемчуг,— белая вода!
И ты, как золотой укол, звезда,
И вы, бесшелестных платанов тени,—
Я ие любил вас иикогда.

Душа строга, и хочет правды строгой.
Ее поймет, ее услышит Бог.
В моей душе любви так было много,
Но ни чудес земли, ни даже Бога
Любить — я никогда не мог.

Зарниц отверзтые блнстаньем, вежды,
Родных берез апрельские одежды,
На лунном море ангелов стезя —
И вас любить? Без страха и надежды,
Без жалости — любнть нельзя.

А вы, и Бог,— всегда одни, от века
Вы неподвижный пламень бытия.
Вы — часть меия, сама душа моя.
Любить же я могу лишь человека,
Страдающую тварь, как я.

Не человека даже — шире, шире!
Пусть гор лиловых светит красота
И звезды пышно плавают в эфире,
Любовь неумолима и проста:
Моя любовь — к живому Лику в мире,
От глаз звериных — до Хрнста.

Две сестры

Ты Жизии все простил: игру,
Обиду, боль и даже скучиость.
А темноокую ее Сестру?
А странную нх неразлучность?..

Негласные рифмы

Хочешь знать, почему я весел?
Я опять среди милых чнсел.

Как спокойио меж цифр н мер.
Строг и строен их вечный мир.

Все причинно и тайно-понятно,
Не случайио и не минутно.

И оттуда, где все — кошмары,
Убегаю я в чудо меры.

Как в раю, успокоен н весел,
Я пою — божествениость чисел.

Слово?

Приходили они, уходили снова,
Не могли меня обмануть...
Есть какое-то одно слово,
В котором вся суть.

Другие — сухой ковыль.
Другие все — муть.
Серая пыль.

Шла девочка через улицу,
Закричал ей слово автомобиль...
И вот, толпа над ней сутулится,
Но девочки нет — есть пыль.

Не правда ли, какие странные
Уши и глаза у людей?
Не правда ли, какие туманные
Линии и звуки здесь?
А мир весь
Здесь.
Для нас он — потери...

Но слово знают звери,
Молчаливые звери:
Собачка китайская,
Голая, с кожей грубой,
В дверях какого-то клуба,
Дрожит вечером майским,
Смотрит сторожко,—
Молчит тринадцать лет,
Как молчит и кошка
В булочной на Muette.

Звери сказать не умеют,
Люди не знают,
И мир как пыль сереет,
Пропадом пропадает...

Сон

Наивный месяц, мал и тонок,
Из белых облачных пеленок
Смотрел на луг. А на лугу —
Сидел взъерошенный котенок,
Как в зачарованном кругу.

Зачем он был, зачем сидел,
И отчего так месяц бел,—
Все мне казалось непонятно...
Но был котенок очень смел,
А луг круглился необъятно.

И пенилась моя надежда,—
В котенке, в небе,— как вино...
Иль это сонная одежда
На том, что есть,— но не дано,
Что наяву утаено?..

Тройное

Тройною бездонностью мир богат.
Тройная бездонность дана поэтам.
И разве поэты не говорят
Только об этом?
Только об этом?

Тройная правда — и тройной порог.
Поэты, этому верному верьте.
Только об этом думает Бог:
О Человеке.
Любви.
И Смерти.

Отраженность

Опять ты зреешь золотистой дыней
На заревом небесном огороде,
И с каждым новым вечером — пустынней
Вокруг тебя, среди твоих угодий.

И с каждым вечером, на желтой коже
Сильней и ярче выступают пятна.
Узор, как будто на лицо похожий,
Узор тупой, привычно-непонятный.

Все это мне давным-давно знакомо!
Светлей, круглись и золотей бессонно.
Я равнодушен к золоту чужому,
Ко всем на свете светам — отраженным.

Лягушка

Какая-то лягушка (все равно!)
Свистит под небом черновлажным
Заботливо, настойчиво, давно...
А вдруг она — о самом важном?

И вдруг, поняв ее язык,
Я б изменился, все бы изменилось,
Я мир бы иначе постиг,
И в мире бы мне новое открылось?

Но я с досадой хлопаю окном:
Все это — мара ночи южной
С ее томительно-бессонным сном...

Какая-то лягушка! Очень нужно!

Мера

Всегда чего-ннбудь нет,—
Чего-нибудь слишком много...
На все как бы есть ответ,
Но без последнего слога.

Свершится ли что — ие так,
Некстати, непрочно, зыбко;
И каждый иеверен зиак,
В решенье каждом — ошибка.

Змеится луиа в воде,—
Но лжет, золотясь, дорога...
Ущерб — перехлест везде.
А мера... только у Бога.

Звездоубийца

Все, что бывает, не исчезает.
Пусть миновало, но не прошло.
Луииое иебо тайны ие знает,
Лунное небо праздно-светло.

Все, что мелькнуло,— новым вернется.
Осень сегодня — завтра весна...
Звездоубийца с иеба смеется,
Звездоубийца, злая луна.

В явь превращу я волей моею
Все, что мерцает в тающем сие.
Сердцу ль не верить? Я ль не посмею?
Только ие надо верить луне.

Хорошая погода

Травы, травы, тростинки
На сухой вершиие...
Почему бы тростники?
Нн ручья здесь, ин реки,
Вся вода в долине.

Небо каждый Божий день
Ровиоголубое.
Почему бы каждый день?
И куда девалась тень?
Что это такое?

Для того чтоб обмануть,
Свод небес так ясен.
Соблазннть н обмануть.
Убеднть кого-иибудь,
Что иаш мир прекрасен.

Не поддамся этой лжи,
Знаю, ие забуду:
Мир кругом лежит во лжи...

Ворожи не ворожи —
Не поверю чуду.

В новой

Отблеск зелеиый в двериом стекле,
поют вннзу автомобнлн.
Не думаю о моей земле:
что тут думать? Ее убили.

Вы, коиечно, за это меня —
за иедуманье — упрекнете?
А лишь жду, чтоб прошло трн дня:
оиа воскреснет — в новой плоти.

Жить

Как будто есть — как будто иет...
Умру наверно, а воскресну ли?
То будто тень — то будто свет...
Чего искать и ждать — известно лн?

Вот и живем н будем жить,
Сомненьем жалким вечно жалимы.
А может быть, а может быть,
Так жить и надо, чтоб ие зиали мы?

8 ноября

Тихие сумерки. И разноцветиая,
Медленно меркнущая морская даль.
Розово-серая и безответная,
Тоже тнхая, во мне печаль.

Пахнет розами и иеизбежностью,
Кто поможет, и как помочь?
Вечные смены, вечные смежности,
Лето н осень — деиь н ночь.
. . . .

Свечи кудрявятся за тихой всенощиой,
К окиам высоким мрак прнник.
Пахнет розами... Как мы немощны!
Радуйся, радуйся, Архистратиг!

О воскресеньи

Не пытай ин о чем, дорогой,
Легкой ткани льняной не трогай
И в пыли ие пытай следов...
Не ищн невозможных слов.
Посмотри, как блаженны дети,
Будем просты сердцем и мы:
Нету слов об этом иа свете,
Кроме слов — последних — Фомы.

Сложности

К простоте возвращаться... Зачем?
    Зачем — я зиаю, положим.
Но даио возвращаться не всем:
    Такие, как я,— не можем.

Сквозь колючий кустарник иду,
    Он цепок, мне не пробиться,
Но пускай, ослабев, упаду,
До второй простоты ие дойду,
    Назад — нельзя возвратиться.

Здесь

Чаша земная полна
Отравленного вина.
Я знаю, знаю давно —
Пить ее нужно до дна...
    Пьем,— но где же оно?
    Есть ли у чаши дно?

Там

Когда я воскрес из мертвых,
    Одно меня поразило:
Что это восстанье из мертвых,
И все, что когда-нибудь было,—
    Все просто; все так, как надо.
    Мне раньше бы догадаться!
    И грызла меня досада,
    Что ие успел догадаться...

У маленькой Терезы

Ряды, ряды невестных,
Как девушки, свечей,
Украшенных чудесно
Венцами из огней.

И свет, и тишь, и тени,
И чей-то вздох — к Тебе...
Склоненные колени
В надежде и мольбе.

Огонь дрожит и дышит,
И розами цветет.
Она ли не услышит?
Она ли не поймет?

О, это упованье!
О, эта тишина!
И теплое сиянье,
И нежность,— и Она.

Ты

Ты не приходишь, но всегда —
Чуть вспомню — ты со мною.
Ты мне — как свежая вода
Среди земного зноя...

Счастье

Есть счастье у нас, поверьте,
И всем дано его знать.
В том счастье, что мы о смерти
Умеем вдруг забывать.
Не разумом ложно-смелым
(Пусть знает — твердит свое),
Но чувственно, кровью, телом,
Не помним мы про нее.

О, счастье так хрупко, тонко:
Вот слово, будто меж строк;
Глаза больного ребенка;
Увядший в воде цветок,—
И кто-то шепчет: довольно!
И вновь отравлена кровь,
И ропщет в сердце безвольном
Обманутая любовь.

Нет, лучше б из нас на свете
И не было никого,
Только бы звери да дети,
Не знающие ничего.

Другой

Т. С. В-р.

Неожиданность — душа другого,
Удивляющая вновь и вновь.
Неожиданность — всякое слово,
Всякая ненависть и любовь.

Неожиданностей ожидая,
Будь же готовым им стать слугой.
Неожиданность еще двойная,
Если женщина — твой «другой».

Отъезд

До самой смерти... Кто бы мог думать?
(Санки у подъезда. Вечер. Снег.)
Никто не знал. Но как было думать,
Что это — совсем? Навсегда? Навек?

Молчи! Не надо твоей надежды!
(Улица. Вечер. Ветер. Дома.)
Но как было знать, что нет надежды?
(Вечер. Метелица. Ветер. Тьма.)

Remember!

«...Тот край, где о «прости» уж и помину нет...»
«Прости» — *Жуковский*

«...В разлуке вольной таится ложь...»

Когда разлуку здесь, в изгнаньи,
Мы нашей волей создаем,
Мы ею гасим обещанье
И новых встреч, свидания в краю ином.

Любовь всегда, везде одна.
И кто не высшим указаньем
Здесь, в этом мире, расстается —
Того покинула она.
Покинула и не вернется,
Не даст исполниться святым обетованьям.

Разлукой вольной — вечный круг
Смыкается и там, за гранью:
Прощанье в нем без упованья...
Разлука вольная — страшнее всех разлук.

Слова и Молчания

Есть на земле Слова: они как тени,
Как тень от тени,— в них не верю я.
И есть Молчанья — сны без сновидений,
Как бы предчувствие небытия.
За то другие мне равно угодны;
И открывается душа моя,
Когда Слова крылаты и чисты...
Когда молчанья трепетно-свободны,

И грустно мне, что слов не любишь ты.

Две сестрицы

Тихонько упрекала
Любовь свою Сестру:
Оставить убеждала
Жестокую игру.
Шептала ей: «Послушай,
Упрямицей ие будь!
Оставь людские души,
Не трогай их, забудь.
И я иесу терзанья,
И я пытаю их.
Но сладки им страданья
И раны стрел моих.
Ты ж — словно тихим жалом
Пронзаешь дух и плоть,
Отравленным кинжалом
Не устаешь колоть...
А потому не страиио,
(И вечно будет так)
Что я для иих желаина,
А ты для них — как враг».

«Сестрица, я не злая!
Ведь я тебе сестра.
Все знаю и сама я,
И это не игра.
Прости, что прекословлю,
Пойми, пойми меня!
Я в душах путь готовлю
Для твоего огня.
Поверь: моей отравы
Не знавший человек —
Тебя, с твоею славой
Не примет он вовек!
И видишь: от кинжала
Сама я вся в крови...»

Так отвечала Жалость
Сестре своей — Любви.

Eternite fremissante

В. С. Варшавскому

Моя любовь одна, одна,
Но все же плачу, негодуя:
Одна,— и тем разделена,
Что разделенное люблю я.

О Время! Я люблю твой ход,
Порывистость и равномерность.
Люблю игры твоей полет,
Твою изменчивую вериость.

Но как не полюбить я мог
Другое радостное чудо:
Безвременья живой поток,
Огонь, дыхание «оттуда»?

Увы, разделены они —
Безвременность и Человечность.
Но будет день: совьются дни
В одну — Трепещущую Вечность.

Над забвеньем

Я весь, и сердцем и телом,
Тебя позабыл давно,
Как будто в дому опустелом
Закрылось твое окно.

И вот, этот звук случайный,
Который я тоже забыл,
По связи какой-то тайной
Меня во мне изменил.

Душу оставил все тою,
Уму не сказал ничего,
Лишь острою теплотою
Наполнил меня всего.

Не память,— но воскресенье,
Мгновенный обратный лет...
Так бывшее над забвеньем
Своею жизнью живет.

Сиянья

Сиянье слов... Такое есть ли?
Сиянье звезд, сиянье облаков —
Я все любил, люблю... Но если
Мне скажут: вот сиянье слов,—
Отвечу, не боясь признанья,
Что даже святости блаженное сиянье
Я за него отдать готов...
Все за одно сиянье слов!

Сиянье слов? О, повторять ли снова
Тебе, мой бедный человек — поэт,
Что говорю я о сияньи Слова,
Что на земле других сияний нет?

Рождение

Беги, беги, пещерная вода,
Как пенье, звонкая, как пламя, чистая.
Гори, гори, небесная звезда,
Многоконечная, многолучистая.

Дыши, дыши, прильни к Нему нежней,
Святая, радостная, ночь безлунная...
В тебе рожденного нежь, угрей,
Солома легкая, золоторунная...
Несите, вести, звездные мечи,
Туда, туда, где шевелится мга,
Где кровью черной облиты снега,
Несите вести, острые лучи,
На край земли, на самый край, туда —
Что родилась Свобода трехвенечная
И что горит восходная Звезда.
Многоочитая, многоконечная...

24 декабря

Южные стихи

За что?

Качаются на луне
Пальмовые перья.
Жить хорошо ли мне,
Как живу теперь я?

Ниткой золотой светляки
Пролетают, мигая.
Как чаша, полна тоски
Душа — до самого края.

Морские дали — поля
Бледно-серебряных лилий...
Родная моя земля,
За что тебя погубили?

Жара

Опять черна, знакома и чиста
Свой звездный купол ночь вскружила,
Давно мне сердце эта пестрота
Неотвратимостью своею утомила.

И Млечный Путь — застывшая река,
Где не текут и не мерцают струи...
О, тени Божьих мыслей,— облака!
Я вас любил... И как о вас тоскую!

Дождь

И все прошло: пожары, зной,
И все прошло,— и все другое:
Сереет влажно полог низкий.
О, милый дождь! Шурши, шурши,
Родные лепеты мне близки,
Как слезы тихие души.

Стихи о Луне

1

Пятно

Крнвое, белое пятно
    Комочком смято-мутным
ВИснт бесцельно н давно
    Над морем неуютным.

Вздымая водные пласты,
    Колеблет море сван.
А солнце смотрнт с высоты,
    Блнстая н скучая.

Но вот, в тот миг, когда оно
    Сердито в тучу село,
Мне показалось, что пятно
    Чуть-чуть порозовело.

Тревожнт сердце крнвнзна,
    И розовые тенн,
И жду я втайне от пятна
    Волшебных превращенннй...

2

Стена

В полусверканин зеленом,
Как в полужизнн — полусне,
Иду по крутоузким склонам
По белоблещущей стене.

И тело легкое послушно,
Храннмо прнстальной луной.
И верен шаг полувоздушный
Над оснянной пустотой.

Земля, твон оковы сняты,
Твон законы сменены.
Как немо, вольно н крылато
В высоком царствнн луны!

И вьется в полусмертной тенн
Мой острый путь — тропа любвн...
О мать, земля! монх вндений
Далекнм зовом — не прервн!

Ужель ты хочешь, чтоб опять я
Рабом очнулся, н в провал —
В твон ревннвые объятья —
Тяжелокаменно упал?

Быть может

Как этот странный мир меня тревожнт!
Чем дальше — тем все меньше поннмаю.
Ответов нет. Один всегда: быть может.
А самый честный н прямой: не знаю.
Задумчнвой тревоге нет ответа.
Но почему же дни мои ее все множат?
Как родилась она? Откуда?
Где-то —
Не знаю где — ответы есть... быть может?

Ясность

В. А. Мамченко

Невинны нити всех событий,
Но нх не путай, не вяжи,
И чистота, единость нити
Всегда спасет тебя от лжн.

Прорезы

Здесь — только обещания и знакн:
Игла в закатном золоте внна,
Сняющий прорыв, прорез на мраке...
Здесь только счастье — голубого сна.

Но я земным обетам жадно внемлю.
Текут мгновения, звено к звену.
И я люблю мою родную Землю,
Как мост, как путь в зазвездную страну.

И этот вечер, весь под лунным жалом,
(Все вечера, все вечера — один!)
Лншь алый знак, написанный кинжалом
На терпком холоде зеленых льдин.

И чем доверчивее, тем безгрешней,
Люблю мое высокое окно.
Одну Нездешнюю люблю я в здешней,
Люблю Ее... Она и ты — одно.

Как он

Георгию Адамовичу

Преодолеть без утешенья,
Все пережить н все прннять.
И в сердце даже на забвенье
Надежды тайной не питать,—

Но быть, как этот купол снний,
Как он, высокий н простой,
Склоняться любящей пустыней
Над нераскаянной землей.

Горное

Освещена последияя сосна.
Под иею темный кряж пушится.
Сейчас погаснет н она.
День конченый — не повторится.

День кончился. Что было в нем?
Не зиаю, пролетел, как птица.
Он был обыкновениым днем,
А все-таки — не повторится.

Втайне

Сегодня нмя твое я скрою,
И вслух — другим — не назову.
Но ты услышншь, что я с тобою,
Опять тобой — одной — живу.

На влажном иебе Звезда огромней,
Дрожат — струясь — ее края.
И в ночь смотрю я, и сердце помнит,
Что эта ночь — твоя, твоя!

Дай вновь увидеть родные очи,
Взглянуть в их глубь — и ширь — н синь.
Земное сердце великой Ночью
В его тоске — о, не покинь!

И все жаднее, все неуклонней
Оно зовет — одну — тебя.
Возьми же сердце мое в ладони,
Согрей,— утишь,— утешь, любя...

Ночная гостья

В часы ночные все возможно.
Я был один. Чнтал. Скучал.
Вдруг чей-то шорох осторожный
Я за дверями услыхал.

Под лампой круг уютно светел,
В углах далекнх мир н тень.
Кто там за дверью? Не ответил.
Что ж отворю... хотя н лень.

Я отворил. Вошла — собака.
Не злая, видно по глазам.
А мне подумалось: однако!
Какне гости по ночам!

И кто она? Худой н грязной,
Что нужно ей в моих стенах?
На всякий случай я развязно
Заговорил о пустяках.

Чуть-чуть, вначале, о Ставнском,
Но что Ставнскнй? Он — не мы.
Приятнее о нашем близком,
Чем нынче заняты умы:

О брндже, деньгах, Монпарнасе,—
Ведь это ннтересно всем,—
О синема, о мэтре в Грассе,
И о стнхах Бэ, Ка иль Эм.

Что Це бездарен, О женился,—
Все рассказал, не упустил.
Упомянул, что Дэ напился
И незнакомого нзбил.

Собака тщательно внимала
(За тем, как будто, н пришла!),
Хвостом с прнятностью махала,—
Довольна, вндимо, была.

Но я нссяк. Она встряхнулась,
Зубамн щелкнула — и прочь.
Толкнула дверь, не оглянулась,
Ушла, загадочная, в ночь.

Какого ждать еще мне знака?
О понял, понял я, увы!
Она — Бродячая Собака
С далеких берегов Невы.

Издохла там без покаянья —
Обречена н здесь бродить,
Чтоб мы, всю ночь, в полусознаньн,
Могли о вздоре говорить.

* * *

Довольно! Земного с созвездий не видно!
Витать в межпланетных пространствах мне стыдно.
Земля в содроганьях, в грязи и в кровн —
А мы распеваем о вешней любви.

Довольно! Разбейся лукавая лира!
Довольно! Бериллы — в окне ювелира,
Из лука — мальчишки стреляют ворон.
А девы — на Невском, на бойне — овен.

Ведь топчут сейчас где-то первую травку,
Ведь мылят сейчас для кого-то удавку,
Ведь кто-то сидит над предсмертным пнсьмом,
А мы о любвн небывалой поем.

О робких балконах, о каплях дождевых,
О сладких мечтаньях, бессильно-безгневных
Довольно! Иду...

Нет, стары мы духом н слабы мы телом
И людям не можем, нн словом, ни делом,
Помочь разорвать нх проклятую сеть...
Нам страшно во нмя любвн умереть.

Три встречи

1

Он пришел ко мне,— а кто, не знаю,
Очертил вокруг меня кольцо.
Он сказал, что я его не знаю,
Но плащом закрыл себе лнцо.

Я просил его, чтоб он помедлил,
Отошел, не трогал, подождал.
Еслн можно, чтоб еще помедлил
И в кольцо меня не замыкал.

Удивился Темный: «Что могу я?»
Засмеялся тихо под плащом.
«Твой же грех обвился,— что могу я?
Твой же грех обвил тебя кольцом».

Уходя, сказал еще: «Ты жалок!»
Уходя, сннкая в пустоту.
«Разорвн кольцо, не будь так жалок!
Разорвн н вытянн в черту».

Он ушел, но он опять вернется,
Он ушел — н не открыл лица.
Что мне делать, еслн он вернется?
Не могу я разорвать кольца.

2

Он опять пришел — глядит презрнтельно
(Кто — не знаю, просто — Он, в плаще),
И смеется: «Это утомнтельно,
Надо кончнть, силою вещей.

Я устал следить за жалкой бнтвою,
А мон мннуты на счету.
Целы, не разорваны круги твон,
Нн один не вытянут в черту.

Иль душа доселе не отгрезила?
Я мечтаний долгих не люблю,
Кольца очугуню, ожелезю я
И надежно скрепы закреплю».

Снял перчатки он с улыбкой гадкою
И схватился за концы кольца...
Но его же черною перчаткою
Я в лнцо ударил, пришлеца,—

Нет!.. Лншь кровью может быть запаяно
И распаяно мое кольцо!
Плащ упал, отвеянный нечаянно,
Обнажая мертвое лицо.

Я взглянул в глаза его знакомые,
Я взглянул...— и сник он в пустоту.
В этот час победное кольцо мое
В огненную выгнулось черту.

3

Он приходит теперь не так.
Принимает он рабий зрак,
Изгибается весь покорно
И садится тишком в углу
Вдали от меня, на полу,
Похихикивая притворно.

Шепчет: «Я ведь зашел, любя,
Просто так, взглянуть на тебя,
Мешать не буду,— не смею...
Посижу в своем уголку,
Устанешь — тебя развлеку,
Я разные штучки умею.

Хочешь в ближнего поглядеть?
Это со смеху умереть!
Назови мне только любого,
Укажи скорей, хоть кого,
И сейчас же тебя в него
Превращу я, честное слово!

На миг, не на век!— Чтоб узнать,
Чтобы в шкуре его побывать...
Как минуточку в ней побудешь —
Узнаешь, где правда, где ложь,
Все до донышка там поймешь,
А поймешь — не скоро забудешь.

Что же ты? Поболтай со мной...
Не забавно? Постой, постой,
И другие я знаю штучки...»
Так шептал, лепетал в углу,
Жалкий, маленький, на полу,
Подгибая тонкие ручки.

Разъедал его тайный страх,
Что отвечу я? Ждал и чах,
Обещая мне быть послушен.
От работы и в этот раз
На него я не поднял глаз,
Неответен — и равнодушен.

Уходи — оставайся со мной,
Извивайся,— но мой покой
Не тобою будет нарушен...
И растаял он на глазах,
На глазах растворился в прах,
Оттого что я — равнодушен.

Божея тварь

За Дьявола Тебя молю,
    Господь! И он — Твое созданье.
Я Дьявола за то люблю,
    Что вижу в нем — мое страданье.
Борясь и мучаясь, он сеть
    Свою заботливо сплетает...
И не могу я не жалеть
    Того, кто, как и я,— страдает.

Когда восстанет наша плоть,
    В Твоем суде, для воздеянья,
О, отпусти ему, Господь,
    Его безумство — за страданье.

* * *

Кто они, кто они?
Зачем меня вынули?
Чем-то обвязали,
Куда-то потащили?
На прозрачный свет,
На редкий вздох.
Кто они, кто они?
Была моя вода,
Была моя сырость.
Зачем они на сухо?
Зачем обвязали?
За что меня губят?
Мне больно, больно!

* * *

Не отдавайся никакой надежде
    И сожаленьям о былом не верь.
Не говори, что лучше было прежде...
Ведь, как в яйце змеином, в этом Прежде
    Таилось наше страшное Теперь.
И скорлупа еще не вся отпала,
    Лишь треснула немного: погляди,
Змея головку только показала,
Но и змеенышей в яйце немало...
    Без возмущенья, холодно следи:
Ползут они скользящей чередою,
Ползут, ползут за первою змеею,
Свивая туго за кольцом кольцо...
Ах, да и то, что мы зовем Землею,—
    Не вся ль Земля — змеиное яйцо?

* * *

Дана мне грозная отрада
Моя необщая стезя,
Но говорнть о ней не надо,
Но рассказать о ней нельзя.

И я ли нем однн? Не все лн?
Мое молчанье — не мое:
Слова земные отупелн,
И ржа покрыла лезвне.

Во всех ладах н сочетаньях
Онн давно повторены,
Как надоевшне мечтанья,
Как утомительные сны.

И днн текут. И чувства новы,
Простора нщет жадный дух.
Но где несказанное слово,
Которое пронзает слух?

О, родился я слншком поздно,
А бедный дух мой слншком нов...
И вот с моею тайной грозной
Молчу среди нстлевшнх слов.

* * *

Она войдет, земная н прелестная,
Но моего — ее огонь не встретнт.
Ему одна моя любовь небесная,
Моя прозрачная любовь ответнт.
Я обовью ее святой влюбленностью,
Ее, душистую, как цвет черешни,
Заворожу неуловнмой сонностью,
Отдам земную — радости нездешней.
А пламень тела, жадный н таннственный,
Тебе — другой — тебе, незрнмой в страстн.
И ты прндешь ко мне в свой час единственный,
Покроешь темнымн крылами Счастья.
О, первые твон прнкосновення,
Двойной ожог невндимого тела!
И путь двойной томлення н дления
До молннн. До здешнего предела.

(1915—1927)

* * *

Вскнпают волны тошноты нездешней
И в черный рассыпаются туман.
И вновь во тьму, которой нет кромешней,
Скользят к себе, в подземный океан.

Припадком боли, горестно-сердечной,
Зовем мы это здесь. Но боль — не то.
Для тошноты, подземной и навечной,
Все здешние слова — ничто.
Пред болью всяческой — на избавленье
Надежд раскинута живая сеть:
На дружбу новую, на Время, на забвенье...
Иль, наконец, надежда — умереть.
Будь счастлив, Дант, что по заботе друга
В жилище мертвых ты не все узнал,
Что спутник твой отвел тебя от Круга
Последнего — его ты не видал.
И если б ты не умер от испуга —
Нам все равно о нем бы не сказал.

(1943)

* * *

Когда-то было, меня любила
Его Психея, его Любовь.
Но он не ведал, что Дух поведал
Ему про это — не плоть и кровь.
Своим обманом он счел Психею.
Своею правдой — лишь плоть и кровь!
Пошел за ними, а не за нею,
Надеясь с ними найти любовь.
Но потерял он свою Психею
И то, что было,— не будет вновь.
Ушла Психея, и вместе с нею
    Я потерял его любовь.

(1943)

* * *

Любовь уходит незаметно,
Она бездейственно не ждет.
Скользит, скользит... И было б тщетно
Ее задерживать отход.

Не бойся этого скольженья,
Ты так легко ослепнешь вновь,
Что позабудешь и прозренья,
И слово самое любовь.

Стужа

Как эта стужа меня измаяла,
Этот сердечный мороз.
Мне бы заплакать, чтоб сердце оттаяло,
Да нет слез...

Вячеслав Иванов
1866-1949

Каменный дуб

Хмурый молчальник, опять бормочу втихомолку стихами:
    Хочет и каменный дуб майской листвой прозвенеть.
Дремлет в чеканной броне под бореями бурными зиму:
    Зеленью свежей весна в по́логах темных сквозит.
Черную ветвь разгляди: под металлом скорченных листьев
    Ржавой смеется тюрьме нежный и детский побег.

(1925)

Пчела

Свиданья юного ужель опять тревога
И трепет огненный?.. Чу, милые шаги!
    Дарохранительница Бога,
О Ночь-молчальница, у нашего порога
    Святую тайну стереги!

    А спросит демон-соглядатай:
«Чей в доме дивный свет зажегся и потух?»—
Устами звездными скажи: «Летает Дух
    В лугах моих пчелой крылатой.

    И все мои цветы — мириады звезд — горят
Желаньем жертвенным убийственного жала
И с медом свет Ему дарят;
И, погасая в Нем, что́ знали изначала,
    Последней вспышкой говорят».

(1926)

Notturno

Ропот воли в сумраке полей
Мусикийских темных чар милей.

Пес провыл, и поезд прогремел.
Ветр вздохнул, и воздух онемел.

Лишь вода текучая журчит.
Тайна звездоустая молчит.

В черных складках ночи сладко мне
Невидимкой реять в тишине,

Не своей тоскою тосковать,
Трепет сердца с дрожью звезд сливать.

(1926)

Кот-ворожей

Два суженных зрачка,— два темных обелиска,
Рассекших золото пылающего диска,—
В меня вперив, мой кот, как на заре Мемнон,
Из недр рокочущих изводит сладкий стон.
И сон, что семени в нем память сохранила,
Мне снится — отмели медлительного Нила

И в солнечном костре слепых от блеска дней
Священная чреда идущих в шаг теней
С повернутым ко мне и станом, и оплечьем,—
И с профилем зверей на теле человечьем.
Подобья ястребов, шакалов, львиц, коров,
Какими в дол глядит полдневный мрак богов...

Очнись! Не Нил плескал, не сонный кот мурлыкал:
Размерно бормоча, ты чары сам накликал.
Ни пальм ленивых нет, ни друга мирных нег,—
А печи жаркий глаз, да за окошком снег.

(7 января 1927)

Слово — плоть

Родная речь певцу земля родная.
Ее дубравой песнь его шумит;
И нашептом дубравным ворожит
Небесных вдохновений мать земная.

Неисследима глубь заповедная.
В ночь, ощупью, свой корень луч стремит,—
И силой недр, в лозе струясь, гудит
Словесных гроздий сладость наливная.

Прославленная, светится, звеня
Созвучьям в лад, сходящим издалеча,
Стихия светом умного огня.

И вещий гимн, их свадебная встреча,
Как угль, в алмаз замкнувший солнце дня,
Творенья духоносного предтеча.

(10 февраля 1927)

Палинодия

И твой гиметский мед ужель меня пресытил?
Из рощи миртовой кто твой кумир похитил?
Иль в вещем ужасе я́ сам его разбил?
Ужели я тебя, Эллада, разлюбил?
Но, духом обнищав, твоей не знал я ласки,
И жутки стали мне души недвижной маски,
И тел надменных свет, и дум Эвклидов строй.
Когда ж, подземных флейт разымчивой игрой
В урочный час ожив, личины полой очи
Мятежною тоской неукротимой Ночи,
Как встарь, исполнились,— я слышал с неба зов:
«Покинь, служитель, храм украшенный бесов».
И я бежал, и ем в предгорьях Фиваиды
Молчанья дикий мед и жесткие акриды.

(1927)

Собаки

Ни вор во двор не лезет, ни гостя у ворот:
Все спит, один играет огнями небосвод.
А пес рычит и воет, и будит зимний сон;
Тоскливые загадки загадывает он.

Быть может, в недрах Ночи он видит прежде нас,
Что́, став недвижно, очи в последний узрят час?
Иль слыша вой зазывный родных загробных свор,
С их станом заунывный заводит разговор?

Резва в полях пустынных, где путь лежит теней,
Их бешеная стая: летать бы, лая, с ней!..
Иль есть меж полчищ Ада и ратей Дня вражда,
И псу, как волчье стадо, его родня чужда?

И за кого на травле вступился б страж людской?
За странницу ли Душу, зовущую покой?
Иль гнал бы, ловчий сильный, ее чрез топь и гать
И пастию могильной рвался бы растерзать?..

Блажен, кто с провожатым сойдет в кромешный мрак,
Покрыт плащом крылатым: вождь укротит собак.
И скоро степью бледной на дальний огонек
Придет он в скит к обедне и станет в уголок

И взора не подымет на лица вкруг себя:
Узнает сердце милых, и тая, и любя.
А вот и Сам выходит, пресветлый, на амвон
И Хлеб им предлагает, и Чашу держит Он.

И те за Хлебом Жизни идут чредой одной;
И те, кто Чаши жаждут, другою стороной...
Молчанье света. Сладость. Не гость ли у ворот?..
Немеет ночь... Играет огнями небосвод.

(1927)

Сверстнику

Евгению Аничкову

Старина! Еще мы дюжи мыкать
По́ свету скитальцев русских долю,
В рубище всечеловеков кликать
Духов День, Финиста-птицу, Волю.

На Руси ты знал тюрьму, поместье,
Мысли жар и плещущую младость;
Бранником — отечества бесчестье;
Беженцем — келейничества сладость.

Все в тебе, чем в недрах Русь богата,
Буйствовало: ты мотал богатство...
Как во мне, ином, узнал ты брата?
Осенила муза наше братство.

Странствие разводит нас и сводит;
Встреча — длинной сказки продолженье;
Свидимся — в нас древний хмель забродит,
И кипит ключом воображенье.

(1928)

Земля

Илье Голенищеву-Кутузову

Повсюду гость, и чуженин,
И с Музой века безземелен,
Скворечниц вольных гражданин,
Беспочвенно я запределен.

И по-иному луг мне зелен,
Журчит иначе студенец
Под сенницей лесных молелен,
Чем жнице ль, пастушку ль овец,—

Микулам, сельским уроженцам,
Поднявшим ралами поля...
Но и скитальцам, отщепенцам
Ты мать родимая, Земля.

И в одиночестве, в пустыне,
В смарагдовой твоей ранне,
Едва склонюсь к тебе, дремля,—
Ты шепчешь, сонный мох стеля,
О колыбели, о святыне.

(1928)

Ave, virgo victoriarum!

Моей дочери Лидии

Всплакнула ты?.. И я с тобою плачу,
Утешилась?— я улыбнусь с тобой.
Учися звать удачей неудачу,
Быть заодно с притворщицей-Судьбой.

Вожатая с нахмуренною бровью
Вернейший нам изыскивает след.
За ней стоит, небесною любовью
Тебя покрыв,— Владычица Побед.

А мглы мирской тем пуще противленье,
Чем светлая пронзительней стрела.
Верь Духу! Были бы дела,—
Неотвратимо их явленье.

(1932)

Демоны маскарада

Федору Степуну

«Как упоителен и жуток,
Могильно-зоркий Маскарад,
Загадок-вихрей, вздохов-шуток
Твой жадный шепот, страстный сад,—
Очарований и обмана
Зыбучая фатаморгана,
И блеск, средь общей слепоты,
Твоей кочующей мечты,—
Твой хаос пестрый и безликий,
Где, сердцем сердце подменя,
Все жаждут одного огня,
Как мотыльки,— дневной уликой
Страшась забытый лик вернуть
И ложь мгновенья обмануть,—

Ложь истины твоей змеиной
Иль истину змеиной лжи,
Чтó с были божески-звериной
Стирает поздние межи;
Чтó наши замкнутые звенья
На пламени самозабвенья
Внезапно плавит, ум глушит,
Всех чашей круговой поит —
Подобием гостеприимной
Той чаши, что в урочный час
Цирцея-Смерть смесит для нас,
Порукой связанных взаимной,
Примерив у загробных врат
На каждом каждого наряд.

Личин немало мы сменили,
И те, чтó ныне нам свои,
Нетленней ли былых? Роняли
Мы в прах сухие чешуи.
Есть в лицедейном бесованье
Высокое знаменованье,
Великодушная игра
Со Сфинксом Вечности. Сестра
Могиле маска. Холст печальный,
Чтó ляжет в гроб, и домино
Вам, други Символа,— одно.
Дурман любите ж карнавальный,

И — стародавних тризи обряд —
Змеиный правьте маскарад».

Так демоны глухой Личины,
Родимый отомкнув тайник,
Зовут на древние гостины,
Забвенный будят наш двойник;
Но вы, которым светит Лик,
Не возвращайтесь в ночь Личины.

(1914—1933)

Другу гуманисту

Ф. Ф. Зелинскому

«Ῥῆξον φωνήν» — под новый год
Твой голос в тишине келейной...
Огни я вижу, мистов хоровод,
Тебя, хоровожатый чудодейный;
Над палимпсестом эллинских словес
Тебя, толковник их славянский;
Тебя, Софокл оживший латеранский,
В аттическом плаще — Зевес.

Друг, наши две судьбы недаром
Связует видимая нить:
Мой дар с твоим широкосветлым даром
Изволилось богам соединить,
Дабы в юнейшем племени заветом
Жил Диониса новый свет...
Чрез Альпы, льды сарматские с поэтом
Перекликается поэт.

(1933)

Подражание японскому

Голых веток оснежен излом.
Круглый месяц на дне
Голубом.
Ворон на ветке во сне
Снег отряхает крылом.

(1935)

Римские сонеты

I

Вновь, арок древних верный пилигрим,
В мой поздний час вечерним «Ave Roma»
Приветствую как свод родного дома,
Тебя, скитаний пристань, вечный Рим.

Мы Трою предков пламени дарим:
Дробятся оси колесниц меж грома
И фурий мирового ипподрома:
Ты, царь путей, глядишь, как мы горим.

И ты пылал и восставал из пепла,
И памятливая голубизна
Твоих небес глубоких не ослепла.

И помнит, в ласке золотого сна,
Твой вратарь-кипарис, как Троя крепла,
Когда лежала Троя сожжена.

II

Держа коней строптивых под уздцы,
Могучи пылом солнечной отваги
И наготою олимпийской наги,
Вперед ступили братья-близнецы.

Соратники Квиритов и гонцы
С полей победы, у Ютуриской влаги,
Неузнаны, явились (помнят саги)
На стогнах Рима боги-пришлецы.

И в нем остались до скончины мира.
И юношей огромных два кумира
Не сдвинулись тысячелетья с мест.

И там стоят, где стали изначала —
Шести холмам, сияющим окрест,
Светить звездой с вершины Квиринала.

III

Пел Пиндар, лебедь: «Нет под солнцем блага
Воды милей». Бежит по жилам Рима,
Склоненьем акведуков с гор гонима,
Издревле родников счастливых влага.

То плещет звонко в кладезь саркофага;
То бьет в лазурь столбом и вдаль, дробима,
Прохладу зыблет; то, неукротима,
Потоки рушит с мраморного прага.

Ее журчаньем узкий переулок
Волшебно оживлен; и хороводы
Окрест ее ведут морские боги:

Резец собрал их. Сонные чертоги
Пустынно внемлют, как играют воды,
И сладостно во мгле их голос гулок.

IV

Окаменев под чарами журчанья
Бегущих струй за полные края,
Лежит полузатоплена ладья;
К ней девушек с цветами шлет Кампанья.

И лестница, переступая зданья,
Широкий путь узорами двоя,
Несет в лазурь двух башен острия
И обелиск над Площадью ди-Спанья.

Люблю домов оранжевый загар,
И людные меж старых стен теснины,
И шорох пальм на ней в полдневный жар;

А ночью темной вздохи каватины
И под аккорды бархатных гитар
Бродячей стрекотанье мандолины.

V

Двустворку на хвостах клубок дельфиний
Разверстой вынес; в ней растет Тритон,
Трубит в улиту; но не зычный тон,
Струя лучом пронзает воздух синий.

Средь зноя плит, зовущих облак иней,
Как зелень мха на демоне хитон!
С природой схож резца старинный сон
Стихийною причудливостью линий.

Бернини,— снова наш,— твоей игрой
Я веселюсь, от Четырех Фонтанов
Бредя на Пинчьо памятной горой,
Где в келью Гоголя входил Иванов,
Где Пиранези огненной иглой
Пел Рима грусть и зодчество Титанов.

VI

Через плечо слагая черепах,
Горбатых пленниц, нá мель плоской вазы,
Где брызжутся на воле водолазы,
Забыв, неповоротливые, страх,—

Танцуют отроки на головах
Курносых чудищ. Дивны их проказы:
Под их пятой уроды пучеглазы
Из круглой пасти прыщут водный прах.

Их четверо резвятся на дельфинах.
На бронзовых то голенях, то спинах
Лоснится дня зелено-зыбкий смех.

И в этой неге лени и приволий
Твоих ловлю я праздничных утех,
Твоих, Лоренцо, эхо меланхолий.

VII

Спит водоем осенний, окроплен
Багрянцем нищим царственных отрепий.
Средь мхов и скал, муж со змеей, Асклепий,
Под аркою глядит на красный клен.

И синий свод, как бронзой, окаймлен
Убранством сумрачных великолепий
Листвы, на коей не коснели цепи
Мертвящих стуж, ни снежных блеск пелен.

Взирают так, с улыбкою печальной,
Блаженные на нас, как на платаи
Увядший солнце. Плещет звон хрустальный:

Струя к лучу стремит зыбучий стан.
И в глади опрокинуты зеркальной
Асклепий, клен, и небо, и фонтан.

VIII

Весть мощных вод и в веяньи прохлады
Послышится, и в их растущем реве.
Иди на гул: раздвинутся громады,
Сверкнет царица водометов, Треви.

Сребром с палат посыплются каскады;
Морские кони прянут в светлом гневе;
Из скал богини выйдут, гостье рады,
И сам Нептун навстречу Влаге-Деве.

О, сколько раз, беглец иевольный Рима,
С молитвой о возврате в час потребный
Я за плечо бросал в тебя монеты!

Свершались договорные обеты:
Счастливого, как днесь, фонтан волшебный,
Ты возвращал святыням пилигрима.

IX

Пью медленно медвяный солнца свет,
Густеющий, как долу звон прощальный;
И светел дух печалью беспечальной,
Весь полнота, какой названья нет.

Не медом ли воскресших полных лет
Он напоен, сей кубок Дня венчальный?
Не Вечность ли свой перстень обручальный
Простерла Дню за гранью зримых мет?

Зеркальному подобна морю слава
Огнистого небесного расплава,
Где тает диск и тонет исполин.

Ослепшими перстами луч ощупал
Верх пинии, и глаз потух. Один,
На золоте круглится синий Купол.

(1924—1936)

Ferrea turris

Stat ferrea turris ad auras.
Vergil, Aen, VI. 554

Я видел сон в то лето пред войной.
Вращалась самодвижная громада
Твердыни круглой,— башни, сплошь стальной,—

Изделие горнил литейских ада.
В литой броне, глухих бойниц щиты
Приподымались, словно веки гада.

И дымный клуб из черной пустоты
Изрыгнув, гладью выпуклой металла
Смыкались огневержущие рты.

Расчисленную смерть окрест метала
Бездушная рабыня, плоть и гроб
Души, какой душа живая стала.

Волчком крутил полк адский башню злоб,
Когда, по знаку нáбольшого беса,
Взрыв вспыхнул в погребах ее утроб —

И все застлала мрачная завеса.

(июль 1937)

Monte Tarpeo

Журчливый садик, и за ним —
Твои нагие мощи, Рим!
В нем лавр, смоковница, и розы,
И в гроздиях тяжелых лозы.

Над ним, меж книг, единый сон,
Двух сливших, за рекой времен,
И в гроздиях тяжелых лозы.
Две памяти молитв созвучных,—
Двух спутников, двух неразлучных.

Сквозь сон эфирный лицезрим
Твои нагие мощи, Рим!
А струйки, в зарослях играя,
Журчат свой сон земного рая.

(24 июля 1937)

* * *

— «Уж ты, Раю мой, Раю пресветлый,
Ты почто еси мне заповедан?
И куда ж от меня затворился,
Невидимою схимой покрылся?
Али мною ты, Раю, погублен?
Али в горняя, Раю, восхищен

И цветешь в небеси на воздусех,
А сыру землю сиру покинул?»—

То не крины душистые пахнут,
То не воды журчат живые,—
Говорит Адамовым чадам
Посхи́менный Рай, затворе́нный:
— «Вы не плачьтесь, Адамовы чада:
Я не взят от земли на небо,
Не восхищен к престолу Господню
И родной земли не покинул.
А цвету я от вас недалече,
За лазоревой тонкой завесой:
Ту завесу лазореву знает,
Кто насытил сердце слезами.

Где проходит Божия Матерь
По земле святыми стопами,
Там окрест и я простираю
Доброво́нные сени древесны;
Там бегут мои чистые воды,
Там поют мои райские птицы;
Посреди же меня Древо Жизни,
Древо Жизни — Пречистая Дева».

(1 января 1939)

Из «Римского дневника 1944 года»

Январь

1

Великое бессмертья хочет,
А малое себе не прочит
Ни долгой памяти в роду,
Ни слав на Божием суду,—

Иное вымолвит спасенье
От беспощадного конца:
Случайной ласки воскресенье,
Улыбки милого лица.

2 января

2

Мне в осень сон приснился странный,—
Цветочный рынок снился мне;
Ковром на площади пространной
Пестрел цветник благоуханный...
И вмиг,— внезапно все во сне,—
Прочь убран с глаз, в подвал могильный...
Но из отдушин аромат
Столь проницательный и сильный
Струится, как не пахнул сад.

Редеет сон. В церквах звонят:
День всех усопших... Сердце слышит
Безмолвный, близкие, привет.
Пусть ваших лиц пред нами нет,—
Душа дыханьем вашим дышит.

3 января

3

Тебе завет, потомок мой,
Земли грядущей поселенец!
От зверя-предка путь прямой
К звериности глухонемой.
От зверя кто спасет? Младенец.

Его лишь ты в себе спаси:
Еще невинный, он играет
С лучом и к Богу в небеси,
Смеясь, ручонки простирает.

5 января

9

«У лукоморья дуб зеленый...»
Он над пучиною соленой
Певцом посажен при луке,
Растет в молве укорененный,
Укорененный в языке.

И небылица былью станет,
Коли певец ее помянет,
Коль имя ей умел наречь.
Отступит море,— дуб не вянет,
Пока жива родная речь.

27 января

12

Понесшая под сердцем плод,
Гадая, ждет нетерпеливо,
Впорхнет ли в горницу пугливо
Иль стукнет гостья у ворот.

Как уж на солнечном юру
Играет, то виясь узорно,
То замерев, и вдруг проворно
Юркнет при шорохе в нору:

Так невидимкою над ней
Кружит и сердце беспокоит
Душа чужая, что удвоит
Ее глухую жизнь своей...

Как истончится жизни нить,
Не так ли зовами и снами

Жена, беременная нами,
Захочет нас переманить?

И пред вселеньем в новый дом
Мы в ней узна́ем лик любимый —
И в лоно к ней, в тайник родимый,
Юркнем извилистым ужом?

31 января

Февраль

1

Опушилися мимозы,
Вспухли почки миндалей,
Провожая Водолей.
А свирепых жорл угрозы
Громогласней и наглей.

За градой олив грохочет
Дальнобойная пальба.
Вся земля воскреснуть хочет;
Силе жизни гробы прочит
Мертвой силы похвальба.

1 февраля

3

И поэт чему-то учит,
Но не мудростью своей:
Ею он, всего скорей,
Всех смутит иль всем наскучит.

Жизнь сладка ль на вкус, горька ли,
Сам ты должен распознать,
И свои у всех печали:
Учит он — воспоминать.

11 февраля

4

Даром жизни скоротечной
Кто пугливо дорожит,
Кто при слове Смерть дрожит,—
Как забудется, беспечный,
Чуя, что с каких-то пор
Каждый час его сосчитан,
Зная, что над ним прочитан
С детства смертный приговор?

Но когда б Она слетела
И рукою костяной
Взять из уст его хотела —
Душу?— нет, а наливной
Сладкий плод, что закусил он,—
Не отсрочки бы просил он
Зова Божья на года,—
А душистого плода.

12 февраля

5

К неофитам у порога
Я вещал за мистагога.
Покаянья плод творю:
Просторечьем говорю.

Да и что сказать-то? Много ль?
Перестал гуторить Гоголь,
Покаянья плод творя.
Я же каюсь, гуторя,—

Из Гомерова ли сада
Взять сравненье?— как цикада.
Он цикадам (сам таков!)
Уподобил стариков.

Чтоб на ветках все сидели,
На зеленых в лад скрипели,
Гуторком других учу:
Не вещаю,— не молчу.

13 февраля

6.

Подмывает волна,
Подымает челна,
На песках задремавшего, днище.
Что ж? Ты в путь оснащен,
Да и шквал укрощен,
Челн, мое подвижное жилище.

До рассвета ночлег,
А прилива разбег
Парусов лепетаньем приветим.
Может быть, от кормы
Тень не ляжет, как мы
Корабельщика Ангела встретим.

15 февраля

7

Велисарий-слепец

Марку Спаини

Нищий, в даре вижу чудо,
В чуде — длани Божьей дар.
На серебряное блюдо
Падает хрустальный шар.

Медь деньги́ по меди брякнет
(Старику до похорон
Благостыня не иссякнет) —
Сферы слышу тонкий звон.

Видит ангелов и землю
Взор угасший в хрустале...
Так бесславие приемлю,
Велисарий, на земле.

Верх и низ в тебе, как спицы
В колесе, небесный мяч,
С той поры как на зеницы
Мне покой пролил палач.

17 февраля

Март

1

Март, купель моих крестин,
Возродительной измены,
Бунта месяц, лома льдин
И ветров внезапной смены.

Ты, чей Марса славит звук,
Сеял бранные обиды;
Напрягая звездный лук,
Роковые слал нам Иды;

Разъярял раздор, войну,
И восстанье, и возмездье:
Лук и меч отдай Овну,—
Агнец стал в твоем созвездье.

По дорогам — вешний клир —
Миндалей в цвету литии
Молятся, да снидет мир
В Благовещенье Марии.

1 марта

3

Себя надменно не кори,
Что бо́льшего не совершил;
О том, что́ мог, не говори,
Коль не нашлось на дело сил.

Кто стан свой знает, сердцем прост.
Не тот же ль твой, как ни тянись,
Останется природный рост?
За тенью славы не гонись.

Тень за тобой, не ты за ней;
Порой короче тень, чем ты,
Порой протянется длинней —
Чтоб исказить твои черты.

Будь слуха страж: твоя струна
(Звал душу лирою Платон)
Всегда ль равно напряжена
И верен ли звучанья тон?

Искусство ангельской руки
В целительном наитьи сна
Так нагнетет твои колки,
Чтобы не лопнула струна.

16 марта

Апрель

1

За ветром, в первый день Апреля,
Ты слышишь арфу Ариеля?
Откуда звон? Оттоль? Отсель?
Ау, воздушный Ариель!

Весны, еще сердитой, нега
В чертогах воздуха звучит...
А Красного Креста телега
Груз окровавленный влачит.

Эльф нежный, страшный, многоликий!
Дохни на стан их бурей дикой,
Завей их в шалые огни,
И распугай, и прогони!

1 апреля

3

Ясмины дышат, белые левкои.
Луг белых коней — тешится лазурь
Заоблачной гульбой апрельских бурь.
Гудят, звенят воздушных сосен хвои.

На ветреный зазыв бровей не хмурь.
Стремительней летучая стихия —
Прозрачней, чище глуби голубые,
И светит уверительней лазурь.

15 апреля

4

Когда б не развязались чресла,
Колено не изнемогло,
Отдохновительные кресла
Я променял бы на седло.

Когда бы взбалмошную старость
Хранительный не прятал кров,
Мой вольный бег делил бы ярость
Голубоглазую ветров.

Теперь же мне одно осталось:
Невидимым, как дух иль тать,
Скитаньем обманув усталость,
С вожатой Музою — мечтать.

15 апреля

10

Моей дочери Лидии

Твоих мелодий и созвучий
Люблю я необычный строй.
С какой небесною сестрой,
С какою Музою певучей

От ранних лет сдружнлась ты?
Святой Цецилии черты,
К тебе склоненной, из тумаиа
Мерцают мне, когда органа
Твон касаются персты.

24 апреля

11

Татьяне Львовне Сухотиной — гр. Толстой

Гляжу с любовню на Вас,
Дочь льва пустынного, с которым,
Всю жизнь мою наполнив спором,
Заспорю н в последний час.

Завет подвнжннка высокий
В душе свободной сохраня,
Не провождаете Вы дня
Без думы строгой и глубокой.

Чист Ваш рисуиок, свят рассказ,
Прям неподкупный ум суждений;
Но мне всего дороже геннй,
Разлитый в жнзни Ваших глаз:

Как будто Вам отец оставил
Луч тех магических зерцал,
В каких поэт все то восславил,
Что́ столпник духа отрицал.

27 апреля

Май

6

Шнрокие рекн текут,
Чем к устию ближе, тем шире;
Светила звучат и плывут,
Послушны божествеиной Лире.

Верь Музам! В нестрое землн
Гармония строится мнра,
И в буре к нам боги сошли
Из сфер муснкийских эфира.

А темных слепые вожди
Заводят в безводные дали,
И пряжи Судеб впередн
Гадатели не разгадалн.

16 мая

7

Кому речь Эллннов темна,
Услышьте в снмволах бнблейскнх
Ту весть, что́ Музой внушена
Раздумью струи пифагорейских.

Надейся! Видимый нестрой —
Свидетельство, что Некто строит,
Хоть преисподняя игрой
Кромешных сил от взора кроет

Лик ангелов, какие встарь
Сходили к спящему в Вефиле
По лестнице небес, и тварь
Смыкая с небом, восходили.

А мы не знаем про Вефиль;
Мы видим, что царюет Ирод,
О чадах сетует Рахиль,
И ров у ног пред каждым вырыт.

17 мая

8

Юрию Верховскому

Ты жив ли, друг? Зачем во сне
Приходишь, частый гость, ко мне?
Мы молча жмем друг другу руку,
Ликуя сердцем в тишине,
И на безвестье, на разлуку,

Вздохнув, пеняем. Свеж твой лик,
Но грустен. Что же? Смят, поник,
Иль не увял твой робкий гений,
Златого века ученик
Среди железных поколений?

Священных ставленник теней,
Ты снес ли для грядущих дней
Под неутишной скифской бурей
Родник преемственных огней,
Светильник Муз, мой бедный Юрий?

22 мая

9

Европа — утра хмурый холод
И хмурь содвинутых бровей,
И в серой мгле Циклопов молот,
И тень готических церквей.

Россия — рельсовый широкий
По снегу путь, мешки, узлы;
На странничьей тропе далекой
Вериги или кандалы.

Земля — седые океаны
И горных белизна костей,
И — как расползшиеся раны
По телу — города людей.

23 мая

Июнь

1

Нисходят в душу лики чуждых сил
И говорят послушными устами.
Так вещими зашелестит листами
Вселенской жизни древо, Игдразил.

Одетое всечувственной листвою,
Одно и всё во всех — в тебе, во мне,—
Оно растет, еще дремля в зерне,
Корнями в ночь и в небеса главою.

Ты ж отделиться хочешь, быть лицом..
Блажен, чей лик Архангел ограждает
И, молвив: «Сыном будь, не беглецом!»—
Тебя ко Древу Жизни пригвождает.

4 июня

4

Поэту Джованни Кавикиоли

Аль и впрямь вернулись лета
Аларика, Гензерика,
Коль подарок от поэта
Из Мира́ндолы (прославлен
Тихий город славой Пика)
В день десятый нам доставлен
Пешей странницею, мимо
Проскользнувшей невредимо
Через готский стан, чья сила
Силой ангельской гонима
(Так от Льва бежал Аттила)
Прочь от стен священных Рима.

22 июня

5

События массивные, из тех,
Что на́долго лицо земли меняют,
Во времени теснятся и доспех
Тяжелый свой на города роняют.

Как? Это ли действительность? Металл
Падучих лав и подвижных вулканов?
Как некий бред, нам лик ее предстал
Чудовищней всех колдовских обманов.

А все ж, чем жизнь вещественней долит,
Тем легче, взвившись жаворонком, бремя
Душе стряхнуть. Скользит лениво время —
Забвенья хмель ей вежды тяжелит.

27 июня

Июль

9

Памяти Владимира Соловьева

Четыредесять и четыре
В войне, гражданских смутах, мире
Промчалось года с дня того,
Как над Невой мы с ним простились,
И вскоре в Киеве постились
Два богомольца, за него,
В церковном послушанье русском
Утверждены. У друга, в Узком,
Меж тем встречал он смертный час.
Вмещен был узкою могилой,
Кто мыслию ширококрылой
Вмещал Софию. Он угас;
Но все рука его святая,
И смертию не отнятая,
Вела, благословляя, нас.

15/28 июля

10

Каникула... Голубизной
Гора блаженного Дженнара
Не ворожит: сухого жара
Замглилась тусклой пеленой.
Сквозит из рощ Челимонтана.
За Каракалловой стеной
Ковчег белеет Латерана
С иглой Тутмеса выписной.

Вблизи — Бальбины остов древний.
И кипарисы, как цари,—
Подсолнечники, пустыри:
Глядит окраина деревней.
Кольцом соседского жилья
Пусть на закат простор застроен,—
Все ж из-за кровель и белья
Я видеть Купол удостоен.

29 июля

11

Каникула, иль песья бесь...
Стадами скучились народы:
Не до приволья, не до моды.
А встарь изнеженную спесь
Она гнала в Эдем природы.

Лишь ящерице любо здесь,
В камнях растреснутых и зное.
Да мне. О ласковом прибое

Волны к отлогому песку
Я не мечтаю в уголку
Моей террасы отененной,
На град взирая воспаленный.

29 июля

Август

1

В ночь звездопад; днем солнце парит,
Предсмертным пылом пышет Лев.
Спрячь голову: стрелой ударит
Любовь небесная — иль гнев.

Был небу мил, кто дали мерил
Кометным бегом — и сгорел;
Кто «золотому блеску верил»,
Поэт,— и пал от жарких стрел.

В бестенный полдень сколько милых
Теней глядится через смерть!
И сколько глаз в твоих светилах
Сверкнет, полуночная твердь!

И сколько душ в огнях падучих
Мгновенный промелькнет привет!
Угасит пламень искр летучих,
Начальный не иссякнет свет.

А времена в извечном чуде
Текут. За гриву Дева Льва
С небес влачит. На лунном блюде
Хладеет мертвая глава.

2 августа

2

Едва медовый справлен Спас,
Светает Спас преображенский.
Спас третий — с вечери успенской.
Иванов день: всему свой час.
Крест, свет нагорный, Лика чудо,
С главой усекновенной блюдо:
Страстных святынь иконостас.

Мед с краю, горечь в сердце кубка.
Путь к обновленью естества
Доколе будет — с оцтом губка,
Усекновенная глава?

В юдоли слез трех райских кущей,
Как Петр восторженный, ищу.
Покинутый, к Мимоидущей
Тянусь и — сирота — ропщу,

Что, лишь в нетварном убеленье
Земля завидит свой Фавор,
Над полым гробом уж Успенье
Величит ангельский собор.

Преображенью праздник смежный,
Ты, риза белая души,

Ты, в зное вихрь Марии Снежной,
Пожар чистилища туши
И, след стопы лелея нежной,
Остылый пепл запороши.

5 августа

3

С тех пор как путник у креста
Пел «De Profundis»,— и печали,
И гимнам чужды, одичали
В безлирной засухе уста.

Благословенный, вожделенный
Я вновь увидел Вечный Град,
И римским водометам в лад
Взыграл родник запечатленный,

Не на́долго. Был духу мил
Отказ суровый Палинодий:
Прочь от языческих угодий
Он замысл творческий стремил.

Но в час, когда закат оденет
Полнеба в злато, хоровод
Взовьется ласточек,— вот, вот
Одна, другая вдруг заденет

Тебя крылом, в простор спеша:
Так ныне каждый миг летучий
Волной лирических отзвучий
Спешит напутствовать душа.

8 августа

Сентябрь

1

Ликуя, топчет спелый грозд
Багряный Вресень, виноградарь,
Мой запевало Кормчих Звезд
И старины про то, как Владарь

Землей владал. В полудни бос,
С кривым ножом, в очи с Весами,
Стоит Сентябрь, сбиратель гроз
Под золотыми небесами.

Стоит над ними, в небе слав,
Заклан, земли славянской владарь,
Мой ангел, юный Вячеслав,
Причастной Чаши виноградарь.

Страстны́м поверх венца венцом
Повит, одеян в багряницу...
Еще ли, Вресень, багрецом
Мне полнишь до краев кошницу —

И жив мой вертоград?.. Судьба
Что сохранит из этих звуков?..
Дань лоз осталых в погреба
Сбирай для памятливых внуков!

8 сентября

5

Ты на пути к вратам Дамаска
Не от чужих ослеп лучей:
В тебе свершилася развязка
Борьбы твоей, судьбы твоей.

В твоем Он сердце водворился;
Душа иесла Его, нежна:
Ты, Савл, свирепый бык, ярился
Противу Павлова рожна.

И ныне рожеинцей стонешь,
В дорожиой корчишься пыли.
Откуда голос?— «Что ты гонишь,
О Савл, меня с моей земли?»

23 сентября

6

Став пред врагом, лицом к лицу,
Ты говоришь: «Долой личину!
Сразись, как следует бойцу,
Или низвергнися в пучину».

Так вызывал ты Сатаиу,
Свет Михаил, на поединок.
И днесь, архистратиг иль инок,
Ты к духу держишь речь одну:

«Отважен будь! Отринь двуличье!
Самостоянью научись!
В Христово ль облекись обличье —
Или со Зверем ополчись».

25 сентября

7

Языков правду, христиане,
Мы чтим: со всей землей она
В новозаветном Иордане
Очищена и крещена.

О Слове Гераклиту голос
Поведал, темному, темно;
И шепчет элевсинский колос:
«Не встанет, не истлев, зерно».

Так говорило Откровенье
Эллады набожным сынам,
И Вера нам благоговенье
Внушает к их рассветным снам.

27 сентября

Октябрь

1

Скорпнй жалит с небосклона,
И была мне суждена
Боль от язвнн Скорпнона;
Имн жизнь освящена.

Помню снег окрай дороги,
Пред усадьбою костры,
На рассвете с гробом дроги...
С той мучительной поры

Сколько темных лет промчалось!
Но стоит передо мной,
Что́ случилось, что́ венчалось
Света славой неземной.

22 октября

2

Ждн, пожди зарн неспешной.
Залегла в угорье темь:
Не узнать во тьме кромешной,
Где трона, где срыв н стремь.

Поощупай осторожней,
Как слепой с поводырем,
Где в долину спуск надежней,
Одноглазым фонарем.

Ты вождя крнвого слушай,
И подслепый поводырь
Прнведет в шалаш пастуший
Иль в пустынный монастырь.

22 октября

3

Таннннк Ночн, Тютчев нежный,
Дух сладострастный н мятежный,
Чей так волшебен тусклый свет;
И задыхающнйся Фет
Пред вечностию безнадежной,
В глушинах ландыш белоснежный,
Над оползнем расцветшнй цвет;
И духовндец, по безбрежной
Любвн тоскующий поэт —
Владнмир Соловьев: нх трое,
В земном прозревших неземное
И нам предуказавших путь.
Как нх созвездие родное
Мне во святых не помянуть?

24 октября

5

Рассказать — так не поверишь,
Коль войны не пережил,
Коль обычной мерой меришь
Моготу душевных сил.—

Всё, чего мы натерпелись,
Как под тонкий перезвон,
Что ни день каноны пелись
Безыменных похорон,

А волчицей взвыв, сирена
Гонит в сумрак погребов,
Голосит: приспела смена
Уготованных гробов,—

Как бездомные бродили,
Где-то крылися в ночи,
Как заложников ловили,
Уводили палачи,—

Как... Но нам ли клясть былое?
С наших согнано полей,
На соседей лихо злое
Лише ринулось и злей.

27 октября

Ноябрь

1

Усопших день, всех душ поминки,—
И с разоренных пепелищ
Несет родня цветов корзинки
В пустырь поруганных кладбищ.

Но успокоенным не нужны
Ни мавзолеи, ни цветы.
Их не повинность немоты,
Но мысль томит, что *мы* недужны.

О мертвых память *нам* нужна,
А им — живых под солнцем радость.
Им в Божьей памяти дана
Неотцветающая младость.

2 ноября

2

Станет шар земной теснее,
Мы содвинемся плотнее,
Распрядем кудель в клубок.
Мы — волчок над бездной темной;
Пред вселенною огромной —
Звездной пыли мы комок.

Вопросит Судья, от века
Смутно жданный, Человека:
«Видишь, как ты мал и сир?»
В гордом помысле не кайся,
От себя не отрекайся,
Смело молви: «Я — Твой мир».

И чудесною спиралью
Расклубясь, ты даль за далью
Обовьешь твоим кольцом
И предстанешь взорам Отчим
Уж не известью пред Зодчим,
А Его другим Лицом.

5 ноября

9

Аллеи сфинксов созидал
Знаменовательный Египет.
Исхожен символов дедал;
Волшебных зелий кубок выпит.

Вели аллеею гробниц
Дороги Аппиевой плиты
Во град, откуда шли Квириты
Вслед похоронных колесииц.

Где русских старых лип аллеи,
Лет романтических затеи?
Их вырубил, на мщенье скор,
Наш разгулявшийся топор.

Как лик земли без вас печалеи,
О просеки чрез царство сна!
И вот аллеями развалин
Идут в безвестность племена.

Декабрь

1

Жизнь и дыхаиье сада,
Зеленая листва!
Ветрам, очей услада,
Плащ уронив, от хлада
Укрылась ты, жива,
В нагие дерева.

Напляшутся метели
До устали. Молва
Пройдет в кориях у ели:
«Снега, слышь, разомлели,—
Проталииы, капели:
Повыгляни, трава!»

Навеяли метели
Сувои у ворот.
Когда забродят хмели,
Придет и твой черед.
Уж ангелы пропели
В звездах солнцеворот.

1 декабря

4

Любви доколе
Блуждать, доколь
В твоей неволе,
О, слез юдоль?

О, лес разлуки!
В твоей глуши
Расслышу ль звуки
Родной души?

29 декабря

5

Вы, чьи резец, палитра, лира,
Согласных Муз одна семья,
Вы нас уводите из мира
В соседство инобытия.

И чем зеркальней отражает
Кристалл искусства лик земной,
Тем явственней нас поражает
В нем жизнь иная, свет иной.

И про себя даемся диву,
Что не приметили досель,
Как ветерок ласкает ниву
И зелена под снегом ель.

29 декабря

6

Ев. от Иоанна, 21, 7—12

Порывистый, простосердечный,
Ты мил мне, Петр!— Мечта иль явь?
«Он!»— шепчет Иоанн. И вплавь
Ты к брегу ринулся, беспечный.

Там Иисус уж разложил
Костер, и ждет огонь улова.
О том, что́ было с Ним, ни слова:
Он жив, как прежде с ними жил.

29 декабря

Прощай, лирический мой Год!
Ор поднебесный хоровод
Ты струн келейною игрою
Сопровождал и приводил,
Послушен поступи светил,
Мысль к ясности и чувства к строю,
Со мной молился и грустил,
Порой причудами забавил,
Роптал порой, но чаще славил,
Что в грудь мою вселяло дрожь
Восторга сладкого... «К Афине
Вернись!— мне шепчет Муза:— Ныне
Она зовет. И в дар богине
Сов на Акрополе не множь.
Довольно ей стихов слагали,
И на нее софисты лгали:
Претит ей краснобаев ложь.
О чем задумалася Дева,
Главой склонившись на копье,
Пойдем гадать. Ее запева
Ждет баснословие твое».

31 декабря

В детский альбом

Alle sorelle Giuseppina
e Letizia Volpicelli

На языке иноплеменном
Благословляю жизнь твою.
Во сне младенчества блаженном
Не знай о чем тебе пою,

Склоненный старец над постелью
Твоей и маленькой сестры:
Спешите, пробудясь, к веселью,
Ловите райский луч игры!

Весну гласят и свет и влага
Глухим под глыбой семенам:
Мы вестников не слышим блага,
Уготовляемого нам.

На языке, земле безвестном,
Кто пел тебе в рожденья час?
В круженье ангелов небесном
Который молится за вас?

(1947)

Георгий Иванов
1894-1958

* * *

Это качается сосна
И убаюкивает слух.
Это последняя весна
Рассеивает первый пух.

Я жил, и стало грустно мне
Вдруг, неизвестно отчего.
Мне страшно стало в тишине
Биенья сердца моего.

1923

* * *

Как осужденные, потерянные души
Припоминают мир среди холодной тьмы,
Блаженней с каждым днем и с каждым часом глуше
Наш чудный Петербург припоминаем мы.

Быть может, города другие и прекрасны...
Но что они для нас! Нам не забыть, увы,
Как были счастливы, как были мы несчастны
В туманном городе на берегу Невы.

Май 1924

* * *

Балтийское море дымилось
И словно рвалось на закат,
Балтийское солнце садилось
За синий и дальний Кронштадт.

И так широко освещало
Тревожное море в дыму,
Как будто еще обещало
Какое-то счастье ему.

* * *

Если все, для чего мы росли
И скучали и плакали оба,
Будет кончено горстью земли
О поверхность соснового гроба,

Если новая жизнь, о душа,
Открывается в черной могиле,
Как должна быть она хороша,
Чтобы мы о земной позабыли!

* * *

В дыму, в огне, в сияньи, в кружевах,
Да — в кружевах и в страусовых перьях,
В сухих цветах, в бессмысленных словах
И в самых грешных снах и в детских суеверьях...
— Так женщина смеется на балу.
— Так беззаконная звезда летит во мглу.
Ночь. И асфальт блестит. И дождь идет.
И сыростью от Сены тянет.
И вдруг покажется, что это вот
Единственное, что, быть может, не обманет,
Единственное, что не может обмануть...
— Дай руку. Навсегда. Не позабудь...

* * *

Забудут и отчаянье и нежность,
Забудут и блаженство и измену,—
Все скроет равнодушная небрежность
Других людей, пришедших нам на смену.

Жасмин в цвету. Забытая могила...
Сухой венок на ветре будет биться,
И небеса сиять: все это было,
И это никогда не повторится!

* * *

Напрасно пролита кровь,
И грусть, и верность напрасна —
Мой ангел, моя любовь,
И все-таки жизнь прекрасна.

Деревья легко шумят,
И чайки кружат над нами,
Огромный морской закат
Бросает косое пламя...

* * *

В тринадцатом году, еще не понимая,
Что будет с нами, что нас ждет,—
Шампанского бокалы подымая,
Мы весело встречали — Новый Год.

Как мы состарились! Проходят годы,
Проходят годы — их не замечаем мы...
Но этот воздух смерти и свободы,
И розы, и вино, и холод той зимы
Никто не позабыл, о я уверен.

Должно быть, сквозь свинцовый мрак
На мир, что навсегда потерян,
Глаза умерших смотрят так.

* * *

Прислушайся к дальнему пенью
Эоловой арфы нежней —
То море широкою тенью
Ложится у серых камней.

И голос летит из тумана:
— Я все потерял и забыл,
Печальная дочь океана,
Зачем я тебя полюбил.

* * *

Закроешь глаза на мгновенье
И вместе с прохладой вдохнешь
Какое-то дальнее пенье,
Какую-то смутную дрожь.

И нет ни России, ни мира,
И нет ни любви, ни обид —
По синему царству эфира
Свободное сердце летит.

* * *

От синих звезд, которым дела нет
До глаз, на них глядящих с упованьем,
От вечных звезд — ложится синий свет
Над сумрачным земным существованьем.

И сердце беспокоится. И в нем —
О никому на свете незаметный —
Вдруг чудным загорается огнем
Навстречу звездному лучу — ответный.

И надо всем мне в мире дорогим
Он холодно скользит к границе мира,
Чтобы скреститься там с лучом другим,
Как золотая тонкая рапира.

* * *

Даль грустна, ясна, холодна, темна,
Холодна, ясна, грустна.

Эта грусть, которая звезд полна,
Эта грусть и есть весна.

Голубеет лес, чернеет мост,
Вечер тих и полон звезд.

И кому страшна о смерти весть,
Та, что в этой нежности есть?

И кому нужна та, что так нежна
Что нежней всего — весна?

* * *

Как в Грецию Байрон, о, без сожаленья,
Сквозь звезды, и розы, и тьму,
На голос бессмысленно-сладкого пенья...
— И ты не поможешь ему.

Сквозь звезды, которые снятся влюбленным,
И небо, где нет ничего,
В холодную полночь — платком надушенным...
— И ты не удержишь его.

На голос бессмысленно-сладкого пенья,
Как Байрон за бледным огнем,
Сквозь полночь и розы, о, без сожаленья...
— И ты позабудешь о нем.

(1927)

* * *

Синеватое облако
(Холодок у виска),
Синеватое облако
И еще облака...

И старинная яблоня
(Может быть, подождать?),
Простодушная яблоня
Зацветает опять.

Все какое-то русское —
(Улыбнись и нажми!),
Это облако узкое
Словно лодка с детьми.

И особенно синяя
(С первым боем часов...)
Безнадежная линия
Бесконечных лесов.

* * *

Медленно и неуверенно
Месяц встает над землей.
Черные ветки качаются,
Пахнет весной и травой.

И отражается в озере,
И холодеет на дне
Небо, слегка декадентское,
В бледно-зеленом огне.

Все в этом мире по-прежнему.
Месяц встает, как вставал,
Пушкин именье закладывал
Или жену ревновал.

И ничего не исправила,
Не помогла ничему,
Смутная, чудная музыка
Слышная только ему.

* * *

В глубине, на самом дне, сознанья,
Как на дне колодца — самом дне,—
Отблеск нестерпимого сиянья
Пролетает иногда во мне.

Боже! И глаза я закрываю
От невыносимого огня.
Падаю в него...
и понимаю,
Что глядят соседи по трамваю
Странными глазами на меня.

* * *

Перед тем, как умереть,
Надо же глаза закрыть.
Перед тем, как замолчать,
Надо же поговорить.

Звезды разбивают лед,
Призраки встают со дна —
Слишком быстро настает
Слишком нежная весна.

И касаясь торжества,
Превращаясь в торжество,
Рассыпаются слова
И не значат ничего.

(1930)

* * *

Я слышу — исторня и человечество,
Я слышу — нзгнанне или отечество.

Я в книгах читаю — добро, лицемерне,
Надежда, отчаянье, вера, неверие.

И вижу огромное, страшное, нежное,
Насквозь ледяное, навек безнадежное.

И вижу беспамятство или мучение,
Где все, навсегда, потеряло значение.

И внжу, вне временн н расстояния,—
Над бедной землей неземное сияние.

1930

* * *

В сумраке счастья неверного
Смутно горнт торжество.
Нет ничего достоверного
В сннем сняньн его.
В пропасти холода нежного
Нет ничего нензбежного,
Вечного нет ничего.

Сердце твое опечалили
Небо, весна и вода.
Легкие тучи растаяли,
Легкая встала звезда.
Легкие лодки отчалилн
В синюю даль навсегда.

1930

* * *

Когда-нибудь н где-нибудь
Не все ли равно?
Но розы упадут на грудь,
Звезда блеснет в окно
Когда-нибудь...

Летит зеленая звезда
Сквозь тишину.
Летит зеленая звезда,
Как ласточка к окну —
В счастливый дом,

И чье-то сердце навсегда
Остановилось в нем.

* * *

Это месяц плывет по эфиру,
Это лодка скользит по волнам,
Это жизнь приближается к миру,
Это смерть улыбается нам.
Обрывается лодка с причала,
И уносит, уносит ее...
Это детство и счастье сначала,
Это детство и счастье твое.

Да,— и то, что зовется любовью,
Да,— и то, что надеждой звалось,
Да,— и то, что дымящейся кровью
На сияющий снег пролилось.
...Ветки сосен — они шелестели:
«Милый друг, погоди, погоди...»
Это призрак стоит у постели
И цветы прижимает к груди.

Приближается звездная вечность,
Рассыпается пылью гранит,
Бесконечность, одна бесконечность
В леденеющем мире звенит.
Это музыка миру прощает
То, что жизнь никогда не простит.
Это музыка путь освещает,
Где погибшее счастье летит.

* * *

Это звон бубенцов издалека,
Это тройки широкий разбег,
Это черная музыка Блока
На сияющий падает снег.

...За пределами жизни и мира,
В пропастях ледяного эфира
Все равно не расстанусь с тобой!

И Россия, как белая лира,
Над засыпанной снегом судьбой.

* * *

Россия счастие. Россия свет.
А, может быть, России вовсе нет.

И над Невой закат не догорал,
И Пушкин на снегу не умирал,

И нет ни Петербурга, ни Кремля —
Одни снега, снега, поля, поля...

Снега, снега, снега... А ночь долга,
И не растают никогда снега.

Снега, снега, снега... А ночь темна,
И никогда не кончится она.

Россия — тишина. Россия — прах.
А может быть, Россия — только страх.

Веревка, пуля, ледяная тьма
И музыка, сводящая с ума.

Веревка, пуля, каторжный рассвет,
Над тем, чему названья в мире нет.

(1931)

* * *

Слово за словом, строка за строкой
Все о тебе ослабевшей рукой.

Розы и жалобы — все о тебе.
Полночь. Сиянье. Покорность судьбе.

Полночь. Сиянье. Ты в мире одна.
Ты тишина, ты заря, ты весна,

И холодна ты, как вечный покой...
Слово за словом, строка за строкой,

Капля за каплей — кровь и вода —
В синюю вечность твою навсегда.

* * *

Жизнь бессмысленную прожил
На ветру и на юру.
На минуту — будто ожил.
Что там. Полезай в дыру.

Он, не споря, покорился
И теперь в земле навек.
Так ничем не озарился
Скудный труд и краткий век.
Но... тоскует человек.

И ему в земле не спится
Или снится скверный сон...
В доме скрипнет половица,
На окошко сядет птица,
В стенке хрустнет. Это — он.

И тому, кто в доме, жутко,
И ему — ох!— тяжело.
А была одна минутка.
Мог поймать. Не повезло.

* * *

Так иль этак. Так иль этак.
Все равно. Все решено
Колыханьем черных веток
Сквозь морозное окно.

Годы долгие решалась,
А задача так проста.
Нежность под ноги бросалась,
Суетилась суета.

Все равно. Качнулись ветки
Снежным ветром по судьбе.
Слезы медленны и едки
Льются сами по себе.

Но тому, кто тихо плачет,
Молча стоя у окна,
Ничего уже не значит,
Что задача решена.

* * *

В шуме ветра, в детском плаче,
В тишине, в словах прощанья:
«А могло бы быть иначе»,—
Слышу я, как обещанье.

Одевает в саван нежный
Всю тщету, все неудачи —
Тень надежды безнадежной:
«А могло бы быть иначе».

Заметает сумрак снежный
Все поля, все расстоянья.
Тень надежды безнадежной
Превращается в сиянье.

Все сгоревшие поленья,
Все решенные задачи,
Все слова, все преступленья...

А могло бы быть иначе.

* * *

Было утро какого-то летнего дня.
Солице встало, шиповиик расцвел
Для людей, для тебя, для меия...

Можно вспомиить о Боге и Бога забыть,
Можно душу свою иавсегда погубнть,
Или душу иавеки спасти —

Оттого что шиповнику время цвестн,
И цветущая ветка качнулась в саду,
Где сейчас я с тобою иду.

* * *

Он спал, и Офелия снилась ему
В болотных огнях, в подвеиечном дыму.

Оиа музыкальиой спиралью плыла,
Как сои, отражалн ее зеркала,

Как иимб окружали ее светляки,
Как лес вырастали за ней васнлькн...

...Как просто страдать! Можно душу отдать
И все-таки сна ие уметь передать.
И зиая, что гибель стоит за плечом,
Грустить ни о ком, мечтать ии о чем...

* * *

Ничего ие вернуть. И зачем возвращать?
Разучились любнть, разучились прощать,
Забывать ннкогда не научимся...

Спнт спокойно н сладко чужая страна.
Море ровио шумнт. Наступает весна
В этом мире, в котором мы мучимся.

(1947)

* * *

В конце концов, судьба любая
Могла бы быть моей судьбой.
От безразличья погибая,
Гляжу иа вечер голубой.

Домишки покосились вправо
Под иежным натисков веков,
А дальше тишиил и слава
Весиы, заката, облаков.

* * *

С бесчеловечиою судьбой
Какой же спор? Какой же бой?
Все это иаважденье.

...Но этот вечер голубой
Еще мое владеиье.

И иебо. Красио меж ветвей,
А по краям жемчужио...
Свистит в сиреии соловей,
Ползет по травке муравей,
Кому-то это нужио.

Пожалуй, иужио даже то,
Что я вдыхаю воздух,
Что старое мое пальто
Закатом слева залито,
А справа тоиет в звездах.

* * *

Что-то сбудется, что-то ие сбудется...
Перемелется все, позабудется...

Но остается эта вот, рыжая,
У забориой калитки трава!

...Если плещется где-то Нева,
Если к ией долетают слова —
Это вам говорю из Парижа я
То, что сам поиимаю едва.

* * *

Луиатик в пустоту глядит,
Сияиье им руководит,
Чериеет гибель сиизу.
И даже угадать иельзя,
Куда ои движется, скользя,
По луииому кариизу.

Расстреливают палачи
Невиииых в мировой иочи —
Не обращай вииманья.
Гляди в холодное иичто,
В сияиьи постигая то,
Что выше поииманья.

* * *

Летний вечер прозрачиый и грузиый.
Встала радуга коркой арбузиой,
Вьется птица — крылатый булыжиик...
Так иа иебо глядел передвижник,
Оптимист и искусства подвижиик.

Он был прав. Мы с тобою не правы.
Берегись декадентской отравы:
«Райских звезд», нскаженного света,
Упоенья сомнительной славы,
Неизбежной расплаты за это.

* * *

Теперь тебя не уничтожат,
Как тот безумный вождь мечтал.
Судьба поможет, Бог поможет,
Но — русский человек устал...

Устал страдать, устал гордиться,
Валя куда-то напролом.
Пора забвеньем насладиться,
А может быть — пора на слом...

...И ничему не возродиться
Ни под серпом, ни под орлом!..

* * *

У входа в бойни, сквозь стальной туман,
Поскрипывая, полз подъемный кран,
И ледяная чешуя канала
Венецию слегка напоминала...

А небо было в розах и в огне
Таких, что сердце начинало биться...
Как будто все обещанное мне
Сейчас должно осуществиться.

* * *

Если бы жить... Только бы жить...
Хоть на литейном заводе служить.

Хоть углекопом с тяжелой киркой,
Хоть бурлаком над Великой Рекой.

«Ухнем, дубинушка...»
                    Всё это сны.
Руки твои ни на что не нужны.

Этим плечам ничего не поднять.
Нечего, значит, на Бога пенять.

Трубочка есть. Водочка есть,
Всем в кабаке одинакова честь!

* * *

О нет, не обращаюсь к миру я
И вашего не жду признания.
Я попросту хлороформирую
Поэзией свое сознание.

И наблюдаю с безучастием,
Как растворяются сомнения,
Как боль сливается со счастием
В сияньи одеревения.

(1950)

* * *

Если бы я мог забыться,
Если бы, что так устало,
Перестало сердце биться,
Сердце биться перестало,

Наконец — угомонилось,
Навсегда окаменело,
Но — как Лермонтову снилось —
Чтобы где-то жизнь звенела...

...Что любил, что не допето,
Что уже не видно взглядом,
Чтобы было близко где-то,
Где-то близко было рядом...
(1950)

* * *

Ну, мало ли что бывает?..
Мало ли что бывало —
Вот облако проплывет,
Проплывет, как проплывало,

Деревья, автомобили,
Лягушки в пруду поют.
...Сегодня меня убили.
Завтра тебя убьют.

* * *

Как все бесцветно, все безвкусно,
Мертво внутри, смешно извне,
Как мне невыносимо грустно,
Как тошнотворно скучно мне...

Зевая сам от этой темы,
Ее меняю на ходу.

— Смотри, как пышны хризантемы
В сожженном осенью саду —

Как будто лермонтовский Демон
Грустит в оранжевом аду,
Как будто вспоминает Врубель
Обрывки творческого сна
И царственно идет на убыль
Лиловой музыки волна...

(1950)

* * *

Как обидно — чудным даром,
Божьим даром обладать,
Зная, что растратишь даром
Золотую благодать.

И не только зря растратишь,
Жемчуг свиньям раздаря,
Но еще к нему доплатишь
Жизнь, погубленную зря.

(1950)

* * *

Друг друга отражают зеркала,
Взаимно искажая отраженья.

Я верю не в непобедимость зла,
А только в неизбежность пораженья,

Не в музыку, что жизнь мою сожгла,
А в пепел, что остался от сожженья.

* * *

То, что было, и то, чего не было,
То, что ждали мы, то, что не ждем,
Просияло в весеннее небо,
Прошумело коротким дождем.

Это все. Ничего не случилось.
Жизнь, как прежде, идет не спеша.
И напрасно в сиянье просилась,
В эти четверть минуты, душа.

(1950)

* * *

Этой жизни нелепость и нежность
Проходя, как под теплым дождем,
Знаем мы — впереди неизбежность,
Но ее появленья не ждем.

И, проснувшись от резкого света,
Видим вдруг — неизбежность пришла,
Как в безоблачном небе комета,
Лучезарная вестница зла.

(1950)

* * *

Мелодия становится цветком,
Он распускается н осыпается,
Он делается ветром и песком,
Летящим на огонь весенним мотыльком,
Ветвями ивы в воду опускается...

Проходит тысяча мгновенных лет
И перевоплощается мелодия
В тяжелый взгляд, в сиянье эполет,
В рейтузы, в ментик, в «Ваше благородие»,
В корнета гвардии — о, почему бы нет?..

Туман... Тамань... Пустыня внемлет Богу.
— Как далеко до завтрашнего дня!..

И Лермонтов один выходит на дорогу,
Серебряными шпорами звеня.

* * *

Эмалевый крестнк в петлнце
И серой тужурки сукно...
Какне печальные лица
И как это было давно.

Какне прекрасные лнца
И как безнадежно бледны —
Наследннк, нмператрица,
Четыре великих княжны...

* * *

Не обманывают только сны.
Сон всегда освобожденье: мы
Тайно, безнадежно влюблены
В рай за стенами своей тюрьмы.

Мнльонеру — снится нищета.
Оборванцу — золото рекой.
Мне моя последняя мечта,
Неосуществнмая — покой.

* * *

Поэзия: искусственная поза,
Условное сиянье звездных чар,
Где улыбаясь произносят — «Роза»
И с содроганьем думают «Анчар».

Где, говоря о рае, дышат адом
Мучнтельных ночей н страшных дней,
Пропнтанных насквозь блаженным ядом,
Проросших в мирозданне, корней.

(1952)

* * *

Все представляю в блаженном тумане я:
Статуи, аркн, сады, цветникн.
Темиые волиы прекрасиой рекн...

Раз иачниаются воспоминаиня,
Зиачит... А может быть, все пустяки.

...Вот вылезаю, как зверь из берлоги я
В холод Парижа, сутулый, больиой...
«Бедиые люди» — пример тавтологии,
Кем это сказано? Может быть, миой.

(1952)

* * *

За тридцать лет такого маяиья
По городам чужой земли
Есть от чего прийти в отчаяиье,
И мы в отчаянье пришли.

Отчаянье — успокоеиие.
Как за глухой стеной тюрьмы —
Надежды, страха и волнеиия
Уж не нспытываем мы.

* * *

Мие больше ие страшио. Мне томно.
Я медлеиио в пропасть лечу
И вашей России не помию
И помиить ее ие хочу.

И ие отзываются дрожью
Баиальиой н сладкой тоски
Поля с колосящейся рожью,
Березкн, дымки, огоиьки...

* * *

Торжествеино кончается весна
И розы, как в эдеме расцвели.
Над океаиом блеск н тишина
И в блеске — парусá и корабли...

...Узиает ли когда-нибудь оиа,
Моя невероятиая страиа,
Что было солью каторжной землн?

А впрочем, соли всюду грош цена,
Просыпалн — метелкой подмелн.

* * *

Меняется прическа и костюм,
Но остается тем же наше тело,
Надежды, страсти, беспокойный ум,
Чья б воля изменить их ни хотела.

Слепой Гомер и нынешний поэт,
Безвестный, обездоленный изгнаньем,
Хранят один — неугасимый! — свет,
Владеют тем же драгоценным знаньем.

И черни, требующей новизны,
Он говорит: «Нет новизны. Есть мера,
А вы мне отвратительно-смешны,
Как варвар, критикующий Гомера!»

* * *

Чем дольше живу я, тем менее
Мне ясно, чего я хочу.
Купил бы, пожалуй, имение.
Да чем за него заплачу?

Порою мечтаю прославиться
И тут же над этим смеюсь,
Не прочь и «подальше» отправиться,
А все же боюсь. Сознаюсь...

(1953)

* * *

Я твердо решился и тут же забыл,
На что я так твердо решился.
День влажно-сиренево-солнечный был,
И этим вопрос разрешился.

Так часто бывает: куда-то спешу
И в трепете света и тени,
Сначала раскаюсь, потом согрешу
И строчка за строчкой навек запишу
Благоуханье сирени.

(1953)

* * *

Звезды меркли в бледнеющем небе,
Все слабей отражаясь в воде.
Облака проплывали, как лебеди,
С розовеющей далью редея...

Лебедями проплыли сомнения.
И тревога в сияньи померкла,
Без следа растворившись в душе,

И глядела душа, хорошея,
Как влюбленная женщина в зеркало,
В торжество, неизвестное мне.

(1953)

* * *

Сознанье, как море, не может молчать,
Стремится сдержаться, не может сдержаться,
Все рвется на все и всему отвечать,
Всему удивляться, на все раздражаться.

Головокруженье с утра началось,
Всю ночь продолжалось головокруженье,
И вот — долгожданное счастье сбылось:
На миг ослабело Твое притяженье.

...Был синий рассвет. Так блаженно спалось,
Так сладко дышалось...
                    И вновь началось
Сиянье, волненье, броженье, движенье.

(1954)

* * *

Белая лошадь бредет без упряжки.
Белая лошадь, куда ты бредешь?
Солнце сияет. Платки и рубашки
Треплет в саду предвесенняя дрожь.

Я, что когда-то с Россией простился,
(Ночью навстречу полярной заре),
Не оглянулся, не перекрестился,
И не заметил, как вдруг очутился
В этой глухой европейской дыре.

Хоть поскучать бы... Но я не скучаю.
Жизнь потерял, а покой берегу.
Письма от мертвых друзей получаю
И, прочитав, с облегчением жгу
На голубом предвесеннем снегу.

* * *

Ну да — немного человечности,
Клочок неснившегося сна.
А рассуждения о вечности...
Да и кому она нужна!

Ну да — сиянье безнадежности,
И жизнь страшна и мир жесток.
А все-таки немного нежности,
Цветка хоть чахлый лепесток...

Но продолжаются мучения
И звезды катятся во тьму
И поздние нравоучения,
Как все на свете — ни к чему.

* * *

Но черемуха услышит
И на дне морском простит...

О. Мандельштам

Это было утром рано
Или было поздно вечером
(Может быть, и вовсе не было).

Фиолетовое небо
И, за проснявшим глетчером,
Черный рокот океана.

...Без прицела и без промаха
А потом домой шажком...

И оглохшая черемуха
Не простит на дне морском!

(1954)

* * *

И. О.

Распыленный мильоном мельчайших частиц,
В ледяном, безвоздушном, бездушном эфире,
Где ни солнца, ни звезд, ни деревьев, ни птиц,
Я вернусь — отраженьем — в потерянном мире.

И опять, в романтическом Летнем саду,
В голубой белизне петербургского мая,
По пустынным аллеям неслышно пройду,
Драгоценные плечи твои обнимая.

(1954)

* * *

Луны начищенный пятак
Блеснул сквозь паутину веток,
Речное озаряя дно.

И лодка — повернувшись так,
Не может повернуться этак,
Раз все вперед предрешено.

А если не предрешено?
Тогда... И я могу проснуться —
(О, только разбуди меня!),

Широко распахнуть окно
И благодарио улыбнуться
Сиянью завтрашнего дня.

(1954)

* * *

Калитка закрылась со скрипом,
Осталась в простраистве заря,
И к благоухающим липам
Прнблнзился свет фонаря.

И влажно оин просняли
Курчавою тенью сквозиой,
Как отблеск иа одеяле,
Свечей, сквозь дымок отходной.

И важно онн прошумели,
Как будто посмели теперь
Сказать то, чего не умели,
Пока не захлопиулась дверь.

* * *

Я люблю безиадежный покой,
В октябре — хризаитемы в цвету,
Огоиьки за туманиой рекой,
Догоревшей зари нищету...

Тишину безымяиных могил,
Все баиальности «Песен без слов»,
То, что Аииеиский жадно любил,
То, чего ие терпел Гумилев.

(1954)

* * *

Дождя осенняя туманиость,
Природы жеиское тепло...
А я живу — такая страиность —
Живу и даже верю в зло.

Все это было, было, было;
Все это было, будет, бу...
Плетется рыжая кобыла,
Везет дрова, везет судьбу.

* * *

Слава, императорские троиы,—
Все о иих грустящие тайком,
Задаетесь вы иа макароиы,
Говоря вульгарным языком.

Что мечтать-то: отшумелн годы,
Все исчезло, сгнилн мертвецы,
Но, пожалуй, рыцарн свободы
Те еще отчаянней глупцы.

Минтся нм — из пустоты вселенской
Заново, н сладко на душе,
Выгарцует этакнй Керенский
На кобыле нз папье-маше.

Чтобы снова головы бараньн
Ожидали бы навернияка,
В новом Учреднтельном Собранье
Плети нового Железняка.

* * *

Лнстья падалн, падалн, падалн,
И ннкто им не мог помешать...
От гннющих цветов, как от падалн,
Тяжело становилось дышать.

И неслось светозариое пение
Над плескавшей в тумане рекой,
Обещая в блаженном успении
Отвратнтельный вечиый покой.

(1955)

* * *

И разве мог бы я, о посуди сама,
В твои глаза взглянуть и не сойти с ума.
«Сады». 1921 г.

И. О.

Ты ие расслышала, а я не повторнл,
Был Петербург, апрель, закатный час,
Сняиье, волны, камеиные львы...
И ветерок с Невы
Договорил за нас.

Ты улыбалась. Ты не поняла,
Что будет с нами, что иас ждет.
Черемуха в твоих руках цвела...
Вот наша жнзнь прошла,
А это не пройдет.

(1955)

* * *

Мне весиа ничего не сказала —
Не могла. Может быть — не нашлась.
Только в мутном пролете вокзала
Мимолетная люстра зажглась.

Только кто-то кому-то с перрона
Поклонился в ночной синеве,
Только слабо блеснула корона
На несчастной моей голове.

* * *

Роману Гулю

Нет в России даже дорогих могил,
Может быть, и были — только я забыл.

Нету Петербурга, Киева, Москвы —
Может быть, и были, да забыл, увы.

Ни границ не знаю, ни морей, ни рек.
Знаю — там остался русский человек.

Русский он по сердцу, русский по уму,
Если я с ним встречусь, я его пойму.

Сразу, с полуслова... И тогда начну
Различать в тумане, и его страну.

* * *

Иду — и думаю о разном,
Плету на гроб себе венок,
И в этом мире безобразном
Благообразно одинок.

Но слышу вдруг: война, идея,
Последний бой, двадцатый век...
И вспоминаю, холодея,
Что я уже не человек,

А судорога идиота,
Природой созданная зря —
«Урра!»— из пасти патриота,
«Долой!»— из глотки бунтаря.

* * *

Свободен путь под Фермопилами
На все четыре стороны.
И Греция цветет могилами,
Как будто не было войны.

А мы — Леонтьева и Тютчева
Сумбурные ученики —
Мы никогда не знали лучшего,
Чем праздной жизни пустяки.

Мы тешимся самообманами,
И нам потворствует весна,
Пройдя меж трезвыми и пьяными,
Она садится у окна.

«Дыша духами н тумаиами,
Оиа садится у окна».
Ей за морями-океанами
Видна блаженная страна:

Стоят рождествеиские елочки,
Скрывая сиежную тюрьму.
И голубые комсомолочки,
Визжа, купаются в Крыму.

Оин ныряют иад могилами,
С одной — стихи, с другой — жених...
...И Леонид под Фермопилами,
Коиечио, умер и за ннх.

(1957)

* * *

Бредет старик на рыбный рынок
Купить полфунта судака.
Блестят мимозы от дождиюк,
Блестит зеркальная река.

Провинциальные жилища.
Туземиый говор. Лай собак.
Всё на земле — питье и пища,
Кровать и крыша. И табак.

Даль. Облака. Вот это — ангел,
Другое — словио водолаз,
А третье — совершенный Врангель,
Моноклем округливший глаз.

Но Врангель, это в Петрограде,
Стихи, шампанское, сиега...
О, пожалейте, Бога ради,
Склероз в кровн, болит нога.

Никто его не пожалеет,
И ие за что его жалеть.
Старик скрипучий околеет,
Как всем придется околеть.

Но все-таки... А остальное,
Что мие дано еще, пока —
Сады цветущею весною,
Мистраль, полфуита судака?

* * *

Отвлеченной сложностью персидского ковра,
Суетливой роскошью павлиньего хвоста
В небе расцветают и темнеют вечера,
О, совсем бессмысленно и все же неспроста.

Голубая яблоня над кружевом моста
Под прозрачио призрачной верленовской луной —
Миллионолетняя земиая красота,
Вечиая бессмыслица — оиа опять со мной.

В общем, это правильно н я еще дышу.
Подвернулась музыка: ее и запишу.
Синей паутииою (хвоста или моста),
Линией павлиньей. И все же неспроста.

(1957)

* * *

Вечер. Может быть, последний
Пустозвонный вечер мой.
Я давио топчусь в передией,—
Мие давио пора домой.

В горле тошиотвориый шарик,
Смертн вкус на языке,
Электрический фоиарик,
Как звезда, горит в руке.

Как звезда, что мне светила,
Путеводно предала,
Предала н утопила
В Средиземных волнах зла.

Август 1958

* * *

Отчаянье я превратил в нгру —
О чем вздыхать и плакать, в самом деле?
Ну ие забавно ли, что я умру
Не позже чем иа будущей иеделе?

Умру,— хотя еще прожить я мог
Лет десять иль, пожалуй, даже двадцать.

Никто ие пожалел. И не помог.
И вот приходится смываться.

Август 1958

* * *

Для голодных собак понедельник,
А для прочего общества вторник.
И гуляет с метелкой бездельник,
Называется в вечиости дворник.

Если иекуда больше податься
И никак не добраться домой,
Так давай же шутить и смеяться,
Понедельнечный песик ты мой.

Август 1958

* * *

...И Леонид под Фермопилами,
Конечно, умер и за них.

Строка за строкой. Тоска. Облака.
Луна освещает приморские дали.
Бессильно лежит восковая рука
В сиянии лунном, на одеяле.
Удушливый вечер бессмысленно пуст,
Вот так же, в мученьях дойдя до предела,
Вот так же, как я, умирающий Пруст
Писал, задыхаясь. Какое мне дело
До Пруста и смерти его? Надоело!
Я знать не хочу ничего, никого!

...Московские елочки,
Снег. Рождество.
И вечер,— по-русскому,— ласков и тих...
«И голубые комсомолочки...»
«Должно быть, умер и за них».

* * *

Дымные пятна соседних окон,
Розы под ветром вздыхают и гнутся.
Если б поверить, что жизнь — это сон,
Что после смерти нельзя не проснуться.

Будет в раю — рай совсем голубой —
Ждать так прохладно, блаженно-беспечно.
И никогда не расстаться с тобой!
Вечно с тобой. Понимаешь ли? Вечно...

* * *

«Побрили Кикапу в последний раз,
Помыли Кикапу в последний раз!
Волос и крови полный таз.
Да-с».
Не так... Забыл... Но Кикапу
Меня бессмысленно тревожит,
Он больше ничего не может,
Как умереть. Висит в шкапу —
Не он висит, а мой пиджак —
И все не то. И все не так.

Да и при чем бы тут кровавый таз?
«Побрили Кикапу в последний раз»...

* * *

В ветвях олеандровых трель соловья.
Калитка захлопнулась с жалобным стуком.
Луна закатилась за тучи. А я
Кончаю земное хожденье по мукам,

Хожденье по мукам, что видел во сне —
С изгнаньем, любовью к тебе и грехами.
Но я не забыл, что обещано мне
Воскреснуть. Вернуться в Россию — стихами.

* * *

А что такое вдохновенье?
— Так... Неожиданно, слегка
Сияющее дуновенье
Божественного ветерка.

Над кипарисом в сонном парке
Взмахнет крылами Азраил —
И Тютчев пишет без помарки
«Оратор римский говорил»...

* * *

Меня уносит океан
То к Петербургу, то к Парижу.
В ушах тимпан, в глазах туман,
Сквозь них я слушаю и вижу —

Сияет соловьями ночь,
И звезды, как снежинки, тают,
И души — им нельзя помочь —
Со стоном улетают прочь,
Со стоном в вечность улетают.

* * *

Зачем как шальные свистят соловьи,
Всю южную ночь до рассвета?
Зачем драгоценные плечи твои...
Зачем?.. Но не будет ответа.

Не будет ответа на вечный вопрос
О смерти, любви и страданьи.
Но вместо ответа над ворохом роз,
Омытое ливнями звуков и слез,
Сияет воспоминанье
О том, чем я вовсе и не дорожил,
Когда на земле я томился. И жил.

Александр Кондратьев
1876-1967

Al. Kondratjew 1918-1967

В церкви в день Успенья

Догорают маленькие свечи
Перед Девой на иконостасе,
А Оиа, полна забот о Спасе,
Ножки обняла Ему и плечи.

Грустный взор лица Ее благого
Смотрит вниз сквозь фимиам душистый,
Но спокоен Ои, Малютка-Слово,
На колеиях Матери Пречистой.

Пред Тобой, Владычица, колеии
С сердцем умиленным я склоняю
И тебе под звуки песнопений
Похвалы убогие слагаю:

15.VIII. 1919

«Девство сохранившая, рождая,
Мир Ты не забыла в день Успенья,
В день восстанья к жизни бескоиечной,
Матерь Жизни, Дева Преблагая.
По Твоей молитве Сын Предвечный
Наши души сохранит от тленья».
17.VIII.1919

На уступах Массандры

Сквозь кружево сосеи виднеется море,
Сливаясь с эмалью небес голубой.
Деревья — в злагисто-зелеиом уборе;
Шумят их вершины, шепчась меж собой,
И вторит им издали мерный прибой.

Я на гору лезу, стучу по каменьям,
Цепляясь за корни, о ветви шурша.
Лишь птицы с их щебетом, свистом и пеньем
Меня здесь встречают... и жаждет душа
Излиться стихами, полна вдохновеньем...

* * *

Слышишь ветра холодного пение
Посреди обнаженных ветвей?
Холодеет и солнце осеннее,
И все тоньше, грустнее и бреннее
Вьется ниточка жизни моей.

Юность вдаль унеслась невозвратная;
Вечер жизни ненастно-суров.
На Тебя лишь надежда невнятная.
Ты накинешь на нас, Благодатная,
Ярко-блещущий звездный покров.

Ты усталого сердца биение
Остановишь целящей рукой,
Ты всем скорбям пошлешь утоление
И сквозь краткое смерти мгновение
В Свой введешь лучезарный покой.

* * *

Лазурь небес над моей головою;
Налево горы, покрытые лесом;
Прибоя ропот доносится справа
Сквозь шум и шелест развесистых дубов...
Люблю твой голос, о Матерь-Природа;
Твое дыханье ловлю всею грудью,
Любуюсь блеском серебряным моря,
К тебе припавшего в страсти бессонной.
Я счастлив славить Тебя, о богиня,
Твои златисто-зеленые ризы,
Твоих цикад несмолкаемый скрежет,
Жужжанье пчел и кузнечиков взлеты...
К чему мне рифмы! Твое обаянье
Должно быть славимо речью свободной.
Мои хвалы, может быть, и не стройны,
Но с птичьим свистом и лепетом листьев,
С гуденьем пчел и шумящим прибоем
Они сольются в ритмическом гимне
Тебе, палимая ласками Солнца,
Тебе, объятая вспененным морем,
Дыханье пьющая ветров влюбленных
Матерь-Кибела.

17.IV.1919

* * *

Под защиту Твою прибегаем,
Богоматерь, спасенье людей.
Огради нас от бед и страстей
И укрой нас спасительным краем
Ризы чистой и светлой Твоей!

Труд и горе сложив за порогом,
Мы, чья вера в покров Твой жива,
В сельском храме старинном и строгом
Собрались перед Господом Богом
Во всерадостиый день Покрова.

О Владычица, в тайиой тревоге
На Тебя я иадежду простер,
На Тебя уповаю по Боге,
Будь иа жизиенной трудной дороге
Мие защитой Твой благостиый взор!

О Пречистая Дева, Тобою
Слово Божие к иам рождеио.
Пусть молитвой Твоей преблагою
В иашем сердце, объятом тоскою,
Светом радостным вспыхнет Оио!

26.IX.1919

Гераклес Омфале

Деиь иастал. Прости Омфала!
Коичен рабства краткий срок,
Время странствий виовь иастало.
Не проси. Так хочет Рок.

Дали моря ярко-сиии,
Бодр и свеж шумит прибой.
Эти влажные пустыни
Скоро скроют парус мой.

Ждут меня ииые дали.
Манит властио моря гладь.
Там следов твоих саидалий
Я ие буду целовать.

Преклоняясь пред тобою,
Я гляжу в последний раз
Не с тоскою, не с мольбою
В тайну темных гордых глаз.

Их ие властны больше чары,
И без трепета вдали
Вспомию сладкие удары
Пестрой малеиькой туфли.

Этих туфелек иемало
На моем лежит пути.
Пышиобедрая Омфала,
Рок, зовет меия. Прости.

Осень 1919

* * *

Серебрясь, блистает юная луна.
Пусть себе блистает. Нечего мне ждать.
Ничего не может жизнь мне больше дать,
Чаша наслаждений выпита до дна.

Катится по небу яркая звезда.
Но моих желаний не пошлю ей вслед.
Уж давно желаний в сердце больше нет.
Счастья и надежды прожиты года.

1919—1920

Лягушки

Как томных старых клавесин
Стон мелодично-монотонный,
Звучит их хор неугомонный
Из влажной зелени трясин.
    Звенит многоголосый хор,
    Бессонный, страстный и счастливый,
    И аист, важный и ленивый,
    Идет, склонив пытливый взор,
    Походкою неторопливой.

май 1920
Дорогобуж

* * *

О, усни, мое сердце усталое!
Не томись от несбыточных грез,
И не верь, что на крыльях стрекоз
Прилетит к тебе счастье бывалое.
Не вернутся в соцветие алое
Лепестки облетевшие роз.

* * *

Заливаясь, поют соловьи.
Отовсюду их щелканье слышно,
И сирень, отцветая так пышно,
Стелет крестики наземь свои.

На дорожках — лиловый ковер,
Вся окрестность цветами одета.
Надо мною немолкнущий хор
Звонких пчел, в честь грядущего лета.

8 февраля

1

Сегодня — день восьмого февраля...
Как далека ты, Невская Столица!

Ушли, как сон, родных и близких лица,
Вокруг — уже не русская земля!
Без устали несется колесница
Времен, моей души не веселя.
Я — пленник в ней. Стигийские поля
Уже близки. Загадочный возница
Сурово гонит бешеных коней,
Влекущих нас в неукротимом беге
В страну воспоминаний и теней,
Где как живые ждут меня коллеги
Моих беспечных юношеских дней,
По зданию Двенадцати Коллегий.

2

Столица Севера, как вид прекрасен твой
Над полноводною, медлительной Невой,
Рекой-красавицей в гранитном одеяньи,
Соборов и дворцов величественный строй,
На площадях — царей немые изваянья...
Кто раз тебя видал — забыть не в состояньи.
Не позабыл и я, о Город мой родной,
Далекий Град Петра, тебя в моем изгнаньи,
Твоих каналов мрак, твоей реки сверканье,
Адмиралтейский шпиц, за сквером, золотой,
Гул поздний Невского, и санный бег зимой,
И зоревых ночей весенних обаянье!
О, годы юности! О, розовое зданье,
Как улей, полное студенческой толпой!

Посвящение Тэффи

Покрыта земля прошлогоднею бурой листвою,
Весенняя зелень еще мне не радует взоры.
Грустны обнаженные серо-пологие горы.
Стою у окна и к стеклу я приник головою.

Оторван от родины властно-жестокой судьбою,
От сонма друзей и от храмов искусства и знаний,
Далёко-далёко лечу я на крыльях мечтаний
В край солнечных сказок, незнаемый хмурой толпою.

Средь волн темно-синих, увенчанных гребнями пены,
Там высится остров, где зелень покрыла утесы,
Его увидав, изменяют бег судна матросы,
— Подальше от скал, где поет, завлекая, сирена.

И чудится мне, что ко мне донеслись издалека
Звенящего пенья волшебно-призывные звуки
И голос знакомый — его не забыл я в разлуке
Среди испытаний над сердцем бессильного Рока.

Как сладостны песни, что голос тот пел мне когда-то!
Я жажду их слышать! И старых я жажду и новых.
Пусть мне не добраться до скал тех заветно-лиловых,
Но стих твой... Ужель и к стихам твоим нет мне возврата?

Сирена! Властна ты напевом плеинтельно-стройиым
Меия н заочио дарить твоих сладостных песен...
Ах, если бы рукописы!.. Илн лишь Грюнберг да Гессеи
Автографы Тэффн держать в своих лапах достойны?!

* * *

Посв. Е. П. К.

Посмотри: зазеленели горы,
Солнце светит с сней высоты,
Разоделнсь в яркне уборы
В честь весны деревья и цветы.

Белым сиегом облетают сливы.
Блещет свежий тополевый лист.
Детскнй смех доноснтся счастливый,
И ие молкиет птиц весенний свист.

От жасмииов струн аромата
Пробуждают сонные мечты.
Но, тоской иеясною объята,
Средь цветов не радуешься ты...

* * *

Вот вещи нужные для творчества поэтам:
Стол; окна старые, полны зелеиым светом
От молодой листвы, что вешиий дождь кропил,
И в мутном хрустале стигийский мрак чернил;
Перо, которое нх выпьет ржавым клювом,
Ну н, конечно, тот, кому шептать, люблю «Вам».

Вертоград небесный

Вертограда иебесного Лилня,
Райский Цвет на бесплодной земле,
Распростертый средь праха и пылн я
Образ Твой прнзываю во мгле.

Нимб Твой — звезд серебрнстых сиянне,
Поступь — облачка легкого след.
Дием н иочью Твое одеяние
Дарнт солнца немеркнущий свет.

Очи помыслы гонят иечнстые.
Лик Твой — отблеск зарн на сиегу;
Волоса Твон — рожь золотистая,
А улыбкн сравинть — не могу!

Мие ли, с силамн столь невеликнми,
Слить мой стих в славословящий хор
С херувимами пламенноликими,
Сонмов ангельскнх внять приговор?!

О, Звезда Незакатная, Божия,
О, Светильник надмирных высот,
Я кладу у святого подножия
Вместе с песнью души моей гнет.

Голубица небес ослепительных,
В сферах вечиого света паря,
Не забудь нашнх скорбей мучительных,
О Невеста и Мать Всецаря!

На молнтву, к Тебе вознесенную,
Обрати, Благодатная, взор
И над Русью, тоской угнетенную,
Рапростри Твой златой омофор!

* * *

Наше я преходяще н тленно.
Неизменен н вечен лишь Ты.
Наши жизни, тщеславно-пусты,
Пред Тобою проходят мгновенно.
Память дней наших так коротка!
Все времен унесется потоком.
Ннкакая скрижаль не крепка
Перед нх всестирающнм током.
Все — как сон мимолетный иль дым
Перед ликом спокойным Твоим.

* * *

Есть в царстве снов страна. Там в сумраке видны
Причудливых дворцов застывшие строенья.
Пустынны улнцы, н, трепета полны,
От взора прячутся немые привиденья.

По плитам каменным истертой мостовой
Бродил я медлеиио, весь полои ожидаиья,
Очами злобными, объяты полутьмой,
Смотрели на меня покинутые зданья.

С тревогой тайною я там тебя искал,
Загадочных палат заглядывал в преддверья.
Там было пусто все, и злой паук заткал
Грнфонов мраморных изогнутые перья.

Под аркой темною я крался в тишине
И зорко узкие оглядывал проулки.
Я словно тень скользил, но все ж казалось мне —
Шаги неверные так непривычно гулки.

Тебя там не было. Напрасно призывал
Я стройный образ твой с иеутомимой страстью.
В преддверьях сумрачных мне лапу простирал
Лишь каменный дракон с разинутою пастью.

* * *

Обнталище душ, отрешенных от тела,
Солнце мертвых, нагая Луна,
Много тысяч веков над землей ты блестела,
Неразгаданной тайны полна!

Свет вечерний ноябрьского дня презирая,
С безучастным лицом мертвеца,
Ты глядншь, не суля нам ни ада, нн рая,
Но лишь тяжкие сны без конца.

Эти сны словно черные тучн нависли
И плывут над беспечной землей
И в мозгу вызывают неясные мыслн
О грядущей тоске гробовой...

9 декабря 1932

* * *

Сестер кастальских благостынн
Лишен, я Роком удален
В нзгнанье на брега Горынн.
Забыл меня здесь Аполлон,
И всемн позабыт я ныне.

Но верю, помнят про меня
Не знающие света дня
На берегах печальной Леты
Мон знакомые поэты
И ждут, молчание храня.

1.111.1936 ст. ст.

Марена

О, светлый юноша, мой враг прекрасный, я
Не в бой вступать — любить тебя готова,
Сойди с коня — пусть снежная дуброва
Прнют нам неги будет... Я — твоя.
Брось этот щнт н острне копья
В грудь белую не направляй сурово...
Что ж, я уйду. Но знай, вернуся снова,
Твой юный лик в душе моей тая...
Но не найду тебя я, возвратясь!
Растратив пыл с Землею, а Купалой
Покннут для других, обманутый, усталый,
Ты радость жнть утратншь, милый князь,
И, завернувшнсь в плащ свой ярко-алый,
Уснешь навек, со мной не примнрясь.

(21 января 1921)

Светлый витязь

Белый конь по снеговым полянам,
Где не ступит, там земля видна.
Пробуждать природу ото сна
Едет витязь под плащом багряным.
Всюду чтится по славянским странам
Светлый бог. Рука его сильна,
И Марену копьем она
Поразит, одетую туманом.
Золота червонного перчатки
Крепко держат конскую узду.
Под венцом трясутся на ходу
Жемчуга подвесок в беспорядке.
Кто ты, бог, стремящийся для схватки
По снегам и тающему льду?

Щетинский Триглав

Святилище пышней едва ли видел взор.
По клену резаны, и божества, и птицы,
И звери, и цветы, вдоль стен моей божницы
В пестро раскрашенный переплелись узор.
Там в главной храмине стою я с давних пор,
Предвечной ночи сын, таинственной царицы,
Славянский древний бог, Триглав сереброликий...
Главу четвертую Перунов снес топор...
Ее весь день держу за длинные рога.
Но только смеркнется, я храм мой покидаю.
Конь черный ждет меня, и в поисках врага,
С кривой секирою в руках, я объезжаю
Всю землю Щетина от края и до краю,
Вперяя в тучи взор и в моря берега...

Дзевана

Царицы Лета дочь, прекрасная, как мать,
Но строже, чем она, я — Летница-Дзевана.
В сени священных рощ люблю среди тумана
Вечернего мольбам невинных дев внимать *.
Люблю охотиться и кровью обагрять
Стрелу пернатую из светлого колчана.
Мной нанесенная не заживает рана.
То боги ведают, и мне убор мой смять
Из них не смел никто. Даждбогова сестра,
Пока он на небе, я гуслям сладкострунным
В чертогах матери внимаю от утра
До ночи сумрака. А там — моя пора.
Брожу среди лесов, облита светом лунным
И косы завязав узлом сереброрунным.

---

* В Польше ее считали покровительницей невест. (Здесь и далее подстрочные примечания А. Кондратьева.— *Сост.*)

Месяц

В серебряной ладье по темным небесам
Над сонною землей плыву я одиноко.
Задумчиво вокруг мое взирает око.
Куда плывет мой челн — того не знаю сам.
Пусть вкруг меня горят и близко и далеко
Огни красавиц звезд. К зовущим их устам,
К знакомым мне златым и пышным волосам,
Ах, не влечет меня! Очей моих с востока
Не в силах отвести. В запретном терему
Там спит теперь Заря, царевна молодая.
Лишь минет ночь, она, улыбкой разгоняя
Туман, появится к восторгу моему.
Но деву с розовым лицом не обниму
— В ее сиянии я исчезаю, тая...

Перун — Велесу

Нет, я не брат тебе, о Волос, бог скотов,
Бог племени рабов, покорно гнущих выи.
Варяжских витязей дружины боевые
Меня к вам принесли от дальних берегов.
И победили мы люд здешний и богов.
Все покорили мне удары громовые...
Богини ж здешних мест (им это не впервые)
Улыбки слали мне из вод, из облаков,
С полей и из лесов. Но этим я улыбкам
И взорам ласковым не верю с давних пор.
Для викингов-князей я тот же древний Тор,
В пернатый плащ одет и на подножье зыбком
Свинцово-темных туч стою неколебим...
Кто может быть из вас противником моим?!

* * *

За белой Лебедью, царевною морской,
Ты мчишься бешено. Могуче машут крылья...
Вот Лебедь падает. Ей твоего насилья
Не избежать, Орел. Но я мой лук тугой
Уже напряг. Стрела рассталась с тетивой
И, свистнув, понеслась. Сквозь водяную пыль я
Заметил, как ты вдруг метнулся над волной...
И без исчезнувшей — подруг ты в изобильи
Имеешь на небе.— Любовь их так пылка...
К ним страсть излить лети. Но, раздирая тучи
Одежд их царственных, не забывай, Могучий,
Что не над всем властна, Перун, твоя рука.
И Лебеди не тронь! Иначе снова жгучей
Стрелы изведаешь полночного стрелка.

22.VI.1923

Лешачиха

Хозяину лесов я прихожусь женой.
Известно всякому, что нет другой на свете.
Берлога есть у нас, и в той берлоге дети,
И прижил он их всех до одного со мной.
Пускай бесстыдницы болотные собой
Его пленяют взор, заманивая в сети
Пропахших тиной кос. Лишь только косы эти
Мне в лапы попадут,— такие визг и вой
По лесу полетят, что Мишка брякнет с дуба,
А лисы с зайцами забьются по норам
От гнева моего. И, отомстив мой срам,
В порядок привожу растрепанную шубу.
Медведь залижет мне прокушенную губу
И грудь, где от когтей бесовки виден шрам.

Июль 1925

Земля 1

Земля прекрасная, любовница богов,
Для каждого из них меняешь ты наряды.
Лишь пробудят тебя весной Дажбога взгляды,
Ты сбрасываешь свой белеющий покров
И ризой в зелени пестреющих цветов
Пленяешь божий взор. Веленьям властным Лады
Покорная, любви вкушаешь все отрады
С небесным юношей. Но вот из облаков
Златобородый царь свой лик покажет смелый
И страсти молнией нежданно опалит,
И для Перуна ты приемлешь новый вид
— Убранства желтые, как нивы колос спелый.
А там зима идет, и стан твой вновь обвит
Для князя сумрака одеждой снежно-белой.

Сон Лета

Дворцы богов таит заоблачная высь,
А в том, что краше всех, за прялкой золотою
Царица Лето спит, и, к ней влетев толпою,
Сны в пестрый хоровод, кружась, переплелись,
На бело-розовый свой локоть опершись,
С улыбкой сонной зрит богиня: над волною
На колеснице сын летит и красотою
Пленяет водных дев. Те взорами впились
В Дажбога светлого и пеною морскою
Со смехом брызжут вверх в честь юного царя,
К себе его зовут, но он через моря,
Через леса спешит небесною стезею
И правит на закат, где ждет его с тоскою,
От всех скрываемой, прекрасная Заря.

Морской Царь

Сквозь окиа моего хрустальиого дворца
И солнце видимо, и розовые зори,
И с удивлением бессмыслеииым во взоре
В них рыбы тычутся день целый без конца...
Давно я ие видал веселого лица
И ие плясал давио. И с дочерьми мие горе:
От рук отбилися, и в иебе иа просторе
Летают лебедьми, ие слушая отца...
Того и жди теперь, что та иль эта дочь,
Не ведая о том, как люди вороваты,
Соскучась по воде, сорочку скииет прочь
И в первый пруд нырнет, ио птичьей шкурки сиятой,
На сушу вылезши, уж ие вериет без платы...
И жди ее потом иапрасио деиь и ночь!

Морская Царевна

Царя Морского дочь, люблю я в летиий зиой
Покинуть празелеиь подводиого чертога,
Расплетши волосы, их посушить иемиого
И с пеиой шумиою сравииться белизиой.
Прекрасиее меня иет в море ии одной
Из царских дочерей. Отец иас держит строго,
Но жажда бросить взор иа солнечиого бога
Толкает властно всплыть над теплою волиой.
Отца запрет забыт. Ликуя и смеясь,
Я, запрокинув лик, качаюсь в сладкой иéге
И жду средь сииих вод. Вот в иеустанном беге
Своих коией летит по иебу светлый киязь.
Ои иадо миою!.. Плеск... Из золотой телеги,
Обрызгаи, выглянул, красиея и стыдясь...

Вилы *

Высоко в облаках и средь лесиых дубрав,
Вблизи источников, во мгле ущелий темиых
Живем мы, гордые, вдали очей иескромных
Людского племени. Наш независим нрав.
С колчаиом за спииой, одежду подобрав,
Порою иа лосях иесемся мы огромных
Вслед за медведицей средь скал головоломных.
Иль, волхвоваиьями иапевиыми собрав
На иебе облако, мы частым ливием склоиы
Омоем иаших гор, и по тропе крутой,
Насквозь промочеииый, пришлец бежит домой.
У светлого ключа мы любим мох зеленый.
Там сладок отдых иаш, и юиоша влюблеииый,
Случалось, иарушал без гнева иаш покой...

---

* Согласно Louis Leger, былн нзвестны всем славянам, кроме балтийских. Обнтали в облаках, на земле и в воде (даже морской). Строилн нз облаков воздушные замкн.

Куколка-Чучелка * I

Зовут и куколкой и чучелкой меня.
Я — деревянная, завернута в тряпицы,
Средь чуров нет меня; нет и среди божницы,
Где боги высятся, молчание храня.
Невидимо таясь от света бела дня
Рукой заботливой моей хозяйки-жрицы,
Сама ее храню от притки **, огневицы
И сглазу, нечисть прочь зловредную гоня.
Когда же минет день и тишина ночная
В избе заменит гул докучных голосов,
Беззвучно мать встает, мой тряпочный покров
Снимает бережно с меня и, предлагая
Мне яств, склоняется ко мне, полунагая,
И скорби тайные вверяет мне без слов.

Куколка-Чучелка II

Давно перехожу я из семьи в семью,
Входя туда с женой, с невестой покидая.
Меня тайком от всех приносит молодая;
На одре смертном мать дарит мной дочь свою.
С сироткой девочкой я вместе слезы лью,
Обед ее делю, подруг ей заменяя;
Советы добрые ей подаю средь сна я,
И шепот многих дев в душе моей таю.
Все наклоняются перед лицом моим,
Из грушевого пня изваяниым топорно.
Оно от времени залоснилось и черно;
Но этот темный лик и близок и любим,
Когда с улыбкою знакомой и покорной
Гляжу в их очи я, безмолвно внемля им.

Баба-Яга

Вихрь хладный листья рвет с полунагих ветвей
И с воем в воздухе их кружит, развевая.
В их желтом облаке стучит ступа большая,
И едет с помелом Яга седая в ней.
Под грустный стон дерев и рев лесных зверей
Яга примчалася. Избушку заслоняя,
Вкруг частокол стоит; на нем воронья стая
И трупьи головы, одна другой страшней...
Две мертвые руки ворота отворили;
Ступа сама пошла и стала под навес.
Вот входит в дверь Яга скрипучую, и бес
Из-за печи пищит: «Здесь, бабка, гости были».
— «Кто?» — «Мальчик с девочкой. Кота они кормили,
И тот их выпустил...» — «Где кот?!» Но кот исчез...

(3 марта 1923)

---

* См. русскую сказку о Василисе Прекрасной.
** Притки — род демонов, насылаемых злыми людьми при порче кого-либо.

Кикимора * — Баюну **

Добыча злобных ведьм, далеко от родных,
В подземном царстве я младенческие лета
В глубокой тишине вела, не зная света,
Забыта близкими и позабывши их.
К незримым ликам сил таинственно-немых
Мольбы и жалобы все были без ответа.
Твоей лишь близостью душа была согрета,
Мой черный кот, Баюн, свидетель слез моих!
Ты утешал меня, играл со мной не раз,
Мурлыча мне во тьме пленительные сказки...
Кикиморою став и к людям в дом вселясь,
Их пряжу путаю, краду у жен подвязки,
Детей пугаю и... люблю припомнить ласки
Порой твои, Баюн, и блеск зеленых глаз.

Вий ***

Диканьский дьяк солгал. Я не подземный бес,
Чьи веки страшные землей покрыты черной;
Не знал я никогда породы гномов горной
И в церковь к мертвецам ни разу я не лез.
Я — лишь залетный гость: промчался и исчез.
Но где пронесся я,— посевов гибнут зерна
И не взойдут хлеба; их сжег мой вздох тлетворный.
Где крыльями махну, там юный сохнет лес.
Колодцы, реки сякнут... Поднял тучей пыль я...
И над дорогами стоит она, и гнилью
От балок трупной тянет, и ревут стада,
Травы не находя, сгоревшей без следа...
А я уже в степях за Каспием, куда
Меня назад несут мои бесшумно крылья.

Болотник

Я — Водяному брат двоюродный. Рога,
В отличье от него, мне украшают темя.
Под властию моей болотных бесов племя
Размножилось ****. У них лягушечья нога
И морда кошачья. Бес каждый — мой слуга.
А, может быть, и сын. Такое нынче время.
Никто не знает, где и чье взрастает семя.
Мне это все равно... На наши берега
Влечет заманчиво ночного пешехода

* Украденный нечистью младенец, по преимуществу женского пола, ставший шаловливым домашним гением.

** Демоническое существо, приносящее детям сон и развлекающее их играми и сказками (см. Сахаров).

*** Вероятно, Суховий, демон восточного ветра в степных губерниях Юга России.

**** Согласно русской пословице, в тихом омуте черти водятся, а в лесном болоте родятся.

Болотниц пение. Тропинку потеряв,
На голос, сладостных исполненный отрав.
Спеша, он в сонные к нам попадает воды.
Над гостем темные сомкнутся сверху своды,
И будет долго тлеть он средь подводных трав.

Болотницы

Бесстрастно облила сиянием луна
Болота топкого зыбучие трясины,
Окно бездонное покрыто пленкой тины,
И посреди его, взгляни,— озарена
Серебряным лучом, виднеется одна,
А дальше — две других... О, если б миг единый
Побыть близ этих дев! Пусть лапе лебединой
Подобны ноги их! Но что за белизна
У тел, прикрытых лишь волос волною темных,
И лиц, исполненных желаний неуемных!..
Вон та шевелится... Внемли: она поет.
Как песнь ее звучит среди ночных болот,
Огней блуждающих и бесенят нескромных,
Что плещут лапками, из черных выйдя вод!

Микула *

Сверкающей сохой он пашет целину.
Валятся в борозду и сосенки и ели,
И радостно вокруг звенят пичужек трели,
Немолчно славящих красавицу Весну.
Лошадка напряглась. Натянуты в струну
Гужи шелковые. О камни заскрипели
Присошки, золотясь. Дух от весенней прели
С земли вздымается...— «А ну, кобылка, ну!»
— Порою слышен крик бодрящий и могучий
Микулы. Никого среди богатырей
Сильнее нет его и никого скромней.
Одетый пахарем, и в лапти и в онучи,
Сам ходит по весне он за сохой скрипучей.
Возлюбленный Земли, он верно служит ей.

Домовой

Январской полночью под взмахом топора
Петух затрепетал, с насеста схвачен сонный,
И веник, кровию горячей окропленный,
В дом дед-ведун несет. И спешно, до утра,
Все уголки избы, сарая и двора,
Конюшни и хлевов голик окровавленный
Обходит и метет. И шепот потаенный
Заклятий говорит душе моей: «Пора
Владычества богов минула. Нет их боле.

* Земледельческое божество, «которое любит Мать-Сыра-Земля» (как Деметра Язиона), Микула стал потом одним из «старших» богатырей.

Лишь ты да лесовик, да кое-кто есть в поле,
Да кое-кто в воде еще приемлют в дар
Души загубленной петушьей сладкий пар
Иль гуся или хлеб... Навеки чьей-то волей
С народом связан ты, хотя уж слаб и стар».

Полевик

Я — тоже бог, и мне принадлежат поля;
Я и велик и мал бываю — как колосья
Иль злаки на лугу. Сам — черен, как земля;
Бледней увядших трав висят мои волосья.
Как перепел, меж нив шныряю вкривь и вкось я
И вдоль межи бегу быстрей коростеля,
Но не сломлю нигде ни одного стебля.
А встретятся хмельной Пахом или Федосья,
Что крутит колоски,— так настращаю их,
Что не найдут пути домой они с испугу.
— Не порти людям хлеб и нив не мни моих!..
Я лешему сродни. Иду к нему как к другу.
Нас ночью видели бредущими по лугу
К реке, чтобы ловить русалок там нагих...

Коровья Смерть

При таяньи снегов в ночь на Агафьин день *
Коровой белою, рыча, бегу по селам
И мор скоту несу: рогатым и комолым,
Бычкам и телкам, всем — конец! Через плетень
Старухой, грязный хвост свой пряча под подолом,
Переберусь и в хлев незапертый, как тень
Скользнув, посею смерть. И прочь с лицом веселым
Спешу в соседний двор. Немало деревень,
Где жизни скотские я как траву полола,
Запомнят злобою исполненный мой вид,
Следы моих больших, раздвоенных копыт,
Собак трусливый вой... Лишь лапоть с частокола,
В дегтю намоченный, меня собой страшит
И гонит прочь, когда я обегаю села...

Огненный Змей

Сверкнувши по небу падучею звездой,
Он в искры мелкие рассыпался над хатой,
В трубу змеей виильнул. Заслонки и ухваты
Посыпались... Бух в пол! Вдруг огонек свечной
Погас... Зажегся вновь... И парень молодой,
Здоровый как бугай, чернявый и усатый,
В кунтуш затянутый малиновый богатый,
Перед Солохою, от трепета немой,
Стал неожиданно.—«Что, рада аль не рада?»

---

* 5 февраля ст. ст.

Страсть в бабе вспыхнула от огненного взгляда,
И к гостю льнет она, зардевшись словно мак...
Тьма вновь. И слышнтся: «Ну, ждет тебя награда:
Роднщь ты сына мне, н будет он ведьмак».
И спрятанный в углу дрожнт от страха дьяк...

Ведьма

Никто не должен знать, что ведьмой стала я,
И по ночам коров могу донть незрнмо,
Сорокой выпорхнуть на крышу в струйках дыма,
И рыскать по лугам, свой лнк людской тая.
Кто может отгадать, что черная свннья
Иль сука белая, что пробегает мнмо,
— Соседка по нзбе? Везде неутомнмо
Я порчу людям скот. Задолго до жнивья
Заламываю хлеб. Заглядываю в трубы
И насылаю хворь на плачущнх детей,
Коль мать не угоднт. Мне бабьн слезы любы.
Я парой тоненькнх лягушечьнх костей
Могу воспламенить для старца жар страстей...
Могу, прн случае, заговорить и зубы...

Упырь

Тоска на сердце. Тишь. Не спнтся. Ночь мутна.
Кто в нашу сторону идет там возле моста?
Как мой покойный Ясь. Такого ж точно роста.
Походка та ж... Ужель?! Все блнже... У окна
Остановнлся... Ах, он смотрит!.. И луна,
Блеснув нз туч, льет свет на белый, как береста,
Лнк страшный выходца нежданного с погоста.
И ласковая речь знакомая слышна:
—«Оксана, ясочка! Я это, отворн
Мне дверь нлн окно, н вместе до зарн
С тобой пробудем мы!» Но полная нспуга,
Дрожа, свяченый мак берет его подруга
И сыплет вкруг себя. Не могут упырн
Достать догадливых нз макового круга.

Трясавица Акилед

Нас больше трндцатн *. Все — матери одной.
Простоволосые, но вндом не старухн,
Нагие, жадные, крылатые, как мухн.
Едва лишь узнаем, что в доме есть больной,
К нему слетаемся. Но спорнть меж собой
Не станем. Первая — Невея. Губы сухн.

---

* Сестры-трясавнцы — демоны лнхорадкн — являются в бреду больным. Боятся лошадного черепа, положенного под нзголовье, н — злых собак

Целует сонного. Трепещет он, а в ухе
Его звенят слова Трясенны: «Ты мой!»
Больной дрожит, стеня, н бьется в лнхорадке.
Знобея за сестрой его дыханье пьет.
Ласкают прочие. Помучнть все мы падкн,
И жертву каждая обнимет в свой черед.
Но вздох последннй, вздох, как мед пчелнный сладкнй,
Пью только я одна, меньшая,— Акилед.

Сергей Маковский
1877-1962

Восток и Запад

Две истины, два Бога-Света
в душе, раздвоенной навек,
два мира чуждых и завета —
тебе заблудший человек!

«Увы,— гласит завет Востока,—
все в жизни тлен, земля и твердь.
Смирись, пловец, в пучине рока,
обманна явь, блаженна смерть».

И голос Запада хвалебный:
«Целуй земные алтари,
избранник вечности волшебной,—
борись, роскошествуй, гори!»

Когда же, Господи-Владыко,
Ты просветишь немудрых чад,
и люди мудрости великой
Твои пути соединят?

Отчизна милая, не ты ли,
отвергнув полуправды ложь,
дерзаньем праведных усилий
две истины в одну сольешь?

* * *

Судьбы перехитрить не пробуя,
Смири свой дух — и плоть, и страсть.
Нет, человеческою злобою
Суровых будней не заклясть.
Заботой сердце перегружено.
Хоть любит, любит, а больно.
Гитара старая простужена,
Хрипит и кашляет смешно.
Но ржавых струн не перетягивай.
Пусть фальшь. Далеко ль до беды?
Терпи и бережно потрагивай
Закоченелые лады.

* * *

О, этот юг!
Тютчев

Ах, эти горы! По утрам,
чуть свет, какие озаренья!
Молюсь нагорным алтарям —
и мира непорочен храм,
как в утро первое творенья.

Ах, улететь бы в эту высь
от тьмы, от ужаса земного —
туда, где горы вознеслись
и с бесконечностью слились
пучины неба голубого.

Ах, раствориться в этой мгле,
пронизанной его сияньем,
не помнить о добре и зле,
не быть собою на земле —
быть только светом и мерцаньем...

Певица

В четверг под мое окно
приходит женщина петь.
Пусть ей-то уж все равно,
да жуть на нее смотреть.

Во взоре не то вопрос,
не то, как ножом, печаль,
и грязная прядь волос
бахромкой седой — на шаль.

А песню поет она
такую — хоть плачь навзрыд,
всю душу мою до дна
призывной тоской пронзит.

Любого греха страшней,
нельзя никому простить.
И хочется крикнуть ей:
Неправда, не может быть!

* * *

Все слезы к старости да сны воспоминанья,
душа утихшая — как озера вода
в предсумеречный час, когда свое мерцанье
отдаст ей нехотя вечерняя звезда.

Померк усталый день, а все — воды зеркальной
не гаснет глубина: в лазури озерной,
покинув небеса, клубится остров дальный
и озаряется последней тишиной.

* * *

Когда в тебя толпой ворвутся
слова, которых ты ие ждал,
и звуки спящие просиутся,
которых ты ие пробуждал;
когда иа землю с безучастьем
вдруг взгляиешь, и во тьме души
повеет холодом и счастьем,—
тогда забудь себя, спеши,
спеши облечь мгновеииый трепет
в сияющие ризы слов,
души волшебиый слушай лепет,
журчаиье тайиых родииков...

Нищий

В городском саду за рекой,
под каштаиами, деиь-деиьской
старый иищий сидел иа пие,
всякий раз попадался мие.

Всякий раз минувшей зимой,
через сад проходя домой,
десять су я совал ему
в утешительиую суму.

Ои был очеиь убог и тощ,—
иа посту и в холод и в дождь,
как заморщеииый серый гриб,
к придорожиой траве прилип.

Все о чем-то просил старик,
ио в его слова я ие виик;
что-то шамкал беззубый рот,
да поиять я ие мог весь год.

А иедавио я мимо брел,
иикого в саду ие иашел,—
только пеиь торчал сиротой
иад примятой слегка травой.

И с тех пор, уж ие первый деиь,
мие мерещится этот пеиь,
и иа сердце комом тоска.
Видио, я любил старика.

* * *

Гр. П. А. Бобринскому

О, мир двоящийся, мир отражеиий
в лазури озера пылающий закат,
час иевозвратиости и вечиых возвращеиий,
вечерией памяти благословеииый яд.

Две глуби сонные. Какой — поверим?
Где загорелся луч непризрачной звезды?
Зарю небесную озерный манит терем,
подводные леса — как райские сады.

И ближе ночь. Гореть заря устанет,
растают в сумраке прибрежные холмы,
и дымный Серафим с мечом на страже станет
непостижимости, молчания и тьмы.

* * *

Пылает небо над пустыней,
слепят полдневные лучи.
Далеко — море, в котловине
лепечут горные ключи.
Туда, в лесную тень, по скалам
иду тропинкой не спеша —
каким-то счастьем небывалым
томится певчая душа.

Жук прожужжит иль свистнет птица,
или в траве зашелестит —
все, все земное будто снится
и вечность тайную сулит.
Нездешней правдой сердце дышит
и чутко замирает вдруг
и в каждом звуке слышит, слышит
неслышный уху, тайный звук...

Le Cannet

Плиты

Где-то, где-то на бугре песчаном
обреченной, вымершей земли
стелется покоище: бурьяном
сплошь могилы заросли.

Ни венка, ни урны и в помине,
все сломали заступы веков.
Преданные пыльной паутине —
только плиты без крестов.

Надписей иных не разбираю:
буквы стерлись, имена — не те.
Призрачное что-то вспоминаю,
от плиты брожу к плите.

Боже, как давно-давно под ними
затаилось мертвое жилье!
На одной с трудом прочел я имя
полустертое — мое.

* * *

Спеши, душа! Уж близок перелет
в иную, призрачную землю.
О, птица вольная! За годом год
оиа слышией зовет, зовет —
а я все тише внемлю.

О, птица певчая! Прилежней пой
о том, что было недопето.
Любовь и боль и смертный ужас твой
никто не допоет другой,
а важио только это...

* * *

Стонет иочь, куда-то манит,
вся слезами исходя,
в окна мелко барабанит
дробь осеннего дождя.

Стонет ночь о неизбывном,
иерушимом в мире зле,
о каком-то счастье дивиом,
иедоступном иа земле,—

о далеком, безвозвратиом,
где-то бывшем так давно,
что иа языке понятиом
не расскажешь все равио...

* * *

Возлюбленная тишииа...
Ломоносов

Возлюбленная тишина,
вечернее очароваиье,
виденьями какого сна
овеяио твое молчанье?

Возлюбленная тишииа,
преображение заката,
иедостижимая страна,
покинутая мной когда-то.

Слилось грядущее с былым,
неизмеримое с ничтожным,
и кажется пережитым
все, что казалось невозможиым.

* * *

Эта белая тишь — чарует оиа!
Никогда не снилась такою:
красоты земной всеблаженно полиа,
к неземному зовет покою.

Это иебо и, в синем блеске, иаряд
кружевиой лесного приволья;
этот в ииее сад, садовых оград
запушеиные сиегом колья!

Эти черные пни у дорог торчком
и соломы стог под иавесом;
эта мгла вдали розоватым дымком
иад сквозным заснéженным лесом...

И душа этой белой тишью полиа,
иичего ей больше не надо.
Надышаться морозом хочет она
И печаль ее — как отрада.

Сочельник

В эту иочь, когда волхвы бредут пустыней
за звездой, и грезятся года
иевозвратиые — опять из дали синей
путь указывает мне звезда.

Что это? Мечты какие посетили
сердце в иочь под иаше Рождество?
Теии юиости? любовь? Россия? или —
привидеиья детства моего?

Тишиибй себя баюкаю заветиой,
помия все, все забываю я
в этом сне без сна, в печали беспредметиой,
в этом бытии иебытия.

* * *

Сиег россыпью алмазиой падает,
иа солице светится с утра.
Земля и умирая радует,
и в зимией скудости щедра.

Мирами искорок бесчислеииых
мерцает белый полог зим,
а кружева ветвей безлиствеииых
вдали — как лиловатый дым.

Февральскими снегами сковаиа,
она не верит иищете.
Земиая вечиость уготоваиа
ее иебесиой красоте.

* * *

Опять, опять у моря стоя,
ие иагляжусь на небеса
и в шуме слушаю прибоя
глубин и далей голоса.

Рожденных водною пустыней
внушений тайных не прочесть...
Но в них угадываю ныне
слова премудрые: Он есть.

Он есть, исток и огнь сознанья,
к Нему священные пути,—
Он, вседержитель мирозданья,
Тот, от Кого нельзя уйти.

Огарок

Погаснет электричество в квартире —
спешишь огарком заменить.
И станет в комнате и в целом мире
все по другому как-то быть...

Нарушен установленный порядок,
насторожилась тишина.
Предчувствий, обольщающих догадок
душа встревоженно полна.

Как маленький огарок, луч вливая
в заманивающую тьму,
она мерцает призрачно-живая,
подобная во всем ему.

Фитиль то вспыхнет, то как бы от страха
зажмурится. И вновь темно...
И громче дряхлая бормочет Пряха,
жужжит веретено.

Крест

Свой крест у каждого. Приговорен,
взвалив на плечи ношу, каждый
нести ее, под тяжестью согбен,
и голодом томясь и жаждой.

За что? Но разве смертному дано
проникнуть тайну Божьей кары?
Ни совесть не ответит, все равно,
ни разум твой, обманщик старый.

Но если не возмездье... Если Бог
страданья дарствует как милость,
чтоб на земле, скорбя, ты плакать мог
и сердцу неземное снилось?

Тогда... Еще покорнее тогда,
благослови закон небесный,
иди, не ведая — зачем, куда,
согнув хребет под ношей крестной.

Нет помощи. Нет роздыха в пути,
торопит, хлещет плетью время.
Иди. Ты должен, должеи доиести
до гроба горестиое бремя.

* * *

Бескрайиые сумрачиы земли,
которыми сердце полио.
Люблю их, люблю — не затем ли,
что покинул давио-давио?

Загублеио, выжжеио, стерто...
А вспомнишь когда иевзиачай —
пустыней покажется мертвой
берег твой, средиземный рай.

* * *

Был создан мир или ие создаи,
а пребывает иерушимо,
отвека и вовеки сущий
и гибиуть вечио обречеиный...
Что зиаем? И до нас — что звездам
в пучииах неба? Мимо, мимо
вчерашиий день и деиь грядущий
летит во тьму мертворождеиный.

Из бездны в бездну мчится время,
хороиит все в одиой могиле.
Как искры быстрых метеоров,
зажглись иа миг и гаснут люди.
И иет граиицы между теми,
которые когда-то были,
и теми жизиями, которых
сегодия, завтра ли ие будет.

* * *

Вдали от города и от людей,
от сутолоки общей иесвободы,
вдали от жизии прожитой своей
опять я гостем у природы.

В лесу, иа перекрестке трех дорог
заглохиувших, стоит скамья под дубом,—
облюбовал я этот уголок
в уедииеиии сугубом.

Чуть шелестит вокруг лесиая тишь,
рассказывает сны тысячелетий.
И только слушаешь ее, молчишь
и растворяешься в тепле и свете...

Земля

Когда к земле вплотиую прикосиусь
и всеми чувствами в иее поверю,—
себе каким иичтожным покажусь,
себя какою мерою измерю!

Земля, персть косная н жизии персть.
Покинули ее давио уж боги,
и от небес едииствеииая весть —
ие сон ли человеческий о Боге?

Но если... если этот сои ие ложь!
Тогда весь прах земной предстает ложью,
и ты в себе безмериость позиаешь
и образ и подобье Божье.

* * *

Я есмь. И нет меия — исчезиу,
в несотвореином утоиу,
от звуков, света, жизии — в бездну,
в довремениую тишину.

Так, вечер каждый умирая,
иаутро виовь рождаюсь я,
внезапиым чудом возникаю
из вечности иебытия.

О, смертный дух, поток прерывиый,
иа что тебе земиые сиы,
тебе, исполиеииому дивио
первоиачальиой тишииы?

* * *

Пусть отчизны нет небесной
и чудес ие ждет земля —
все Твореиие чудесио:
время, солице, звезды, я,
мысль моя, вот это слово,
прозвучавшее в веках,
свет и теии сна земного,
сон о райских берегах...
Коль обмаиет — что же, что же?
Здесь, во тьму из темиоты,
этот луч сознанья, Боже,
этот луч сознанья — Ты.

* * *

Не покоряйся искушеиью,
безбожиому не верь уму,
ие верь тоске, не верь сомиеиью,

не верь неверью своему.
Нет, не по прихоти случайной
бездушной персти ты возник.

Лицом к лицу пред вечной тайной,
в ничтожестве — о, как велик!
Всему единое мерило,
всего единый судия —
твое сознанье озарило
слепые бездны бытия...

* * *

Не мысль — предчувствие, прозренье:
земля и мир и жизнь моя —
как сон небес, как провиденье
неузнанного бытия.

Преображающим рассветом
сияет полдень надо мной,
и нет границы между светом,
бессмертием и тишиной.

* * *

Не может быть, чтоб этот мир трехмерный,
куда-то уносящийся в веках,
мир святости, любви — и тьмы и скверны
и красоты божественно-неверной,
чтоб этот мир был только прах...

Не может быть, чтоб огненная сила,
пронзающая персть, была мертва,
и правды благодатной не таила
испепеляющая все могила —
все подвиги, все жертвы, все слова.

Не может быть, чтоб там, за небесами,
за всем, что осязает наша плоть,
что видим мы телесными глазами,
не веял Дух, непостижимый нами,
не слышал нас Господь.

* * *

Зноен день, но с гор прохлада:
и жара, и не жара.
В этих старых липах сада
ветер шелестит с утра.

Небо, даль, просторы... Боже!
этакая благодать —
на качалке полулежа
и дремать, и не дремать,

слушать тнщииы безбрежиой
голоса: цикады скрнп,
гуд пчелы и шорох иежиый,
шелковнстый шелест лнп.

И беззвучье и звучаиье,
песия золотого дня...
Этой музыке молчанья
нет иазваиья у меня.

La Colle-sur-Loup

Наваждение

Не ты ль одиажды, девой-жрицей
на праздиике Паиафнней,
меня задела колесиицей
золотоблещущей своей?

Не ты ли,— помннншь: вечер, форум,
литавры,— мимо шли как раз —
и сердце мие пронзила взором
твоих патрицианских глаз?

Не ты ль, со стен острозубчатых,
заслышав издали мой рог,
иа камни уроиила смятый,
гербами вышнтый платок?

О, да! Стократ красой желаиной
ты разум обольщала мой.
Тогда, представ мне Доииой Аииой
в Севилье чернокружевной,

или тогда — в садах Версальских,
таицуя пудреиый гавот,
или тогда — всходя по-царски
иа якобинскнй эшафот...

И ие тебя ль еще недавно
встречал я,— в оны дии, увы,
Пальмиры севера державиой,—
иа берегах моей Невы?

* * *

Осиротел бассейи. Давио лн дружио
в ием отражалнсь купы старых лип,
и блеск играл золотоперых рыб,
и шелестел фоитаи струей жемчужной...

Теперь он пуст, теперь его не иужио.
В иемых аллеях только ветра всхлип,
сииицы пнск, дуплнстых вязов скрип,
да ты, печаль моя по далн южной!

Примолкла жизнь, далеко племеиа
болтливых птиц, кроты зарылись в норах.
Лишь вороиье: кра-кра! И тншнна.
Куда ии гляиь — пожухлых листьев ворох...
Безлюдье, грусть, сухой предзнмний шорох
и первых заморозков седииа.

* * *

Горит полудеиное лето,
от зиоя дымио в синеве,
сухая серебристость света —
как пыль иа выжженной траве.

Не шелохиется воздух чнстый,
не дрогиет гориая сосиа.
Юг средиземный, день лучистый,
сияющая тишина!

Таииствеииа, первоначальиа —
в ией тоиут небо и земля,
и как-то радостно-печально
ей отвечает жнзиь моя.

Дождь

Ах, воистину чудесеи
деиь весеииий! Даже в дождь.
Лес мие дорог н без песен,
сладок запах мглистых рощ.

В гиездах прячутся наседки,
плачет иебо, иа траву
тихо каплет с каждой ветки
сквозь намокшую листву.

Низко облака над лесом.
Грустио, сыро и темио.
Пусть! И дождевым завесам
завораживать дано.

Лужи, грязь, вода в овраге.
Дождь... А все ж как хороша
этой животворной влаги
лес обиявшая душа!

* * *

Затншье виллы... Мерным стоном
всё чьн-то гаммы. Солнце. Леиь.
Из детской — сад, а над балкоиом
опущеииой маркнзы сеиь...
И ветер с моря, под маркизу

ныряя весело, хмельно,
слегка пощелкивает снизу
в напруженное полотио.

И это все: одна мииута,
Одна зариица волшебства.
Прошли года, ио почему-то
во мне с тех пор она жива...
Уносят к югу, к счастью, к детству
тугие всплески полотиа —
и чьи-то гаммы по соседству
из иезиакомого окиа.

Рим

Saget, Steine, mir an, o sprecht
ihr hohen Paläste! Goethe

Ольге Александровне Шор

Издалёка

Как ярок — ослепительио! Но страиио:
он издалека светит весь тумаино,
и кажется, что с иеба эта мгла
сияющая иа иего сошла.
Дома, дома и, островами, парки,
а выше — звоииицы, столпы и арки.
Присмотришься: моиастыри, дворцы
и стеи полуразрушеииых зубцы,
Саи-Пьетро, и — похожие иа скалы
изглоданные — термы Каракаллы.
О, дивное покоище миров,
богохраиимый вертоград Христов!
Заворожеи прошедшим вечиосущим,
каким векам внимаешь ты грядущим?

San Pietro

Когда метет по Риму трамоитаиа,
выплескивая в иебо непогоду,
и клоиит кипарис и морщит воду
бормочущих на площади фонтаиов —
прозрачнее от света и от ветра
вкруг обелиска мрамор чудотвориый,
таииствеииее в заводи соборной
колоичатые иеводы Сан-Пьетро.
Плывем, воистину, в ладье рыбачьей
у берегов обещаииого рая,
откуда мы когда-иибудь, взирая
иа этот мир, увидим все ииаче...
Да будет! Не повергиуть, ие увлечь иас
теченью к гибельным водоворотам!
В тиши, страстям далекой и заботам,
уиосит к ослепительным высотам
река земиых времеи, впадая в Вечность.

Сад Корсини

Уж были сумерки, когда привратник
впустил меня в пустынный сад Корсини,—
темнели призрачные кущи пиний
и пахли ароматней.

Куда-то в гору повела аллея:
все лавр, дубы, магнолии, каштаны.
На перекрестках — смолкшие фонтаны,
обломки мавзолея.

Крапивой густо поросли боскеты,
заброшенные клумбы одичали,
по-прежнему один ручьи журчали
журчаньем вечной Леты.

Как в царстве мертвых, я бродил по саду,—
с площадок лестницы монументальной
безлюдию аллей внимал печально
и шуму водопада.

И все казалось мне таким знакомым —
гигантских пальм стволы с корой косматой,
и в заросли увечный мрамор статуй,
и с тиной водоемы...

Тиволи

По-разному здесь воды плещут:
то серебристым говорком,
то льются песней, то, кругом
глуша все звуки, буйно хлещут.

Вода, вода! На горный склон
спешат потоки отовсюду,
и внемлет их живому гуду
молчанье былых времен.

Ключом, сверкая, струи бьют,
плюются сказочные гады,
грохочут, пенясь, водопады
и дымной влагой обдают.

Из зевов мраморных фонтаны
взлетают дугами везде,
и отражаются в воде,
двоясь, и кедры и платаны...

Но есть аллеи: глухо в них.
Там кипарисы вековые
о мертвых думают, чужие
тревогам и словам живых.

Requiem

Dis manibusque sacrum

Друзья! Все блнже к вам шаги мои,
н дух о вас печалится все чаще,—
все прнзрачней сквозят лесные чащн,
куда-то бег змеится колен,
и обращается в кастальскне струн
слышней из глубн ключ журчащий.

Вас было много, сердцу моему
ответившнх всей правдою своею
(от жалостн, как вспомню, холодею!),
родных мечте моей, родных уму,
и тех, кого любнл, не зная почему,
н оттого еще снльнее.

Нн людям, нн себе уже не лгу,
душн ие обольщвю уповаиьем
иа встречу с вамн вновь, нн ожиданьем
утешной вечности... Но не могу
не вспоминать: все, все иа этом берегу
мне кажется воспомннаньем.

В те годы мнр, весь мнр казался — наш:
любуясь нм, рослн мы все когда-то,
равно любя н Русь н Запад свято,—
царей дворцы, Неву н Эрмнтаж,
Петрова города слепнтельный мираж,
уже в крови его заката.

Прошедшнм дням с тех пор утерян счет...
Но вас, давио взнесеиных на высоты
Парнвсскне, я помию средь заботы,
боренья, нужд! Искалн вы вперед
путей нехоженых, в слова влнвая мед,
бессмертья мед, как пчелы — в соты.

О, скольюне меж вас, певцов-друзей,
мие доверялн сны, обнды, мукн...
Не женщины — о, иет! Одиой лишь в рукн
правило отдал я судьбы моей,
одну наперснннцей нарек, повернв ей,
но с ией ие пережнть разлукн.

Я музой иазывал ее порой
н уводил в луга, в лесные чащи,
где говорит нз глубн ключ журчащий...
И не она лн, день н ночь со мной,
н ыние из далн теней сзывает рой,
так укорнзнеиио-маияще?

Друзья! Из вас кто страшио ие погиб?
В ненстовой, братоубойной склоке
кто спасся, отстрадав урок жестокий,
от пули, вервня, тюремных дыб?
Лншь тот, вонстнну, кто внял примеру рыб,
ушедшнх в темень вод глубокнх.

. . . .

Но жизнь идет... Ее не победил,
не победит ни рок, ни вопль убитых,
ни перекор надежд и слов изжитых...
Пусть — ночь еще! Я слышу шелест крыл,
предвестье вещее над тишиной могил,
плющом и лаврами увитых.

16/17 сентября 1959
Монфор Ламори.

Арсений Несмелов
1889-1945

Тишина

Красный сентябрь на осннах высох,
В клеиах багровый и пятипалый.
Думает путиик о рыжих лисах,
Пахнут печеным хлебом палы.

Осень — достаток. И ватой лени
Облако лепнтся на стропиле,
Этой тропою прошли оленн,
В этом болотце воду пили.

Вечер прндет, на вершины ляжет,
Небом багровым, дальиевосточиым,
Что-нибудь смелое мие расскажет
В травах запутавшийся источник.

Право, не знаю, зачем я иужеи,
Все же сегодия, скажу по чести,
Мне не добудет разбойный ужии
Мой поцарапаииый злой виичестер!

Харбин

Солдат

У ветра единствеииый клич — прочь!
У ночи единствеииая защита — ужас.
Какая удивительная ночь.
Какая озориая свистящая стужа!

Домик съеживается, поджимает бока,
Запахивает окиа иадорванным ставием...
Сладко втягивает дым табака.
Выдох длительиый. Верста в ием!

Натягивает одеяло до подбородка,
Вспомннает бой, спотыкаясь в сон...
...тогда поле трещало, как перегородка,
На которую задом пятнтся слои.

И в последиий миг, почти во сне,
Теряя кровли грохочущий бубеи,
Думает о жеищнне, ее — иет,
Но она — будет.

Шесть

Вечером, сквозь усталость
Дымчатую, как кружево,
Все, что в душе осталось,
Памятливо выуживаю.

Город задернут шторой,
Гул от тупых копыт его...
Я уж ие тот, который
День на себе испытывал.

Взор — в голубые скважины.
Сердце, прнщурясь, целнтся.
Думаю о неважном —
Ласковая безделица!

Сиова у сердца руку
Чувствую двойннковую,
Медленную науку
Линиями выковываю.

День был тяжел и черен,
Все ж золотое веяло
Пять полновесиых зерен
В эту тетрадь просеяло.

Пусть и шестое сложится,
Пусть предо мною лягут —
С лодочки чайиой ложечки
Пять нзумрудных ягод.

Лось

Тяжко сопя, лобастый
Вышел нз леса лось,
А над полями — частый
Дождик, повисший вкось.

Поле под белой мутью,
Словно морское дно.
Веет пустынной жутью
И тяготит оно.

Фыркая, зверь тоскливо
Смотрит, мотая лбом:
Кто, нзломавший иву,
Землю изрыл кругом?

Медлнт дикарь рогатый,
Пеной швыряя с губ,
А у ручья солдата
Окочеиевшнй труп.

Поиял. В испуге кинул
Ветви рогов к спине,
К лесу прыжками рииул,
К черной его стене.

И в замиравшем хрусте
Слышен был тяжкий лось...
Веял последией грустью
Дождик, повисшиЙ вкось.

Прикосновения

Была похожа иа тяжелый гроб
Большая лодка, и китаец греб,
И весла мерно погружались в воду...

И иочь внсела, н была она,
Беззвездная, безвыходио черна
И обещала дождь н непогоду.

Слепой фонарь качался иа корме,—
Живая точка в безысходиой тьме,
Дрожащий свет, беспомощный и иищий...

Крутились волиы, н неслась река,
И слышал я, как мчались облака,
Как медлеиио поскрнпывало днище.

И показалось мне, что не меня,
В мерцании бессильиого огия,
На берег, на неведомую сушу —

Влечет гребец безмолвиый, что уже
По этой шаткой водяиой меже
Не человека ои несет, а душу.

И, позабыв о злобе и борьбе,
Я иежио помиил только о тебе,
Оставлениой, живущей в мире светлом.

И глаз касалась узкая ладонь,
И вспыхивал и вздрагивал огоиь,
И пену с волн на борт бросало ветром...

Клинком звенящим сердце обиажив,
Я, вздрагнвая, поиял, что я жив,
И мига в жизни не было чудесией.

Фоиарь кидал, шатаясь, в волиы — медь...
Я взял весло, мие захотелось петь,
И я запел... И ветер вторнл песие.

«Русская мысль»

В сундуках старух и скупердяев
Лет пятнадцать книги эти кисли..
Сочно философствует Бердяев
О религиозной русской мысли.

Тон задорный, резвый. Неужели
Кто-то спорил, едко возражая?
Критик дерзко пишет о Муйжеле,
Хает повесть: «Сны неурожая».

О, скрижали душ интеллигентских,
Ветхий спор о выеденных яйцах.
Темнооких не пугает Ленских,
Занесенная над ними палица.

А не в эти ль месяцы,— шершавый
От расчесов, вшив до переносиц,
Медленно отходит от Варшавы
Наш народ, воспетый богоносец.

Мы влюблялись в рифмочку, в картинку,
Он же, пулям подставляя спину,—
Смрадный изверг, светоносный инок,—
Безнадежно вкапывался в глину.

И войны не чувствуешь нимало,—
Нет ее дымящей багряницы:
Прячут череп страусы журналов
Под крыло иссусленной страницы.

Распуская эстетизма слюни,
Из трясины стонет критик выпью:
— Как кристален академик Бунин,
Как изящно ядовита Гиппиус!

Переходя границу

Пусть дней не мало вместе пройдено,
Но, вот,— не нужен я и чужд.
Ведь вы же женщина,— о, Родина! —
И, следовательно, к чему ж

Все то, что сердцем в злобе брошено,
Что высказано сгоряча:
Мы расстаемся *по-хорошему*,
Чтоб никогда не докучать

Друг другу больше. Все, что нажито,
Оставлю вам, долги простив,—
Вам эти пастбища и пажити,
А мне просторы и пути,

Да ваш язык. Не знаю лучшего
Для сквернословий и молитв,
Он, изумительный,— от Тютчева
До Маяковского велик.

Но комплименты здесь уместны ли,—
Лишь вежливость, лишь холодок
Усмешки,— выдержка чудесная
Вот этих выверенных строк.

Иду. Над порослью — вечернее
Пустое небо цвета льда.
И, вот, со вздохом облегчения:
«Прощайте, знаю: навсегда!»

Белый остров

Айсберги. Льдины. Не три, не две —
Голубоглазая вся флотилия.
Замер на синей скале медведь.
Белый, полярный. Седой, как лилия!

Поднята морда. И из ноздрей —
Пар. Серебра не звончее разве?
Смотрит в трубу на него Андрэ,
Смотрит медведь на летящий айсберг.

К полюсу. Сердце запороша
Радостью, видит, клонясь над картой:
В нежных ладонях уносит шар
Голубоглазая Сольвейг — Арктика.

Словно невеста, она нежна,
Словно невеста, она безжалостна.
Словно подарок несет она
Этот кораблик, воздушный, парусный.

Шепчет: «Сияньем к тебе сойду,
Стужу поставлю вокруг, как изгородь.
Тридцать три года лежать во льду
Будешь, любимый, желанный, избранный!»

Падает шар. На полгода — ночь.
Умерли спутники. Одиночество.
Двигаться надо, молиться, но
Спать, только спать бесконечно хочется.

«Голову дай на колени мне,
Холодом девственности согрейся.
Тридцать три года во льду, во сне
Ждать из Норвегии будешь крейсера!»

Очи устами спешит согреть,
Сердце прикрыла белейшим фартуком...
Славу твою стережет, Андрэ,
Голубоглазая Сольвейг — Арктика.

* * *

Ловкий ты и хитрый ты,
Остроглазый черт,
Архалук твой вытертый
О коня истерт.

На плечах от споротых
Полосы погон.
Не осилил спора ты
Лишь на перегон.

И дичал все более,
И несли враги
До степей Монголии,
До слепой Урги.

Гор песчаных рыжики,
Зноя каминок.
О колено ижевский
Поломал клинок.

Но его не выбили
Из беспутных рук.
По дорогам гибели
Мы гуляли, друг!

Раскаленный добела
Отзвенел песок,
Видно, время пробило
Раздробить висок.

Вольный ветер клонится
Замести тропу...
Отгуляла конница
В золотом степу!

Песни об Уленспигеле

1

По затихшим фландрским селам,
Полон юношеских сил,
Пересмешником веселым
Уленспигель проходил.

А в стране веселья мало,
Слышен только лязг оков,
Инквизиция сжигала
На кострах еретиков.

И, склонясь на подоконник,—
Есть и трапезе предел.—
Подозрительно каноник
На прохожего глядел.

— Почему ты, парень, весел,
Если всюду только плач?
Как бы парня не повесил
На столбах своих палач!

Пыщет. Смотрит исподлобья.
Пальцем строго покачал.
— Полно, ваше преподобье! —
Уленспигель отвечал.

Простачок я, щебет птичий,
Песня сел и деревень.
Для такой ничтожной дичи
Не тревожьте вашу лень!

2

С толстым другом, с другом верным,
Полон юношеских сил,
По гулянкам и тавернам,
Уленспигель колесил.

Громче дудка, резче пишик,—
Чем не ярмарочный шут?
Вопрошал испанский сыщик:
— Почему они поют?

Что-то слишком весел малый...
Где почтительность и страх?
Инквизиция сжигала
Не таких ли на кострах?

И при всем честном народе? —
Мало лиц и много рыл,—
— Полно, ваше благородье! —
Уленспигель говорил.

Не глядите столь ощерясь...
Велика ль моя вина?
Злая Лютерова ересь
Не в бутылке же вина!

А когда, забывшись с милкой,
Ник шпион к ее ушку,
Звонко падала бутылка
На проклятую башку.

3

С дудкой, с бубном, с арбалетом,
Полон юношеских сил,
То солдатом, то поэтом
Уленспигель колесил.

Он шагал землею фландрской
Без герольда и пажа,
Но ему Вильгельм Оранский
Руку грубую пожал.

Скупо молвил Молчаливый,
Ус косматый теребя:
— Бог, к поэтам справедливый,
Ставит рыцарем тебя!

Шляпу огненного фетра
Скинул парень не спеша:
— Я не рыцарь, ваша светлость,
Я — народная душа!

Буря злится, буря длится,
Потопляет берега,—
Правь победу, честный рыцарь,
Опрокидывай врага!

Нету жребия чудесней,
И цвести обоим нам.
Если ж требуются песни,—
Прикажи: я песни дам!

4

Гей, палач, не жди, не мешкай,
Завивай покрепче жгут:
С истребляющей усмешкой
Уленспигели идут.

Кровь на дыбе — ей точило,
На кострах — ее закал.
Бочке с порохом вручила
Огневой она запал:

— На! Довольно прятать силу,
Львистым пламенем взыграй:
Верных чествуй, слабых милуй,
Угнетающих — карай!

Пусть рычат. Не верьте в гибель,—
Не на вас, на них гроза!
И хохочет Уленспигель
В низколобые глаза:

— Поединка просит сердце,
Маски кротости — долой.
Черный Альба, черный герцог,
Ты со шпагой, я — с метлой.

Пел и пил. Рубил. Обедал.
Взгромоздился на осла.
И веселая победа
Уленспигеля несла.

5

Уленспигель, Уленспигель,
Не всегда ли с той поры
Ты спешишь туда, где гибель,
Палачи и топоры.

И от песни на пирушке,
От гулянок, ассамблей,—
С фитилем подходишь к пушке
На восставшем корабле.

Меткой шуткой ободряешь,
Покачаешь головой,
И, как искра, вдруг взрываешь
Весь запас пороховой.

Так! Живая сила ищет
Бега. Уровни растут.
У плотины встанет сыщик,
И каноник станет тут.

Но, как знамя, светит гезам
Пламенеющий берет:
— Никаким не верь угрозам,
Для бессмертных смерти — нет!

Где ты нынче? В песне, в книге ль,
Только твой победный знак?
Где ты, тощий Уленспигель,
Толстый Ламе Гоодзак!..

* * *

Уезжающий в Африку или
Улетающий на Целебес.
Позабудет беззлобно бессилье
Оставляемых бледных небес.

Для любви, для борьбы, для сражений
Берегущий запасы души,
Вас обходит он без раздраженья,
Пресмыкающиеся ужи!

И когда загудевший пропеллер
Распылит расставания час.
Он, к высоким стремящийся целям,
Не оглянется даже на вас.

Я же не путешественник янки,
Нахлобучивший пробковый шлем,—
На китайском моем полустанке
Даже ветер бессилен и нем!

Ни крыла, ни руля, ни кабины,
Ни солдатского даже коня.
И в простор лучезарно-глубинный
Только мужество взносит меня.

Нищие духом

> Он же сказал: — Иди,— и
> вышел из лодки. Петр пошел
> по воде, чтобы подойти к Иисусу

Мудрость наша — липкость книжной пыли,
Без живого запаха флакон.
Никогда узлов мы не рубили,
Не шагали через Рубикон.

Хитрый, робкий, осторожный табор,
Трех идей томительная нудь,—
Никогда нам, никогда нам за борт
К светлому виденью не шагнуть!

Ящички без всякого секрета,
Всякой мысли куцые концы,—
Мы не рыбари из Назарета
И не мудрецы, а хитрецы.

Руку другу мы не подавали,
Страшным словом насмерть не клялись,
Наши лица в рамочном овале
Кажутся мне мордочками лис.

Нам, как в панцирь, заточенным в муку,—
Краткий день отжевывать в беде,
И не нам протягивает руку
Светлый Бог, идущий по воде!

Эпилептик

И снова радость хлынувшего света
В моей безглазой, бездыханной тьме!..
За что мне это и откуда это,
Какая весть пришла в каком письме?

Никто не пишет в адрес мой забытый,
Заброшен я в селении глухом.
Лишь раз в году в ворот чугунных плиты
Стучится кто-то голубым перстом.

И я бегу, весь трепет, беспокойство,
На черный камень моего крыльца,
И прянет свет — моей болезни свойство —
От дивного, от чудного лица.

По жилам пламень пробежит летучий,
Вселенная раскроется мне вся.
И вскрикну я, забившийся в падучей,
Такого знанья не перенеся.

Куда и кто взносил единым взмахом,
Зачем низвергнул с высоты назад?
И люди на меня глядят со страхом,
И я угрюмо опускаю взгляд.

* * *

Все настойчивее и громче,
Все упрямей тревоги вой...
Вижу гибель мою, как кормчий
Видит глыбу перед собой.

Доведу ли кораблик малый
Под желанные небеса,
Или ринутся снова шквалы
Изорвать мои паруса?

Знаю только — свое неважно,
На любую готов игру,
Но доверен руке отважной
Драгоценнейший тайный груз!

И стальное мое бесстрастье —
Закаленная страсть его! —
Это счастье мое, а счастье —
Сила, правда и торжество!

Даже гибель и та чудесна,
И напрасен тревоги вой:
Погибая, я стану песней,
Поднимающей, заревой!

Понужай

Эшелоны, эшелоны, эшелоны,—
Далеко по рельсам не уйти!..
Замерзали красные вагоны
По всему сибирскому пути.

В это время он и объявился,
Тихо вышел из таежных недр,
Перед ним, богатырем, склонился
Даже гордый забайкальский кедр.

Замелькал, как старичок прохожий,
То в пути, то около огней,—
Не Мороз ли, дедка краснорожий,
Зашагал вдоль воткинских саней.

Стар и сед, а силы на медведя,—
Не уходят из железных рук!..
То идет, то на лошадке едет,
Пар клубится облаком вокруг.

Выбьешься из силы,— он уж рядом!..
Проскрипит пимами, подойдет,
Поглядит шальным, косматым взглядом
И за шиворот тебя встряхнет.

И растает в воздухе морозном,
Только кедр качается, велик...

Может быть, в бреду сыпнотифозном
Нам тогда привиделся старик.

А уж он перед другим отрядом,
Где-нибудь далеко впереди.
То обходит, то шагает рядом,
Медный крест сняет на груди.

— Кто ты, дедка? Мы тебя не знаем,
Ты мелькаешь всюду и везде...
— Прозываюсь, парень, Понужаем,
Пособляю русскому в беде.

...Догоняют, настигают, наседают,
Не дают нам отдыха враги,
И метель серебряно-седая
Засыпает нас среди тайги.

Бороды в сосули превращались,
В градуснике замерзала ртуть,
Но, полузамерзшие, бросались
На пересекающего путь!

Брали села, станции набегом.
Час в тепле, а через час — поход.
Жгучий спирт мы разводили снегом,
Чтобы чокнуться под Новый год.

И опять винтовку заряжая,
Шел солдат дорогой ледяной...
Смертная истома Понужая.
Старика с седою бородой!

Лодочник

Гол по пояс. Бороденка
Отгорела и бела.
Кормит лодка-плоскодонка
Два размашистых весла.

Где вы, унтерские лычки,
Заработанная честь?
До последней переклички
Отвечал из строя: Е с т ь!

До последнего привала
Наготове, начеку.
Чья рука передавала
Из Полесья к Колчаку?

Чья рука переносила
Через милый отчий дом?

Что за мужество и сила
В этом облике простом.

Год за годом!.. Без умолку
Бранным бредом стонет явь,—
До китайского поселка,
До последнего: С о... с т а в ы!

Разбрелась по свету рота,
Как по небу облака...
Мужика спасет работа,
Сын степного мужика.

Эти руки, эта лодка,
Трудовые пятаки,
Марширующие четко
Волны Сунгари-реки.

Коротки в июле ночи,
Краток отдых на песке.
Снова сердце память точит,
И опять оно в тоске.

Снится горький дым биваков,
Ветер, утренняя рань,
Путь от Люблина на Краков
И от Омска на Казань.

Тянет, тянет давний омут,
Огневой водоворот:
Нет ни Родины, ни дома,
А война еще — зовет!

Машет всхлестом алых зарев,
Хлынув памяти в глаза...
Полно, воин государев,—
Не Российская гроза!..

Не сибирская зарница
Кличет славу и беду,—
Перевернута страница
В девятнадцатом году.

Та страница в злую полночь
Перечеркнута судьбой.
Льются годы, годы-волны
Заливают нас с тобой!

Ни движенья, ни забвенья,
Только памяти набат:
Неразрывны с прошлым звенья,
Бедный лодочник-солдат!

Ты в плену у грозной силы,
Но и согнутый в кольцо,—
В неких списках до могилы:
— Н а л и ц о!

Интервенты

Серб, боснийский солдат, и английскнй матрос
Поджндали у моста быстроглазую швейку.
Каждый думал: моя! Каждый нежность ей нес
И за девнчнй взор, и за нежную шейку...

И врагами присели они на скамейку,
Серб, босннйский солдат, н английскнй матрос.

Серб любил свой Дуиай. Англнчанин давно
Ничего ие любил, кроме трубки и вискн...
А девчонка ие шла. Становилось темно.
Опустили к воде тучи саваи свой низкий.

И солдат посмотрел иа матроса, как блнзкнй,
Словио другом тот был или знались давно.

Закурнли, сказав на своем языке
Каждый что-то о том, что Россня — болото.
Загоралась на лицах у них позолота
От затяжек... А там, далеко, на реке,

Русский парень запел заунывное что-то...
Каждый хмуро ворчал на своем языке.

А потом в кабачке, где гудел контрабас,
Недовольно ворча иа визгливые скрнпкн,—
Пилн огненный спирт н запеиенный квас
И друг другу сквозь дым посылали улыбки.

Через залитый стол, иеопрятный н зыбкий,
У окна, в кабачке, где гудел коитрабас.

Каждый хочет любнть, и солдат, и моряк,
Каждый хочет иметь и иевесту и друга,
Только дни тяжелы, только дни иаши — вьюга,
Только вьюга онн, заклубившая мрак.

Так кричалн оин, понимая друг друга,
Черный сербский солдат и аиглийский моряк.

Стихи о Харбине

1

Под асфальт, сухой и гладкнй,
Наледь иаших лет,—
Изыскательской палатки
Канул давний след...

Флаг Российский. Коновязи.
Говор казаков.
Нет с былым и робкой связи,—
Русский рок таков.

Инженер. Расстегнут ворот.
Фляга. Карабин.
— Здесь построим русский город,
Назовем — Харбин.

Без тропы и без дороги
Шел, работе рад.
Ковылял за ним треногий
Нивелир-снаряд.

Перед днем Российской встряски,
Через двести лет,
Не Петровской ли закваски
Запоздалый след?

Не державное ли слово
Сквозь века: п р и к а з.
Новый город зачат снова,
Но в последний раз.

2

Как чума, тревога бродит,—
Гул лихих годин...
Рок черту свою проводит
Близ тебя, Харбин.

Взрывы дальние, глухие,
Алый взлет огня,—
Вот и нет тебя, Россия,
Государыня!

Мало воздуха и света,
Думаем, молчим.
На осколке мы планеты
В будущее мчим!

Скоро ль кануть иль не скоро,
Сумрак наш рассей...
Про запас Ты, видно, город
Выстроила сей.

Сколько ждать десятилетий,
Ч т о, к о м у беречь?
Позабудут скоро дети
Отческую речь.

3

Милый город, горд и строен,
Будет день такой,
Что не вспомнят, что построен
Русской ты рукой.

Пусть удел подобный горек,—
Не опустим глаз:
Вспомяни, старик историк,
Вспомяни о нас.

Ты забытое отыщешь,
Впишешь в скорбный лист,
Да иа русское кладбище
Забежит турист.

Ои возьмет с собой словарик
Надписи читать...
Так погасиет иаш фоиарик,
Утомясь мерцать!

Похитители

Бессилие окраии. Скользких троп
Скрещение иа пустырях. Крапива.
Заво́дской вышки облысевший лоб
С громоотводом тоиким, как рапира.

Корчма. Ступеии. Нависает свод.
Слоистый дым. Колючих взоров иаглость.
Письмо, печать... И иа печати — под
Лобастым черепом — две кости иакрест.

Безжалостиость окраии. Главаря
Рычащий шепот... Дотлевает запад.
Показывает иочь у фоиаря
Двоих бродяг в широкополых шляпах.

И — «ах!» (как в пропасть). Хладиая гроза.
Причмокиванья, смаковаиья сдула.
Как шпага, устремляется в глаза
Гипиотизирующий палец дула.

По пустырям. Из бесфоиариой мглы
Навстречу мчат строеиья и ограды,
И двое в масках, опустив стволы,
Над жалкой жертвой скрещивают взгляды.

Хунхуз

О жеие и матери забыл,
Маузер прикладистый добыл
И, тугие плечи оголя,
Вышел за околицу, в поля.

Те же джунгли этот гаоляи,
Только без озер и без поляи.
Здесь иа свист хуихуза — за версту
Свистом отзывается хунхуз.

Было много пищи и добра,
Были добрые маузера,
Но под осеиь, кочки оголя,
Сияли косы пышиый гаолян.

Далеко до сопок и тайги.
Наседали сильиые враги,

И горнист с серебряной трубой
Правильно развертывает бой.

И хунхуза, сдавшегося в плен,
Чьи-то руки подняли с колен,
Связанного бросили в тюрьму,
Отрубили голову ему.

И на длинной жерди голова
Не жива была и не мертва.
И над ней кружилось воронье:
Птицы ссорились из-за нее.

Около Цицикара

По дороге, с ее горба,
Ковыляя, скрипит арба.
Под ярмом опустил кадык
До земли белолобый бык.

А за ним ускоряет шаг
И погонщик, по пояс наг.
От загара его плечо
Так коричнево горячо.

Степь закатом озарена.
Облака, как янтарь зерна.
Как зерна золотистый град,
Что струился в арбу с лопат.

Торопливо погружено,
Ляжет в красный вагон оно,
И закружит железный вихрь,
Закачает до стран чужих.

До чудесных далеких стран,
Где и угольщик — капитан,
Где не знают, как черный бык
Опускает к земле кадык,

Как со склона, с его горба,
Подгоняет быка арба.
Так и тысячу лет назад
Шли они, опустив глаза,
Наклонив над дорогой лбы,
Человек и тяжелый бык.

Морские чудеса

Бичом из гибкого металла
Захлестывало далеко.
И наносило, наметало,
Натаптывало облаков!

И опрокинулось. И ляжет...
И взбешенное помело
Волну сырой и белой пряжи
На водоросли намело.

На отмели, где в знойной лени
Томились женщины с утра,
Ложились, как хвосты тюленьи,
Волн вывернутые веера.

А у кабинок, голубые
Огни затеплив на челе,
Перекликались водяные,
Укладываясь на ночлег.

И, отряхая шерсть от пены —
Пофыркивала темнота,—
Они обнюхивали стены,
Где прикасалась нагота.

Их ноздри втягивали запах
Скамьи, сырого лишая.
На перепончатых их лапах
Белела рыбья чешуя.

И засыпали, с грудой схожи
Водою обтекавших глыб,
Но женщины им снились тоже
Похожими на белых рыб.

А утром знойно пахло мятой
Над успокоенной водой,
Казавшейся слегка измятой,
Вдали разорванной слюдой.

И воздух был хрустящ и хрупок,
И сквозь его прозрачный слой
Дождем чешуек и скорлупок
К воде просеивался зной.

Казалось, солнце, сбросив шляпу,
Трясет кудрями. Зной — лузга.
А море, как собака лапу,
Зализывало берега.

1920
Ст. Океанская

В Сочельник

Нынче ветер с востока на запад,
И по мерзлой маньчжурской земле
Начинает поземка царапать
И бежит, исчезая во мгле.

С этнм ветром, холодным н колкнм,
Что в окно начннает стучать,—
К зауральскнм серебряным елкам
Хорошо бы сегодня умчать.

Над росснйскнм простором промчаться,
Рассекая метельную высь,
Над какой-ннбудь Вяткой нль Гжатском,
Над родною Москвой пронестись.

И в рождественскнй вечер послушать
Трепетанне сердца страны,
Заглянуть в непокорную душу,
В роковые ее глубнны.

Роднннков ее недруг не выскреб:
Не в глуши лн болот н лесов
Загораются первые нскры
Затаенных до сроков скнтов.

Как в татарщнну, в годы глухне,
Как в те темные годы, когда
В дыме бнтв зачналась Россня,
Собнрала свон города.

Нелюдима она, невндима.
Темный бор замыкает кольцо.
Закрывает бесстрастная схнма
Молодое, худое лнцо.

Но н ныне, как прежде, когда-то,
Не осилить Россню беде.
И запавшие очн подняты
К золотой Внфлеемской звезде.

Касьян и Микола

Прнзвал Господь к престолу
В чертогах голубых
Касьяна н Мнколу,
Угодников свонх.

Спеша на Божий вызов,
Дороден н румян,
В блистающне рнзы
Украсился Касьян.

Прншел н очн — долу.
Потом заговорнл:
—«Почто, Творец, Мнколу
Ты столько возлюбил?..

Я с просьбнШкою ныне
К стопам Твонм гряду:
Он дважды именнннник,
А я лишь раз в году.

За что такие ласки,—
Ответить пожелай».
...Подходит в старой ряске
Святитель Николай.

И с отческой усмешкой
Спросил его Благой:
—«Ты почему замешкал,
Угодник дорогой?

Какое Божье дело
Ты иа земле творил?»
Взглянул святой иесмело
И так заговорил:

—«Архангел кликал звоико,
Услышал я, иду,
Да русский мужичоика,
Гляжу, попал в беду.

Дрова ои воеводе
Спешил доставить в срок
Да иа трясце-болоте
И увязил возок.

И мужичоика серый,
Российский человек,
Ко мие с великой верой
В мольбе своей прибег.

Я что ж... из топи тряской
Я вызволил возца.
Прости уж, что иа ряске
Землица и грязца.

Твоя велика милость,—
Помедлил я приказ...»
Но звездио покатилась
Слеза из Божьих глаз.

С тишайшей лаской голос
Сказал с престола сил:
«Ты вот как мие, Микола,
Поступком угодил.

Ты с Арием был строгий,
Но ласков с мужичком,—
Отри ж, святитель, иоги
Хоть этим облачком...

Тебе ж,— с прискорбьем очи
Повел к Касьяну Бог,—
Не сделаю короче
Твой имеиииый срок.

Спесив, как воевода,
Ты сердцем ие смиреи!..»
И раз в четыре года
Стал имеиииик ои.

Прощеный бес

1

Зажглись огни вечерние
В селениях глухих,
И ветер, равномернее
Заколыхав, утих;
Погасла тучка алая,
Сошла заря с небес,
И тишина немалая
Обшаривает лес.

Чуть тропочка наметится,
По сторонам — ни зги,
Лишь волчьим оком светится
Окно в избе Яги;
И над ее избенкою,
Над срубом вековым,
Поднялся струйкой тонкою
И розовеет дым.

В снегах, в трущобной темени,
Который год живет.
Без счета пало времени,
Годам потерян счет;
Лишь Леший рядом гукает,
Сивобород, велик,—
Хохочет да аукает
Косматый баловник.

К Яге, седой затворнице,
Несет лесовика,—
Погреться в тесной горнице
У древнего шестка;
Свела его с соседкою
Давненько ворожба,
Но скучно с бабой ветхою,—
Горька ее судьба:

Слепа, зубами мается
И с памятью — беда.
Все сетует да кается,
Ждет Страшного Суда;
Суха, что подморозило,—
Легко ль два века жить!..
Грозится все за озеро
К Угоднику сходить.

Чтоб слезы лить смущенные,
И на помин души
Отдать все сбереженные
Зеленые гроши;
Не хочется за печкою
Скончаться в день лихой,
Увы, ни Богу свечкою,
Ни черту кочергой!

2

И смотрит Леший ласково,
Давио смирился бес,
Давио уж он не стаскивал
Нн звездочки с иебес;
Давио иад богомолками
Не измывался, лих,
Давно ветвями колкими
Не стегивал он их.

И где они? Похитили
Куда их? Чья вина?
Уж нету н обителн,
Давно разорена;
И в озере хороиится
Ее последний скит:
На Пасху ясно звонница
Из-под воды гудит.

И горестно негодиику,
И на себя он зол,—
Теперь бы сам к Угоднику
Ои богомольцев свел;
Да нету нх, пригоженьких,
Не повстречаешь их,—
Теперь несут дороженькн
Лишь мужиков лихих.

Деревья стонут, падают
От их зубастых пил;
Везде грозят засадою,
Куда б ни отступил.
Но Леший тем не меиее,
Куда бы ни залез,
Без боя, без сражения
Не уступает лес.

Ои теиью долговязою
Шагает за порог,
Чтоб сызнова завязывать
Коицы лесных дорог;
Ворчит Яга, головушкой
Качает тяжело:
Одиа!.. Пропала совушка,
А кот сбежал в село.

3

Эх, Русь, страна невериая,
Опасиая страна,
То сонио-благовериая,
Как рыхлая жена;
С медами да с просфорами,
С перинами, с вожжой,
С потупленными взорами,
С покориою душой.

То словно баба пьяная,
Что дружество ведет
С ворами да смутьянами
И плат на клочья рвет;
И держит, полуголая,
Ветрам подставя грудь,—
Кровавая, веселая,
За самозванцем путь.

Но и гуляя, мается
И знает, что опять
Отпляшет и покается
И руки даст связать;
Затем, чтобы от ладана,
Поклонов и просфор
Опять умчать негаданно
В свой буйственный простор.

Вот с умниками щуплыми
Спаял какой-то миг,
И в старосты над дуплами
Назначен лесовик;
Разжалованный в филина,
Он — бабий разговор,
И глубже в лес осиленный
Врубается топор.

4

Идет, бредет по просекам,
Которым нет конца;
Луна из туч колесиком
Выкатывается;
Порублено, повыжжено,
Повалено кругом,
И плачет бес обиженный
Бездольным горюном.

Идет, бредет, не ведает,
От тяжких слез незрящ,
Что сам Угодник следует
К нему из темных чащ;
Уж пересек он просеку;
Как в давние года,
Волоском к волоску
Струится борода.

И ряска та же самая,
И на скуфье снежок,
Несет рука упрямая
Все тот же батожок;
Им Лешего оттаскивал
Святой немало раз,
А нынче смотрит ласково,
Но бес не поднял глаз.

Лишь охнул он: «Доканывай!
Хоть в смерти отдохну!
Борьбу былую заново
Ужо я не начну;
Кем создан я — не ведаю,
Но с дней твоих предтеч,
Я следовал и следую
Приказу — лес беречь.

И верил, сверстник Игоря,
Олегов проводник,—
Леса горят — не выгорят,
Трущобный край велик;
Но горько изурочена
Рассеюшка: моя
Под топорами вотчина,—
Под топором и я!

Но ты ее был жителем,
Так ты уж и добей!»—
И пал перед святителем
Трущобный лиходей;
Бить лбом о снег не ленится
И слышит, полный слез:
«Не мщение,— прощеньице
Я дурачку принес!

И хоть ты рода низкого
И надо лбом рога,
Но луч Христов отыскивал
И в лужах жемчуга;
В трущобе, древле дикая,
Душа твоя росла:
К зверью любовь великая
Негодника спасла.

Ты белочку и ежика,
Медведя и лису
От пули и от ножика
Оберегал в лесу;
Взрастил ты сердце отчее
К обидной их судьбе,
И это, как и прочее,
Засчитано тебе.

Защитник сирых, выстоял
Ты против многих сил:
Ведь волю ты пречистую
Неведомо творил;
Враги в былом,— изгнанники
Не оба ль мы теперь?
Так что ж, пойдем, как странники,
Искать иную дверь.

Я с палочкою спереди,
Ты позади, как пес.

Меня отсель на Тверь веди,
А там — Господь понес;
По горочкам, по балочкам,
От зорьки до зари,
Постукивая палочкой,
Поючи тропари...

И горестно, и сладостно,
И веселей вдвоем...
Потрудимся и в радостный
Ерусалим придем;
Там внешность неудобную
Тебе я отпущу.
Лишь ручкой преподобною
Крестом перекрещу».

5

Умолк. Слеза по носику
Скользит кристальней льда;
Волосиком к волосику
Струится борода;
Но Леший хмуро косится,
Глаза блестят живей,
Сошлись на переносице
Пучки седых бровей.

«Нет,— молвит,— не упрашивай!
Хваля или кляня,
Но из лесу из нашего
Не уведешь меня;
Ну, как лесную, малую
Оставлю тварь навек?
И так ее не жалует
Ни Бог, ни человек.

Ко мне ведь, лишь покликаю,
Бежит!.. Оставить лес?
Смущение великое
От этаких словес.
Уж лучше смерть, и скоро-де
Косу ее узрю,
А во святом-то городе
Я со стыда сгорю!

Зачем пойду я за море,
Лесной оставя мрак,—
Ни стать, ни сесть на мраморе
Не выучен лешак;
А лес я этот вынянчил,
Хранил, оберегал,
В нем схоронил Горыныча,
Кощея закопал.

Ветвистая, полощется
Лесная глушь в груди,
И пусть хотя бы рощица,

Я — тут, а ты —... иди!»
Бойцом, не горемыкою
Умолк трущобный бес.
Смущение великое
Оледенило лес.

6

Молчит неодобрительно
Над схимником сосна,—
Как лезвие, пронзительна
Лесная тишина;
До звонкости бездонная
Легла она вокруг,
И волк и белка сонная
Насторожились вдруг.

В дупле — тоска сердечная,
В норе — глазок кружком,
Везде остроконечное
Приподнято ушко:
Чутьем, с предельной ясностью,
Лесной народ постиг,
Что огненной опасностью
Грозит нависший миг.

Страшней ножа железного
Он упадет на них:
Навек дружка любезного
Берут из чащ лесных;
Настанет время черное,
Как летних палов гарь,—
Лесная, беспризорная,
Повыведется тварь.

Ведь человек-то — выжига,
Лишь топором стучит:
Ни ужика, ни чижика,
Ни мышки не щадит.
От конного и пешего
Поборы и разор,—
Нехорошо без Лешего
Оставить русский бор!

7

Текут мгновенья длительно,
Тревоги ночь полна,
До звонкости пронзительна
Лесная тишина;
И вдруг очей сияние,
И, вздрогнув, слышит лес:
«В последнем испытании
Ты был, российский бес!

Хоть ты и рода вражьего,
Но Бога не гневил,
А Он не отгораживал
И бесов от любви;

И Господа растрогало,
Что ты, лесной божок,
С рачительностью многою
Лесную тварь берег.

Слюбились вы и спелися,
А это — Небу взнос!..
Постой, тебе от Велеса
Я весточку прннес;
В венке нз алых розочек,
Прощенный навсегда,
Пасет он райских козочек
Чистейшие стада.

А в камышах — не узницы!—
Русалкн... Говорун,
Прнставлен к райской кузнице
Потопленный Перун;
Вчера, гордясь обновою,
Он в райской тишине
Илье телегу новую
Оковывал к весне.

Последний ты... Отплавала
Ладья твоя во зле:
Не сам лн ты от дьявола
Ушел в зеленой мгле?
Господь все это взвешивал,
Решнла Благодать
Трущобе русской Лешего,
Как старца даровать».

Угодник в топь сугробную
Шагнул, исполнен сил,
И ручкой преподобною
Его перекрестил;
И всплыл... уже колышется
Чуть ниже облаков,
И звон сладчайший слышится
Из-под озерных льдов.

8

Звенят на елках льдиночки,
Вся в музыке тропа;
По той ползет тропиночке
Старинная ступа;
В подскок да с перевалкою,
По горлище в снегу,—
Иссохшую н жалкую
Трясет она Ягу.

Трясет, несет до города
Великого, где встарь
Боярам резал бороды
Серьезный государь;

Там сдаст ступу затейную
В сияющий музей:
На редкость ту музейную
Желающий глазей.

Сама же мымрой жалкою
В слободке станет жить,—
Заделавшись гадалкою
Бабенкам ворожить;
Потом на жизнь советскую
Ягу ль переключить?
Решится в книжку детскую
Забраться и почить.

А Леший все аукает
В густых березняках,
И тенью длиннорукою
Проносится в кустах;
Еще сивей и гривестей,
Могучее еще:
Никак его не вывести,—
Зане он окрещен!

И спит зверье укладистей,—
Не без охраны бор,—
И снится больше радостей
В тепле берлог и нор;
Спит белочка с лисичкою,
Похрапывает крот,
И белой рукавичкою
Зайчиха крестит рот.

Январь — апрель 1941 г.

* * *

Сыплет небо щебетом
Невидимок-птах,
Корабли на небе том
В белых парусах.

Важные, огромные,
Легкие, как дым,—
Тянут днища темные
Над лицом моим.

Плавно, без усилия,
Шествует в лазурь
Белая флотилия
Отгремевших бурь.

В этот день

В этот день встревоженный сановник
К телефону часто подходил,
В этот день испуганно, неровно
Телефон к сановнику звонил.

В этот день, в его мятежном шуме,
Было много гнева и тоски,
В этот день маршировали к Думе
Первые восставшие полки!

В этот день машины броневые
Поползли по улицам пустым,
В этот день... одни городовые
С чердаков вступились за режим!

В этот день страна себя ломала,
Не взглянув на то, что впереди,
В этот день царица прижимала
Руки к холодеющей груди.

В этот день в посольствах шифровали
Первой сводки беглые кроки́.
В этот день отменно ликовали
Явные и тайные враги.

В этот день... Довольно, Бога ради!
Знаем, знаем,— надломилась ось:
В этот день в отпавшем Петрограде
Мощного героя не нашлось.

Этот день возник, кроваво вспенен,
Этим днем начался русский гон,—
В этот день садился где-то Ленин
В свой запломбированный вагон.

Вопрошает совесть, как священник,
Обличает Мученика тень...
Неужели, Боже, нет прощенья
Нам за этот сумасшедший день!

Потомку

Иногда я думаю о том,
На сто лет вперед перелетая,
Как, раскрыв многоречивый том
«Наша эмиграция в Китве»,—
О судьбе изгнанников печальной
Юношв задумается дальний.

На мгновенье встретятся глаза
Сущего и бывшего: котомок,
Страннических посохов стезя...
Скажет, соболезнуя, потомок:

— Горек путь, подслеповат маяк,
Душно вашу постигать истому.
Почему ж упорствовали так,
Не вернулись к очагу родному?

Где-то упомянут,— со страницы
Встану. Выжду. Подниму ресницы:

«Не суди. Из твоего окна
Не открыты канувшие дали:
Годы смыли их до волокна,
Их до сокровеннейшего дна
Трупами казненных закидали!

Лишь дотла наш корень истребя,
Грозные отцы твои и деды.
Сами отказались от себя,
И тогда поднялся ты, последыш!

Вырос ты без тюрем и без стен,
Чей кирпич свинцом исковыряли,
В наше ж время не сдавались в плен,
Потому что в плен тогда не брали!»

И не бывший в яростном бою,
Не ступавший той стезей неверной,
Он усмешкой встретит речь мою
Недоверчиво-высокомерной.

Не поняв друг в друге ни аза,
Холодно разъединим глаза,
И опять — года, года, года,
До трубы Последнего суда!

Ламоза

Синеглазый и светлоголовый,
Вышел он из фанзы на припек.
Он не знал по-нашему ни слова,
Объясниться он со мной не мог.

Предо мною с глиняною кружкой
Он стоял,— я попросил воды,—
Пасынок китайской деревушки,
Сын горчайшей беженской беды!

Как он тут? Какой семьи подкидыш?
Кто его купил, или украл?
Бедный мальчик, тайну ты не выдашь,—
Ведь уже ты китайчонком стал!

Но пускай за возгласы: л а м о з а!
(Обращенные к тебе, ко мне)
Ты глядишь на сверстников с угрозой,—
Все же ты светлоголов и розов
В их черноголовой желтизне.

В этом — горе все твое тантся:
Никогда, как бы ни нудил рок,
С желтым морем ты ие сможешь слиться,
Сииеглазый русскнй ручеек!

До сих пор тревожиых сиов рассказы,
Размыкая некое кольцо,—
Женщнны иной, ие узкоглазой,
Приближают иежное лицо.

И оиа, меж мигами иемыми,
Вдруг, как вызов скоааиной судьбе,
Русское твое прошепчет имя,
Непонятное уже тебе!

Как оио: Сережа или Коля,
Витя, Вася, Миша, Леонид,—
Пленной птнцей, задрожав от боли,
Сердце задохиется, зазвенит!

Не избегнуть участи суровой,—
Жребнй вынут, путь иавеки даи,
Сииеглазый и светлоголовый,
Милый, бедиый русский мальчугаи!

Долго мы смотрели друг иа друга...
Побеждениый, опуская взгляд,
Вышел я нз сомкнутого круга
Хохотавших бритых китайчат.

Тихвин

Городок уездный, сытый, сонный,
С тихою рекой, с монастырем,—
Почему же с горечью бездонной
Я сегодня думаю о ием?

Домики с крылечкамн, калитки.
Девушки с парнями в картузах.
Золотые облачные свитки,
Голубые тени иа снегах.

Иль разбойиый посвист иочи вьюжиой,
Голос ветра, шалый н лихой,
И чуть слышно загудит поддужный
Бубеиец на улице глухой.

Домики подслеповато щурят
Узких окои желтые глаза,
И рыдает снеговая буря.
И пылает белая гроза.

Чье лицо к стеклу сейчас прижато,
Кто глядит в оттаянный глазок?
А сугробы, точно медвежата,
Все подкатываются под возок.

Или летом чары белой ночи.
Сонный садик, старое крыльцо,
Милой покоряющие очи
И уже покорное лицо.

Две зари сошлись на небе бледном,
Тает, тает призрачная тень,
И уж снова колоколом медным
Пробужден новорожденный день.

В зеркале реки завороженной
Монастырь старинный отражен...
Почему же, городок мой сонный,
Я воспоминаньем уязвлен?

Потому что чудища из стали
Поползли по улицам не зря,
Потому что ветхие упали
Стены старого монастыря.

И осталось только пепелище,
И река из древнего русла,
Зверем, поднятым из логовища,
В Ладожское озеро ушла.

Тихвинская Божья Матерь горько
Плачет на развалинах одна.
Холодно. Безлюдно. Гаснет зорька,
И вокруг могильна тишина.

Моим судьям

Часто снится: я в обширном зале...
Слыша поступь тяжкую свою,
Я пройду, куда мне указали,
Сяду на позорную скамью.

Сяду, встану,— много раз поднимут
Господа в мундирах за столом.
Все они с меня покровы снимут,
Буду я стоять в стыде нагом.

Сколько раз они меня заставят
Жизнь мою трясти-перетряхать.
И уйдут. И одного оставят,
А потом, как червяка, раздавят
Тысячепудовым: р а с с т р е л я т ь!

Заторопит конвоир: «Не мешкай!»
Кто-нибудь вдогонку крикнет: «Гад!»
С никому не нужною усмешкой
Подниму свой непокорный взгляд.

А потом — томительные ночи
Обступившей, непроломной тьмы.
Что длиннее, но и что короче
Их, рожденных сумраком тюрьмы.

К иадписям предшественников — имя
Я прибавлю горькое свое.
Сладостиое: «Боже, помяни мя»—
Выскоблит тупое острие.

Все земиое отжеиу, оставлю,
Стану сердцем сумрачио-суров,
И, как зверь, почувствовавший травлю,
Вздрогну иа залязгавший засов.

И без жалоб, судорог, молений,
Не взглянув на злые ваши лбы,
Я умру, прошедший все ступеии,
Все обвалы наших поражений,
Но ие убежавший от борьбы!

Бедности

Требуй, Бедиость, выкупа любого
    Из твоих когтей,—
Отбирай из самого святого,
    Что всего святей!

Отиимай, как победитель грубый,
    Все и иавсегда:
Приказаиия твои, как трубы
    Страшиого Суда!

Вымогай заимодавцем грозиым,
    Ставь иа правежи!
Чахлым иедугом туберкулезным
    К койке привяжи!

Наклоияй иегнущуюся спину,
    Бей кнутом по ией;
Укажи холопство дворянину
    Голубых кровей!

Вкладывай топор тяжеловесный
    В руки батраку;
Шествуй вместе с девушкой чудесиой
    В спальию к старику...

Что еще? С покорностью какою
    К алтарю припасть?
Не себя ли собственной рукою
    Пред тобой закласть?

О, Богиня, грозным повеленьям
    Виемлет все кругом:
Пред тобою все мы — иа колени
    И о землю лбом!

Харбин

Николай Оцуп
1894-1958

Nikolas Otzoupe
1922-1958

* * *

Ты говорила: мы не в ссоре,
Мы стать чужими не могли.
Зачем же между нами море
И города чужой земли?

Но скоро твой печальный голос
Порывом ветра отнесло.
Твое лицо и светлый волос
Забвение заволокло.

И прошлое уничтожая
Своим широким колесом,—
Прошел автобус, и чужая
Страна простерлась за окном.

Обыкновенный иностранец,
Я дельно время провожу:
Я изучаю модный танец,
В кинематограф я хожу.

Летит корабль. Мелькает пена.
Тебя увижу я сейчас.
Но это только сон. Измена
Навеки разлучила нас.

Часы

Пролетка простучала за окном,
Прошел автобус, землю сотрясая,
И часиков легчайшим шепотком
Заговорила комната ночная:

«Секундочки, минуточки лови».
— А если не хочу я, о Создатель,
Такой короткой и слепой любви! —
И пальцы повернули выключатель.

И мгла ночная показалась мне
Небытием, но в чудном мраке снова
Светились бледные, как при луне,
Черты лица, навеки дорогого.

Пройдут как волны надо мной века,
Затопят все мои земные ночи,
Но там воскреснут и моя тоска,
И верные, единственные очи.

* * *

Трамваи стали проходить,
За шторой небо розовеет.
Не надо спящего будить,
Сегодня мир оцепенеет.

На том конце одним толчком
Земля раскрылась, как могила,
И океаном и огнем
Обломки зданий окатило.

А здесь последней тишины
Никто не слышит — блещут вина,
Жокей мелькает вдоль стены,
За рампой тает балерина.

И ты, красавица, среди
Голубоватого тумана
Танцуешь с розой на груди
Фокстрот под звуки барабана.

В тюрьму, в могилу, в лазарет!
Туда ль исчезло все живое
За эти девять страшных лет?
Иль я, мечтая о покое,

Свою усталость перенес
На мир, по-прежнему счастливый,
Проснувшийся от черных грез
Под легкой музыки мотивы?

Разговор

— Мне жалко вас. Как изогнулась бровь.
Вы первый раз в такой печали.
Что с вами? Неудачная любовь?
Иль вы на бирже потеряли?

— О нет. Мои доходы велики.
Жена мила и ценит положенье,
Могу я и законам вопреки
Любому делу дать движенье.

Но мне сегодня в темноте ночной
Приснилась темень гробовая,
И слабое под белой простыней
Стучало сердце, не переставая.

— И это все? И я бывал знаком
С такими неприятностями: или
Шалит желудок, или перед сном
Вы порошки принять забыли.

Те оба человека на земле
Еще десяток лет просуетятся.
Душа, и днем и ночью ты во мгле,
К которой им нельзя и приближаться.

Две канцоны

I

Итальянец, который слагал
Эту музыку, эту канцону,
Ты, должно быть, о смерти мечтал:
Я узнал по минорному тону
Черный вечер и мрачный канал.

Нет, канцоны значенье двойное:
Звук светлеет — в ликующем строе
Брезжут гондола в лунном столбе
И сиянье, которое двое
Как один заключают в себе.

II

О жизни, увы! жестокой,
Как никогда в веках,
Я думал в ночи глубокой.
И ты в моих руках

Протяжно застонала,
Как будто в царстве сна
Душа твоя узнала,
Что ночь моя страшна.

Природе

И лес, и я, и небо — в тишине.
Но зреет, нарастает, накатилось:
В ветвях и над ветвями и во мне
Вдруг что-то звучное зашевелилось.

Природа, я не знаю, отчего
Ты для меня чудовище чужое.
Мне страшно отдаленья твоего,
Мы чувствуем по-разному. Нас двое.

Все длится непонятная борьба,
И вдруг — нежданное согласованье,
Когда твоих березок худоба
Печалит больше, чем свое страданье.

Когда в лесу такое, как сейчас,
Вдруг в жизнь вмешается невнятиым чудом,
И где-то над собой каким-то чудом
Себя и лес я чувствую зараз.

Немая, ну а ты в минуты эти
Ты видишь ли, как я, что все на свете
Таинственно сближающий магнит
Не в нас самих, что с нами кто-то третий,
Тот, кто разъединенных единит.

* * *

Как часто я не чувствую греха,
Когда он хочет глубже затаиться:
Бывают дни, когда слова и лица
Слиняли, стерты — и душа тиха.

А тут бы ей, казалось, бить в набат,
Будить меня, будить во мне тревогу:
— Очнись, очнись, ты потерял дорогу,
Не стой на месте, лучше уж назад!

Но то ли я устал на самом деле
Иль голоса души не узнаю,—
В такие дни, плывущие без цели,
Мне на земле спокойно, как в раю.

В такие дни я забываю Слово,
И, радуясь безумью своему,
Я думаю: чего же тут плохого,
Да я ведь счастлив, судя по всему.

Все кажется — еще, еще немного,
И даже память бедствий и забот
Во мне изгладится, и вдруг тревога
Меня стыдом и страхом обожжет.

И глядя в ту недальнюю усталость,
В то самолюбованье, тот покой,—
Я в ужасе: как мало оставалось,
Чтоб задремал навеки дух живой.

Эпоха

Нет никакой эпохи — каждый год
Все так же совершается все то же:
Дыши — но воздуху недостает.
Надейся — но доколе и на что же?

Все те же мы в жестокостн своей
Прн всех правителях и всех законах,
Все так же н не надо жизни всей
Для слншком многих слншком утомленных.

Все так же без шута и подлеца
Не обойтнсь, как будто мы на сцене.
Все так же нет начала, нет конца
В потоке надоевшнх повторений.

И каждый смертью схваченный врасплох
На склоне лет, растраченных без цели,
Все тот же грустный нспускает вздох:
«Да стонло ли жить, на самом деле?»

А все-таки, не правда лн, нет-нет,
Любовь простая (о, всегда все та же)
Мучительно походит на ответ,
На утешенне, на счастье даже.

В деревне

Куры спят н петухи,
Спит собака на полу,
Спят на столике стихи,
Сочннитель спит в углу.

Он смертельно утомлен,
Он в деревне устает —
Слишком близко видит он
Жесткой жнзнн кровь н пот.

Два вола одннм ярмом
В глыбу свннчены одну,
Их хозяин, хоть с кнутом,
В том же старнтся плену.

В чнстых нзбах гнет семьн
Часто рабства тяжелей,
Внзг прнрезанной свнньн
Здесь ласкает слух детей.

Здесь ребенок с малых лет
Должен жалость побороть,
Здесь н времени-то нет
Пожалеть живую плоть.

Здесь не то чтобы страшней,
Чем в тревоге городской,
Здесь жестокость жизни всей
Не прнкрыта суетой.

* * *

С чего бы начать — с незнакомой звезды,
С ее отразившей воды,

С летящего голубя или начнем
С тебя самого за столом?

Куда ты ни взглянешь, с чего ни начнешь,
Повсюду — над бездной бессильная дрожь.

Звезда оборвется и в ночь упадет,
И птица погибнет, и сам ты вот-вот

Качнешься над зыбью просторов пустых
И, все позабыв, уничтожишься в них.

* * *

— С каждым годом ты бедней,
Все знакомо, все приелось.
— Молодости не жалей,
Лучше золотая зрелость.

— Был ты ветреный, живой,
Расточительный... Давно ли?
— Лучше верность и покой
Медленной и честной воли.

— И тебе не страшно, брат,
На земле скупой и нищей?
— Звезды надо мной горят
Все отчетливей и чище.

Из поэмы «Балтийский песок»

Море учит беспредельности,
Волн неторопливый ход
В упоении бесцельности
Длиться не перестает.

И кого обманет линия
Между небом и водой,
Ни простора, ни уныния,
Не замкнувшая собой.

Хочется в грехах покаяться,
Словно смерть уже близка.
Лодка легкая качается
И качает рыбака.

Он бледнеет от волнения,
Что-то происходит в нем,
Бродят тени вдохновения
На лице его рябом.

Парус свернут, весла сложены,
Руки скрещены, в глазах
Отблеск мысли потревожеиной,
Соль и горечь — на губах.

Все обмаиет, все нзменится.
Элла?.. Мнмо н скорей!
Нет, конечно, он не женится,
Крик залетных журавлей

Жизни нщет над просторами
И сливается в одно
С теми звуками, которымн
Одиночество полио.

* * *

В жизни, которая только томит,
В небе, которое только зияет,
Что же к себе человека маиит,
Словио свободу и мир обещает?

Вам не хотелось в прохладе полей
Или в вечерием дыму раствориться,
Вы ие искалн могнлы своей?
Но отчего же, не в силах молиться

И ие умея томлеиье прервать,
Мы обольщаемся снова н снова,
И, безрассудные, ищем опять
Дружбы н нежности, света земиого.

* * *

Не только в наш последний час
Смерть — главиое для иас.

Во всем, что не нмеет дна,
Всегда присутствует она,
А где помельче глубина,
Нам тень ее видиа.

И мие, увы, н мие, как всем,
О, страшио стать ничем!

Но еслн бы со всех сторон
Мир этот не был окружеи
Ее дыханьем,— может быть,
Не стоило бы жнть.

* * *

Идти, ндти, быть может, н вперед,
Но что же мы в прнроде изменилн —
Все так же зимиий ветер пыль метет
И леденит фиалки на могиле.

Идти, идти, в заботах и слезах,
Всему на свете узнавая цену,
И все, что погибает на глазах,
И все, что поднимается на смену,

Все равнодушнее, все холодней
Следить и, уставая понемногу,
На жизни убывающей своей
Сосредоточить страшную тревогу.

Да, укорачивается она,
И ничего еще не прояснилось.
Стихи закончены, ночь холодна,
В таком-то месте то-то приключилось.

О, даже чувствуя за этим всем
Неясный луч какого-то просвета,
Как страшно спрашивать себя: зачем?
И помнить, что не может быть ответа.

* * *

Въезжают полозья обоза
На синий растрескавший лед,
Высокая чайная роза
У теплого моря цветет,

И свечи пылают в соборе,
И крест положили на грудь...
Не эта ли всех аллегорий
Таинственней *жизненный путь.*

Он убран снегами, цветами,
И щебнем, и пеной морской,
И бездна у нас под ногами...
Но южного моря прибой,

И по льду скользящие сани,
И голос подруги твоей,—
Тем сердцу дороже — в сиянии
Над гробом зажженных свечей.

* * *

Почти упав, почти касаясь льда,
Над ним тем легче конькобежец реет,
Почти сорвавшись, на небе звезда
Тем ярче в ту минуту голубеет.

И ты, от гибели на волосок,
Мечтая пулей раздробить висок,
Опомнился на миг один от срыва —

И что ж? Душа, могильная вчера,
Как никогда, сегодня терпелива,
И жизнь вокруг неистово-щедра.

* * *

Все будет уничтожено, пока же
Мы любим, самой смерти вопреки,
И пальцы детских ног на летнем пляже,
И голубя на глине коготки.

И многое еще... Но только мало
Всей прелести земной, чтоб перестало
Из этой жизни влечь всего сильней
В то смутное, что кроется за ней.

Там долго мы искали, как умели,
Для мира объяснения и цели,

И научились только день за днем
(Не разрубив узла одним ударом)
Довольствоваться тем, что вот — живем,
Хотя и без уверенности в том,
Что надо жить, что все это не даром.

* * *

Раскачивается пакет,
И зонтик матовый раскрыт...
Довольно бережно одет,
Он не особенно спешит.

Поспешно семенит за ним
Невзрачный сгорбленный в очках,
Подальше с кем-то молодым
На очень острых каблучках

Проходит женщина. За ней
Какой-то розовый солдат.
И целый день, и сотни дней,
И тысячи, вперед, назад

Идут бок о бок или врозь
Не те, так эти, где пришлось...

Ни человека, ни людей
(Живые, да, но кто и что).
А сколько жестов и вещей,
Ужимок, зонтиков, пальто.

* * *

Снег передвинулся и вниз
Сползает по наклонной жести,
Садится голубь на карниз
И дремлет на пригретом месте.
И капель тысячи горстей
Под ветром сыплются с ветвей...
Но этого всего с кровати

Не видио. Маятник стучит,
И мало воздуху в палате,
И умирающий хрипит.

* * *

Когда устанет воробей
Обтачивать сухую корку,
Среди играющих детей —
По их лопаткам и ведерку —

Поскачет ои, прощебетав,
И это тихо иаблюдая,
Твою соседку за рукав
Потяиет девочка худая.

И ты увидишь мать и дочь.
Оии бедны, их плечи узки.
И иевозможно им помочь...
Но ты ведь литератор русский —

На профиль первой и второй
Ты смотришь с горечью такой,
Как будто здесь, на этом свете
(Опомиись, мало ли таких),
Мы перед совестью в ответе
За долю каждого из иих.

* * *

Дело неизвестио в чем —
Люди и любовь и годы,
В океаие под дождем
Проплывают пароходы...

И не зиаю, кто и где,
Наклоиившийся к воде,
Или же, как я — в отеле,
Лежа иа своей постели,—

Видит ясио всех других,
Что-то делающих где-то,
И до слез жалеет их
И себя за то и это:

То — на убыль жизнь идет,
И у иас тепло берет
Мир, от нас же уходящий;

Это — настежь неба свод,
Ледяиой и леденящий.

* * *

Где снегом занесенная Нева,
И голод, и мечты о Ницце,
И узкими шпалерами дрова,
Последние в столице.

Год восемнадцатый и дальше три,
Последних в жизни Гумилева...
Не жалуйся, на прошлое смотри,
Не говоря ни слова.

О, разве не милее этих роз
У южных волн для сердца было
То, что оттуда в ледяной мороз
Сюда тебя манило.

* * *

Возвращается ветер на круги своя,
Вот такими давно ли мы были и сами,
Возвращается молодость, пусть не твоя,
С тем же счастием, с теми же, вспомни, слезами.

И что было у многих годам к сорока,
И для нас понемногу, ты видишь, настало:
Сил еще не последних довольно пока,
Но бывает, что их и сейчас уже мало.

И не то чтобы жизнь обманула совсем,
Даже грубость ее беспредельно правдива,
Но приходят сюда и блуждают — зачем? —
И уходят, и все это без перерыва.

* * *

Чтоб сильную и гордую сберечь,
Терпи ее заносчивую речь,
Где все от чистоты и умной воли,
Где жалоб нет на муки женской доли,
Где требовательность всегда резка,
Но где живет высокая тоска
О нежности, о друге совершенном.

Она зовет несчастием и пленом
Мир, где бороться научился ты,
Где нет спасения от суеты
И где она гостит как птица рая,
Сияние вокруг распространяя.

* * *

От жалости ко мне твоей
И нежности почти сквозь слезы
И оттого что ты прямей,
Чем длинный стебель южной розы,

И потому, что с детских лет
Ты любишь музыку и свет,—

С тобою, ангел нелюдимый,
Я сам преображаюсь весь,
Как будто и в помине здесь —

Обиды нет неизгладимой,
Болезни нет неизлечимой,
Нет гибели неотвратимой.

1931—1932

* * *

Не правда ли, жемчуг — с душой:
Он вянет на коже дурной

И дивно его лихорадит
И краски у неба он крадет

И шелест — у тихих морей,—
Когда он на шее твоей.

И как не подумать о сходстве
В твоем и его благородстве.

Он кажется хрупким — разбей,
Ты, слабая, сильных сильней.

И, знаешь, чувствительность та же
У вас и тревога, и даже

Мерцание тех же лучей
От жизни исходит твоей.

* * *

Измученный, счастливый и худой
Подснежник распрямляется весной.

Он весь — изнеможение и нега,
И так его не грубы лепестки,
Как умирающие хлопья снега,
Как выражение твоей руки.

Все, что себя любить повелевает
За чудо слабости и чистоты,
Власть надо мной твою напоминает —
Как ты сильна! Как беззащитна ты!

* * *

Ни смерти, ни жизни, а только подобие
Того и другого не только у тех,
Чье солнце на русском, на дальнем сугробе
(То солнце жестоко еще не для всех).

Но страшно сияет оно, иностранное,
Над садом у моря, над визгом детей,
И думать нельзя, и загадывать рано,—
Земля как земля — оставайся на ней.

Под бурями века и звезд мириадами
Ни злобы, ни мести — холодный распад,
И даже друзья понимающим взглядом
Друг в друга, как в черную пропасть, глядят.

* * *

О нежности и рае и обманах
И дыме парохода в океанах,

О каторжных усилиях труда
И скрипке, и любви, и ветре с юга;

О том, что неизвестно, ни когда,
Ни чем еще мы будем друг для друга —

Среди людей и неизвестно где,
Здесь на земле и на другой звезде.

* * *

Жалко, что с грубостью сердцу не справиться,
Стыдно, что лесть подкупает и нравится,
Страшно, что ангел с тобой и красавица.

Или поможешь любовью своей,
Чтобы того же не чувствовать ей,

Что и твое, утомленное, скрытное
Сердце, от жизни и звезд беззащитное.

* * *

У газетчиц в каждом ворохе
О безумии, о порохе,
О — которой все живем —
Муке с будничным лицом.

И стилистика заправская
Не приучит ни к чему —
Пахнет краска типографская
Про больницу и тюрьму,
И уродскую чувствительность,
И тщеславие и мнительность —

У газетного листа
Сходство с людными кварталами,
Где пивные, теснота,
Циферблаты над вокзалами

С пассажирами усталыми,
И особениая, та,
Где уж иикакими силами
Не поможешь, пустота,
Дио которой за перилами

Арки, лестницы, моста.

Красавица

(Отрывок из поэмы)

1

Жеищииы, которые в иарод
(И в Сибирь) идут и погибают
И семиадцатый готовят год —
Нас теперь ие эти восхищают.
Мие бы легче было воспевать
Более простую героиию,
Только жеищииу и только мать,
Мать с ребеиком, кроткую богиию...
Но, увы, святая простота
Миогих раздражает иеспроста.

2

Утра я люблю оледеиелость,
Первых удлииеиие лучей
И победу света... Мие хотелось
С героиии срисовать моей
Что-то от почти иежеиской доли,
Что-то, что как гeиию далось
И присутствием добра и аоли
И ума проиизаио иасквозь,
Что-то, что важиее оболочек
Не у всех, у жеищии-одииочек.

3

Что-то, что естествеиио как шип,
И цветок, и стебель розы чайиой,
Что-то, как литературиый тип,
Убедительиости неслучайиой.
Это ие бесплотиый идеал,
Серыми и длиииыми лучами
Взгляд ее кого ие волиовал,
Но легко ли с этими глазами
С детства между славой и добром
Выбрать и постааить иа своем.

4

Ты ие то что ие хотела славы
(Теиь ее хватила бы другой),
Но за иею даже шаг лукавый
Никогда не сделаи был тобой.
Ты ее спокойио принимала
Без надмеиности и слепоты,

Даже без нроннн сначала,
И какая же загадка ты
Посейчас для многнх, слншком многнх
Благодушных н к себе не строгнх.

5

Слава между прочим — просто так,
Да н что же может быть другого,
Еслн есть нзбраннннчества знак.
Строго, чтобы не сказать сурово,
Судишь ты себя и жнзнью всей
Что-то не обыденное, что-то
Не завнсящее от людей
Выражаешь. Вся твоя забота —
Не обндеть, не крнвнть душой
Нн с другнмн, нн с самой собой.

6

Осенью улавлнвает ухо
Желтых лнстьев шелест на лету.
Лучше бы не помнннть, что старухой
Будет н красавнца в цвету.
Что мучнтельней н бесполезней
От судьбы отстанвать себя:
В черном окруженнн болезней,
Новой жертвы сразу не губя,
Понемногу, в несколько прнемов,
Вялая от морфня н бромов,

7

Вырывает смерть последннй вздох
Из давно разрушенного тела.
Лучше бы не мешкая, врасплох —
Бросилвсь она н одолелв.
Что же... Покоряться н стареть,
Ннкуда от этого не деться,
На лнцо прелестное смотреть,
Любоваться н не наглядеться
И грустить н думать: не одна
Светлая у жнзнн сторона.

8

Отчего же столько в человеке
Нежностн всему нвперекор.
В этом увяданин навекн
От всего, что было до снх пор,
День за днем какая-то частнца
Отделяется, одна другой
Черточка сменяется, н длнтся
Разрушенне, н в теневой
Жнзнн мы узнать уже не в силах
Столько лнц пленнтельных н милых.

9

Ты еще прекрасно молода,
На веку твоем, еще коротком,

Лучше ие бывали никогда:
Этот угол шеи с подбородком,
Этих глаз привычка ие мнгать,
Их необъяснимая огромиость,
И как будто птицей можешь стать,
Легкие движеиия, и скромность,
Нехотя прнемлющая власть,
Ту, которой сладостио подпасть.

10

Но когда и для тебя настанет
Время с зеркалом иаедине
Испытать, что и такую ранит
Старость, отчего открыто мне
В том, что ждет тебя, в перемещенье
Линий совершениого лица —
Как бы полиое освобождеиье
Затаеииого, не до коица
В молодости вндимого света,
Им ты греешь и сама согрета.

11

Потому что для таких, как ты,
Смерть совсем ие дорогая плата
За непогрешимость чистоты,
Каждому отпущенной когда-то,
Но, увы, чем дальше, тем сильней
Засоряемой... О самой раиней,
Той, которая в глазах детей
И еще в небесном океане,—
Твоего существованья жест,
Весь иапомннаиье и протест.

12

То, что называли декадентством,
Вряд ли ииже века своего.
Это — мнр с его иесовершенством
И скучающее существо.
Пусть оно ие борется во имя
Что-то обещающих идей.
Кто ие различает и за иимн
Тех же напряжеине страстей
И за скрежетом борьбы железиой
Жесты суетливые иад бездной.

13

Остальное: страиные слова,
Стиль упадка, ннкогда ие новый
И свон имеющий права,
Даже будуары и альковы —
Это иесущественио. Сквозь дым
Перед иачииавшнмся пожаром
Декадеитство вижу я простым,
Умным и печальным, и недаром
Что-то есть и от его лучей
В прелестн и нервиости твоей.

* * *

Не знаю имени этой птички.
    Но сердце сразу узнает,
Что это голос твоей сестрички,
    И не напрасно она поет.

Твои, твои у нее привычки
    К такому «ла» и такому «соль»,
И страшно слышать у милой птички
    Такое горе, такую боль.

Недаром «птички-невелички»,
    Поется, «жалобно поют»...
Я узнаю от твоей сестрички,
    Что больше нищим не подают.

Как нищий — хлеба, я жду странички
    Письма обещанного,— не шлешь,—
И только голосом грустной птички
    О сердце раненом мне поешь.

Буря мглою

Мчатся тучи... Пролетают годы,
Пролетают и свистят в ушах.
Снова то за ветром непогоды...
Буря мглою... Снова мы впотьмах.

И — не домового ли хоронят?
Ведьму ль замуж?.. В жалобе стихий,
Как в метели, пушкинское тонет...
Буря... Кони стали... Гоголь... Вий...

Мчатся бесы... Бесы... Верховенский...
Федька-Каторжный... Топор. Петля.
Кто-то где-то про Собор Вселенский,
Про Мессию... И поля, поля.

Молодость, а страшно поневоле...
Прокламации, нагайка, кнут...
За мечтами о земле и воле
Ночь... Ужасен там и краток суд...

Лучше спать тяжелым сном медведя,
Спать и спать... Обломов, Домострой,
И цыганка и Протасов Федя,
Добрый, ласковый, но... труп живой.

Мчатся бесы, искрами мелькая,
Вьюга, кони дышат тяжело,
Но... Волконская и Трубецкая —
И уже от сердца отлегло.

И такое же, как те в кибитке,
Чудное лицо... Опять она:

Сонечка на улице в накидке...
Мармеладов... Страшная страна.

Буря мглою... Стелется и свищет,
И Хома над гробом... Страшный час.
Может быть, она и нас отыщет,
Уничтожит каждого из нас.

Панночка прелестная из гроба
Смотрит... Буря мглою... Мелом круг...
Подымите веки мне!.. и в оба
На меня и палец... Ах! и вдруг

Буря мглою небо застилает:
Свет с Востока!.. Будет вам уже
Свет, когда рванет и запылает
Рядом — на восточном рубеже.

Буря мглою... Варвары под Римом.
Под ударом — Лондон и Париж.
Расставаясь с невосстановимым,
Ты уже на Западе горишь.

Ты горишь, как мы, как наше пламя,
Потому что ты жива всегда.
Буря мглою... но за облаками —
Ты как неподвижная звезда.

Нет, не с Запада и не с Востока
Эти незакатные лучи,
Этих глаз огромных поволока,
Этот лоб над пламенем свечи.

Маленькое пламя задувая,
Буря мглою... Только над звездой
Там за вихрем, вечная, живая —
Божья Мать и рядом ангел мой.

* * *

Допили золотой крюшон,
Не тронут бутерброд,
Дурак уверовал, что он
В потомстве не умрет.

А на ладони виртуоз
Проносит в вышине
Никелированный поднос,
Слетающий ко мне.

Я молча пью. Ты не со мной,
Но ты всегда моя.
Я всюду слышу голос твой,
Далекий звон ручья.

Пускай старается румын,
Пускай вопят смычки,
И некрасивый господин
Мигает сквозь очки.

Мне все равно легко дышать
И слушать скрипачей.
Сумел я в сердце удержать
Слова любви твоей.

* * *

В белой даче над синим заливом
Душно спать от бесчисленных роз,
Очень ясно, с двойным перерывом,
Вдалеке просвистел паровоз.

Там проходит пустыми полями,
Над которыми месяц зажжен,
Вереницы груженных дровами
И один санитарный вагон.

Слабо тянет карболкой и йодом:
— Умираю, спаси, пожалей!
Но цветы под лазоревым сводом
Охраняют уснувших людей.

* * *

Не диво — радио: над океаном
Бесшумно пробегающий паук;
Не диво — город: под аэропланом
Распластанные крыши; только стук,

Стук сердца нашего обыкновенный,
Жизнь сердца без начала, без конца —
Единственное чудо во вселенной,
Единственно достойное Творца.

Как хорошо, что в мире мы как дома
Не у себя, а у Него в гостях;
Что жизнь неуловима, невесома,
Таинственна, как музыка впотьмах.

Как хорошо, что нашими руками
Мы строим только годное на слом.
Как хорошо, что мы не знаем сами
И никогда, быть может, не поймем

Того, что отражает жизнь земная,
Что выше упоения и мук,
О чем лишь сердца непонятный стук
Рассказывает нам, не уставая.

Борис Поплавский
1903-1935

1920-1935
Boris Poplavski

Звездный ад

Чу! подражая соловью, поет
Безумная звезда над садом сонным.
Из дирнжабля ангелы, на лед
Сойдя, молчат с улыбкой благосклонной.

В тропнческую ночь, над кораблем,
Она огнем зеленым загорелась.
И побледнел стоящнй за рулем,
А пассажнрка в небо засмотрелась.

Блуждая в звуках, над горой зажглась,
Где спал стеклянный мальчнк в платье снежном,
Заплакал он не раскрывая глаз
И на заре растаял дымом нежным.

Казалось ей, она цветет в аду.
Она кружнтся на ночном балу.
Бумажною звездою на полу,
Она лежнт средн разбнтых душ.

И вдруг проснулась; холод плыл в кустах,
Она сняла на руке Христа.

1926

Черная Мадонна

Вадиму Андрееву

Сниневелн днн, сиреневели,
Темные, прекрасные, пустые,
На трамваях люди соловелн.
Наклоняли головы святые,

Головой счастливою качалн.
Спал асфальт, где полдень наследнл.
И казалось, в воздухе, в печали,
Поминутно поезд отходил.

Загалдит народное гулянье,
Фонари грошовые на нитках,

И на бедной, выбитой поляне
Умирать начнут кларнет и скрипка.

И еще раз, перед самым гробом,
Издадут, родят волшебный звук,
И заплачут музыканты в оба
Черным пивом из вспотевших рук.

И тогда проедет безучастно,
Разопрев и празднику не рада,
Кавалерия, в мундирах красных,
Артиллерия назад с парада.

И к пыли, к одеколону, к поту,
К шуму вольтовой дуги над головой
Присоединится запах рвоты,
Фейерверка дым пороховой.

И услышит вдруг юнец надменный
С необъятным клешем на штанах
Счастья краткий выстрел, лет мгновенный,
Лета красный месяц на волнах.

Вдруг возникнет на устах тромбона
Визг шаров, крутящихся во мгле.
Дико вскрикнет черная Мадонна,
Руки разметав в смертельном сне.

И сквозь жар, ночной, священный, адный,
Сквозь лиловый дым, где пел кларнет,
Запорхает белый, беспощадный
Снег, идущий миллионы лет.

(1927)

* * *

Восхитительный вечер был полон улыбок и звуков,
Голубая луна проплывала, высоко звуча,
В полутьме Ты ко мне протянула бессмертную руку,
Незабвенную руку, что сонно спадала с плеча.

Этот вечер был чудно тяжел и таинственно душен,
Отступая, заря оставляла огни в вышине,
И большие цветы, разлагаясь на грядках, как души
Умирая, светились и тяжко дышали во сне.

Ты меня обвела восхитительно медленным взглядом,
И заснула, откинувшись навзничь, вернулась во сны,
Видел я, как в таинственной позе любуется адом
Путешественник-ангел в измятом костюме весны.

И весна умерла, и луна возвратилась на солнце
Солнце встало, и темный румянец взошел.
Над загаженным парком святое видеиье пропало.
Мир воскрес и заплакал н розовым снегом отцвел.

1928

Детство Гамлета

Ирине Одоевцевой

Много детей собралось в эту ночь на мосту.
Синие звезды надели лимонные шляпы.
Спрятала когти медведица в мягкую лапу.
Мальчик надел свой новый матросский костюм.

Мост этот тихо качался меж жизнью и смертью,
Там на одной стороне, был холодный рассвет.
Черный фонарщик нес голову ночи на жерди,
Нехотя загорался под крышами газовый свет.

Зимнее утро чесалось под снежной периной.
А на другой стороне был отвесный лиловый лес.
Сверху курлыкал невидимый блеск соловьиный.
Яркие лодки спускались сквозь листья с небес.

В воздухе города желтые крыши горели.
Странное синее небо темнело вдали.
Люди на всех этажах улыбались, блестели.
Только внизу было вовсе не видно земли.

Поезд красивых вагонов сквозь сон подымался.
Странные люди из окон махали платками.
В глетчере синем оркестр наигрывал вальсы.
Кто-то с воздушных шаров говорил с облаками.

Каждый был тих и красив и умен беспредельно.
Светлый дракон их о Боге учил на горе.
В городе ж снежном и сонном был понедельник.
Нужно в гимназию было идти на заре.

Кто-то из воздуха детям шептал над мостами.
Дети молчали, они от огней отвернулись.
Странный кондуктор им роздал билеты с крестами.
Радостно лаял будильник на тех, кто вернулись.

1929

* * *

Розовый час проплывал над светающим миром.
Души из рая назад возвращались в тела.
Ты отходила в твоем сверхъестественном мире.
Солнце вставало, и гасла свеча у стола.

Розовый снег опадал в высоте безмятежной.
Вдруг Ты проснулась еще раз; но Ты никого не узнала,
Странный Твой взгляд проскользил удивленный и нежный
И утонул в полумраке высокого зала.

А за окном, незабвенно блистая росою,
Лето цвело и сады опускались к реке.
А по дороге, на солнце блистая косою,
Смерть уходила и черт убегал налегке.

Мир незабвенно снял, очарованный летом.
Белыми клубами в небо всходили пары.
И, поднимая античные руки, атлеты
Камень ломали и спали в объятьях жары.

Солнце сняло в бессмертном своем обаянье.
Флаги всходили, толпа начинала кричать.
Что-то ужасное пряталось в этом сиянье.
Броситься наземь хотелось, забыть, замолчать.

Роза смерти

Георгию Иванову

В черном парке мы весну встречали,
Тихо врал копеечный смычок,
Смерть спускалась на воздушном шаре,
Трогала влюбленных за плечо.

Розов вечер, розы носит ветер.
На полях поэт рисунок чертит.
Розов вечер, розы пахнут смертью
И зеленый снег идет на ветви.

Темный воздух осыпает звезды,
Соловьи поют, моторам вторя,
И в киоске над зеленым морем
Полыхает газ туберкулезный.

Корабли отходят в небе звездном,
На мосту платками машут духи,
И, сверкая через темный воздух,
Паровоз поет на виадуке.

Темный город убегает в горы,
Ночь шумит у танцевальной залы
И солдаты, покидая город,
Пьют густое пиво у вокзала.

Низко, низко, задевая души,
Лунный шар плывет над балаганом,
А с бульвара под орган тщедушный
Машет карусель руками дамам.

И весна, бездонно розовея,
Улыбаясь, отступая в твердь,
Раскрывает темно-синий веер
С надписью отчетливою: смерть.

Морелла I

Фонари отцветали, и ночь на рояле играла,
Привиденье рассвета уже появилось в кустах.
С неподвижной улыбкой Ты молча зарю озирала,
И она, отражаясь, синела на сжатых устах.

Утро маской медузы уже появлялось над миром,
Где со светом боролись мечты соловьев в камыше.
Твой таинственный взгляд, провожая созвездие Лиры,
Соколиный, спокойный, не видел меня на земле.

Ты орлиною лапой разорванный жемчуг катала,
Ты как будто считала мои краткосрочные годы.
Почему я Тебя потерял? Ты, как ночь, мирозданьем играла,
Почему я упал и орла отпустил на свободу?

Ты, как черный орел, развевалась на желтых закатах,
Ты, как гордый, немой ореол, осеняла судьбу.
Ты вошла не спросясь и отдернула с зеркала скатерть
И увидела нежную девочку-вечность в гробу.

Ты, как нежная вечность, расправила черные перья,
Ты на желтых закатах влюбилась в сиянье отчизны.
О, Морелла, усни, как ужасны огромные жизни,
Будь, как черные дети, забудь свою родину — Пэрн!

Ты, как маска медузы, на белое время смотрела,
Соловьи догорали, и фабрики выли вдали,
Только утренний поезд пронесся, грустя, за пределы,
Там, где мертвая вечность покинула чары земли.

О, Морелла, вернись, все когда-нибудь будет иначе,
Свет смеется над нами, закрой снеговые глаза.
Твой орленок страдает, Морелла, он плачет, он плачет,
И, как краска ресниц, мироздание тает в слезах.

* * *

A Paul Fort

Нездешний рыцарь на коне
Проходит в полной тишине,
Над заколдованным мечом,
Он думает о чем, о чем?

Отшельник спит в глухой норе,
Спит дерево в своей коре,
Луна на плоской крыше спит,
Волшебник в сладком сне сопит.

Недвижны лодки на пруде,
Пустынник спит, согрев песок,
Мерлэн проходит по воде,
Не шелохнув ночных цветов.

Мерлэн, сладчайший Иисус,
Встречает девять муз в лесу.
Мадонны, девять нежных Дев,
С ним отражаются в воде.

Он начинает тихо петь,
Гадюки слушают в траве.
Серебряные рыбы в сеть
Плывут, покорствуя судьбе.

Ночной Орфей, спаситель сна,
Поет чуть слышно в камыше.
Ущербная его луна
Сияет медленно в душе.

Проклятый мир, ты близок мне,
Я там родился, где во тьме
Русалка слушает певца,
Откинув волосы с лица.

Но в темно-синем хрустале
Петух пропел, еще во сне.
Мерлин-пустынник встал с колен,
Настало утро на земле.

* * *

Мальчик смотрит, белый пароходик
Уплывает вдоль по горизонту,
Несмотря на ясную погоду,
Раскрывая дыма черный зонтик.

Мальчик думает: а я остался,
Снова не увижу дальних стран.
Почему меня не догадался
Взять с собою в море капитан?

Мальчик плачет. Солнце смотрит с высей
И прекрасно видимо ему:
На корабль голубые крысы
Принесли из Африки чуму.

Умерли матросы в белом морге,
Пар уснул в коробочке стальной,
И столкнулся пароходик в море
С ледяною синею стеной.

А на башне размышляет ангел,
Неподвижно бел в плетеном кресле.
Знает он, что капитан из Англии
Не вернется никогда к невесте.

Что, навек покинув наше лето,
Корабли ушли в миры заката,
Где грустят о севере атлеты,
Моряки в фуфайках полосатых.

Юнга тянет, улыбаясь, жребий,
Тот же самый, что и твой, мой друг.
Капитан, где Геспериды? — В небе.
Снова север, далее на юг.

Музыка поет в курзале белом.
Со звездой на шляпе в ресторан
Ты вошла, мой друг, грустить без дела
О последней из далеких стран,

Где уснул погибшнй пароходик
И куда цветы несет река.
И моя душа, смеясь, уходит
По песку в костюме моряка.

* * *

Снег идет над голой эспланадой;
Как деревьям холодно нагим,
Им, должно быть, ничего не надо,
Только бы заснуть хотелось нм.

Скоро вечер. День прошел бесследно.
Говорил; нзмучился; замолк.
Женщина в окне рукою бледной
Лампу ставнт желтую на стол.

Что же Ты, на улнце, не дома,
Не за кнногой, слабый человек?
Полон странной снежною нстомой,
Смотрншь без конца на первый снег.

Все вокруг Тебе давно знакомо.
Ты простнл, но Ты не в снлах жнть.
Скоро лн Ты будешь дома?
Скоро лн Ты перестанешь быть?

* * *

Вечер блестнт над землею,
Дождь прекратился на время,
Солнце сменилось луною,
Лета истаяло бремя.

Ннзкое солнце садится,
Серое небо в огне;
Быстрые, черные птнцы
Носятся стаей в окне.

Так бы касаться, кружиться,
В бездну стремглав заглянуть,
Но на земле не ужнться,
В серое небо скользнуть.

Фабрнка гаснет высоко,
Яркие, знмние днн.
Клонится ннзко осока
К бегу холодной волны.

Черные, быстрые воды,
Им бы заснуть подо льдом.
Сумрачный празднк свободы
Ласточкн в сердце пустом.

* * *

Трава рождается, теплом дорога дышит,
Любуются рекою острова.
Душа молчит, она себя не слышит,
Она живет во всем, она мертва.

Встает весна. От постоянной боли
Душа утомлена, тиха, пуста.
Болезнею, которою я болен,
Был болен мир, от первых дней греха.

Под белым солнцем травы оживают,
Теплеет свет, работа далека.
Спокойно над рекою долетает
До белых облаков Твоя рука.

Ты говоришь, сама не понимая,
Сама от слова слишком далека,
И просыпается к словам река немая,
Становятся словами облака.

На бронзовой дороге над водою
Мы говорим, рожденные в аду,
Спасенные ущербом и судьбою,
Мы взвешиваем в небе пепел душ.

Теряется река за островами,
Купальня млеет солнечным пятном,
Скрывается Сибилла за словами.
Жизнь повторяется. И снова не о том.

Спокойно, отдаленно, неподвижно
С камней моста Ты щуришься на свет,
А там, вдали, стирая наши жизни,
Проходит облако, и снова счастья нет.

1931

* * *

1

Во мгле лежит печаль полей,
Чуть видно солнце золотое
Играет в толстом хрустале,
Где пламя теплится святое.

В холодной церкви тишина,
Все чисто вымыто руками,
Лишь в алтаре вознесена
Лампада теплится веками.

И камень жив святой водой,
Все спит, но сон церковный светел,
Легко священник молодой
Возносит чашу на рассвете.

Неспешно, ровио повторив
Слова, звучавшие веками,
Когда еще зари горит
Нездешинй свет за облаками,

И колокол в туманный час
Неспешио голос посылает,
От смертных снов не будит нас,
Не судит, но благословляет.

2

Тихо светится солнце в тумане,
Дым восходит иедвижным столбом,
Уж телега стучит меж домами,
Просыпается жизнь в голубом.

Легкий иней растаял на крышах,
Колокольный язык замолчал,
Все по-прежнему бело, а выше
Появился просвет и пропал.

Я сегодня так рано просиулся,
Долго спал, но не помиятся сиы,
Бело-серому дню улыбнулся,
Все простил н не вспомнил вииы.

А потом замрачнел в ожиданьи,
Потемнел, погрузился во мрак,
Вышел к людям — не рады свиданью,
Глянул в сердце — сомиенье и страх.

А потом под водой ледяною
В эту церковь пустую зашел,
Где лампада парит над землею,
Не смущаясь ни горя, ии зол.

Долго думал, ио боль не смирилась,
Лишь потом потемиела оиа,
Слезы брызнули, сердце раскрылось,
Возвратилась моя тишиив.

Тихо новый собор озарился,
Безмятежный священник пришел,
Я услышал орган и забылся,
Отрешился от горя и зол.

3

На холодиом желтеющем небе,
Над канавой, где мчится вода,
Непрестаиио, как мысли о хлебе,
В зимием небе дымят города.

Тяжкий поезд мосты сотрясает,
Появляется надпись: «Табак».
Загорается газ, погасает,
Отворяются двери в кабак.

Слез кондуктор, и будочник свистнул,
Потащились вагоны в снегу.
Я с утра оторвался от жзни,
Все иду, уж идти не могу.

Первый снег мне былое напомнил
О судьбе, о земле, о Тебе,
Я оделся и вышел из комнат
Успокаивать горе в ходьбе.

Но напрасно вдоль белых чертогов
Шум скользит, как река в берегах.
Все такая же боль на дорогах,
Все такое же горе в снегах.

Нет, не надо во мраке опоры;
Даль нужней, высота, чистота,
Отрешенья высокие горы,
Занесенные крыши скита.

Долго будет метель бездорожить,
Ночь пройдет, успокоится снег,
Тихо стукнет калитка, прохожий
Обретет долгожданный ночлег.

Свет лампады негромко, немудро
Означает покой здесь, ложись,
Завтра встанешь, как снежное утро,
Безмятежно вмешаешься в жизнь.

Только где же твой скнт, горожанин?
Дома низко склоняюсь к трудам.
Только где же твой дом, каторжанин?
Слышишь, церковь звонит? это там.

1931

* * *

Сумеречный месяц, сумеречный день,
Теплую одежду, юноша, надень.
В сердце всякой жизни скрытый страх живет.
Ветви неподвижны. Небо снега ждет.

Птицы улетели. Молодость, смирись,
Ты еще не знаешь, как ужасна жизнь.
Рано закрывают голые сады,
Тонкий лед скрывает глубину воды.

Птицы улетели. Холод недвижим.
Мы не долго пели и уже молчим.
Значит, так и надо, молодость, смирись,
Затепли лампаду, думай и молись.

Скоро все узнаешь, скоро все поймешь —
Ветер подметает н уносит ложь.
Все, как прежде, в мире, сердце горя ждет,
Слишком тихо в сердце, слишком светел год.

1931

* * *

Как страшно уставать.
Вся жизнь течет навстречу,
А ты не в силах жить
Вернись в закуток свой.

Таись, учись скрывать,
И слушай там весь вечер,
Как мелкий лист дрожит
Под каплей дождевой.

В окне спокойный свет,
Едва трепещут листья,
Темнеет длинный день,
Слабеет улиц шум,

Чего-то в мире нет,
Ни в блеске гордых истин,
Все это тени тень,
И ты устал от дум.

Сквозь сумрак голубой
Спешат больные люди,
За тьмой насущных дел,
Не видя лучших лет.

Молчи и слушай дождь.
Не в истине, не в чуде,
А в жалости Твой Бог,
Все остальное ложь.

Ты им не нравишься,
Ты одинок и беден,
Зато она с Тобой,
Что счастье без нее.

А с ней, к чему покой
И даже сон о небе,
Дождливым вечером
Закатные края.

* * *

Ранний вечер блестит над дорогой.
Просветлело, и дождь перестал.
Еле видимый месяц двурогий
Над болотною речкою встал.

Неприветлива чаща сплошная,
Где-то стрелочник тронул свирель.
Осыпает ворона ночная
С облетающих кленов капель.

Слышен лай отдаленный собаки,
У ворот в темноте голоса.

Все потеряно где-то во мраке,
Все в овраге лишилось лица.

Ночь. Бездонная ночь над пустыней,
Исполинов сверкающих мать,
В тишине, Ты не плачешь над ними,
Не устанешь их блеску внимать.

Буду в ярком сиянии ночи
Так же холодно ярок над всем.
Если я на земле одиноче
Дальних звезд, если так же я нем,

Выпью сердцем прозрачную твердость
Обнаженных, бесстрашных равнин,
Обреченную, чистую гордость
Тех, кто в Боге остались одни.

1931—1934

* * *

Прежде за снежной пургою,
Там, где красное солнце молчит,
Мне казалось, что жизнью другою
Я смогу незаметно прожить.

Слушать дальнего снега рожденье
Над землей, в тишине белизны
И следить за снежинок паденьем
Неподвижно сквозь воздух зимы.

Почему я склонился над миром,
Позабыл о холодных царях?
Или музыка мне изменила,
Или сердце почуяло страх?

Нет, но ангелы — вечные дети —
Не поймут и не любят земли,
Я теперь самый бедный на свете
Загорелый бродяга в пыли,

Славлю лист, золотеющий в поле,
Запах пота, сиянье волны
И глубокую в сумраке боли
Радость жизни развеявшей сны,

Соглашение камня и неба,
Крепость плоти, целующей свет,
Вкус горячего, желтого хлеба,
Голос грома и бездны ответ.

1932

Флаги спускаются

Над рядами серых саркофагов,
Где уже горел огонь слепой,
Под дождем промокший, ангел флагов
Продолжал склоняться над толпой.

Улица блестит, огни горят, а выше
Ранний мрак смешался с дымом труб,
Человек под тонкой черной крышей
Медленно идет во тьме к утру.

Дождь летит у фонарей трамвая
Тонкою прозрачною стеной,
Из витрины дева восковая
Дико смотрит в холод неземной.

Все темно, спокойно и жестоко,
Высоко на небе в яркой ризе
Ты сиял, теперь сойди с флагштока,
Возвратись к обыкновенной жизни.

Спи. Забудь. Все было так прекрасно.
Скоро, скоро над Твоим ночлегом
Новый ангел сине-бело-красный
Радостно взлетит к лазури неба.

Потому что вечный праздник длится,
Тают птицы, трубы отлетают.
Гасит время. Снова утро снится,
И про адский пламень воск мечтает.

Солнце всходит золотым штандартом,
Гибнут мысли. Небо розовеет.
Гасит вечер. Солнце рвется в завтра.
И таить рассвета ночь не смеет.

Что ж, пади. Ты озарял темницу,
Ты сиял, приняв лазурный ужас.
Спи. Усни. Любовь нам только снится,
Ты, как счастье, никому не нужен.

1931

* * *

Рождество расцветает. Река наводняет предместья.
Там, где падает снег, паровозы идут по воде.
Крыши ярко лоснятся. Высокий декабрьский месяц
Ровной, синею нотой звучит на замерзшем пруде.

Четко слышится шаг, вдалеке без конца повторяясь
Приближается кто-то и долго стоит у стены,
А за низкой стеной задыхаются псы, надрываясь,
Скаля белые зубы в холодный огонь вышины.

Рождество, Рождество! Отчего же такое молчанье,
Отчего все темно и очерчено четко везде?
За стеной Новый Год. Запоздалых трамваев звучанье
Затихает вдали, поднимаясь к Полярной звезде.

Как все чисто и пусто. Как все безучастно на свете.
Все застыло, как лед. Все к луне обратилось давно.
Тихо колокол звякнул. На брошенной кем-то газете
Нарисована елка. Как страшно смотреть на нее.

Тихо в черном саду, диск луны отражается в лейке.
Есть ли елка в аду? Как встречают в тюрьме Рождество?
Далеко за луной и высоко над жесткой скамейкой
Безмятежно нездешнее млечное звезд торжество.

Все как будто ждало, и что спугнута птица шагами
Лишь затем, чтоб напомнить, что призраки жизни страшны,
Осыпая сиянья, как долго мы были врагами
Тишины и природы, и все ж мы теперь прощены.

1930—1931

* * *

В ярком дыме июньского дня,
Там, где улица к морю ведет,
Просыпается утро от сна,
Сад цветет и шарманщик поет.

Огибая скалистый мысок,
Пароход попрощался с Тобой.
Темный-желтый дорожек песок
Свеже полит водой голубой.

В ресторане под тентами штор
Отраженья речной глубины,
И газета летит на простор
В шум морской и воздушной волны.

Посмотри! все полно голосов,
Ярких платьев, карет дорогих,
И в горячий уходят песок
Руки смуглые женщин нагих.

В далеке, средь молочных паров,
Солнце скрыло хрустальной дугой
Грань воздушных и водных миров,
И один превратился в другой.

А за молом, где свищет Эоль
И, спускаясь, пылит экипаж,
Сквозь сады, в сновидении пчел,
Горный дух возвратился на пляж.

Значит, рано молитвы творить,
Слишком летняя боль глубока —
Так, впадая, на солнце горит
И, теряясь, сияет река.

* * *

Ветер легкие тучи развеял.
Ширь воды лучезарно легка,
Даль, омытая влагой, новее
И моложе земля на века.

Желтый сумрак проходит горами.
Вот и солнце, зажмурился сад.
У стены, водяными мирами
Дружно вспыхнули листья посад.

Вешний ветер сегодня в удаче,
Лес склоняется в шумной мольбе.
И на камнях, под новою дачей,
Пена белая рвется к Тебе.

Так, устав от покоя до боли,
Вечно новые, с каждой весной
Души рвутся из зимней неволи
К страшной, радостной жизни земной.

Раздувается парус над лодкой.
Брызги холодом свежим летят.
Берег тонкий, зеленой обводкой,
Уменьшаясь, уходит назад.

И не страшно? Скажи без утайки.
Страшно, радостно мне и легко.
Там за мысом, где борются чайки,
Нас подбросит волна высоко.

Хлопнет парус на синих качелях.
Так бы думать и петь налегке,
Без надежды, без слов и без цели.
Возвратившись, заснуть на песке.

Хорошо сквозь прикрытые веки
Видеть солнце палящим пятном.
Кровяные, горячие реки
Окружают его в золотом.

Шум воды голоса заглушает.
Наклоняется небо к воде,
Затихает душа, замирает,
Забывает сама о себе.

* * *

Стекло блестит огнем.
Маячит утро в доме.
Все свежестью полно,
Что в лес пришло с воды.

Там будет жарко днем,
И в солнечной нстоме
Повнснут над волной
Стрекозы и сады.

Еще так сумрачно, так радостно смеется
Проснувшаяся к свежестн душа,
И слушает, как жизнь воды нз крана рвется,
И моется, н дышнт, не спеша.

Ей в лес ндти, вестн грибное дело,
Что скрыла от гостей поваленная ель.
Над ней кусты цветут н греются без дела,
А облако в ручье скользнт на мель.

Все, кажется, понять необходимо,
Идти н вспомннать, иль на реку грестн,
Купаться н, домой вернувшнсь невредимым,
В ушах с собою воду прннести.

Еще полдня счастлнвый сон заметен.
За чайным хаосом, чнтая у стола,
Еще душа могла тогда ответить,
Как радуга, зачем она прншла.

Не опуская глаз, не прнтворяясь,
С серьезностью идя на грубый смех...
Окно раскрылось, зеркалом качаясь,
И сад вошел в сосновый дом для всех.

И снова долгим днем,
В саду, в снянын лнстьев,
Где шляется пчела
Над лестницей, в пыли

Вода горнт огнем,
И в бездне летннх нстнн,
Навек душе тепла
Верна судьба землн.

* * *

Разметавшнсь шнроко у моря,
Спит возвышенность каменным сном.
День недвнжен. У ннзкого мола
Яхта клоннтся в воду крылом.

Над обрывом на горной дороге
Мнр прозрачен, как жидкнй хрусталь,—
Там, устав от ходьбы, недотроги
В белом кружеве смотрятся вдаль.

На лугу под звенящей косою
Травы падают в омут небес.
Пароход, дымовой полосою
Горнзонт опечалнв, нсчез.

А под кручей иа тысячу блесок
Распадается солнце в воде,
И сквозь пыль у сосиового леса
Мчнтся гоищик навстречу судьбе.

В теплой лодке пишу без ответа,
Свесив руку, гляжусь в глубину,
Закрываясь рукою от света,
У безбрежиого моря в плеиу.

Где в иемолчиом своем разговоре
Блеск волны догоияет волну
И, теряясь, шумнт иа просторе,
Незаметио склоняя ко сиу.

Чуть курлычет вода за кормою
В иепрестаином двнжеиьи своем,
Призрак лодкн с усиувшей душою
Неподвижио висит в голубом.

И на ией, как весы в равиовесьи,
Равнодушеи к добру и ко злу,
Полон солнечной радостью весь я,
Свесив теплую руку к веслу.

* * *

Жарко дышит степной океан.
Шорох птнцы иа скошениом хлебе,
Облаков ослепнтельный стаи
Безмятежно раскниулся в небе.

Снова ие было долго дождя.
Пыль рнсует шоссе в отдаленьи,
Долгнй деиь, в сииеве проходя,
Треск кузиечнков слушал все время.

Телеграфный трезвои иад землею
Не смолкает, иедвнжно певуч
И горячей лоснится водою
Желтый омут меж глнияных круч.

Над рубашкой Твоей голубою
Кудри вьются в лазури небес.
Эту кингу, что иосишь с собою,
Ты читаешь? — Нет, слушаю лес.

Удивляюсь векам, не читая,
В поле, там, где теряется след,
Приникаю к траве, ие считая
Невозвратного горя, ни лет.

Боль весла привыкает к ладоии,
Но бросаю, и счастье молчит,
Лишь курлычет вода в плоскодоиьи
И оса неподвижио звенит.

Все наполнено солнечным знаньем,
Полногласием жизни и сном.
На горячей скамье, без сознанья
Ты жуешь стебелек в голубом.

Кто покой Твой не знает, тот не был
За пределом судьбы и беды.
Там Тебя окружают два неба,
Сон лазури и отблеск воды.

Без упрека, без дна, без ответа
Ослепительно в треске цикад
От земли отдаляется лето,
В желтой славе клонясь на закат.

Тщетно, словно грустя о просторе,
Ты пыталось волне подражать,
Только Ты человек, а не море —
Потому, что Ты можешь скучать.

1934

* * *

Печаль зимы сжимает сердце мне,
Оно молчит в смирительной рубашке,
Сегодня я от мира в стороне,
Стою с весами и смотрю на чашки.

Во тьме грехи проснулись до зари,
Метель шумит, склоняя жизнь налево,
Смешные и промокшие цари
Смеются, не имея сил для гнева.

Не долог день. Блестит церквей венец,
И молча смотрит боль без сожаленья
На возмущенье жалкое сердец,
На их невыносимое смиренье.

Который час? Смотрите, ночь несут
На веках душ, счастье забывая.
Звенит трамвай, таится Страшный Суд,
И ад галдит, судьбу перебивая.

Белое сияние

В серый день у железной дороги
Низкорослые ветви висят.
Души мертвых стоят на пороге,
Время медленно падает в сад.

Где-то слышен на низкой плотине
Шум минут, разлетевшихся в прах.
Солнце низко купается в тине,
Жизнь деревьев грустит на горах.

Осень. В белом сиянии неба
Все молчит, все устало, все ждет.
Только птица вздыхает без дела
В синих ветках с туманных высот.

Шум воды голоса заглушает,
Наклоняется берег к воде.
Замирает душа, отдыхает,
Забывает сама о себе.

Здесь привольнее думать уроду,
Здесь не видят, в мученьях, его.
Возвращается сердце в природу
И не хочет судить никого.

Допотопный литературный ад

1

Зеленую звезду несет трамвай на палке,
Народ вприпрыжку вырвался домой.
Несовершеннолетние нахалки
Смеются над зимой и надо мной.

Слегка поет гармоника дверей,
В их лопастях запуталось веселье,
И белый зверь — бычок на новоселье —
Луна, мыча, гуляет на дворе.

Непрошеные мысли-новобранцы
Толпятся посреди казармы лет.
Я вижу жалкого ученика при ранце,
На нем расселся, как жокей, скелет.

Болтает колокольня над столицей
Развязным и тяжелым языком.
Из подворотни вечер белолицый
Грозит городовому кулаком.

Извозчики, похожие на фавнов,
Поют, махая маленьким кнутом.
А жизнь твоя, чужая и подавно,
Цветет тяжелым снеговым цветком.

Пускай в дыму закроет пасть до срока
Литературный допотопный ад!
Супруга Лота, не гляди назад,
Не смей трещать, певучая сорока.

2

Как лязгает на холоде зубами
Огромный лакированный мотор!
А в нем, едва переводя губами,
Богач жует надушенный платок.

Шагают храбро лысые скелеты,
На них висят, как раки, ордена.
А в небе белом, белизной жилета,
Стоят часы — пузатая луна.

Блестит театр золотом сусальным,
Ревут актеры, тыча к потолку,
А в воздухе, как кобель колоссальный,
Оркестр лает на кота-толпу.

И все клубится ядовитым дымом,
И все течет, как страшные духи,
И лишь во мгле, толсты и невредимы,
Орут в больших цилиндрах петухи.

Сжимаются как челюсти подъезды,
И ширятся дома как животы,
И к каждому развязно по приезду
Подходит смерть и говорит на ты.

О нет, не надо, закатись, умри,
Отравленная молодость на даче!
Туши, приятель, елки, фонари,
Лови коньки, уничтожай задачи.

О, разорвите памяти билет
На представленье акробатки в цирке,
Которую песок, глухой атлет,
Сломал в руках, как вазочку иль циркуль.

Молитва

Ночь устала, и месяц заходит.
Где-то утренний поезд пропел.
Страшно думать, как время проходит,
Ты ж ни думать, ни жить не успел.

Вечно ищем забыть и забыться,
Ходим, шутим и карты сдаем.
На таинственный суд ли явиться?
Отрешиться ль от страха в пустом?

А потом, на исходе дурмана,
Видеть бледную, страшную ночь —
Точно смерть из окна ресторана,
И никто уж не в силах помочь.

Нет, уж лучше при лунном сиянии
Буду в поле судьбу вспоминать,
Слушать лай отдаленный в тумане,
О содеянном зле горевать.

Лучше сердце раскрою, увижу
Маловерье и тщетную тьму.
Осужу себя сам и унижу,
Обращусь беззащитно к Нему.

Романс

Изумрудное небо сняет,
Темеи город, таинственен сквер.
Саломея — душа забывает,
Как похож был твой голос на смерть.

Помню я, Ты пришла из заката
С черной чашею в тонкнх руках.
Вечер в пенин белых акаций
Отходил за рекой в облака.

Все казалось бесцельным н странным.
Черный рыцарь глаза закрывал.
Над болотом оркестр ресторанный
В бесконечной далн проплывал.

Спящий призрак, ведь я не умею
Разбудить Тебя, я Твой сон.
Пела, низко склонясь, Саломея
Над болотной водой в унисон.

Минет время, исчезнет вчерашний
Чернокрылый призрак земли.
Буду ждать Тебя в замке на башне,
Где звезда напевает вдали.

Золотая, иная, живая
Неразлучна с Тобою в веках.
Спи мой рыцарь, над Ронсевалем
Так прекрасны огни в облаках.

Чтобы Ты не увидел горя,
Прожил счастлнво этот год,
Брошу черную чашу в море,
Отойду в сиянье болот.

На горах розовеют годы,
Все прошедшее близко к весне,
Где под яркой звездою свободы
Память спит, улыбаясь во сне.

1929

Бескорыстье

Серый день смеркается, все гаснет
Медленно идет дождливый год.
Все теперь напрасно и все ясно,
Будь спокоен, больше ничего.

Значит, будет так, как обещала
Страшная вечерняя заря,
Только не поверил ты сначала,
Позабыл свой первый детский страх

Все казалось: столько жизней бьется,
В снежном ветре падает иа лед,
Но тебя все это не коснется,
Кто-ннбудь полюбит н поймет.

Нет, мой друг. Зиакомой уж дорогой
Так же страшно, так же тонок лед,
И ннкто не слышнт, кроме Бога,
Как грядущий день в снегах поет.

Серый сад закрыт н иепрнгляден,
Сиег летнт иад тощею травой,
Будь же сердцем тверд н непонятеи,
Ждн спокойно ранний вечер свой.

Анна Присманова
1892-1960

Anne Ginger (Prismanova)
1921-1960

Нет весиой иа свете лишиих: радость всякому!
Всех дурмаиит сладость вишии одииаково.
Вишня скидывает звезды, ветви двигая...
И у иас в глазиичых гиездах две звезды горят.
Пусть решетками ресиицы прикрывают их,—
сердцу, страиику, ие спится в стуках маятиых.
К иебу, где в иочи скитальцы-звезды маются,
смертиый пятилистиик пальцев подиимается.

1923

Зеленый дворик

Зелеиый дворик. Курицы в иавозе
и золотой веселый сеиовал.
Зачем так быстро время воду возит
и мой струистый полдеиь миновал?

У бабушки висели в деиь осеииий
лекарствеииые травы с потолка
и скопища иа кокоие кисейиом
уснувшего мушииого полка.

Как любо было бегать воронеиком
в расквашеииые клети за яйцом,
как утром распевало горло звоико,
выскакивая к солицу иа крыльцо!

Но сладок был при свечках летиий ужии,
и юбочек взлетало полотио,
когда босые пятки били в лужи
и дождь ломился радугой в окио,

в речоику или в толщу огорода,
где маялись малииные кусты,
где, праздиика встречая деиь дородиый,
лиияли иаши ягодиые рты.

О, свежие сверкающие гумна,
пронизанные ржаньем жеребят,
о, славные вожди ватаги шумной
играющих в разбойники ребят

О, нянюшкин сундук, где все наследство
оберегал малеванный улан,
о, милое холстинковое детство,
румяное отнюдь не от румян!

1924

Яблоко

Вся в локонах из чистого червонца,
в мантильи, с белым зонтиком в руках
(слепящее Вас окружает солнце).
Вы с каждым шагом радуете прах.

Привыкли, Муза, яблочные кони
по облачным дорогам Вас возить.
И яблони пред Вами ветки клонят
такие, что нельзя вообразить.

Одна из них от тяжести кривая,
свеч восковых плоды ее бледней.
Стоит она, как будто неживая...
И что же? Вы как раз идете к ней.

Томительно, как вдохновенье слову,
для яблока касанье Ваших уст.
Вонзая зубы в колобок плодовый,
Вы слышите его покорный хруст.

Пусть яблоко (вина столпотворенья)
смешение железа и воды,—
но райские останутся следы —
на мякоти того стихотворенья.
1932

* * *

Молочных чувств дано нам только пять.
Но с каждым годом шире древесина.
Затронет пух растительную прядь,
и задрожит в безветрии осина.

Дрожит желток. В хрупчайшей скорлупе
всей нашей жизни нежное начало.
Пусть воду или воздух я в ступе
порой толкла, все ж дно мое стучало.

Прости меня, что на твое лицо
кладу, о муза, столь цветного глянца.
Но ежегодно белое яйцо
пылает от пасхального румянца.

Средь гиацинтов, смертников весны,
кривляются от солнышка стаканы.
И как они, твои дневные сны
иевыиосимым светом осняны.

1933

Карандаш

Марине Цветаевой

След истлевших древесиых сил —
карандаш мой точу в ночи.
Нож с боков стеарин скосил
деревянной моей свечи.

Жизнь сказала: да будет так! —
заострила графитный взор.
Ты спустилась ко мне в кулак,
стружка, с окаменелых гор.

Передашь ли тех волн аккорд,
мох и эхо свинцовых скал,
лес, лазоревый злой фиорд,
ветр, что парусом челн таскал?

Чудо — горенья плод во мгле,
претворенные в пласт суки...
Бескорыстнейший на земле
друг, не оставь моей руки!

1934

* * *

Памяти Бориса Поплавского

С ночных высот онн не сводят глаз,
под красным солнцем крадутся, как воры,
оии во сне сопровождают нас —
его воркующие разговоры.

Чудесно колебались, что ни миг,
две чаши сердца: иежность и измена.
Ему друзьями черви были книг,
забор и звезды, пеиие и пена.

Любил он снежный падающий цвет,
ночное завыванье парохода...
Ои видел то, чего на свете нет.
Он стал добро: прими его, природа.

Верни его зерном для голубей,
сырой сиреиью, сонным сердцем мака...
Ты помиишь, как с узлом своих скорбей
влезал он в экипаж, покрытый лаком,

как в лес носил вндення небес
он с бедными котлетами из риса...
Ты листьями вернн, о желтый лес,
оставшнмся — снянне Борнса.

1935

* * *

Настоящий воитель является пушечным мясом:
золотой ореол иад собой он хороннт во мгле.
Как под ветром ветла, как жена перед икоиостасом,
расстилается ои по укромной окопной земле

Настоящая служба, мой друг, не блестнт позолотой:
в сером платье она, в серой кухне стонт в уголке.
Так бесхитростно Золушка, вышколенная работой,
у стола засыпает с голубкой на голой руке.

Настоящее время совсем нам не кажется жизнью
в полусие мы любуемся мраморным телом зимы.
Лишь в полете своем сиег действительно безукоризиеи,
ио иачало вещей и конец нх плеияет умы.

1935

* * *

По веленью Водолея
мы мечтаем, бднм н спнм.
Солнце, сумерки жалея,
небо уступает нм.

Тех же четырех иаседок —
просннь, лето, осеиь, сиег —
водит год, ио напоследок
позабыл их человек.

Не звездой теперь дорогу
метнт он, а фонарем.
Сердце рощн понемногу
истекает янтарем.

Плачет сосенка, для плясок
иашнх данная костру.
Плачет плоть моя — подпасок,
с горем вставшнй поутру.

Только сумрак видит звезды,
белый день обнднт их.
Лнщь в лощине козам роздых,
в котловнне — ветер тих.

Лишь во сне цветамн тело
иаше дышит не спеша.
Лишь во сие вступает в дело
одичалая душа.

И конец для нас загадка,
и начало спнт во мгле.
Нам н сумрачио н сладко
быть иа сей еще земле.

1935

Гобелен

Душа, ты выросла нз юбки,
оиа тебе уж до колеи.
Я вижу, шерстяной голубке
иаскучил пыльный гобелеи,

где вол любуется купавой,
а рядом — павой дровосек.
Взмахиула дева ручкой правой,
ствола он так и ие отсек.

По сиегу с мышью ходит кошка
и все инкак ее не съест.
И тут же розы вдоль окошка,
иа вышке — с голубем иасест.

Сметану дочь несет соседу —
иа гобелеие все добры!
И льется шерсть вина к обеду
из доброй кружки той поры.

Расшитый пахарь за волами
стоит. Нн с места те волы.
Ах голубь мой, взмахии крылами
и уиесись из кабалы!

1936

* * *

Птицей слово наше бьется.
Как дела его худы!
Из туземного колодца
не глотнуть ему воды.

Только в чаще ежевика
безмятежно хороша.
Над болотом птицы дикой
разрывается душа.

Вот упала в травы птица
(стал иавеки вечер тих).
Ей свое, быть может, снится,
как сироткам мама их?

Так слабеют средь плаитвций,
так в колоиин грустят,
аспомннвют тень акаций
так — что косточкн хрустят!

1936

* * *

Владиславу Ходасевичу

Разве помиит садовник, откииувший стекла к весие,
как всю зиму блистали в них белые стеблн мороза?
Разве видит слепой от рождеиья, хотя бы во сие,
как, пылая над стеблем, весною красуется роза?

Проза а полночь стиху полагает нижайшнй поклои.
Слезы служат ему, как сапожиику в деле колодка.
На такой высоте замерзает воздушный баллон,
иа такой глубиие умнрает подводиая лодка.

Нас сквозь толщу воды не услышат: крнчн не кричи.
Не для зверя рожок, что трубит иа осеиией ловитве.
Ведь и храм ие услышнт, как падает тело свечи,
отдававшей по капле себя на съеденье молитве.

1936

Лебедь

Юрию Терапиано

Не всем, о другн, черное вязать.
Паук сидит иад серой паутииой.
Но я хочу о лебеде сказать,
О белом привнденин иад тииой.

Как мы с трудом бредем по борозде,
с трудом по суше волочит он брюхо.
Неузиаваем лебедь иа воде –
ои как Бетховен поднимает ухо.

В стихию отраження, в волиу,
врастает ои, мгновенно хорошея.
Напомииает грудь его луну,
и сои — его серебряная шея.

Плывет за ним озерная трава
(камыш — свирель, о жертва прободеиья!)
Так иа заре больная голова
плывет за уходящим сновиденьем.

1936

* * *

Александру Гингеру

Нас забыли, душа. Мы остались на том пароходе,
грудь которого будет, конечно, разбита меж льдин.
Льдом он сдавлен, как панцирем рыцарь в крестовом походе,
он в молчаньи, в полярном сияньи, остался один.

Только изредка видит он лапы мохнатого гостя.
Кто на тающей льдине в мантилье танцует кадриль?
О, смятенье медведей, их рев, их разбитые кости,
и последний из трюма угрюмо добытый фитиль.

В час, когда пред оркестром, иная, качаются пары,
на краю мирозданья такая волна тишины.
В пустыре не лопух, лишь серебряный пух ваш, гагары.
Льдины — пестрых явлений (павлиньих хвостов) лишены.

Только теплое солнце весною меняет их очерк,
только бремя награды достойно венчает труды,
только вследствие слез на бумаге меняется почерк.
Только холод, душа, прекращает движенье воды.

1936

Церковные стекла

По лужайкам Нормандии яблонь идет чередою,
по витражам — сиянье, страданье небесных послов.
В сердце яблок заложено семя нежданной звездою,
в нашем сердце заложено бремя несказанных слов.

Долго сердцу немыслимо в собственном соке вариться,
скоро, сердце, тобою совсем переполнится лоб.
Это, может быть, в первом изгнанье о нас говорится,
это, может быть, первое яблоко гонит нас в гроб.

Вот качается плод, называемый белым наливом,
вот срывается он и пленительно падает вниз
на карниз, где Адам и жена его жмутся пугливо,
треугольным листком создавая подобие риз.

О тяжелые роды, о тяжкие своды Руана,
музыкальные храмы, донашивающие крест.
Над холодной эмалью — служанки, встающие рано,
дождевые погоды и жирные воды окрест.

И обилие памятных мест. Ничего не считая,
не гуляя почти и почти что совсем не дыша,
лишь одних похорон поучительный звон почитая,
продолжительно к праху готовится наша душа.

1937

Яд

Георгию Иванову

Всю суть души мы отдали для пенья.
Для головы похерил тело Кант.
Художник под конец лишился зренья,
и слуха — совершенный музыкант.

К потере сердца — пусть хотя бы части
(но самой, по несчастью, большой),
пришла и я, у слов своих во власти,
без устали работая душой.

Слова мои ко мне приходят сами,
во сне, когда совсем их не зову.
И я с рассыпанными волосами,
Офелией, большие розы рву.

И так живу я, отроду имея
неизмеримо много сотен лет:
мой яд еще у райского был змея,
и у Орфея — узкий мой скелет.

Не к раю приближаюсь я, а к краю
мне данной жизни, плача и звеня...
От музыки, друзья, я умираю:
вся сердцевина рвется из меня.

1938

Волны

Есть подушки от удушья,
есть воздушные ключи.
Где же щит от равнодушья,
где твои, душа, врачи?

Мы заламываем руки:
с чем идем мы в белый свет?
Дан нам голос на поруки,
что же мы даем в ответ?

Горло, сжатое от жажды,
отдаем мы вам живьем.
Пожалейте нас: не дважды
мы на свете сем живем.

Ходят волны за волнами,
ищут ложа между скал.
Строчку, сложенную нами,
хоть бы кто-нибудь искал...

Хоть бы кто-нибудь измерил,
много ль крови у послов.
Хоть бы кто-нибудь поверил
страшной правде этих слов!

1939

Сияние

Памяти Раисы Блох

Кто просит нас вникать в глаза слепых,
кто носит нас вокруг глухого слуха?
То — сердце, натыкаясь на столпы,
летает вкруг сияния, как муха.

Сияют лампы письменных столов
(так нам струя сияла бы в пустыне).
Как мало стало путеводных слов,
как мало звездочетов стало ныне!

Быть может, есть в исканьи недочет,
быть может, есть в сиянии затменье,
и в нас, быть может, слился звездочет
с купцом, считающим свои каменья.

Но след сияния живуч всегда
(лучи луны сияют и над моргом),
и в нас блестит, как некая руда,
соединенье жалости с восторгом.

Снег

Ветер бьет на чердаке дверьми,
горбя спину, бродит кот увечный.
Люди в поле сделались зверьми,
звери в доме стали человечны.

Необычные для здешних мест,
на морозе бодрствуют солдаты.
В снежных розах спит ажурный крест,
нет на нем ни имени, ни даты.

Снег летит на старый пьедестал.
У деревни утром облик древний.
Если б этот снег не перестал,
стали бы сугробами деревни.

Снег мостом спускается на рвы,
на ветвях лежит он облаками,
звездами — вкруг нашей головы:
звезды те мы трогаем руками.

Ночью месяц вносит серебро
в глубь домов, во все концы селенья.
А в углах домашнее добро
уж готово для переселенья.

1942

Кузнец

Лишь кость чнновника сидит
иад беспросветиыми лнстами,
а кровь его в окио глядит
на осень с краснымн кустами.

Пусть куст — как пламеиь за стеклом,
как камеиь — долг, трудов виновник...
С люстриновым своим крылом
похож иа ворона чиновник.

Он гнет над знаками скелет,
без воли, без негодованья,
но кровь его — лелеет след
от прошлого существованья.

Была чернильница пуста,
гусиные леталн перья,
н возле зелени листа
гулялн дикость н доверье.

Там, с ярким жаром пред лнцом,
ои был в иездешием освещеиьн —
ои был цыганским кузнецом
в предшествующем воплощеиьи.

Тишина

А. Г

Есть пустота — от вещества свободиость...
Материи иасущиой лишена,
оиа имеет духа полноводиость,
но звук ее течеиья — тишииа.

В глубокой пустоте плывут плаиеты.
Дух пустоты сроднн земной душе.
Пастух, лелея музыки заветы,
опустошенность ценит в камыше.

Душе немногих дух первоначальный
дарует пониманье пустоты,
и душн те немногие печальиы,
как в почве погребальные пласты.

Опустошенья сумрачное чувство
сияиьем жертвеииости заглуши.
Не иа пустыие держится нскусство,
а на работе страждущей души.

Столяр

В душе мы два теченья различаем,
душа у иас — чудесный водоем:
оиа полна, когда мы получаем,
еще полней, когда мы отдаем.

Мы любим тех, которые нас губят,
мы губим тех, которые нас ждут.
Так дровосеки руки леса рубят,
а руки те — им топливо дадут.

Пусть кость моя невелика размером,
но правду я, как великан, рублю,
и правило я подтвержу примером:
Вы — губите меня, я — Вас люблю.

Бывает счастье даже и в несчастьи:
столяр обрызгал кровью свой верстак,
но он построил крест из главной части
доски своей. Ну что ж! да будет так.

Горы

Действительно природа хороша.
Что может быть для нас ее целебней?
Достаточно — уставшая душа
нуждается в сияньи снежных гребней.

Тяжелая и черная земля
уверенно питает поколенья,
а я, чужой дорогою пыля,
дошла почти до белого каленья.

Слезами сердца плачет голова,
не находя сомненьям ответа
и повторяя бедные слова
о смежности страдания и света.

О, гордая вершина Эльборус,
о, Лермонтова вечная вершина!
Но прежде чем туда я доберусь,
отмерят здесь земли мне три аршина.

Природа

На листьях осеннего цвета
блеск месяца сосредоточен.
Совместно из тени и света
слагается живопись ночи.

Ночь. Кошка гуляет вдоль крыши
поросшего мохом сарая,
а прямо над кошкой и выше
сияет вместилище рая.

Направо зияние, вроде
могильной дыры, а налево
спокойно блестят в огороде
плоды допотопного древа.

Луна... с дикой тягой к томленью,
проявленной воем собаки,
и рознь между страстью и ленью,
встречающая нас во мраке.

Как лебедь за сладостью хлеба,
как львица за гривою львиной,
луны половина вкруг неба
скользит за другой половиной.

Так, воздух пронзив бороздою,
меняя земли выраженье,
луна ворожит над водою,
даря ей огня отраженье

Земля, воздух, пламя и воды
владеют и днесь мирозданьем.
К несчастью, стихии природы,
я к вам подошла с опозданьем!

Раковина

Вадиму Андрееву

За годом год ступеньку не одну,
вздымаясь, отнимаем мы у века,
и все ж не в вышину, а в глубину
прыжок — есть назначенье человека.

Лишь непрестанно думая о дне
всеобщего духовного слиянья,
на низшей, на подводной глубине
он видит перлы высшего сиянья.

Сияет перл меж двух кривых частей
глубоководной раковины южной.
Составленный из сердца и костей,
ее изучит человек недужный:

застыла в виде извести она,
хранит она гудение пучины,
и пустотой ненасыщенной полна,
как череп музыканта пред кончиной.

Рыцарь

Издалека течет вода.
Исток ее на чистом кряже,
и все же воду иногда,
увы, я уличаю в краже.

Она несет с плота белье,
срывает с насыпи полено...
Но бедный рыцарь пьет ее,
склонившись на одно колено.

Скользит по ней его губа,
уже он весь на водном лоне.
За ним крестовая борьба,
и выспренность в его поклоне.

В воде — разбитая звезда,
прообраз всех его крушений.
Но рыцарь видит сквозь года
лучи иных соотношений.

Иных лучей, иных речей
он слышит вышнее теченье,
и тушит лампу в сто свечей
в знак низкой жизни пресеченья.

* * *

Так сердцем движимый скелет
еще стоит, сидит и ходит,
и даже петь про этот свет
в себе стремление находит.
С грехами многими в борьбе,
послушна внутреннему сдвигу,
словами о самой себе
заполнила я эту книгу.
Пусть личное в себе любя,
мы тщетно беспокоим лиру —
мы все проходим чрез себя,
чтоб постепенно выйти к миру.

Чай

1

Апрель. Деревня. Солнце. Почки.
Зеленый двор и корень бурый.
В траве, как желтые комочки,
снуют цыплята. Бродят куры.

Жует корова клок лужайки.
И — как поэзия над прозой —
в столовой — дочь моей хозяйки,
китайской пахнущая розой...

Мы пили чай пасхальным утром,
и повседневный сок Китая
(средь чашек с пестрым перламутром)
блистал, как кожа золотая,

как озаренный двор с птенцами,
что в зелени паслись, желтея,
как чайный кубик со столбцами —
со сложным шрифтом грамотея...

Мы говорили о погоде,
о праздниках, о цвете неба,
о предстоящей нам свободе —
и ели пасху вместо хлеба.

Был запах яблок в чайном соке.
Пар над фарфором поднимался.
Наш спор о низком и высоком
как голос мальчика ломался.

Светлеет дом такой порою.
Пестреют над тарелкой яйца.
И только цепь пред конурою
как черная коса китайца.

И все ж китайский мальчик тоже
весною, в солнцепеке края,
смеется на убогом ложе,
бесплатным золотом играя.

2

Когда-то, как приморский инок,
я — бедности не замечая —
питалась серебром сардинок
и золотом пустого чая.

Обед — на стеклах я читала.
О, ресторанные глубины,
весна Латинского квартала,
цветы и рокот голубиный!..

Вновь вижу я тот вечер майский
(у памяти есть зренья сила),
когда я к прачешной китайской
в узле белье свое носила.

С тряпьем разрозненным и рваным
подкрадывалась я, как заяц,
к лавчонке с запахом нирванным,
где был хозяином китаец.

Из чашки с трещиною стойкой,
с цветной и хрупкою основой,
поили чайною настойкой
его наследника больного.

Качались на сырой веревке
инициалы полотенец.
Под ними, с плешью на головке,
кончался восковой младенец.

Был, как огарок, сух и тонок,
был острым иосом схож с вороиой,
был в коже старика — ребенок,
чужбииным иебом изнуреииый.

Лежал ои с горькими глазами,
с костями хрупкими, как сахар.
И кровью голубя, часами,
лечил его (ио тщетио) знахарь.

За прачешной был тесный садик,
дышавший чахлою листвою...
Несите сыиа, Бога ради,
в квадрат с воздушной синевою.

Ему, должио быть, страшио трудно
дышать — почти уже без легких...
Солдатика, с улыбкой чудной,
сжал в пальцах он, как спички легких.

Ночь. Маленький, в сухой сорочке,
в углу сырого помещеиья.
Застыл зрачок его в той точке,
откуда нет уж возвращенья...

Омыли чаем две старухи
труп за гладильиою доскою,
и чериые кружились мухи
иад желтою его щекою.

Мать с бабушкою (в белом обе)
глядели иа соседей волком.
Отец понес в молочиом гробе
полотнище с ребеиком желтым.

Три дня дитя уже покойио:
меж мертвыми оио телами.
И все ж отец его — спокойио
приветствует живых с узлами.

Молчит китаец: стар иль молод,
не знаем — он иепроницаем...
Но мы напрасно иочь за холод,
его — за скрытность порицаем.

У каждого своя природа,
и не проявит по-пустому
потомство желтого иарода
в словах — сердечную истому.

Что может быть мудрей монгола?
В ием сложность слова опочила...
Но миоговековая школа
его — молчанью научила.

3

Она была страной поклонов,
страною бонз, страною горя...
В ней много бурых горных склонов,
но очень мало синя-моря.

В том крае (с рисом вместо хлеба)
мы корни чая замечаем.
Но наша связь с Землею Неба
едва ли объяснима чаем.

Родство с республикой небесной
телесного родства сильнее...
Не мудростью ль ее чудесной
привлечена к чужой стране я?

Несется ветер желтой тучей.
Желтее ветра почва летом.
Но тощих кур над желтой кучей
пленяет роза желтым цветом.

Край чайных роз в зловонной яме
и слез под небом бирюзовым...
Когда-то к чаю с соловьями
он звал премудрых гонгным зовом.

Теперь над рисовым болотом
он движет золотые руки...
Труд будет для тебя оплотом,
край зноя, мудрости и муки!

Освобождение

Георгию Раевскому

Язык телесный, ты — для огорода,
где сладок вкус и меда и стручка.
Но потрудись за тех, кого природа
духовного лишила языка.

Давай поговорим с тобою просто
за тех, кто не находит слов прямых,
за тех, в ком мысли маленького роста –
за жен косноязычных и немых.

Жена построит шаткие устои,
извилины ума в себе любя.
Ей нужно чувство: самое простое —
освобожденье от самой себя.

Такая сила ей необходима,
чтоб о земных препятствиях забыть,
чтоб быть тропой в тайге непроходимой,
чтоб быть в ударе... чтобы просто — быть!

Колесо

Грохочет гром... Но желтою слезой
блистает мед в коробочках из воска.
Желая ознакомиться с грозой,
навстречу грому катится повозка.

Возок — из многих состоит частей:
оглобли, кузов, ось, колеса, доски.
А человек — из крови и костей,
из помыслов возвышенных и плоских.

Летит назад дороги полоса
под круглыми ногами колесницы.
Неправда ли, основа колеса —
окружность, сдерживающая спицы?

Жизнь, вдохновение и мастерство
охвачены одним железным кругом,
чтоб трепетало наше существо,
чтоб мы умели говорить друг с другом.

Сестры

1

Когда, скрипя, стирается белье,
иль с хрустом происходит чистка меди,
вы все, конечно, видели ее —
не у себя, так у своих соседей.

В пальтишке узком, с кончиком лисы,
в крылатом фартуке, обычно в клетку,
она в дома приходит на часы,
как птица, что сама влетает в клетку.

С глубокими солонками ключиц,
с глазами, как две чашки, с синевою,
с работою горчее всех горчиц,
она живет почти что неживою...

Слова ее бесцветны, как вода,
сама она порой худее кошки.
В чулках ее — зиянья иногда,
как слуховые круглые окошки.

С лицом сухим и серым, как ковыль,
вооружившись выскобленным стулом,
она с больших шкапов стирает пыль,
поднявши руки вверх, как перед дулом.

Не основавши собственной семьи,
покорная обычному заводу,
стараясь, от семи и до семи,

для всех, кто ей давал огонь н воду,—
как друг, оиа трудилась для других.
И с серой тряпкой, с сором, без прнвала,
среди вещей — чужих, ио дорогих —
сама, как тряпка серая, сиовала.

Без отдыха, без облика, без лет,
скользила теиь, равио для всех чужая,
за иесколько безжалостиых монет
любой очаг усердьем окружая.

Усталый мозг, засушеииый в борьбе,
лишеииый духа, как цветок осенний,
лишь раз в неделю думал о себе —
и это было в утро воскресенья.

Оиа была умыта н чиста,
и шкап — ие до конца ее обидел:
иа ней была сорочка нз холста...
Но в эти дни — инкто ее не видел.

Одиажды утром, встаашн после сна,
прочтя в газете: «Отравнлась газом...» —
я вам скажу: то, может быть, она
ушла нз жизии, не моргнувши глазом.

Оиа погрязла а прахе бытия.
Быть может, Марфой а прошлом аоплощеньи
была оиа... Возьмут лн «Жнтия»
ее к себе — за силу всепрощенья?

2

Когда счастливой матерью семьи
стаиовится леннвая Мария,
лишь к вечеру, не ранее семн,
плита ее бушует, как стихия,
и дети, сев вдоль кухониой скамьи,
кладут иа доски ручеиьки сухне.

Марня варнт суп нз топора
н моет пол а лазореаом уборе.
Весной она уходит со двора
с высокими зарннцами во взоре...
Ее запущенная детвора
сидит в худых штаинщках иа заборе.

В ее квартире зарево н гам.
Дожди и сиег ндут в ее квартире...
На страх соседям (н на страх врагам)
она ложится в три или а четыре.
Шлет зайчиков луна к ее ногам:
она нграет, прн луие, на лире.

И к ней (сидящей с зайцами у ног
н в то же время — с музыкой у чрева)

приходит муза северных дорог
с большим крылом направо и налево.
Так — некогда — к Марии на порог
могла являться Пресвятая Дева...

Гнездо, Мария, со стараньем вей:
ты от хулы должна оборониться.
Рассветный воздух сделался живей,
и месяц начал к западу клониться,
а ты... ты все не спишь. Ты — ночи птица:
сова? едва ль! скорее соловей...

Увы, родная Марфина сестра —
непрочная опора для семейства:
она не носит дойного ведра
и в полдень сонные свершает действа...
Пусть днем она не делает добра,
но ночь ее — во власти чародейства.

Днем спит она, сжимая в кулаке
свой первый палец. Странную картину
являет ночь: совместно в котелке
Мария варит и грибы и тину.
Четыре паука на потолке
плетут одну и ту же паутину.

Пока пчелоподобная жена
часы полезным отдает работам,
Мария застывает у окна,
подняв лицо к божественным высотам.
Она сродни лунатикам — она
тревожит лиру по нездешним нотам...

Но упрекнуть придется мне ее
за то, что люлька у детей сырая,
что у нее не глажено белье,
что грабли зацветают средь сарая,
что стало мхом вязанье ее,
и что игре ее — не видно края,

еще — за обвалившийся плетень,
за все в саду погибшее богатство,
за каждый без труда убитый день,
за вечное с мечтою панибратство,
за праздность, за лирическую лень,
короче — за земное тунеядство.

Мария в узах брачного кольца
кой-как свое свершает бабье дело.
Она готовит душу для конца.
Но будет ли душа сильнее тела
и свет ее посмертного лица
таким живым, каким она б хотела?..

Прости

Когда надумает расстаться
мое дыхание со мной,
я не смогу уже остаться
на затверделости земной.
Когда в лампаде мало масла,
когда у свечки сала нет...
Но прежде чем оиа погасла,
она дает высокий свет.

Простн меня, что не блистала
я в полдень полной красотой,
зато полуиочью листала
я листья книгн золотой,
той самой, что рассталась с глнной,
и всю меня несет туда,
откуда кажутся равниной
ущелия н города.

Туман

Ты — с которым я даже во сне объясняюсь иа Вы —
ты относишься к тем, у которых беспочвенны души.
Ты, быть может, составлен нз тканей подводиой травы,
той, что плавала до отделения влаги от сушн.

В том пространстве, где зыбью покрыты гнилые росткн,
мие для сердца опорою кажется даже замшенность.
Но, скользя безответно за грани земли н тоски,
ты уходишь сплошиою туманностью в опустошенность.

Отстраняя тебя н опять над тобою скорбя,
я — на скудиой земле (без дождя не рождающей злака).
Но такая земля откровеино впнтает тебя,
еслн вдруг и тебе иад собою захочется плакать.

1953

Облако

Вода, вставая утром нз русла,
питает облако своим тумаиом.
Тумаи, что через жизнь я пронесла,
и не был н не может быть обманом.

Туман, слезою капая нз глаз,
быть может, продолжает то движенье,
тот начатый за облаком рассказ,
которого конец есть возвращенье.

Пусть дождь ндет, туманное звено
то снизу вверх, то сверху вниз сдвигая...
Конечно, эта жизиь идет на дно,
но, кажется, за ией встает другая.

1956

Игорь Северянин
1887-1941

1918-1939
Igor Severjänin

Поэза причины бодрости

Теперь в поразительной смеие
Контрастиых событий живешь.
Голодные ужасы в Веие
Бросают иас в холод и дрожь.

А то, что от нас на востоке
Почти иеподвластио уму,
Но веришь в какие-то сроки,
Не зная и сам почему.

Над жизиью склоиясь, как иад урной,
Еще ие ослабиул душой:
В республике миинатюрной
Налажеи порядок большой.

Пускай мы в иадеждах разбиты
И сброшены в бездну с горы,—
Мы сыты, мы главиое — сыты,
И значит — для веры бодры.

Мы верим — не можем ие верить! —
Мы ждем — мы ие можем ие ждать!
Что мнр воцарится в той мере,
Какую вернет — Благодать.

Поэза правительству

Правнтельство, когда ие чтит поэта
Великого, ие чтит себя само
И на себя накладывает veto
К признаиию и срамиое клеймо.

Правнтельство, зовущее в строй армий
Художника под пушку и ружье,
Напомииает повесть о жандарме,
Предавшем палачу дитя свое.

Правительство, лишнвшее субсндий
Пнсателя, вошедшего в нужду,
Себя являет в непристойиом виде
И вызывает в нем к себе вражду.

Правительство, грозящее цензурой
Мыслителю, должно позорно пасть.
Так, отчекаиив яркий ямб цезурой,
Я хлестко отчеканиваю власть.

А общество, смотрящее спокойно
На пртеснеиье гениев своих,
Вандального правнтельства достойно,
И не мечтать ему о днях ниых...

Осенняя палитра

Внд поля печальный и голый.
Вид леса уныло-нагой.
На крыше одной — белый голубь,
И карий — на крыше другой.

И море — н то как-то наго
У гор оголениых грустит.
И суша, н воздух, н влага —
Все грусть и уныиье таит.

Рондель XVI

Люблю лнмонное с лиловым:
Сиреиь средь лютнков люблю.
Лимон фиалками томлю.
Пою луну весениим словом:
Лиловым, лучезарным, новым!
Луна — подобио кораблю...
Люблю лиловое с лимоиным:
Люблю средь лютиков снрень.
Мне так любовио быть влюбленным
И в иочь, и в утро, в вечер, в день,
И в полусвет, н в полутень,
Быть вечно жизнью восхнщенным,
Любнть лиловое с лимоииым...

Нона

О, сребро-голубые кружева
Уснувшей сиежиой улнцы — аллен!
Какие подыскать для вас слова,
Чтоб в иих изобразнть мне вас милее?

В декабрьской летаргин, чуть жнва,
Природа спит. Сон — ландыша белее.
Безмужняя зима, ты — как вдова.
Я прохожу в лазурн сребркружев,
Во всем симптомы спячкн обиаружив.

Рисунок

В приморском парке над рекою есть сосна,
Своею формою похожая на лиру.
И на оранжевом закате в октябре
Приходит девушка туда ежевечерно.
Со лба спускаются на груди две косы,
Глаза безумствуют весело-голубые,
Веснушкн радостно порхают по лнцу
И губы узкне н длнниые надменны...
В нее, я знаю, вся деревня влюблена,
(Я разумею под «деревней» все мужское)
Ей лестно чувствовать любовь со всех сторон,
И для нсканнй всех она неуловнма.
Она кокетлива н девственно-груба,
Такая ласковая по природе,
Она чувствительна и чувственна, но страсть
Ей подчиняется, а не она — порыву

Поэза летней встречи

Я шел по берегу рекн
Тропннкой в центре склона.
Ромашкн — точно мотыпькн.
И все вокруг зелено.

На повороте, на крутом,
Как будто нз Жюль Верна,
Возникла в уровень с кустом
Хорошенькая серна.

И этой встречею врасплох
Захвачены, мы стали,
Из губ ее метнулся вздох —
Испуга — ли? печалн?

Спустя мгновенье,— как стрела,
Она неслась обратно.
Ужель душа моя была
И серне непонятна?..

Фея Eiole

Кто двнжется в лунном сияннн через поле
Извечным движеньем планет?
Владычица Эстии, фея Eiole.
По-русски eiole есть: нет.

В запрете есть боль. Только в воле нет болн
Поэтому боль в ней всегда.
Та боль упонтельна. Фея Eiole
Контраст утверждения: да.

Она в оснянном своем ореоле,
В своем отрицаиье всего
Влечет непостижно. О, фея Eiole,
Взяв все, ты не дашь ннчего...

И в этом услада. И в боли пыл волн.
И даже надежда-тщета.
И всем своим обликом фея Eiole
Твердит: «Лишь во мне Красота!»

Подругам

Ani Martin

Как тебя она любит! как тобою любима!
Вы — как два дьяволенка! вы — как два серафима!

Вы — всегдашнне дети моря, леса и поля!
Вы — художницы чувства! вы свободны, как воля!

Мие оиа полюбилась, став навекн моею.
То возлюблено мною, что возлюблено ею.

Раз тебя она любит,— мне близка поневоле
Ты, подруга любнмой, дочь природы н волн.

Раз меня она любнт,— ты меня полюбила.
Это есть, это будет, как всегда зто было.

Мы всегда были вместе, мы всегда былн трое:
В дни развала Помпен, в дни падения Трон.

Так не бойся при встрече целовать меня смело:
Ты, ее полюбнвши, стать мне блнзкой сумела!

Sirel

Sirel — снрень по-эстонски —
Только вчера расцвела.
Слышншь ли, Tüu, топ конский?
То прнближается Страсть!

Sirel — чаруйные тоны!
Tüu меия увлекла
Вдруг на речные затоны,—
Tüu не хочет ли пасть?..

Sirel — как звукн свнрели...
Тоньше, чем иаша сирень...
Пели тебя менестрели
Всех осиреиенных стран!

Sirel — как розы фноли...
Неумолимая тень.
Чья это? — Фея Eiole!
Tüu — узыв н обмаи...

Tüu и Ani

О, моя милая Tüu!
О, моя милая Ani!
Tüu похóжа на сливу,
Ani — на белку в капкане...

Tüu немного повыше,
Ani — сиренка-шатенка;
В лунные ночи на крыше
Грезит, как зябкая пенка.

Ani, льняная блондинка,
Ландышами окороня
Волосы, как паутинка.
Можно подумать — тихоня...

Девушки обе надменны,
Девушки обе эксцессны.
Обе, как май, вдохновенны!
Обе, как август, прелестны!

Ножки у вас, как у лани...
Что ж, устремимся к обрыву...
Правую ручку дай, Ani,
Левую даст т о л ь к о Tüu...

Расцвет сирени культивированной

Цвела сирень малиново-лилово
И бело-розово сирень цвела...
Нас к ней тропа зигзагами вела
Чрез старый парк, нахмуренный елово.

Налево море, впереди река,
А там, за ней, на кручи гор, сирени
Уже струят фиоль своих курений
И ткут из аромата облака.

Цвела сирень, и я сказал Фелиссе:
— Руке моей не только брать перо!..—
И отвечала мне она остро:
«Цветет сирень — и крупная, и бисер»...

Ночь нервная капризна и светла.
Лобзанья исступленнее укуса...
В тебе так много тонкости и вкуса.
Цвела сирень,— у нас цвели тела.

Твои поцелуи

Твои поцелуи похожи на розу,
Которая ветром прижата к другой.
Твои поцелуи похожи на грезу,
На грезу о жизни какой-то иной...

Лобзанья твои исступленно лазурю.
(Для самоубийцы пленителен гроб...)
Твои поцелуи похожи на бурю!
На бездну! на хаос! на зной! на потоп!

Терцина-колибри

В твоих губах есть тайный уголок,
Исполненный неизъяснимой сласти,
Где ток бежит от головы до ног.

Изнемогая от избытка страсти,
Лианой приникаешь ты к груди,—
И если я в твоей покуда власти —

В моей, в моей ты власти впереди!

Поэза о сборке ландышей

Как бегали мы за ландышами
Серебряными втроем:
Две ласковые милые девушки,—
Две фрейлины с королем!

У вас были платья алые,
Алые платья все.
По колени юбки короткие.
Босые ноги в росе.

У вас были косы длинные,
Спускавшиеся с висков
На груди весенне-упругие,
Похожие на голубков...

У вас были лица смелые,
Смеющиеся глаза,
Узкие губы надменные,
И в каждой внутри — гроза!

У вас были фразы вздорные,
Серебряные голоски,
Движения вызывающие
И ландышевые венки!

Все было вокруг зеленое,
Все — золото, все бирюза!
Были лишь платья алые,
В которых цвела гроза.

Я помню полоски узкие
Меня обжигавших уст...
Как чисто звенели ландыши,
Запрятанные под куст!

Как нежно слова эстийские
Призывали над леском!
Как быстро смеялись личики
Перед моим лицом!..

Ах, это у моря Финского,
От дома за десять верст,—
Веселые сборы ландышей
С восхода до самых звезд!

Ах, это в пресветлой Эстии,
Где любит меня земля,
Где две босоногие фрейлины,—
Две фрейлины короля!

По грибы — по ягоды

Мы шли от ягоды к ягоде
И от гриба к грибу
На дальнюю мельницу Lagedi,
В приветливую избу.

В лесу бежала извивная,
Порожистая река.
Дрожала в руке узывная
Талантливая рука.

И чувства, чуть позднноватые,
В груди чертили свой знак:
И щеки продолговатые
Твои алели, как мак.

И выпуклости бронзотельные
Чуть бились под блузкой твоей,
И косы твои параллельные
Спадали вблизи ушей.

И очи твои изумрудные
Вонзали в мои свою сталь,
Скрывая за нею запрудную,
Безудержную печаль.

Даря поцелуи короткие,—
Как молния, их лезвие! —
Бросала ты строки четкие
Свои — о себе, про свое..

В них было так много лирики,
Была она так резка...
Смотрел, как тают пузырики
В ключе на опушке леска.

Смотрел, как играет с мушкою,
Выпрыгивая на мель,
Быв в то же время игрушкою
Сама для меня,— форель...

Мы ели чернику черную,
Фиолевый гоноболь,
Срывали траву узорную
И сладкую знали боль...

Погода стояла дивная,
Чуть перились облака,
А рядом, как ты, узывная,
Стремглавно неслась река.

Поэза верной рыболовке

Идем ловить форелей на пороги
В леса за Aluoja, к мызе Rant.
Твои глаза усмешливы, но строги.
Ты в красном вся. Жемчужно — босы ноги.
И меж двух кос — большой зеленый бант.

А я в просторной черной гимнастерке,
В узорной кепке, в русских сапогах.
Не правда ль, Tüu, если взоры зорки,
Сегодня здесь, а завтра мы в Нью-Йорке,
И некая тревожность есть в ногах?

Остановись у криволапой липы
И моментально удочку разлесь:
Форелей здесь встречаются все типы.
У обезводенных так сиплы всхлипы.
А иногда здесь бродит и лосось...

И серебро, и золото, и бронза!
Широкие и узкие!.. Итак,
Давай ловить восторженно-серьезно
По-разному: плечо к плечу и розно,
Пока домой нас не погонит мрак.

Придя домой, мы рыб свернем в колечки
И сварим их, и сделаем уху.
А после ужина, на русской печке,
Мы будем вспоминать о нашей речке
И нежиться на кроличьем меху...

О, если б...

О, если б ты могла услышать,
Что говорит моя душа,—
Высокий дух твой стал бы выше,
И ты б затихла, не дыша!

О, если б ты могла увидеть,
Какие в сердце спят края,—
Ты позабыла б об обиде,
Какую причиняю я!

О, если б ты могла почуять,
Как я безгрешен, несмотря
На все грехи,— меня целуя,
Ты б улыбнулась, как заря!

«Каприз изумрудной загадки»

Под обрывом у Орро, где округлая бухта,
Где когда-то на якоре моториая яхта
Ожидала гостей,
Под обрывом у замка есть купальная будка
На столбах четырех. И выдается площадка,
Как балкон, перед ией.

К ией ведут две аллеи: молодая, вдоль пляжа,
От реки прямо к морю,— н прямее, н блнже,—
А вторая с горы.
Эта многоуступна. Все скамейки из камня.
В парке места теинстее нет н укромней
В час полдневной жары.

Я спускаюсь с откоса н, куря сигаретку,
Крутизной подгоняем, в полусгнившую будку
Прихожу н, как дым
Сигаретки, все грезы н в грядущее вера
Под обрывом у замка, под обрывом у Орро,
Под обрывом крутым.

Прибережиой аллеей эластично для слуха
Ты с надмениой улыбкой прнблнжаешься тихо
И — встаешь предо мной.
Долго смотрим мы в море, все оветреиы в будке,
Что зову я «Капризом изумрудной загадкн»,
Ты — «Восточной страной».

А когда вдруг случайно наши встретятся очи,
И зажгутся экстазом сумасшедшие речи,—
Где надменность твоя?
Ты лучнсто рыдаешь, ты смеешься по-детски,
Загораешься страстью н ласкаешься братски,
Ннчего ие тая.

А потом мы уходим,— каждый разной дорогой,
Каждый с тайиой тревогой, упоеиные влагой,—
Мы уходим к себе.
И опять сигаретку раскурив, я не верю
Ни бессмертью, ни славе, нн искусству, ии морю,
Ни любвн,— нн тебе!..

Поэза новых штрихов

— Выпьем за нашнх любимых — иенавнстных! — сказал как-то мне Бальмонт

Цветет сирень, благоухая,
Томя и нежа, и пьяня.
Какая радость! грусть какая
Сегодия в сердце у меия!

То я горю, то сладко гасну.
Всем отвечаю невпопад.
О, как невыносимо-страстно
Меня терзает аромат!

Я в исступленьи! я до болн
В ноздрях вдыхаю целый день
Меня лишающие воли
Цветы под именем — Сирень!

Как призрачно! как белокистно!
Болезнен белой ночи мрак...
Любимая! ты — ненавистна!
Ты вражий друг! ты дружий враг!

Канцона

О, водопады Aluoja —
Пятиуступная стремнина,
Пленительные падуны!
Паденье ваше — удалое!
Вы, кем овлажнена ложбина,
Вы, кто над скалами звучны,—
Краса эстийской стороны,—
Я вас пою, о водопады
Реки извилистой и бурной,
В орешник, в густоте сумбурной,
Запрятанные! Край прохлады
В полдневный изумрудный зной,
Отныне вы воспеты мной!

Aluoja

Триолет

Она сидит мечтанно над рекой,
Смотря в ее синеющие глуби,
Вдыхая упоительный левкой.
Она сидит часами над рекой,
Зачерпывая изредка рукой
Ее воды и воду чуть пригубив,
Она сидит, вся в грезах, над рекой,
Любя ее ласкающие глуби.

Два цветка

От Aluoja до Pühajôgi
Нет ни вершка:
Одна с другою сомкнулись в беге
С рекой река.

Какой он быстрый! какой он шустрый
Хрусталь-приток!
А при слияньи, в затоне, грустный
Речной цветок.

Он в Pühajôgi или в Aluoja,
Узнаешь как,
Когда ни доброе и ни злое,
А просто так!

Ведь влага — влагой, река — рекою,
Водой — вода.
Так наше чувство,— призыв к покою,—
Цветет всегда.

Оно твое ли? оно мое ли?
Никто того
Из нас не знает. Но нет в том боли,—
Лишь торжество.

Алая монахиня

Алая монахиня.
Очи — изумруд.
Дерзость в них и ласковость.
Нрав капризен. Крут.

Льдяная. Надменная.
Едкая. Кому,
Богу или Дьяволу,—
Служит — не пойму.

Нежно-милосердная.
Жестока и зла.
Сколько душ погублено!
Сколько душ спасла!

Помолись за грешника,
С чистым согреши...
О, душа безгранная.
Дева без души!

Любовь — жертва

И есть любовь, но жертвы нет.

Фелисса Крут

Слова без песен есть, и песни
Без слов, но вот что улови:
Любви без жертвы нет, и, если
Нет жертвы, значит — нет любви.

Любовь и жертва, вы — синоним,
И тождественны вы во всем:

Когда любовь мы окороним,
Мы Богу жертву принесем.

Любовь светла и жертва тоже:
Ведь жертвы вынужденной нет.
На всем, что с принужденьем схоже,
Лежит клеймо, позор, запрет.

Любви без жертвы не бывает.
Неизменимо, вновь и вновь,
Упорно сердце повторяет:
Любовь без жертвы — не любовь!

Tartu (Dorpat)

Сонет студеный

Мы с ней идем над морем вдоль откоса:
Лазурен штиль в лучистом серебре,
И вкус прессованного абрикоса
Таит шиповник прелый на горе.

Студеный день склоняется к заре.
Четвертый солнца час прищурен косо.
Щетиною засохшего покоса
Мы с ней идем над морем в октябре.

Мучительно представить город нам,—
Ведь он нанес удар тем самым снам,
Которыми у моря мы томимы.

Но не могли забыть его совсем:
Еще вчера мы были в нем,— меж тем.
Как с нашим морем часто разлучимы.

Valaste 21.X

Мирре Лохвицкой

(1905—27 августа — 1920)

Что значит время? Что значат годы?
Любовь и верность сильнее их!
Пятнадцать весен слагает оды
И славословит Ее мой стих.

Пятнадцать весен — пятнадцать маев!
Сирень раскрылась пятнадцать раз!
И лед, пятнадцатый раз растаяв,
Открыл для глаз голубой атлас...

Пятнадцать весен — романов главы,
Успехов пламя, цветы удач...
А сколько счастья! а сколько славы!
Блестяще вырешенных задач!

Так что мне годы! Обезвопросен
Их тленный облик. Ее слова
Всегда бессмертны. Пятнадцать весен
В могиле лежа, Она жива!

Вечеровая

Серебряно-зелено-голубою
Луною
Освещен ноябрьский снег.
В тиши, в глуши заброшен я с тобою.
Со мною
Ты, чарунья нежных нег.

Ночь так тиха, как тихи ночи моря
Без бури.
Лунно-лучезарен лед.
Мир бьется в политической уморе,
Понурив
Свой когда-то гордый лет.

Нам дела нет до чуждого нам мира —
Кошмара
Зла враждующих людей.
Лишь лунные лучи поют, как лира.
В них чара,
Символ в них любви моей.

Поэза влияний Crème d'epinne vinete

Соловьи пьют сирени мотивы
Из бокалов зеленых весны,
И гудящие локомотивы
На ажуре весны так грузны...

Вся весна соловьится, пьянея.
Как и я, как и ты, как и все.
И у жертвенника Гименея
Мир, брачуясь, приникнул к росе...

На душе так светло соловьисто,—
Вся она — аромат, звон и свист!
И от этого вешнего свиста
Соловьится сирень-аметист...

Jãrve

На смерть Александра Блока

Мгновенья высокой красы! —
Совсем незнакомый, чужой,
В одиннадцатом году,
Прислал мне «Ночные часы».
Я надпись его приведу:
— Поэту с открытой душой.

Десятый кончается год
С тех пор. Мы не сблизились с ним.
Встречаясь, друг к другу не шли:
Не стужа ль безгранных высот
Смущала поэта земли?..
Но дух его свято храним
Раздвоенным духом моим.

Теперь пережить мне дано
Кончину еще одного
Собрата — гиганта. О, Русь
Согбенная! горбь, еще горбь
Болящую спину. Кого
Теряешь ты ныне? Боюсь,
Не слишком ли *многое*? Но
Удел твой — *победная* скорбь.

Пусть варваром Запад зовет
Ему *непосильный* Восток!
Пусть смотрит с презреньем в лорнет
На русскую душу: глубок
Страданьем очищенный взлет,
Какого у Запада нет.
Вселенную, знайте, спасет
Наш *варварский* русский Восток!

Сонет Бальмонту

(9—11 июля в Ревеле)

В гирляндах из ронделей и квинтин,
Опьянены друг другом и собою,
В столице Eesti, брат мой Константин,
На три восхода встретились с тобою.

Капризничало сизо-голубою
Своей волною море. Серпантин
Поэз опутал нас. Твой «карантин»
Мы развлекли веселою гульбою...

Так ты воскрес. Так ты покинул склеп,
Чтоб пить вино, курить табак, есть хлеб,
Чтоб петь, творить и мыслить бесконтрольно.

Ты снова весь пылаешь, весь паришь
И едешь, как на родину, в Париж,
Забыв свой плен, опять зажить корольно.

11 сентября 1920 г.
Toila

Сонет Ольге Гзовской

Ее раздольный голос так стихнен,
Крылат, правдив и солнечно-звенящ.
Он убедителен, он *настоящ*,
Насыщен Русью весь,— он *оросснен*.

При голосе таком глаза какие,—
Нежией лазори и прохладней чащ,
Которые проглазятся сквозь плащ,—
Какие, как не только голубые?..

Необходим закои — при том, что в двух
Строфах рассказаио, иметь и дух
Денно-светильиый, голубой, крылатый.

А раз душа небесна, то и дар
Не может быть иным. В святой пожар
Иду калить побед своих булаты!

Tallinn
21 янв. 1921 г.

Рондо

Борису Правдину

Я тронут: Ваша лира мне близка,
И строфы Ваши праведны. Короиу,
Дар неба, смяла выродка рука,—
...Я тронут!

Приял уклои к утонченному тоиу
Строф аромат, приплыв издалека.
В сочувствии — от зла зрю оборону.

Так «у моря погоды» жду. Река,
Поля и лес со мною вместе стоиут
Надеждою моею. А пока —
Я тронут.

Отзнак

Анатолию Кайгородову

Благоухала матиола
Семь лет назад в пресветлой Эстии,
И зиачит — жил здесь Сологуб...
И голос иекий, как виола,
Потустороиние известня
Вещал из жеиских алогуб...

Увы, Вы этого ие помните —
Затем, что Вы тогда здесь ие жили,
И это, право, очень жаль:
Духовией были дни и скромней те,
Мы больше дух, чем тело, иежили,—
И чтилась иекая скрижаль...

Поэза принцу сирени

Там, где моря влага синяя
Острошхерною косой
С прибережиой полосой
Разграничена, сфникс-Фнниия
Взор дарит своей красой.

Вы, пробравшийся в Финляндию
И попавший в Гельснигфорс,
Вы, отвергший «красный форс»,
Получаете гарантию,
Что нз Вашей крови морс

Сатане не будет выделан,
С чем н поздравляю Вас
И целую много раз.
Бедный прннц! как много видел он!
Сколько слышал страшных фраз!

Исцелитесь от уныния
На лужайках финских скал.
Полню ныие я бокал
За твое величье, Фнннія!
За поляриый твой закал!

Поэза принцу лилии

Пользуясь любезным разрешеньем
Вашим — посещать Ваш дом без Вас,
Мы пришли со скромиым подиошеньем
Более для слуха, чем для глаз...

Я — поэт, н мне доступны страсти,
Алый притягательный графнн:
Разделил его я иа две части,—
Я повииен в этом не один...
Ведь моя возлюблениая — тоже
Поэтесса, знающая страсть...
Ах, н ей, как мне, вино пригоже!
Ах, н ей его желаина сласть!

За здоровье Принца — Лильевзора
Пили бесподобный «Барбарнс».
В результате: нет у Вас ликера,
Но — одна нз ярких нмпровиз!

Ж. Офенбах

Сонет

Трагическне сказки! Их лишь три.
Во всех мечта и колдовство фантазий,
Во всех любовь, во всех душа в экстазе,
И всюду смерть, куда ни посмотрн.

О, сказочные звуки, где внутри
Тщета любви и иежность в каждой фразе...
Какая скорбь почти в святом рассказе!
О, Время! Ты глаз Памяти не три:

Пусть сои мотивов сказочно-тревожных,
Мне сердца чуть ие рвущих, невозможных
В уловленной возможиости своей,

Пусть этот сои всю жизнь мою мне снится,
Дабы иным ему не замениться,—
Сон музыки, которой нет больней!

Подарок по средствам

Она противостатиа мне. Она
Совсем не то, чего ищу я в деве.
Но лишь при ией душе поют деревья,
И только с ней мне жизнь моя нужна.

Ей не понять стилистики изыскной
Лианно-обольстительных секстин,
Ни Врубеля внеразумных картин,—
Ей не понять — убоженке мне близкой...

Ее мирок — не космос чувств моих,
А просто — буржуазная улыбка.
Она — моя любимая ошибка,
Сознательно мной вложенная в стих...

Она мила своею простотою,
Душевною опрятностью мила.
Пусть я велик, пускай она мала,
Но я,— признаться ль вам? — ее не стою!..

«Медуза»

Глаза зеленые с коричневыми искрами.
Смуглянка с бронзовым загаром на щеках.
Идет высокая, смеющаяся искренно,
С вишиевым пламенем улыбок на губах.

Такая стройная. Она такая стройная!
Она призывная и емкая. Оиа
Так создана уже, уж так оиа устроена,
Что льнуть к огнистому всегда принуждена...

Вся пророкфорена, и вместе с тем ие тронута...
О, в этом самчестве ты девность улови!
И, как медуза, что присосана к дредноуту,
Пригвождена она трагически к любви...

Поэза через залив

Кн. В. Н. М-ой

С той стороны Финляндского залива,
Из города страны озер и скал,
Вы пишете,— и в грезах зреет слива,
Находишь вдруг, чего и не искал...

Капризно расстоянье укоротив,
Десятки верст считая за вершок,
С той стороны, из города напротив,
Вы пишете, что я для Вас — божок!..

Я, Вашему покорствуя желанью,
Слегка коснусь податливой струны,
Послав в ответ «с той стороны посланью»
Свою поэзу — с этой стороны...

Сонет Т.

Ваш дом среди заводских пустырей,
От города приморского в трехверстьи,
Ваш дом, куда охотно ездят гости,
Дом широко распахнутых дверей,

Куда попасть, чем выбраться, скорей,
И где поэт в своем заздравном тосте
(Хотя вокруг и злобствовал Борей...)
Приветствовал хозяев, чуждых злости,

Ваш дом, где неизменен тонкий вкус
В литературе, мебели, гравюрах,
Где фея настроенья — в абажурах,
И где не редкость — встречи знатных муз,

Где культ наипрекраснейшей богини,
Ваш дом — оазис в городской пустыне.

Ревель
21 янв. 1921 г.

Фелиссе Крут

Надпись на «Менестреле»

Моя Фелиссочка! Моя красавица!
Тебе, Любимая, мой «Менестрель».
Всему изысканному должна ты нравиться,
Моя Фелиссочка,— моя свирель!

Пускай для грубого ты только «выскочка»,—
Что мне до этого: ты мне люба!
Моя Таланточка! Моя Фелиссочка!
Моя Исканная! Моя Судьба!

Тебе лишь сладко мне сказать: «Невесточка»,—
Здесь бракоиенависть — браколюбовь...
О, символ Эстии, ребенок — Эсточка,
С тобою молодость познал я виовь!

Поэза к смерти

Именем Божьим тебе запрещаю войти
В дом, где Господь повелел жизни жить и цвести,
Именем Божьнм тебе запрещаю я, смерть!

Мало лн места тебе на обширной земле —
В сталн кинжальной и в пушечиом емком жерле?
Именем Божьнм тебе запрещаю я, смерть!

Эй, проходи, проститутка! не стой у дверей!
Льдяным дыханьем своим дом поэта ие грей!
Именем Божьим тебе запрещаю я, смерть!

За несколько часов

Дорогая ты моя мамочка,
Поправься ради меня,
Ради твоего сыиа блудного —
Поэта светозарней дня.

Мамочка моя ненаглядная,
Побудь еще немного жива:
Ведь мною еще не досказаны
Все нежные тебе слова.

О, единственно-единственная,
Не замеиимая здесь никем!
Перед жизнью твоей драгоценною
Так ничтожно величье поэм.

Пусть ты чуждая всем, ненужная,
Пусть ты лишняя на земле,—
Для меня ты — моя мамочка,
Избави Бог видеть тебя на столе...

Боже! Господи! Великий н Милостивый!
Дай пожить ей и смерть отсрочь!
Не отнимай у меня моей матерн,—
Не превращай моего дня в ночь...

13.XI.1921 г. 10 ч. веч.
Toila

Хвала полям

Поля мон, волнистые поля:
Кирпичные мониста щавеля,
И вереск, и ромашка, и лопух.
Как много слышит глаз н видит слух!

Я прохожу по берегу реки.
Сапфирами лучатся васильки,
В оправе золотой хлебов склонясь,
Я слышу, как в реке плеснулся язь,

И музыкой звучит мне этот плеск.
А моря синий штиль? а солнца блеск?
А небные барашки — облака?
Жизнь простотой своею глубока.

Пока ощущать могу ее,
Да славится дыхание Твое!
А там землею станет пусть з е м л я...
Поля! Животворящие поля!

Сонет

Вселенная — театр. Россия — это сцена.
Европа — ярусы. Прибалтика — партер.
Америка — «раек». Трагедия — «Гангрена».
Актеры — мертвецы. Антихрист — их премьер.

Но сцена им мала: обширная арена —
Стремленье их. Они хотят безграничных сфер,
Чтоб на губах быков окровавлена пена,
Чтоб в муках исходил извечный Агасфер!

О, зритель, трепещи! От бешеных животных,
Ужасных в ярости, от мертвецов бесплотных
И смертью веющих — преградой лишь барьер.

Вот-вот не выдержит их дикого напора,—
И в чем тогда твоя последняя опора?
— Строй перед цирком храм объединенных вер!

Поэза отчаянья

Я ничего не знаю, я ни во что не верю,
Больше не вижу в жизни светлых ее сторон.
Я подхожу сторожко к ближнему, точно к зверю.
Мне ничего не нужно. Скучно. Я утомлен.

Кто-то кого-то режет, кто-то кого-то душит.
Всюду одна нажива, жульничество и ложь.
Ах, не смотрели б очи! ах, не слыхали б уши!
Лермонтов! ты ль не был прав: «Чем этот мир хорош?»

Мысль, даже мысль продажна. Даже любовь корыстна.
Нет воплотимой грезы. Все мишура, все прах.
В жизни не вижу счастья, в жизни не вижу смысла.
Я ощущаю ужас. Я постигаю страх.

Апрель 1920 г.
Toila

С утесов Эстии

Риторнель

1

Который день?.. Не день, а третий год,—
А через месяц — даже и четвертый,—
Я в Эстии живу, как в норке крот.

Головокружный берег моря крут,
И море влажной сталью распростертой
Ласкается к стране, где — мир и труд.

Я шлю привет с эстийских берегов
Тому, в ком обо мне воспоминанье,
Как о ловце поэзожемчугов.

Лишь стоило мне вспомнить жемчуга,
В душе возникло звуков колыханье:
Prélude Бизэ,— иные берега...

2

В мечтах плыву на красочный восток:
Там, где Надир целует знойно Лейлу,
Растет священный сказочный цветок.

Он — мира мир, желанная мечта.
И не она ль мою чарует Тойлу
И оживляет здешние места?

Но север мне и ближе, и родней:
Здесь по ночам мне напевает Сканда.
Люблю ее и счастлив только с ней!

Пусть бьется мир, как некий Громобой,—
Тиха моя тенистая веранда.
О, Балтика! о, Сканда! я с тобой!

3

По вечерам, вернувшись в свой шатрок,—
Я целый день обычно рыбу ужу,—
Я говорю себе: исходит срок,

Когда скажу я Эстии: «Прости,—
Весенний луч высушивает лужу:
Пора домой. Сестра моя, расти!

Спасибо, благородная страна,
Любимая и любящая братски,—
В гостеприимстве ты была нежна».

До полночи я пью Crème de prunelles
И, позабыв бич современья адский,
Плести, как сеть, кончаю ритурнель.

Бунин

В его стихах — веселая капель,
Откосы гор, блестящие слюдою,
И спетая березой молодою
Песнь солнышку. И вешних вод купель.

Прозрачен стих, как северный апрель.
То он бежит проточною водою,
То теплится студеною звездою,
В нем есть какой-то бодрый, трезвый хмель.

Уют усадеб в пору листопада.
Благая одиночества отрада.
Ружье. Собака. Серая Ока.

Душа и воздух скованы в кристалле.
Камин. Вино. Перо из мягкой стали.
По отчужденной женщине тоска.

Тэффи

С Иронии, презрительной звезды,
К земле слетела семенем сирени
И зацвела, фатой своих курений
Обволокнув умершие пруды.

Людские грезы, мысли и труды —
Шатучие в земном удушье тени —
Вдруг ожили в приливе дуновений
Цветов, заполонивших все сады.

О, в этом запахе инопланетном
Зачахнут в увяданье незаметном
Земная пошлость, глупость и грехи.

Сирень с Иронии, внеся расстройство
В жизнь, обнаружила благое свойство:
Отнять у жизни запах чепухи...

Вячеслав Иванов

По кормчим звездам плыл суровый бриг
На поиски угаснувшей Эллады.
Во тьму вперял безжизненные взгляды
Сидевший у руля немой старик.

Ни хоры бурь, ни чаек скудный крик,
Ни стрекотанье ветреной цикады,
Ничто не принесло ему услады:
В своей мечте он навсегда поник.

В безумье тщетном обрести былое
Умершее, в живущем видя злое,
Препятствовавшее венчать венцом

Ему объявшие его химеры,
Бросая морю перлы в дар без меры,
Плыл рулевой, рожденный мертвецом.

Цветаева

Блондинка с папироскою, в зеленом,
Беспочвенных безбожников божок,
Гремит в стихах про волжский бережок,
О в персиянку Разине влюбленном.

Пред слушателем, мощью изумленным,
То барабана дробный говорок,
То друга дева, свой свершая срок,
Сопернице вручает умиленной.

То вдруг поэт, храня серьезиый вид,
Таким задорным вздором удивит,
Что в даме — жар и страха дрожь — во франте...

Какие там «свершенья» ни верши,
Мертвы стоячие часы души,
Не числящиеся в ее таланте...

Игорь Северянин

Он тем хорош, что он совсем не то,
Что думает о нем толпа пустая,
Стихов принципиально не чтая,
Раз нет в них ананасов и авто.

Фокстрот, кинематограф и лото —
Вот, вот куда людская мчится стая!
А между тем душа его простая,
Как день весны. Но это знает кто?

Благословляя мир, проклятье войнам
Он шлет в стихе, признания достойном.
Слегка скорбя, подчас слегка шутя

Над вечно первенствующей планетой...
Он — в каждой песне, им от сердца спетой,—
Иронизирующее дитя.

У лесника

Мы ловили весь день окуней на лесистых озерах
От зари до зари. Село солнце. Поднялся туман.
Утомились глаза, поплавки возникали в которых
На пути к леснику, чью избушку окутала тьма.

Закипал самовар. Тени мягкие лампа бросала.
Сколько лет старику? Вероятно, ие меньше чем сто.
Яйца, рыба, и хлеб, и кусочки холодного сала
Были выставлены на — приманчивый к вечеру — стол.

И зашел разговор, разумеется начатый с рыбы.
Перешедший затем на людей и иа их города.
И, когда перед сном мы, вставая, сказали спасибо,
О нелепости города каждый посильно страдал.

Ведь не явный ли вздор — запереться по душным квартирам,
Что к ненужным для жизни открытьям людей привели?
Этот старый лесник, говоривший о глупости мира,
В возмущенье своем был евангельски прост и велик.

В пути

Иду, и с каждым шагом рьяней
Верста к версте — к звену звено.
Кто я? Я — Игорь Северянин,
Чье имя смело, как вино!

И в горле спазмы упоенья.
И волоса на голове
Приходят в дивное движенье,
Как было некогда в Москве...

Там были церкви златоглавы
И души хрупотней стекла.
Там жизнь моя в расцвете славы,
В расцвете славы жизнь текла.

Вспененная и золотая!
Он горек, мутный твой отстой,
И сам себе себя читая,
Версту глотаю за верстой!

Toila
1928, 4 августа

Твоя дорожка

Свежей душистого горошка,
И значит — свежести свежей,
Немножко больше, чем немножко,
Ты захотела стать моей...

И к свежим я влекусь озерам
В незаменимости лесной,
Твоим сопровождаем взором,
Сопутствуем твоей весной.

Он сник, услад столичных демон,
Боль причинивший ие одну...
Я платье свежее надену!
Я свежим воздухом вздохну!

Я — твой! Веди меня! Дорожка,
Мне выисканная тобой,—
Свежей душистого горошка:
Свежее свежести самой!

1929 г.

Осенние листья

Осеню себя осенью — в дальний лес уйду.
В день туманный и серенький подойду к пруду.

Листья, точно кораблики, на пруде застыв,
Ветерка ждут попутного, но молчат кусты.

Листья мокрые, легкие и сухие столь,
Что возьмешь их — ломаются поперек и вдоль.

Не исчезнуть скоробленным никуда с пруда:
Ведь она ограничена в том пруде вода.

Берега всюду топкие с четырех сторон.
И кусты низкорослые стерегут их сон.

Листья легкие-легкие, да тяжел удел:
У пруда они выросли и умрут в пруде...

Не более, чем сон

Мне удивительный вчера приснился сон:
Я ехал с девушкой, стихи читавшей Блока.
Лошадка тихо шла. Шуршало колесо.
И слезы капали. И вился русый локон.

И больше ничего мой сон не содержал...
Но потрясенный им, взволнованный глубоко,
Весь день я думаю, встревоженно дрожа,
О странной девушке, не позабывшей Блока...

Отличной от других

Ты совсем не похожа на женщин других:
У тебя в меру длинные платья,
У тебя выразительный, сдержанный стих
И выскальзыванье из объятья.

Ты не красишь лица, не сгущаешь бровей
И волос не стрижешь в жертву моде.
Для тебя есть Смирнов, но и есть соловей,
Кто его заменяет в природе.

Ты способна и в сахаре выискать «соль»,
Фразу — в только намекнутом слове...
Ты в Ахматовой ценишь бессменную боль,
Стилистический шарм в Гумилеве.

Для тебя, для гурманки стнха, острота
Сологубовского трнолета,
И, что Блока не поцеловала в уста,
Ты шестое печалишься лето.

А в глазах оздоравливающих твонх —
Ветер с моря н поле ржаное.
Ты совсем не похожа на женщин других,
Почему мне н стала женою.

Любовь Столица
1884-1934

Порой и зелень вешняя язвит,
И месяц жалит серебристо-серпный,
И даже флейта, данная Эвтерпой,
Опущенные руки тяготит.

Да, тьму людской вражды, неправд, обид
Не побороть, как сил в себе ни черпай!
О скрыться бы, как та луна в ущербы,
Как тот побег, когда в снегах он спит...

Но знаю, зиаю тверже всяких истин:
Через неделю станет иочь светла,
А лес через полгода пышнолистеи —

И вновь пойду я, мудро-весела,
В тот самый мир, что так мне ненавистен.
Навстречу жал и стрел, ие помня зла.

Из дневника любви

1

Я помню день, когда я полумертвая
Уехала из города в именье.
В санях лежала я, как труп простертая,
В тяжелом и блаженном оиеменье.

Сиега блистали, как покров глазетовый,
И было так необычайно тихо...
Лишь бор шуршал, как бархат фиолетовый,
И скорбио подвывала там волчиха...

Я думала о том, что, как ни хочется,
Любить иа миг, на час ие стоит, право,
И как она мне верно ни пророчится,
Не стоит жить для одииокой славы!

Вдруг Вы мне вспомнились, Вы — юный, розовый,
Золотоглазый и темиоресиицый,

И даже с той же веточкой мимозовой,
Что пахла так вчера у Вас в петлице...

Ах, эта молодость живая, явная!
Ах, эта тайная святая прелесть!..
В Вас видела то ангела, то фавна я,—
И нежные стихи в душе мне пелись...

И мнится,— если б с ветвью туберозовой
Я, правда, в гроб легла и леденела
И Вы явились бы, Вы — юный, розовый,—
Я встала бы и радостно запела!

2

Какая радость! Вы приехали
Сюда, в мое уединенье,
Бубенчики, свирели, эхо ли
Почуялись мне в отдаленье...

И на крыльцо вдруг побежала я
Без шубки, в платье, как сидела.
Бледнели вкруг сугробы талые,
А небо жидко золотело.

И птицы зимние, как вешние,
Тревожно-робко щебетали,
И пели все нежней и спешнее
Бубенчик иль свирель? из далей...

И вот Вы — здесь, такой же солнечный,
Прекрасный... О, прекрасней даже!
Вот плед Ваш тигровый у горничной,
Вот желтой кожи саквояжи.

Но все гляжу, очам не веря, я
На Вас, мой ангел смуглолицый...
В окне ж, как райское преддверие,
Заря вечерняя златится...

И сад лиловый мой все дымнее,
Лимонный свет все утомленней...
О, можно быть гостеприимнее,
Но быть нельзя меня влюбленней!

Когда погаснет отблеск палевый,
Сведу в покой, Вас ожидавший,
А утром: «Хорошо ли спали Вы?» —
Спрошу, сама всю ночь не спавши.

3

Помните ль, мой друг, вечер тот единственный,
Что нас сделал всех на свете ближе?
В предвесенний лес, тихий и безлиственный,
Мы согласные стремили лыжи.

Как светлела высь бледио-резедовая
Сквозь узор ветвей прозрачио-серый!
Как мерцала иам ярко-бирюзовая
Восходящая звезда Веиеры!

Справа же от иас льдиикою отколотой
Полумесяц таял млечиым светом.
Увидав его, мы взялись за золото,
Веря счастья радостиым приметам.

Милое лицо, словно месяц, молодо
Мне под пышным шлемом улыбалось...
Ах, зачем, зачем браться иам за золото?
Разве счастье уж ие угадалось?

Вдруг Ваш поцелуй, первый и пленительный,
На губах своих я ощутила —
Выпила его, тоикий, прохладительиый,
Тающею льдинкой проглотила!

А потом в моей, в иашей, иашей! комнате
Поцелуи длились бескоиечио...
О, мой верный друг! Это все Вы помните?
Не забудете вовек, конечио?

4

Нынче поутру, затаив испуг,
Встретились мы, словно иовобрачные,—
Частый сердца стук, ласки уст и рук,
А глаза прозрачные, прозрачные!

Глядя на балкон, пили молоко,
Налитое в кувшиие глазуревом,
И молчалось нам так легко, легко
Здесь — пред миром, белым и лазуревым...

Разве ие апрель? Разве лишь февраль?
Небеса и облачком ие краплеиы,
Как ручей звенит нашей кровли таль,
Снежный сад, как сад цветущий яблонный!

Я прижалась к Вам и, ловя Ваш взгляд,
Видела, что Вы — такой же любящий,
Что разлуки нет, если так глядят —
Веряще, ласкающе, голубяще...

И текла капель, как цветной хрусталь,
Как мгновенья жизии быстротечные...
Разве есть апрель? Разве есть февраль?
Есть одна любовь весенне-вечная!

5

Пролетают дни за днями
Послезимние и предвешние...
Милый! Как же быть нам с Вами,
Чтоб бесстрастней стать и безгрешнее?

В пост великий и в сочельник,
Кроясь в розовом орешнике,
Прячась в сизый можжевельник,
Мы целуемся... О, мы грешники!

В храме служатся обедни,
В храме служатся повечерия,
Отчего же в миг последний
Не могу замкнуть своей двери я?

Оттого что Вы, любимый,
Тьмы не ищете, зла не знаете,—
Светлый Вы, как серафимы,
И тогда, когда обнимаете!

Веспер в небе серебрится —
Вы к постели моей склоняетесь...
Голубеет в нем Денница —
Вы уходите — и не каетесь...

О, как ясно это утро!
О, как птицы поют в скворечнике!
Боже правый, Боже мудрый,
Неужели мы с милым — грешники?!

6

Этот забуду ль апрель я?
Мы собрались в богомолье,—
Как голубые пастели,
Дальние склоны бледнели...

Храмы, просфорни и кельи
В свежем зеленом приволье
Я в этот день посетила,
Также и Вы, о мой милый!

Там, где под круглою сенью
Голубь серебряный реет,
Там, где таинственно льется
Струйка святого колодца,

Ангельской тонкою тенью,
Той, что сияет и греет,
Дивноочитой, двукрылой,
Вы мне предстали, о милый!

Вы с красотой просветленной
С Вашей улыбкой нетленной
Мнились благим Гавриилом
Иль огневым Михаилом

Мне, бесконечно влюбленной
Мне, до конца неизменной...
Как золотые иконы,
Гасли далекие склоны.

7

О, как хорошо, что Вы — не поэт,
А только — возлюбленный мой,
Который будет чудесно воспет,
Сам будучи чудно-немой!

Прекрасный образ, что тайной повит,
Досказывать словом зачем?
А пламенный взор Ваш н томный вид
Дают мне так много тем!

Вот, стройиый, резвнтесь, кндая мяч —
И Вы для меня — Гиацинт.
Мие чудится скорбный спартанский плач
И алый цветок — гиацинт...

Вот, смуглый, замрете, на коврнке сев,—
Вы — Снва, нндусский божок!
Мерещится флейт мне страстный напев
И лотос — лазурный цветок...

Вот, светлый, стоите в дверях монх,
И Вы уже — сам Гавриил!
Мне грезится нежный бнблейский стих
И крин белоснежиый меж крыл...

Пою я, ликуя, томясь, грустя,
Лншь Вас, только Вас нзменя,
А Вы обижаетесь, как дитя:
«Ты любншь совсем не меня!»

Неправда! Люблю я тебя! тебя!
Но верно ль себя ты постиг?
Быть может, я воспеваю, любя,
Твой скрытый, но нстинный Лнк?!

* * *

Лампаду синюю заправила
Перед московскою нконой,
Благословенной, серебреной,
И встала около за Правило
Творить молитвы н поклоны.

Вдруг воздух комнаты натопленной
Запах знакомой чайной розой
И легкой — русской — папиросой...
Качиулась, ахнула озлобленно,
Взглянула, полиая вопроса...

Два слова. Два лишь! И... все брошено.
Вновь — мир, н лунный хлад крещенский,
И санный путь, наш деревенский,
И лик твой нежный, запорошенный,
Тот лик таннственнейше женский!..

Кафе: убитые латании,
Хромающие уанстепы.
А мнилось — вкруг леса и степи,
И птичий свист, и пчел летания!..
Нет! Не порвать мне наши цепи.

Весной московской, волжской, крымскою
Мы связаны нерасторжимо.
Прости, Господь! Одной земли мы,—
Сквозь грех и радость серафимскую
Несем обет свой нерушимо.

Хоругвь

Чудесен лес наш, лес березовый
На всхолмии, как и в болоте.
В начале года иль в конце,—
Весной — в русальной зеленце,
Потом — в иконной позолоте,
И после — оголенно-розовый...

Хорош, прямится ль, солнцем залитый,
Меж ландышей бело атласясь,
Средь снежных никнет ли зыбей,
Качая алых снегирей,
Иль, кистью осени окрасясь,
Роняет лист, развитый за — лето...

Но все ж чудесный лес хоругвенный,
В Москве, в Архангельском соборе,
В таинственнейшей тьме и тле,—
Лес, выросший не на земле,
А в воздухе при ратном споре —
Лес безглагольно-златобуквенный!

В бахромах, бисерах оборванных,
В шелках поблекло-бирюзовых,
В истлело-розовых парчах,—
Шумит он о щитах, мечах,
Победных кличах, смертных зовах,
О вороных конях и воронах...

Шумит о днях Царьграда, Киева,
Бородина и Куликова,
О блеске дел, престолов, глав...
Он — летописец русских слав!
И стягов новых, рати новой
Ждут несклоненные древки его.

Его взрастили наши прадеды,
И он, их кровью щедро полит,
Удержан тысячами рук,—
Баян великих русских мук...
О, как душа горит и волит
Принять те ж муки и награды те!

И вот с хоругвью, ввысь взлетающей,
Иду к священиой древией роще.
То — холст простой, но дня белей,
И Спасов лик цветет иа ией,
Рука нсполнилася мощи,
А сердце — веры побеждающей.

Как строилась Русь

В Кневе ясном н пасмуриом Суздале,
В холмной Москве и болотистом Питере,
Сжав топоры,
Виедряясь в боры,
Строили иаши прародичи Русь.
Строили долго, с умом и без устали,—
Ворога выгнав н зверя повытуря,
Чащу паля,
Чапыжник валя,
Двнгались дальше под пламень н хруст.
Били меж делом лисицу и соболя,
Дело же делали в лад, не в особицу —
Клалн сосну
Бревио к бревиу,
Крепко вгоняли в них гвоздь за гвоздем.
Глядь — табуны по проталам затопали,
Ульн поют н смола уже топится.
Первые ржи
Сияют в глуши...
Пахнет в ией дымом и хлебом — жильем.
Встретятся с мерею, с чудью, с ордыицами,—
Бьются, бывало, иль мудро хоронятся.
Взор — вдалеке,
Свое — в кулаке.
Идут илн ждут — усмехаются в ус.
И зацвели городкн за детиицами —
Вышки, нзбушкн, соборы и звоиницы
В пестром пнсьме,
В резиой бахроме,
В светлых трезвонах...
Так строилась Русь.
Видно, вериулась пора Иоаинова.
Видио, сбирать и отстраивать сызнова
Гвоздь за гвоздем
Нам, русским, свой дом!
Дружно ж, как пращуры, срубим его!
Срубим из древа святого, думяиого,
Не нз соснового — из кипарисного
И завершим
Крестом огневым
Миру вестящнм Хрнста торжества.

Видение

Кто-то скачет в русских чащах
В мраке ночи и хвой,—
В гориостаях, свет лучащих,
В латах медных, в лад звучащих,
Заревой, роковой...

На устах улыбка светит,
Гиев горит из очей.
Ствол, валун крестом он метит,—
И наводит дивный трепет
На зверей, иа людей.

Кто-то мчит по русским топям
В мути марев и мхов,—
На коне с плясучим топом
И с жезлом, подобным копьям,—
Златобров и суров.

Месть таится под пятою,
А рука милость льет.
Он кропит святой водою
Край, окапаиный рудою,
Цвет болот и народ.

Не блуждает он, ие тонет...
Ои уж входит во град! —
Злых жезлом железным гонит,
А других на путь свой клонит,
Как ягият веших стад...

Кто же Он, безмолвноустый,
Молодой и святой,
Взявший все бразды и узды
И несущий в место пусто
Древний крест золотой?!

У Троицы

К месту, издавна славному,— к Троице,
К распрекрасному месту средь ельиика,
Где, бывало, иетленио покоятся
Мощи — Божьего друга,— отшельника,
Где искусный звон,
Что родиик, певуч,
А целебиый ключ
Серебрист, как он,
Вот куда чрез болота и чащицы
Русь, бывало, в скорбях своих тащится...

Брички бойкие с дужкой расписанной
И рыдваны с гербами тяжелые,

Барнн пудреный, пареиь прилизаниый,
Баба хволая, баба дебелая
И святой простец
В колпаке литом,
И в шитье златом
Удалой боец,—
Едут, идут из сел, из поместьнца...
И вдруг встанут. И радостно крестятся.

Бог привел!.. Вон — иад светлыми взгоркамн —
Колокольня, что пасха затейиая.
Купола — золотыми просфоркамн,
Кровля трапезной пестро-тавлейная...
А внизу торжок —
Образки, коржи,
Пояски, ковшн,
Куклы с глянцем щек...
Все — с крестом, с узорочьем, с улыбкою,
Пахиет льиом, кипарисом и липкою!

Миого трав придорожных повымнется,
Много горя здесь, в лавре, покннется
Нищим высохшим в страннопримнице,
А купчнхой дородной в гостиннце,
Где меж постных блюд
Самовар поет,
И монах ведет
Речь о Сущем тут.
День отходит в тнши, розоватостн,
С духом лаидышей, ладона, святости...

А проходит деиь в чащах кудрявистых,
Среди ельника, можжевельника,
В непрерывных молебиах, акафнстах
Возле — русского Друга — отшельника.
За снопами свеч,
Под венком лампад
Он, как пастырь стад,
Бдит, чтоб всех сберечь.
Исцеляется,— кто удостоится,
Кто спокается, тот успокоится,—
И пошлн домой
Уж с иной душой,
Побывавши, бывало, у Тронцы.

Заплачки

1

Ой, родимая, ой русская земля!
Припадаю ко стопам твонм, моля!
Ты прости нас, кем ты кнута, кем брошена,
Раскатнвшихся, как малые горошины
Из златого, нз тяжелого стручка,
По чужой земле, что ох как! горька...

Не отринь... нас... Мы на братьев не похожи ли? —
Тех, что вдосталь кутермили, скоморошили
И доныне кружат в леших кустах...
Ан — Бог даст, в святых очутятся местах!
Вот и я — буйна, кротка ли — та же самая!
То в затменье, то в сиянии душа моя...
Крикнул кочет красный, вспыхнула весна,—
И, как жрица, я звала Перуна!
Стонет горлица, и осень уж туманится,—
И взыскую Лика Спасова, как странница...
Млады, стары, тот с дудой, тот с посошком,
Кто — веригою звеня, кто — бубенцом,
Черта тешащие бранью, Бога — лирою,—
Мы, чужие всем, и щедрые, и сирые,
Прозорливцы, простецы, дураки,
Возлюбившие скиты и кабаки,
И в отрепье кумачовом и во вретище —
Все, как есть, твои родные, мати, детища...
Так прости же нам раскаянный наш грех,
Как и трех, что там, с тобою... как и всех!
И раскрой свои бескрайние объятия
Мне, что многих, и светлей, и виноватее...

2

Дале — дальняя сторона моя,
И знакомая, и незнамая!
По тебе тоска моя лютая,
О тебе и скорбь моя смертная...
День-деньской плетясь, крепко путая,
Те тоска и скорбь — сестры верные,
Сестры вечные — руки вяжут мне,
Горло душат мне, что веревками...
Ах, темны — леса, пестры — пажити
Да с избенками, да с церковками
Под стожарами да под радугой,
Вас не видела долго-долго я...
Так же ль лед гудет по-над Ладогой?
Так же ль плот поет по-над Волгою?
Сладко вишенье уж родится ли
На огористом окском береге?
Виноградье глав золотится ли
В милом городе на Москве-реке?
Миро ль варят там роз медовее?
Росны ладоны воскуряют ли?
Так же ль молятся в Приднепровии
И спасаются в Зауралии?
Крест ли есть у шей, в пальцах — лестовка,
А иконный лик в каждой горнице?
Да и цел ли кряж али лес такой,
Где б подвижник жил аль затворница?
Люди ищут ли правды-истины,
Берегут ли то, что уж найдено?
Иль, как в непогодь, иглы с лиственниц,
Жемчуг с образа, татем скраденный,
Спало-сгинуло благочестие
Вековечное боголюбне?..

Ох, почто с тобой, Русь, не вместе я?
Из конца в конец н до глуби я
Все б разведала, все бы вызнала!
И, коль правда-то, коль скончалась ты,—
Я б слезой живой тебя сбрызиула
И взбудила бы кликом жалостиым
И согрела бы целованьямн...
Оживела б ты с Божьей помощью
Всемн травами н дыханьями
В свете утреннем, голубом еще,
Распрекрасная, та же самая
Русь родимая, сторона моя...

Житие преподобного Сергия

Юныш Богов — не родителев —
Он родной покинул Радонеж,—
Вышел в путь, что был предгадан уж,
В бор пришел, где быть обители...
И зажглись в бору цветы,
Словно по саду.
Зачалися в нем труды
В славу Господа.

В ряске серой и затаскаиной,
Тонок, прям, как вербы прутики,
Златокудрый, ровно лютики,
Солнцем, звездью ль обласкаиный,—
Ель рубил он, насаждал
Лук с капустою
И молился — пел, чнтал —
В милой пустыни.

Полн небесной небывалости,
Слух зареял о подвижнике.
Поплелися люди к хнжиике,—
Утешались, оставалися...
В чаще ставили свон
Белы келии,
И чернкою скуфьи
Зачернели в ней...

Он же в ряске той же, латаной,
Как н все, пек хлебы, плотничал,
Бдил же больше всех н постничал —
Всем светильник непрнпрятанный!
С ангелом у алтаря
Он беседовал
И с медведем, хлеб даря,
Он обедывал...

Старец, витязь Богородицын,
Крнна став белей кудрявее,
Путь провел он православия
И почил в бору у Тронцы,

Пять веков хранил, как щит,
Русь родимую...
Как-то Бог... А он простит
Непростимую!

Сладость Иисусова

В душу чудное сходит отишне,—
Унялась в ней уныния боль...
Не свирель ли в ушах своих слышу я?
А в светелке-то нищей под крышею
Как от света бело ль, голубо ль!..

Кто в ней движется, чуть затуманенный,
Теплит в сгаслей лампаде огонь? —
Лик от венчика роз орумяненный...
И была, видно, некогда ранена
Засквозившая алым ладонь...

Ах! грустнейшее око проникнуло
Всю меня, как повапленный гроб.
И стыдом нестерпимым я вспыхнула,
И с постели вскочила... И стихнула
У фиалкою пахнущих стоп.

Как учил Ты? И помню ль учение?
Но его я постигла теперь:
Царство Божье предвечно-весеннее,
Крины, птицы, и слово, и пение,
И любовь, победившая смерть!

Думы гордые и любодейные
Ты развеял, сверхмудр и сладчайш...
И сошла сюда тихость келейная,
И поднялися чаши лилейные
Из убогих, из глиняных чаш...

Кроме этой, не будет зари иной!
И свирели, что дал Ты, любя.
Вновь начну житие с ней Марииной,—
И исполнится новой игры она,
Славословя, Сладчайший, Тебя!

Незабвенное

Нет ничего-то милее мне
Отчизны и Друга крылатого...
Памятью верной лелеемы,
Манят они, раня и радуя.

Как бы забыть их пыталась я?
И как бы могла их отринуть я?
С этою страстью и жалостью
И сердце мое было б вынуто...

Ах, хоть пред смертью послушать бы
Наш благовест, важный, малиновый,
Трельки жалейки пастушеской
И жаворонков, и малиновок...

Ах, повидать хоть глазочком бы
Покос наш цветасто-слепительный,
Ширь с голубыми лесочками,
Жар-купол на храме Спасителя...

Миром дохнуть бы и кашкою,
Костром и кадильными дымами...
Съесть хоть пол-ломтика нашего —
Ах! — черного хлеба сладимого...

И еще раз насмотреться бы
На Лик, что любила единственно
Там... и в Болгарии, Греции,
В дни сказки... и горестной истины...

Светлые веси московские
Да Лик тот с чертами медвяными
Ангела образ Рублевского —
Нет ничего их желанней мне.

Князь Иоанн III

Во палате, пришлым фрязином воздвигнутой,
Стройно-сводчатой, искуснейше расписанной,
Что просторна по-заморски и светла
От сквозного венецейского стекла.
В кресле стольном, что из красна древа выгнуто,
На лазоревой подушке изунизанной
Князь московский с нарочитым торжеством
Пред ордынским появляется послом.

Жемчужин индейских — княжее огорлие,
Из персидских бирюзин — его оплечие,
Шапка бархатная с греческим крестом,
За спиною византийский герб орлом.
Очи исчерна-блистучи, тоже орлии,
Сам надменен, с молвью, полной велеречия,—
Всяк спознает — и не токмо что вблизи:
Это князь и государь всея Руси!

Позади, на плитах пола ало-застланных,—
Ряд бояр ему послушных, им приближенных,
Дьяки думные с гусиным со пером,
Рынды рослые с секирой-серебром.
Дороги-духи в кудрях златистых масляных,
Соболь тысячный на розоватых лисниках,
А парчам, от коих ферязи пышны,—
Винным, вишневым, червчатым — нет цены!

Посреди ж — посольство дикое Ахматово:
Неподобье лиц скуластых, ртов оскалеиных,
Узких глазок и приплюснутых носов —
Сам баскак среди даругов и писцов —
В малахаях меха волчьего лохматого
Иль в халатах полосатых да засалеиных...
И такие-то дерзают, вишь, опять
Данн требовать с Руси и угрожать!

Дрогнул-вспыхнул Иоанн от гиева ярого,
Встал и вырвал золотую басму ханскую
Да как кинет ее наземь!.. А потом
Как растопчет узким красиым сапожком:
— Не бывать-де по-бывалому, татарове!
Не владети уж вам Русью христиаискою! —
Под одним ей осударем быти днесь —
Во одно соедииившим край наш весь!

И... как ие было орды и ига срамного.
Вновь стройиа, светла Палата Граиовитая,
Благовоньем стран чужих иапоена,
Ярким солнцем святорусским произеиа...
А из тайного оконца круглорамиого
Наблюдает византийка, в шелк увитая,
И гордится мужем царственным своим,
Возрождающим в Московье третий Рим!

Царь Алексей Михайлович

Во светлице дворца обособленной,
Им для роздыхов царских излюблеииой,
В свете розово-долгой свечи
Близ изращатой жаркой печи,
Что сегодня вдругорядь натоплеиа,
По-над грудой у греков закуплеииой
Рукописиых и редкостных книг
Алексей — царь Тншайший — поник.

На персте — изумруда миндалиtermина,
Стаи изиеженно-полный — в бугайчике
Из тафты выписиой голубой,
Гориостаево-снежный подбой...
Благолепно, добро-запечаленно,
Что икоиа — лицо... И угадчики
Не поймут всех раздумий чела,
Где уж проседь сквозь черньпролегла!

Подле самой руки государевой
Мед ухáет, гвоздикою сдобренный,—
Но ие тронут им жбан золотой...
В щелку дверцы, иевплоть припертой,
Льется запах стерляжьего варева —
Все для ужина в стольиой, чай, собраио,—
Царь ие тронется... Тишь и теплынь.
Иней в окнах, что пальмы пустынь.

Взгляд прикован старинною книжицей,
Где столь складно и сладко рассказано
Об Аркадского царства житье,
Где змеею и павой в листье
Буквы вьются иль бисером нижутся...
Зачитался и... вспомнил вдруг Разина,
Что в его государство внес смерть,
Лепоту всю порушил в нем, смерд!

Что-то там, по-над Волгой разбойничьей,
У злосчастного града Царицына?..
И, под временным лихом склонен,
Царь не видит уж вечных письмен.
Вдруг — белеет, плечо его тронучи,
Златокольцая ручка царицына.
И сама она — тут, позади,
С сыном любым его у груди.

Грудь та — яблок янтарный анисовый!
И головкой — что кисть виноградная —
Крутокудрый прижался к ней Петр.
Встал Тишайший, вновь ясен и бодр,
И взглянул на киот кипарисовый:
— Царь и Бог мой! Нескверное, ладное
Житие на Руси сотвори
И Крепчайшего дай ей в цари! —

Царь Михаил Феодорович

Близ ко дню Михаила Молениа,
В просторечии русском — Молинника,—
Дню царевых своих именин
По тропе вдоль лесов, луговин,
Что цветами, ветрами овеяна,
Во обитель честного Пустынника,—
Ту, чью крепость и лях не сломил,—
Пеш идет юный царь Михаил.

На стопах — лапоточки берестяны,
Меж державных рук — палочка ивова,
А кафтан переливчат, шелков,
А рубашка белейших льнов
И тончайшей работы невестиной.
Синь из взора течет незлобливаго
И, что воск, просветлел он с лица
В монастырском житье до венца.

Вслед, по езжей дороге, по рытвинам
Проплывает, завесы содвинучи,
Колымага, как сказочный кит,
И царица в ней матушка спит,
Так ли никнет с шептаньем молитвенным,
Суровата, одета по-иночьи.
Дальше — каждый на рыжем коне —
Слуги царские в белом сукне.

А кругом — с соловьем и комариком
И с полынью своей и со ржищею,
Пряча скит и являя село,
Все его государство легло —
С тем — вон машущим лихо косариком,
С той бредущею братней нищею...
Край, что даве был в смуте огнист —
И воскрес, ровно птица Финист!

Как вздохнет царь от чувства особаго,
Как а глуши приотстанет березовой,
Средь малиновых частых кустов,
Где от ягоды дух столь медов...
Глядь — а рядом боярышни Хлоповой
Летник мягко-шумящий и розовый,
И лицо, что, как тот, розово
От жары и от взора его!..

И меж колким да сладким малинником
Он, для Руси келейно-взлелеянный,
Губы а нежном пушку вопервой
Сблизил с диавьей щекой заревой...
Дальше впрямь уж идет именинником!
И под вечер а канун на Моленна
Зычно троицкий клеплет звонарь:
— Вон, мол, шествует чаянный царь!

Св. князья Борис и Глеб

По-над Альтой, рекой луговою —
Невеликой рекой, речкой малою —
Брег дремою цветет рудо-алою
Да травою небес — незабудками...
Спят там сниами предбранными чуткими
В тьме полунощной русские вои,
Вышед в встречу орды печенежьей.
По-над Альтой же саетится аежа
Из парчи на злаченом дрекольице,—
Там Борис-князь не спит, Богу молится.

Принеслись к нему вести лихия,
Вести-чудища, ровно кикиморы:
— Нет в живых уже князь-Володимера,
Красна-Солнышка, мила-родителя...
Святополка ж корысть не насытили
Отчий терем и стольный град Киев,
И свершить тот замыслил, что Каин! —
Сгибнет в час сей, что ведом и чаян,
Он, Борис, ао степном бездорожии...
Но да будет на все воля Божия!

Бьет поклоны,— и кудри струятся
Током темным средь светлого — слез его,
И дрожат уста бабочкой розовой,
О любезном усопшем молитвуя,

О войсках, сиротевших пред битвою,
И о тех, что убьют... И о братце,
Что, сгубив его, душу погубит...
Верный отрок, кого он так любит,
Зря взбивает постель, изголовьице —
Бдит Борис-князь, ко смерти готовится.

Не туманы ползли над чарусой,
В стан людишки кралнсь Святополковы...
И в малиновой мантийце шелковой
Лег Борис-князь до боя здесь на поле.
Росы красныя вежу окапали,
В ней же — рядышком с отрочьей русой
Головой, что подкупные злыдни
Отсекли уж у мертвого гридня,
На ошейное льстясь его золото,
Спит Борис, Окаянным заколотый!..

Над Днепром же, рекой не простою,
А святой рекой, речкой крестильною
Яр порос беленой черно-пыльною
Да жемчужной травой богородичной...
И плыла там ладья — чудо плотничье! —
Вся из розова древа с резьбою,
А весельца — серебристого клена,
А уключины — липы мореной,
И беседа на нем — кипарисова
Глеба-князя для, брата Борисова.

Едет Глеб-князь на зов Святополка
Меж его челядинцами хмурыми
В бурный Киев из мирнаго Мурома
И, о смертыньке близкой не ведая,
Знай, поет да поет под беседою!
Золотистых волос его челка
Над челом закруглилась, что венчик,
Глас заливчат и чист, как бубенчик,
Песни ж все — не мирския, греховныя,
А стихи — поученья духовныя.

На ночлеге ж в дремучем овражье,
Где злодеи сошли, заманив его,
Сел князь-Глеб на стволине на ивовой,
Пел в останный раз милости Боговы,
Силу мученик, правду убогаго...
Вдруг как сникнет, плещась по-лебяжьи! —
Меркнет вместе с зарею румянец,
В лалах брызнувших — белый кафтанец,
И с замершею трелькою песенной
Молкнет Глеб, Окаянным зарезанный...

По-над Альтою — прав ли он, лев ли —
Брег цветет синизной незабудковой
В незабвенье деяния жуткого...
По Днепру же на бреге возвышенном
Белена обернулася вишеньем

В память жертвенной святости древлей...
И являются, слышь, оба князя
Там — в цветочной, здесь — в ягодной вязи,—
Очи к небу, а ручейьки скрещены —
Молят Господа мир дать обещанный,
Насадить в их земле братолюбие,
И всегда, слышь, коль узришь, то вкупе их!

Поминание

Между нами — им и мною — не было
Никогда и ничего.
Но вчера — запело звоном небо ли,
Запорхал ли снег наш — не нелепо ли?
Вспомнила его.

Под фуражкой узкой ученической —
Лик нежданно-дорогой,
Прелести иконной и девической
В кудрях светлых, взвеянных вакхической
Русскою пургой...

Смутно помню там, в его училище,
Бал-концерт и выход мой.
Помню мчащийся автомобиль еще,
Где в какой-то радости бессилящей
Ехала домой...

Вся Москва, по-зимнему затейная,
Там, за стеклами, неслась,—
Инейная, бисерно-кисейная,
Милая, узывная, увейная,
Закружала нас!

Слишком пахло, видно, розой чайною
От букета и от меня,
Слишком встреча не была случайною,
Но пронзала нас с ним нежность тайная,
Дивно единя.

А потом, в дни, дышащие скверною,
Вдруг — письмо, как цветик лип,
Грустное, Руси и мне столь верное...
Ах! с тоски, от пули револьверной ли —
Знаю — он погиб.

Слишком чист он был в наш век разнузданный,
Мог ли зла он не робеть?
Жить бы ему послушником в пустыни,
Ельничком-березничком похрустывать
Да стихиры петь...

Но не знаю, взявши поминание,
Даже имени его.
Не было ж ни слова! ни лобзания! —
На земле двух бедных душ свидание...
Больше ничего.

Благодатный богомаз

(Иконописец Андрей Рублев)

Как под городом Москвою богомольиой
В роще-пуще заповедной златоствольиой,
Где ни филин не водился, нн упырь,
Но где жил скворец-чериец н Бога славил,
А отшельннк-ельннк свечи в небо ставил,—
Древле славился Андроньев монастырь.

Над горою яркотравной, плавносклонной
Встал он, крепкий, крестоверхий, побелеииый,
Что корабль для неземного уж пути...
А в янтариодоииой Яузе-речушке
Отражалнсь, как соты, лепясь друг к дружке,
Кельи утлые — приют святых жнтий.

И живал в одной из них во время оно,
Послушаиие прнияв ,пнсать нконы,
Вельмн чудный молодой моиах Андрей —
Ряса радужным мазком перепелёса,
Сам невзрачный — худ н ряб, жндковолосый,—
Но сияющие пламена очей!

Он, бывало, на духу очистнт совесть
И, к труду постом-молитвою готовясь,
Заключится, став для братии чужим...
И разводит иа меду, желтках н сусле
Краски новые... И страх, унынье ль, грусть ли —
Лишь Господь знал, что тогда владело им!

Но потом, когда ступал он по подмосткам
В храме троицком, соборе ли московском,
Как бы все его менялось естество:
Леп н легок. Весь лучился! Даже — куколь...
И — ты мыслишь — сверху голубь реял-гукал?
Нет, сам Дух Святой спускался на него!

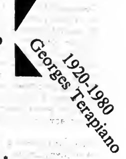
И сквозили стены воздухом-лазорем,
И рослн-цвелн смарагдовым узором
Кущи райских иль Сионских мощных древ,
И лилось-вилось вдоль вый кудрей обилье,
Никлн веки, пели губы, стлались крылья
Серафимски-взрачных юношей н дев...

И сокровищем нам стала стенороспись,
По игуменскнм веленьям, княжьей просьбе
Сотворенная Андроньевским бельцом,
Тихнм, трепетиым, в веснушниках н оспе,
С дивным даром воплотившим в эту роспись
Мир, желанный им н зримый за пнсьмом.

Мир иебесный, что всей грезе русской близок,
Где — криннцы, крины... венчнк, бела риза...
Глас Архангельский н лепет Девьих слов...
Мир, где несть ин мужеска, ни женска пола
И где духом пребывал, трудясь, как пчелы,
Благодатный богомаз — Андрей Рублев.

1929

Юрий Терапиано
1892-1980



* * *

Парк расцветающий, весенний,
В пруде глубоком отражен;
Мерцаньем призрачных растений
Взор лебедей заворожен.

Какою тайной беззаконной
Вода притягивает их?
Мир подлинный, мир преломленный —
Какой правдивее для них?

Как человеку, белой птице
Даны простор и высота;
Ей пред рассветом та же снится
Земли печальной красота.

Но, созерцая отраженье
Лучей, встающее со дна,
Нам недоступное ученье
О небе черпает она.

* * *

Господи, Господи, Ты ли
Проходил, усталый, стократ
Вечером, в облаке пыли,
Мимо этих простых оград.

И на пир в галилейской Кане
Между юношей, между жен
Ты входил, не огнем страданья,
Но сиянием окружен.

В час, когда я сердцем с Тобою
И на ближних зла не таю,
Небо чистое, голубое
Вижу я, как будто в раю.

В черный день болезни и горя
Мой горячий лоб освежит
Воздух с берега светлого моря,
Где доныне Твой след лежит.

И когда забываю Бога
В темном мире злобы н лжн,
Мне спасенье — эта дорога
Средь полей колосящейся ржи.

* * *

Качалось дерево сухое
В ненастный вечер за окном,
Сад почернел, как остров Трон,
Сожженной гибельным огнем.

Всю ночь до самого рассвета
Очаг, дымя, пылал в углу
И дождь, размеренно, как Лета,
Стекал беззвучно по стеклу.

Нигде ни шороха, ни стука,
Все то же, как сто лет назад:
Грязь на дороге, ветер, скука,
Восход, похожий на закат.

* * *

Я болен. Не вернтся в чудо,
И не было чуда, н нет.
Я понял: ко мне нноткуда
Уже не доходит ответ.

Лнпгь в старости, лишь через годы
Холодной н долгой зимы,
Я вспомню — явленье свободы,
Что в юности видели мы.

Но разве для смертного мало —
В железах, в темнице, во рву —
Такого конца н начала
Свидетелем быть наяву?

* * *

Клонит ко сну, наплывают тяжелые мыслн,
Отблеском мутным мерцает вверху потолок.
Нн о каком вдохновенье, о правде, о смысле
Я не могу рассказать. Темнота н песок,

Берег высокий н строй одиноких мечтаний.
Небо ночное омыто недавним дождем,
Ясная осень, холодный простор расстояний,
Каменный, мерно дрожащий под грохот автобусов, дом.

И пламенеют цветы на убогих лиловых обоях,
Нежность в груди нарастает, звуча в тесноте, как прибой;
Смутная женственность, как мне поладить с тобою,
Как мне смириться, и дальше — как быть мне с тобой?

Артур Рэмбо

Короткоштанный пасынок Вийона,
Нечистый воротник, пух в волосах...
— Вы для народа — оба вне закона
И нелюбимы там, на небесах.

Под звон тарелок в кабаке убогом
Убогий ужин с другом, а потом
Стихи — пред вечно пьяным полубогом,
Закутанным в дырявое пальто.

И ширится сквозь переулок грязный
Простор, и вдруг среди хрустальных вод
Качается, в такт музыке бессвязной,
На захмелевшем бриге мореход.

Что видел грешник, не принявший славы,
Что сердцем понял, сразу, свысока
Смотря с борта на чахлые агавы,
На скудость черного материка?

Но, ослепленный внутренним сияньем,
Он душу потерял, он стал без крыл,
Стал мудрым — несказанным, новым знаньем,
И никогда о нем не говорил.

Леконт де Лиль

«Мир — стройная система, а разлив
Неукрощенных чувств доступен многим.
Поэт лишь тот, кто, чувство подчинив,
Умеет быть достойным, мудрым, строгим»...

Перчатки, отвороты сюртука
И властный профиль — мне таким он снится.
Он был скупым: спокойствие песка,
В котором бешеный самум таится.

Мне снится он, надменный и прямой —
Прямые линии присущи силе;
Был одинок всегда учитель мой:
Склонялись перед ним, но не любили.

Он говорил: «Сверхличным стань, поэт,
Будь верным зеркалом и тьмы и света,
Будь прям и тверд, когда опоры нет,
Ищи в других не отзвука — ответа.

И мир для подвигов откроется, он твой,
Твоими станут звери, люди, боги;
Вот мой завет: пойми верховный строй —
Холодный, сдержанный, геометрично-строгий.

Снег на вершинах, сталь, огонь, алмаз
Бог создал мерой высшей меры в нас!»

* * *

Бьет полночь. Все люди уснули,
В лесу и в горах тишина.
Глубокою ночью, в июле,
На небо смотрю из окна.

Высокие синие звезды,
Мерцание дальних миров,
Высокий торжественный воздух,
Невидимый Божий покров.

И счастье и мир надо мною,
Но чем успокоиться мне —
Природой?.. А сердце земное,
Как грешник, горит на огне.

* * *

Утром, в ослепительном сиянье,
Ночью, при мерцающей луне,
Дальний отблеск, смутное сознанье
Вдруг становится доступным мне.

«Господи,— твержу я,— как случайны
Те слова, в которых благодать,
Господи, прошу, нездешней тайны
Никогда не дай мне разгадать.

Не хочу последнего ответа,
Страшно мне принять твои лучи,
Бабочка, ослепшая от света,
Погибает в пламени свечи».

* * *

Поэт рассказал в изумленье
Про музыку сфер голубых,
Про ангела чудное пенье
В безбрежных просторах ночных.

Есть в каждом из нас эти звуки
И отблески райского сна;
Нам в горе, в болезни, в разлуке
Небесная сладость дана.

Среди расцветанья и тленья,
Весною, при бледной луне,
Былинки ничтожной движенье
Понятным становится мне.

К чему на земле это чудо?
Не лучше ль остаться глухим?
Но музыка льется оттуда
И жертвенный стелется дым.

* * *

В прошлые дни
Счастья, молодости и печали
Вечером, в сумерках летних, огни
Вдоль зеленых витрин расцветали.

И под легким туманом, под мелким дождем,
Под шуршанье шагов беспокойных прохожих
Возникали дома фантастическим сном,
Строем стен, ни на что не похожих.

И в бессмысленном мире для нас, милый друг,
Замыкался сияющий радостный круг,
О котором — глаза, выраженье лица,—
О котором нельзя рассказать до конца.

* * *

Выйду в поле. На шоссе все то же.
Изредка мелькнет велосипед.
Вновь такой же, со вчерашним схожий,
Вечер, полумрак и полусвет.

Фонари автомобилей, звезды,
Грусть о тех, которых не вернуть,
Тихий и прозрачный летний воздух
И кремнистый лермонтовский путь.

Снится мне: за грани туч прекрасных,
За ограды всех миров иных,
Музыкой таинственной и страстной
Ввысь летит дыханье земных

И, росой вечерней ниспадая
На траву и пыльные кусты,
Хрупкой влагой, не достигнув рая,
Падает на землю с высоты.

Психея

1

Когда ты на землю летела,
Полетом и счастьем горда,
Вечернее небо темнело,
В реке замерзала вода.

И сдержанность музыки пленной,
Что в звездах звучала тебе,
И ропот стихий вдохновенный
В твоей отразились судьбе.

Ищи же разгадку несчастья,
Не плачь и не спрашивай нас,
Не надо ни мира, ни счастья
В последний оставшийся час!

2

Ах, эта сказка так известна
И столько раз повторена:
«В земном кругу, скупом и тесном.
В тюрьме душа заключена».

Но, может быть, не униженье,
А весть блаженная земле
Твое чудесное сниженье,
Твое скитание во мгле?

Скользи же странницей слепою,
Лети сюда под темный свод,
Где звезды радостной толпою
Сестры приветствуют полет.

3

Про самую скрытую тайну
Случайно мы все узнаем.
Во сне узнаем мы случайно
Преданье о мире ином.

Полна несказанного знанья,
Блаженным волненьем дыша,
Вся — радость, вся — слух, вся — желанье,
На родине снова душа.

Но счастья и памяти странной
Лишь отблеск она унесет,
В земные печальные страны
Обратный свершая полет.

Наутро, почти без сознанья,
Психея проснется темна,
И в зеркало мира — страданье —
Глядит с удивленьем она.

* * *

Заката осеннего свежесть,
Высокие облака.
На камне оставила нежность
Твоя дорогая рука.

И, кажется, все просветлело
От счастья и теплоты,
Пока, улыбаясь, смотрела
На небо вечернее ты.

* * *

Отплывающие корабли,
Уносящиеся поезда,
Остающиеся вдали,
Покидаемые навсегда!

Знак прощанья — белый платок,
Замирающий взмах руки,
Шум колес, последний свисток —
Берега уже далеки.

Не видать совсем берегов;
Отрываясь от них, посмей
Полюбить — если можешь — врагов,
Позабыть — если можешь — друзей.

* * *

Выхожу на дорогу с тобою,
Милый друг мой, мы вместе идем.
Плачет ветер, подобно гобою,
Туча вновь угрожает дождем.

Под таинственным небом деревья
Спят в тумане, и сон их глубок,
Сон их — древность, костры и кочевья,
Дальний путь и тропа на восток.

Вот, лицо к твоему приближая,
Слышу ветра каспийского звон,
Вот земля зацветает чужая
Пестрым станом шатров и знамен.

А вокруг — тишина полевая.
Сядем тут, над ручьем, у креста.
В летний вечер вода ключевая
Так прозрачна, легка и чиста.

* * *

Елене Рубисовой

Был ангел послан эту душу взять
И в небо унести ее опять,
В страну, где нет печали и страданья.
И ангел тенью пал на мирозданье,
И умер я и перестал дышать.

Тогда водитель-дух, с заботой нежной,
Крылом закрыл любезный мне порог
Земли — всей красоты ее безбрежной,
Которую велел покинуть Бог,
Порог земли, прекрасной и мятежной.

Безмолвие, простор и тишина
Сменили шум встревоженной вселенной,
И медленно, с ресниц, земного сна,
Теснима слепотою вдохновенной,
За пеленой спадала пелена.

Сказал мне ангел: «Волей вечной Силы,
Здесь — область тени, той, что разделила
Земные и небесные дела...»

— «О, иеужели смерть — такая мгла?»
— «Преддверие».
Но темнота слепила.

И рниулись мы в темноту, и вдруг
Краса иных миров глазам предстала;
Я сделался весь зрение н слух,
А вестник смерти, вечный, верный друг,
Последнее откинул покрывало...

Все — только сои — и никого вокруг.

* * *

Сияет огнями Париж,
Кончается нежное лето,
Луна над квадратами крыш
Ослепла от яркого света.

Все то же: шуршание шии,
Автобусов грузиых стремленье,
Прямых быстроходных машии
Холодное щучье скольжеиье.

В Полях Елисейскнх, в раю,
Во сне золотом н хрустальиом,
Свое я с трудом узнаю
Лицо в отраженье зеркальиом.

А тучи идут и идут,
Как талые сиежиые хлопья,
И в ярости небо метут
Прожекторов острые копья.

* * *

Софии Прегель

Несется в пустоте Земля,
Кружась, в пространстве звезды мчатся,—
Как восхитнтельио качаться
Цветку иа высоте стебля!

Подобный огнеииому чуду,
Горит иад Альпами восход.
Пастух, пришедший с гор оттуда,
Над светлым озером поет.

Счастливое существованье,
Рай, данный нам, рай милый наш!
Певец, о нем воспоминанья
Ты все равно ие передашь.

Но этот голос на восходе —
Все звонче, все прозрачней он.
Какая тншниа в природе,
Как озарился небосклон!

* * *

Когда нас горе поражает,
Чем больше горе — в глубине
Упрямой радостью сияет
Душа, пронзенная извне.

Есть в гибели двойное чудо:
Над бездной, стоя на краю,
Предчувствовать уже оттуда
Свободу новую свою.

Вот почему мне жизни мало,
Вот почему в те дни, когда
Все кончено и все пропало,
Когда я проклят навсегда,

В час, в трудный час изнеможенья,
Мне в сердце хлынет тишина —
И грозным светом вдохновенья
Душа на миг озарена.

* * *

С. К. Маковскому

В колодец с влагой ледяной,
В глубокий сон воды безмолвной,
Осколок, брошенный тобой,
Врывается, движенья полный.

Он с плеском падает глухим,
Сверкает вихрем брызг летящих,
И гладь, разорванная им,
В кругах расходится блестящих,

Вскипает звонкою волной.
Но истощается движенье,
И на поверхности покой
Сменяет гневное круженье.

А там, на самой глубине,
Куда ушло волны начало,
На каменном упругом дне
Она еще не отзвучала.

И не исчезла без следа.
И долго, затаив дыханье,
Обиды не простит вода
В суровом холоде молчанья.

* * *

Тихим светом, ясным светом
Комната озарена.
Тень от кресла над паркетом,
Тень от шторы у окна.

В этой комнате так много
Пролетело трудных лет.
Суждено нам было Богом
Полюбить вечерний свет.

Но и здесь твой милый локон
Легче и воздушней сна,
И зимой из темных окон
Смотрит на меня весна.

* * *

Мне снилось: я под дулом пистолета;
У самого лица холодный ствол.
В подвал врывался терпкий запах лета,
В висках стучало, колыхался пол.

Вот — затряслось. Вот — в сторону рвануло.
Подбросил ветер волосы мои,
Качнулся череп, тело вниз скользнуло,
Как сброшенная чешуя змеи;

Расстрелянное трепетало тело,
Хлестала кровь из черного виска,
А я летел... и, вся в огнях, летела
Навстречу вечность в дыры потолка.

* * *

Каким скупым и беспощадным светом
Отмечены гонимые судьбой,
Не признанные критикой поэты —
И Анненский, поэт любимый мой.

О, сколько раз в молчанье скучной ночи
Смотрел он, тот, который лучше всех,
На рукопись, на ряд ненужных строчек,
Без всяческой надежды на успех.

Нам так мучительно читать, с какою
Любезностью, став с веком наравне,
Он прославлял восторженной статьею
Баяна, что гремел по всей стране,

И шел в тот парк, где муз следы святые
И память прошлого хранила мгла,
А будущая музыка России
Его и Блока с нежностью ждала.

* * *

Здесь ничто, ничто не вечно,
Все проходит, все пройдет,
Счастью, юности беспечной
Тоже гибель настает.

Как утешиться — не знаю,
Но зачем-то нам дана
Эта музыка земная,
Эта новая весна.

Налетает вдохновенье,
Настигает налегке,
И волной смывает пенье,
Словно надпись на песке.

* * *

С озаренного востока
В ширь раскрытого окна
Свет вливается потоком,
Дышит и шумит весна.

Господи, какая сила
В этом возвращенье дней,
В сменах года легкокрылых,
В ясной осени моей.

Я вдыхаю грудью полной,
С благодарностью всему,
Этот воздух, эти волны,
Побеждающие тьму.

* * *

В лес по зеленой горе поднимаются люди.
Синие сосны, коричневый отблеск земли,
Копны в полях, как чеканная надпись на блюде,
Стадо домой возвращается в желтой пыли.

Вся эта роскошь природы и красок веселых,
Словно старинного мастера передо мной полотно,
Взоры ласкает. Вдали, в нарисованных селах,
Тянется кружево крыш и дымков волокно.

Если бы снова увидеть такое виденье!
Вечером, в августе позднем, природа тиха.
Осень. Туман на заре. Петушиное пенье —
Чистый, гордый и радостный крик петуха.

* * *

Снова ночь, бессонница пустая,
Час воспоминаний и суда.
Мысли, как разрозненная стая,
В вечность отлетают навсегда.

Полночь бьет. Часы стучат, как прежде,
В комнате таинственная мгла:
Если в сердце места нет надежде,
Все-таки и тень ее светла.

* * *

Матерь Божья, сердце всякой твари,
Вечная, святая красота!
Я молюсь лишь о небесном даре,
О любви, которая чиста,

О любви, которая безгрешна,
О любви ко всем и ко всему,
Я молюсь — и снова мрак кромешный
К сердцу приступает моему.

Милость ниспошли свою святую,
Молнией к душе моей приди,
Подними и оправдай такую,
Падшую, спаси и пощади!

* * *

Под музыку шла бы пехота,
Несли б на подушке кресты,
А здесь — на заводе работа,
Которой не выдержал ты.

Бесстрастную повесть изгнанья,
Быть может, напишут потом,
А мы, под дождя дребезжанье,
В промокшей земле подождем.

* * *

И после девятого вала
Подвижница Муза опять
Таинственно нас волновала,
Сердца заставляла звучать.

Пленительно-смутное пенье
Во тьме, в пустоте ледяной...
Так тянется к солнцу растенье,
Лишенное почвы родной.

Над Сеной

Течет река, скользя меж берегами,
Как злая мутно-серая змея.
Ненужный сор уносится волнами,
И для чего с моста склонился я?

Всегда все то же: лодки у причала,
Чужой гранит и грязная вода,
А молодость прошла и жизнь пропала,
Как будто ты и не жил никогда.

Нам суждено стать жертвами забвенья,
Дышать с трудом, надеяться и ждать
И, не дождавшись, все свое презренье
И ненависть потомкам передать.

— «В чем оправданье вам?» — потомки скажут,
— «Вы волю предали родной земли
В те дни, когда мы всенародно тяжесть
Великих бедствий на себе несли».

— Что им ответить? Точно ль мы такие?
Но, может быть, судьба не солгала,
И все-таки поэзия России
Душа такой же странницей была?

Эпоха

Эпоха отлетела в Лету,
Былая музыка, прости!
Теперь старинные заветы
От печенегов не спасти.

Пусть в мировом переполохе
Нас рок неотвратимый мчит,
Все ж, непокорная эпохе,
Былая музыка звучит.

И чуть на миг звезда надежды
Над морем вспененным взойдет,
Вновь Арион свои одежды
Просохнуть на скалу кладет.

И, позабыв землетрясенье
И пламя гибели, опять
Готов хвалу и песнопенье
Рассвету новому слагать.

Шумят в подполье карбонары:
«Мы каждый день событий ждем»
А Зевса щедрого динары
К Данае сыплются дождем.

Нет дела им до русской боли,
А там, по-прежнему, страна
Мечтает о «земле и воле»,
И верит призракам она.

И только кое-где по снегу
Кровавый след ведет в тайгу,
И ветер скифскую телегу
Покачивает на бегу.

Над Атлантидой погребенной
И над Атлантикой с земли
В полет космически-взметенный
Ракеты мечут корабли.

Луна любимая, простая,
«Подруга дней моих, луна»,
Я уношусь, я улетаю,
И ты мне больше не видна.

Луна, владычица влюбленных,
Луна, старинная луна,
Свети во тьме ночей бессонных
«Сквозь раму тусклого окна!»

Но огненным движеньем пишет
Перст пламенеющий, как встарь:
«Ты — мѐне, тѐкел, фàрес — слышишь? —
Ты осужден на гибель, царь!»

И небывалое крушенье
Уже готово встать со дна.
О, неужели нет спасенья,
И вся земля осуждена?

* * *

Я, пожалуй, даже не знаю
С чем прийти к тебе? Время не то.
Я теперь Монпарнас огибаю,
Запахнув поплотнее пальто.

Не сбылись обещанья свободы.
Вечер близок и даль холодна.
Розы, грезы, закаты, восходы —
Как обрывки какого-то сна.

* * *

Поднимись на высокую гору
И с вершины ее посмотри
Вниз, навстречу земному простору
И сиянью осенней зари.

Там безмолвная музыка. Ею
Вся природа под вечер полна.
Тихо. Горные цепи темнеют
В ожиданье покоя и сна.

* * *

Мир разгорожен надвое забором.
Мы смотрим издали: там наш родимый дом.
Но не хочу туда вернуться вором,
Тюленем пробираясь подо льдом.

Все сорок лет! Нет, больше, что там сорок —
Пять тысяч лет блуждаем мы впотьмах
И все твердим: «Уже недолго, скоро...»
Едва держась от боли на ногах.

* * *

Летом душно, летом жарко,
Летом пуст Париж, а я
Осчастливлен, как подарком,
Продолженьем бытия.

С мертвыми веду беседу,
Говорю о жизни им,
А весной опять уеду
В милый довоенный Крым.

И опять лучи, сияя,
Утром в окна льются к нам,
Море Черное гуляет,
Припадает к берегам.

И как будто время стало
Занавесочкой такой,
Что легко ее устало
Отвести одной рукой.

Ну а в комнате белой, как прялка, стоит тишина,
Пахнет уксусом, краской и свежим вином из подвала...
О. Мандельштам

Успение

Тяжелые груши уложены тесно в корзины,
Блестит янтарем на столах виноград золотой,
И воздух осенний, и запах арбузный и дынный
На каменной площади празднуют праздник святой.

Я с радостью тихой гляжу на раздолье природы —
Такое богатство, как было и в крае моем,
Где волны кипели и тщетно искали свободы
И в погребе пахло полынью и новым вином.

А тот, о котором сегодня я вновь вспоминаю,
Как загнанный зверь на дворе под дождем умирал.
Как лебедь, безумный, он пел славословие раю
И, музыкой полный, погибели не замечал.

Орфей погребен. И наверно не будет рассвета.
Треножник погас и железный замок на вратах.
И солнца не стало. И голос умолкший поэта
Уже не тревожит истлевшего времени прах.

* * *

Небо сегодня как будто светлее
И голубее, чем было вчера.
Зеленью нежной вскипают аллеи
И распускаются как веера.

Всюду цветенье и счастье простое,
Город в сиянье, в движенье, в тепле.
Как я свободен и молод весною,
Как хорошо мне на этой земле.

Диана Люксембургского сада

Закинув руку за плечо,
Стрелу ты ловишь из колчана,
Вздыхающая горячо,
Разгоряченная Диана.

Ты мчишься в каменном кругу
Одежд, вскипающих как пена,
И как виденье на бегу
Сверкает легкое колено,

Такой стремительный полет,
Такая легкость пред глазами,
Что будто бы весь сад плывет,
Летит, кружится вместе с нами.

Диана в воздухе сухом
Ритмические мечет стрелы,
И мрамор кажется стихом
Ямбически-окаменелым.

* * *

Думал — века измерил,
А жизнь прожить не сумел.
А. Белый

Думал — такого созианья
Не было в мире, что вот
Он лишь один в состоянье
В горний пуститься полет.

Духа сиянье слепило,
Музыка пела ему,
Тайная чудная сила
Вниз устремлялась, во тьму.

И, как на посохе мага,
Розами мудрость цвела.
Буквы, чернила, бумага
И полировка стола...

Но ничего не сумел он
Выразить. Сроки прошли,
И в пустоте прозвенело
Слово, коснувшись земли.

И, умирая, как с кручи,
Рушился он с высоты,
Падал звездою падучей,
Так же как Блок и как ты.

* * *

Нет, это только летний вечер.
А в небе горестно-пустом
Печаль — как белоснежный глетчер,
Как летом опустевший дом.

Там, между видимым и тайным,
На самой грани двух миров
Виденьем царственно-случайным
Сияет пена облаков.

Что, если только заблужденье
И чувств земных самообман
Все эти краски и цветенье,
Любовь, измена и туман?

* * *

Глубину одиночества мерьте
Божьей мерой и мерой людской
В час, когда приближается смерти
Неподвижный и страшный покой.

«Даже смерть, все пройдет, все проходит» —
Так гласила арабская вязь
На могильном столбе, на восходе
Блеском солнца и моря светясь.

В Истанбуле сады расцветали,
Ветер с юга дыханье нес...
Мы мудрее теперь. Мы устали.
Что нам розы? Сейчас не до роз!

* * *

Нет старости. И смерти нет. Есть воля.
И жизнь одна, ее нельзя понять.
Горит огонь среди ночного поля,
Нисходит к морю с неба благодать.

На винограднике тепло зимою,
Земля возделанная ждет весны,
И материнской нежной теплотою
До дна корней кусты напоены.

А волны средиземные на отдых
Ушли на дно, нырнули в глубину,
И в облаках холодный, острый воздух
Подобен драгоценному вину.

* * *

Вот так случается весною —
Все станет радостным вокруг
И в сердце острой теплотою
Сиянье разольется вдруг.

Как паутинка — дуновенье,
Две-три секунды, счастья миг —
И налетает вдохновенье,
Не вычитанное из книг.

* * *

На рынок выхожу цветочный.
Прохладой веет от сырой земли,
И образ счастья, хрупкий и неточный,
Бессмысленно рисуется вдали.

Мне на цветы смотреть невыносимо:
Их любишь ты, они страшат меня
Своею красотой неотразимой,
Как отблесками адского огня.

Бретань

Над берегом солнце и ветер,
Прибой ударяет в песок,
И вечер по-прежнему светел,
И парус над морем высок.

В багровом закате алея,
Баркасы плывут вдалеке,
И флаги, как пестрые змеи,
Над пристанью налегке
По воздуху вьются...
Сегодня
Суббота. И месса была,
Чтоб странников сила Господня
На всех их путях сберегла.

* * *

Не знаю, почему такая
Погода? В небе ни весна,
Ни осень, а тоска пустая,
Как ночь бессонная она!

Мы, в городе, давно отстали
От первозданной простоты.
Бездушней камня, тверже стали
Людей суровые черты.

Но вдруг души моей коснется
Какой-то смутный ветерок —
И пролетит н унесется,
И сердцу это невдомек.

* * *

Куда нн погляжу, везде
Размеры дивио совершенны:
Рисуиок правилен в звезде,
Кристаллы стройны и иетлеины.

А сердце, глупое, стучит,
Тоскует, жалуется, плачет.
Что сердцу звезды н лучи?
Оно задумано нначе.

* * *

Хрупкне ветки качаются
В мокром усталом саду,
Светлое лето коичается,
Ветер пророчит беду.

Слушаю сердцем молчаиие.
Прежиее всплыло со дна.
Воспомннанье, прощание
И тншина, тишина.

* * *

О, дочь верховного эфира
О, светозарная краса...
Е. Баратынский

Еще иазвать тебя не смею,
Смерть, «светозариая краса»,
Еще осилить не умею
Взмах рокового колеса.

В бессилни, в нзнеможенье
Еще готов склониться я —
И вдруг передо миой виденье
Совсем иного бытия:

Заря нездешиая, алея,
Встречает парус корабля
И входят Эрос и Психея
Вновь в Елисейскне Поля.

* * *

Быть может, в старости увидишь ты закат
И вспомннщь светлое чужое небо,
Каштаиы вдоль бульваров, знмний сад,
Глоток воды, сухую корку хлеба,

Ту жизнь, которой не было всерьез,—
Изгнания печальные приметы...
И вдруг в руках — как миллионы роз,
Как чудо роз святой Елизаветы.

* * *

Проснешься глубокою ночью
И слушаешь тишину
И странно увидеть воочью
Нежданную эту весну.

Вся в звездах и в лунном сиянье
И счастьем безмерным полна
Приходит опять на свиданье
Летейскою тенью она.

* * *

Памяти Александра Гингера

Пролетит над полем теплый ветер,
В розовых лучах взойдет заря —
Это Бог на твой призыв ответил,
Языком бессмертья говоря.

А душа твоя — в преддверье рая,
В свете несказанно голубом,
В пламени как Феникс не сгорая,
Помнит ли о нашем, о земном?

Владислав Ходасевич
1886-1939

Vladislav Khodassevitch
1922-1939

Петербург

Напастям жалким и однообразным
Там предавались до потери сил.
Один лишь я полуживым соблазном
Средь озабоченных ходил.

Смотрели на меня — и забывали
Клокочущие чайники свои;
На печках валенки сгорали;
Все слушали стихи мои.

А мне тогда в тьме гробовой, российской,
Являлась вестница в цветах,
И лад открылся музикийский
Мне в сногсшибательных ветрах.

И я безумел от видений,
Когда чрез ледяной канал,
Скользя с обломанных ступеней,
Треску зловонную таскал,

И каждый стих гоня сквозь прозу,
Вывихивая каждую строку,
Привил-таки классическую розу
К советскому дичку.

1925

* * *

Жив Бог! Умен, а не заумен,
Хожу среди своих стихов,
Как непоблажливый игумен
Среди смиренных чернецов.
Пасу послушливое стадо
Я процветающим жезлом.
Ключи таинственного сада
Звенят на поясе моем.

Я — чающий и говорящий.
Заумно, может быть, поет
Лишь ангел, Богу предстоящий,—
Да Бога не узревший скот
Мычит заумно и ревет.
А я — не ангел осиянный,
Не лютый змий, не глупый бык.
Люблю из рода в род мне данный
Мой человеческий язык:
Его суровую свободу,
Его извилистый закон...
О, если б мой предсмертный стон
Облечь в отчетливую оду!

1923

* * *

Весенний лепет не разнежит
Сурово стиснутых стихов.
Я полюбил железный скрежет
Какофонических миров.

В зиянии разверзтых гласных
Дышу легко и вольно я.
Мне чудится в толпе согласных —
Льдин взгроможденных толчея.

Мне мил — из оловянной тучи
Удар изломанной стрелы,
Люблю певучий и визгучий
Лязг электрической пилы.

И в этой жизни мне дороже
Всех гармонических красот —
Дрожь, побежавшая по коже,
Иль ужаса холодный пот,

Иль сон, где, некогда единый —
Взрываясь, разлетаюсь я,
Как грязь, разбрызганная шиной,
По чуждым сферам бытия.

1923

Слепой

Палкой щупая дорогу,
Бродит наугад слепой,
Осторожно ставит ногу
И бормочет сам с собой.
А на бельмах у слепого
Целый мир отображен:
Дом, лужок, забор, корова,
Клочья неба голубого —
Все, чего не видит он.

1923

* * *

Вдруг из-за туч озолотило
И столик, и холодный чай.
Помедли, зимнее светило,
За черный лес не упадай!

Дай посиять в румяном блеске,
Прилежным поскрипеть пером.
Живет в его проворном треске
Весь вздох о бытии моем.

Трепещущим, колючим током
С раздвоенного острия
Бежит — и на листе широком
Отображаюсь... нет, не я:

Лишь угловатая кривая,
Минутный профиль тех высот,
Где, восходя и ниспадая,
Мой дух страдает и живет.

1923

У моря

1

Лежу, ленивая амеба,
Гляжу, прищуря левый глаз,
В эмалированное небо,
Как в опрокинувшийся таз.

Все тот же мир обыкновенный,
И утварь бедная все та ж.
Прибой размыленною пеной
Взбегает на покатый пляж.

Белеют плоские купальни,
Смуглеет женское плечо.
Какой огромный умывальник!
Как солнце парит горячо!

Над раскаленными песками,
И не жива, и не мертва,
Торчит колючими пучками
Белесоватая трава.

А по пескам, жарой измаян,
Средь здоровеющих людей
Неузнанный проходит Каин
С экземою между бровей.

2

Сидит в табачных магазинах,
Погряз в простом житье-бытье
И отражается в витринах
Широкополым канотье.

Как муха на бумаге липкой,
Он в нашем времени дрожит,
И даже вежливой улыбкой
Лицо нездешнее косит.

Он очень беден, но опрятен,
И перед выходом на пляж
Для выведенья разных пятен
Употребляет карандаш.

Он все забыл. Как мул с поклажей,
Слоняется по нашим дням,
Порой просматривает даже
Столбцы газетных телеграмм,

За кружкой пива созерцает,
Как пляшут барышни фокс-тротт,—
И разом вдруг ослабевает,
Как сердце в нем захолонет.

О чем? Забыл. Непостижимо,
Как можно жить в тоске такой!
Он вскакивает. Мимо, мимо,
Под ветер, на берег морской!

Колышется его просторный
Пиджак — и, подавляя стон,
Под европейской ночью черной
Заламывает руки он.

3

Пустился в море с рыбаками.
Весь день на палубе лежал,
Молчал — и желтыми зубами
Мундштук прокуренный кусал.

Качало. Было все не мило:
И ветер, и небес простор,
Где мачта шаткая чертила
Петлистый, правильный узор.

Под вечер буря налетела.
О, как скучал под бурей он,
Когда гремело, и свистело,
И застилало небосклон!

Увы! он слушал не впервые,
Как у изломанных снастей,
Молились рыбаки Марии,
Заступнице, Звезде Морей!

И не впервые, не впервые
Он людям говорил из тьмы:
«Мария тут иль не Мария —
Не бойтесь, не потонем мы».

Под утро, дымкою повитый,
По усмирившимся волнам
Поплыл баркас полуразбитый
К родным песчаным берегам.

Встречали женщины толпою
Отцов, мужей и сыновей,
Он миновал их стороною,
Угрюмой поступью своей

Шел в гору, подставляя спину
Струям холодного дождя,
И на счастливую картину
Не обернулся, уходя.

4

Изломала, одолевает
Нестерпимая скука с утра.
Чью-то лодку море качает,
И кричит на песке детвора.

Примостился в кофейне где-то
И глядит на двух толстяков,
Обсуждающих за газетой
Расписание поездов.

Раскаленными взрывами брызжа,
Солнце крутится колесом.
Он хрипит сквозь зубы: Уймись же! —
И стучит сухим кулаком.

Опрокинул столик железный,
Опрокинул пиво свое.
Бесполезное — бесполезно:
Продолжается бытие.

Он пристал к бездомной собаке
И за ней слонялся весь день,
А под вечер в приморском мраке
Затерялся и пес, как тень.

Вот тогда-то и подхватило,
Одурманило, понесло,
Затуманило, закрутило,
Перекинуло, подняло:

Из-под ног земля убегает,
Глазам не видать ни зги —
Через горы и реки шагают
Семиверстные сапоги.

1922—1923

Берлинское

Что ж? От озноба и простуды —
Горячий грог или коньяк.
Здесь музыка, и звон посуды,
И лиловатый полумрак.

А там, за толстым и огромным
Отполированным стеклом,
Как бы в аквариуме темном,
В аквариуме голубом —

Многоочитые трамваи
Плывут между подводных лип,
Как электрические стаи
Светящихся ленивых рыб.

И там, скользя в ночную гнилость,
На толще чуждого стекла
В вагонных окнах отразилась
Поверхность моего стола,—

И, проникая в жизнь чужую,
Вдруг с отвращеньем узнаю
Отрубленную, неживую,
Ночную голову мою.

* * *

С берлинской улицы
Вверху луна видна.
В берлинских улицах
Людская тень длинна.

Дома — как демоны,
Между домами — мрак;
Шеренги демонов,
И между них — сквозняк.

Дневные помыслы,
Дневные души — прочь:
Дневные помыслы
Перешагнули в ночь.

Опустошенные,
На перекрестки тьмы,
Как ведьмы, по трое
Тогда выходим мы.

Нечеловечий дух,
Нечеловечья речь,—
И песьи головы
Поверх сутулых плеч.

Зеленой точкою
Глядит луна из глаз,
Сухим неистовством
Обуревая нас.

В асфальтном зеркале
Сухой и мутный блеск,—
И электрический
Над волосами треск.

1923

An Mariechen

Зачем ты за пивною стойкой?
Пристала ли тебе она?
Здесь нужно быть девицей бойкой,—
Ты нездорова и бледна.

С какой-то розою огромной
У нецелованных грудей,—
А смертный венчик, самый скромный,
Украсил бы тебя милей.

Ведь так прекрасно, так нетленно
Скончаться рано, до греха.
Родители же непременно
Тебе отыщут жениха.

Так называемый хороший,
И вправду — честный человек
Перегрузит тяжелой ношей
Твой слабый, твой короткий век.

Уж лучше бы — я еле смею
Подумать про себя о том —
Попасться бы тебе злодею
В пустынной роще, вечерком.

Уж лучше в несколько мгновений
И стыд узнать, и смерть принять,
И двух истлений, двух растлений
Не разделять, не разлучать.

Лежать бы в платьице измятом
Одной, в березняке густом,
И нож под левым, лиловатым,
Еще девическим соском.

1922

* * *

Было на улице полутемно.
Стукнуло где-то под крышей окно.

Свет промелькнул, занавеска взвилась,
Быстрая тень со стены сорвалась —

Счастлив, кто падает вниз головой:
Мир для него хоть на миг — а иной.

* * *

Нет, не найду сегодня пищи я
Для утешительной мечты:
Одни шарманщики, да нищие,
Да дождь — все с той же высоты.

Тускнеет в лужах электричество,
Нисходит предвечерний мрак
На идиотское количество
Серощетинистых собак.

Та — ткнется мордою нечистою
И, повернувшись, отбежит,
Другая лапою когтистою
Скребет обшмыганный гранит.

Те — жилятся, присев на корточки,
Повесив набок языки,—
А их из самой верхней форточки
Зовут хозяйские свистки.

Все высвистано, прособачено.
Вот так и шлепай по грязи,
Пока не вздрогнет сердце, схвачено
Внезапным треском жалюзи.

1923

Под землей

Где пахнет черною карболкой
И провонявшею землей,
Стоит, склоняя профиль колкий
Пред изразцовою стеной.

Не отойдет, не обернется,
Лишь весь качается слегка,
Да как-то судорожно бьется
Потертый локоть сюртука.

Заходят школьники, солдаты,
Рабочий в блузе голубой,—
Он все стоит, к стене прижатый
Своею дикою мечтой.

Здесь создает и разрушает
Он сладострастные миры,

А из соседней конуры
За ним старуха наблюдает.

Потом в открывшуюся дверь
Видны подушки, стулья, склянки.
Вошла — и слышатся теперь
Обрывки злобной перебранки.
Потом вонючая метла
Безумца гонит из угла.

И вот, из полутьмы глубокой,
Старик сутулый, но высокий,
В таком почтенном сюртуке,
В когда-то модном котелке,
Идет по лестнице широкой,
Как тень Аида — в белый свет,
В берлинский день, в блестящий бред.
А солнце ясно, небо сине,
А сверху синяя пустыня...
И злость, и скорбь моя кипит,
И трость моя в чужой гранит
Неумолкаемо стучит.

1923

* * *

Все каменное. В каменный пролет
Уходит ночь. В подъездах, у ворот —

Как изваянья — слипшиеся пары.
И тяжкий вздох. И тяжкий дух сигары.

Бренчит о камень ключ, гремит засов.
Ходи по камню до пяти часов,

Жди: резкий ветер дунет в окарино
По скважинам громоздкого Берлина,—

И грубый день взойдет из-за домов
Над мачехой российских городов.

1923

* * *

Встаю расслабленный с постели.
Не с Богом бился я в ночи,—
Но тайно сквозь меня летели
Колючих радио лучи.

И мнится: где-то в теле живы,
Бегут по жилам до сих пор
Москвы бунтарские призывы
И бирж всесветный разговор.

Незаглушимо и сумбурно
Пересеклись в моей тиши

Ночные голоса Мельбурна
С ночными знаньями души.

И чьи-то имена, и цифры
Вонзаются в разъятый мозг,
Врываются в глухие шифры
Разряды океанских гроз.

Хожу — и в ужасе внимаю.
Шум, не внимаемый никем.
Руками уши зажимаю —
Все тот же звук! А между тем...

О, если бы вы знали сами,
Европы темные сыны,
Какими вы е щ е лучами
Неощутимо пронзены!

1923

Хранилище

По залам прохожу лениво.
Претит от истин и красот.
Еще невиданные дива,
Признаться, знаю наперед.

И как-то тяжко, больно даже
Душою жить — который раз? —
В кому-то снившемся пейзаже,
В когда-то промелькнувший час.

Все бьется человечий гений:
То вверх, то вниз. И то сказать:
От восхождений и падений
Уж позволительно устать.

Нет! полно! Тяжелеют веки
Пред вереницею Мадонн, —
И так отрадно, что в аптеке
Есть кисленький пирамидон.

1924

* * *

Интриги бирж, потуги наций.
Лавина движется вперед.
А все под сводом Прокураций
Дух беззаботности живет.

И беззаботно так уснула,
Поставив туфельки рядком,
Неомрачимая Урсула
У Алинари за стеклом.

И ие без горечн сокрытой
Хожу и мыслю ниогда,
Что Некто, мудрый н сердитый,
Однажды поглядит сюда,

Нечаянно развеселится,
Весь мнр улыбкой озаря,
На шаль красотки заглядится,
Забудется, как иынче я,—

И все нсчезнет невозвратно
Не в очистнтельном огне,
А просто — в легкой и прнятной
Венецианской болтовне.

1924

Соррентинские фотографии

Воспомннанье прнхотливо
И непослушливо. Оно —
Как узловатая олнва:
Ннкак, ничем ие стеснено.
Свон причудливые ветвн
Узлами диких соответствнй
Нерасторжимо заплетет —
И так живет, н так растет.

Порой фотограф-ротозей
Забудет снимкам счет и пленкам
И снимет парочку друзей,
На Капрн, с беленьким козлеиком —
И тут же, плеики ие сменнв,
Запечатлеет он залнв
За пароходною кормою
И закопчеиную трубу
С космою дымною на лбу.
Так сделал нынешней зимою
Один приятель мой. Пред инм
Смешались воды, люди, дым
На негатнве помутнелом.
Его знакомый легким телом

Полупрозрачно заслонял
Черты скалистых исполииов,
А козлик, иоги в иебо вскинув,
Везувнй рожкамн бодал...
Хоть я и не люблю козляток
(Нн нтальяиских пикников) —
Двух совместившнхся миров
Мне полюбился отпечаток:
В себе виденья затая,
Так протекает жизнь моя.

Я вижу скалы и агавы,
А в них, сквозь инх и между инх —

Домишко низкий и плюгавый,
Обитель прачек и портных.
И как ни отвожу я взора,
Он все маячит предо мной,
Как бы сползая с косогора
Над мутною Москвой-рекой.
И на зеленый, величавый
Амальфитанский перевал
Он жалкой тенью набежал,
Стопою нищенскою стал
На пласт окаменелой лавы.

Раскрыта дверь в полуподвал,
И в сокрушении глубоком
Четыре прачки, полубоком,
Выносят из сеней во двор
На полотенцах гроб дощатый,
В гробу — Савельев, полотер.
На нем — потертый, полосатый
Пиджак. Икона на груди
Под бородою рыжеватой.
«Ну, Ольга, полно. Выходи».
И Ольга, прачка, за перила
Хватаясь крепкою рукой,
Выходит. И заголосила.
И тронулись под женский вой
Неспешно со двора долой.
И сквозь колючие агавы
Они выходят из ворот,
И полотера лоб курчавый
В лазурном воздухе плывет.
И от мечты не отрываясь,
Я сам, в оливковом саду,
За смутным шествием иду,
О чуждый камень спотыкаясь.

*

Мотоциклетка стрекотнула
И сорвалась. Затрепетал
Прожектор по уступам скал,
И отзвук рокота и гула
За нами следом побежал.
Сорренто спит в сырых громадах.
Мы шумно ворвались туда
И стали. Слышно, как вода
В далеких плещет водопадах.
В страстную пятницу всегда
На глаз приметно мир пустеет,
Аидесский, древний ветер веет,
И ущербляется луна.
Сегодня в облаках она.
Тускнеют улицы сырые.
Одна ночная остерия
Огнями желтыми горит.
Ее взлохмаченный хозяин
Облокотившись полуспит.
А между тем уже с окраин

Глухое пеиие летит,
И озаряется свечами
Кривая улица вдали;
Как чериый парус, меж домами
Большое знамя проиесли
С тяжеловесиыми кистями;
И чтобы видеть мы могли
Воочию всю ту седмицу,
Проиосят плеть, и багряиицу,
Териовый скорчеииый веиок,
Гвоздей заржавлеииых пучок,
И лестиицу, и молоток.

Но пеиье ближе и слышиее.
Толпа колышется, чернея,
А иад толпою лишь Оиа,
Кольцом огней озареиа,
В шелках и розах утопая,
С иедвижиой благостью в лице,
В иедосягаемом венце,
Плывет, высокая, прямая,
Ладоиь к ладоии прижимая,
И держит ручкой восковой
Для слез платочек кружевиой.
Но жалкою людскою дрожью
Не дрогнут ясиые черты.
Не оттого ль к Ее подиожью
Летят молитвы и мечты,
Любви кощуиствеииые розы
И от великой полиоты —
Сладчайшие людские слезы?
К порогу вышел своему
Седой хозяии остерии.
Ои улыбается Марии.
Мария! Улыбнись ему!

Но мимо: уж Оиа в соборе
В сиопах огией, в гремящем хоре
Над поредевшею толпой
Порхает отсвет голубой.
Ясиее проступают лица,
Как бы напудрены зарей.
Над островерхою горой
Переливается Деииица...

*

Мотоциклетка под скалой
Летит извилистым полетом,
И с каждым иовым поворотом
Залив просторией предо мной
Горя зарей и ветром вея,
Ои все волшебией, все живее
Когда иесемся мы правее,
Бегут иалево берега,
Мы поверием — и величаво
Их позлащениая дуга
Начиет развертываться вправо

В тумане Прочида лежит,
Везувий к северу дымит.
Запятнан площадкою славой,
Он все торжествен и велик
В своей хламиде темно-ржавой,
Сто раз прожженной и дырявой.
Но вот — румяный луч проник
Сквозь отдаленные туманы.
Встает Неаполь из паров,
И заиграл огонь стеклянный
Береговых его домов.

Я вижу светлые просторы,
Плывут сады, поляны, горы,
А в них, сквозь них и между них —
Опять, как на неверном снимке,
Весь в очертаниях сквозных,
Как был тогда, в студеной дымке,
В ноябрьской утренней заре,
На восьмигранном острие,
Золотокрылый ангел розов
И неподвижен — а над ним
Вороньи стаи, дым морозов,
Давно рассеявшийся дым.
И отражен кастелламарской
Зеленоватою волной,
Огромный страж России царской
Вниз опрокинут головой.
Так отражался он Невой,
Зловещий, огненный и мрачный,
Таким явился предо мной —
Ошибка пленки неудачной.

Воспоминанье прихотливо.
Как сновидение — оно
Как будто вещей правдой живо,
Но так же дико и темно
И так же, вероятно, лживо...
Среди каких утрат, забот,
И после скольких эпитафий,
Теперь, воздушная, всплывет
И что закроет в свой черед
Тень соррентинских фотографий?

1926

Из дневника

Должно быть, жизнь и хороша,
Да что поймешь ты в ней, спеша
Между купелью и моргом,
Когда мытарится душа
То отвращеньем, то восторгом?

Непостижимостей свинец
Все толще над мечтой понурой,—

Вот и дуреешь, наконец,
Как любознательный кузнец
Над просветительной брошюрой.

Пора не быть, а пребывать,
Пора ие бодрствовать, а спать,
Как спит зародыш крутолобый,
И мягкой вечностью опять
Обволокиуться, как утробой.

1925

Перед зеркалом

Nel mezzo del cammin di nostra vita

Я, я, я. Что за дикое слово!
Неужели вон тот — это я?
Разве мама любила такого,
Желто-серого, полуседого
И всезнающего, как змея?

Разве мальчик, в Остаикине летом
Танцевавший на дачных балах,—
Это я, тот, кто каждым ответом
Желторотым внушает поэтам
Отвращение, злобу и страх?

Разве тот, кто в полночиые споры
Всю мальчишечью вкладывал прыть,—
Это я, тот же самый, который
На трагические разговоры
Научился молчать и шутить?

Впрочем — так и всегда на средине
Рокового земиого пути:
От ничтожной причииы — к причине,
А глядишь — заплутался в пустыие,
И своих же следов не иайти.

Да, меня не пантера прыжками
На парижский чердак загиала.
И Вергилия нет за плечами,—
Только есть одиночество — в раме
Говорящего правду стекла.

1924

Окна во двор

Несчастный дурак в колодце двора
Причитает сегодня с утра,
И лишнего нет у меия башмака,
Чтобы бросить его в дурака.

. . . .

Кастрюли, тарелки, пьянино гремят,
Баюкают няньки крикливых ребят.
С улыбкой сидит у окошка глухой,
Зачарован своей тишиной.
. . . .

Курносый актер перед пыльным трюмо
Целует портреты и пишет письмо,—
И честно гонясь за правдивой игрой,
В шестнадцатый раз умирает герой.
. . . .

Отец уж надел котелок и пальто,
Но вернулся, бледный, как труп:
— Сейчас же отшлепать мальчишку за то,
Что не любит луковый суп!
. . . .

Небритый старик, отодвинув кровать,
Забивает старательно гвоздь,
Но сегодня успеет ему помешать
Идущий по лестнице гость.

Рабочий лежит на постели в цветах.
Очки на столе, медяки на глазах.
Подвязана челюсть, к ладони ладонь.
Сегодня в лед, а завтра в огонь.
. . . .

Что верно, то верно! Нельзя же силком
Девчонку тащить на кровать!
Ей нужно сначала стихи почитать,
Потом угостить вином...
. . . .

Вода запищала в стене глубоко:
Должно быть, по трубам бежать не легко,
Всегда в тесноте и всегда в темноте,
В такой темноте и в такой тесноте!
. . . .

1924

Бедные рифмы

Всю неделю над мелкой поживой
Задыхаться, тощать и дрожать,
По субботам с женой некрасивой
Над бокалом, обнявшись, дремать,

В воскресенье на чахлую траву
Ехать в поезде, плед разложить,
И опять задремать, и забаву
Каждый раз в этом всем находить,

И обратно тащить на квартиру
Этот плед, и жену, и пиджак,
И ни разу по пледу и миру
Кулаком не ударить вот так,—

О, в таком непреложном законе,
В заповедном смиренье таком
Пузырькн только могут в снфоне,
Вверх и вверх, пузырек с пузырьком.

1926

* * *

Сквозь ненастный знмний денек
— У него сундук, у нее мешок —

По паркету парнжскнх луж
Ковыляют жена н муж.

Я за ннми долго шагал,
И прншлн онн на вокзал.
Жена молчала, н муж молчал.

И о чем говорнть, мой друг?
У нее мешок, у него сундук...
С каблуком топотал каблук.

1927

Баллада

Мне невозможно быть собой,
Мне хочется сойтн с ума,
Когда с беременной женой
Идет безрукий в сннема.

Мне лнру ангел подает,
Мне мнр прозрачен, как стекло,—
А он сейчас разинет рот
Пред ндиотствами Шарло.

За что свой незаметный век
Влачнт в неравенстве таком
Беззлобный, смнрный человек
С опустошенным рукавом?

Мне хочется сойти с ума,
Когда с беременной женой
Безрукнй прочь из синема
Идет по улнце домой.

Ремянный бич я достаю
С протяжным окрнком тогда
И ангелов наотмашь бью,
И ангелы сквозь провода

Взлетают в городскую высь.
Так с венетнйскнх площадей
Пуглнво голуби неслнсь
От ног возлюбленной моей.

Тогда, прилично шляпу сняв,
К безрукому я подхожу,
Тихонько трогаю рукав
И речь такую завожу:

«Pardon, monsieur, когда в аду
За жизнь надменную мою
Я казнь достойную найду,
А вы с супругою в раю

Спокойно будете витать,
Юдоль земную созерцать,
Напевы дивные внимать,
Крылами белыми сиять,—

Тогда с прохладнейших высот
Мне сбросьте перышко одно:
Пускай снежинкой упадет
На грудь спаленную оно».

Стоит безрукий предо мной,
И улыбается слегка,
И удаляется с женой,
Не приподнявши котелка.

1925

Звезды

Вверху — грошовый дом свиданий.
Внизу — в грошовом «Казино»
Расселись зрители. Темно.
Пора щипков и ожиданий.
Тот захихикал, тот зевнул...
Но неудачник облыселый
Высоко палочкой взмахнул.
Открылись темные пределы,
И вот — сквозь дым табачных туч —
Прожектора зеленый луч.
На авансцене, в полумраке,
Раскрыв золотозубый рот,
Румяный хахаль в шапокляке
О звездах песенку поет.
И под двуспальные напевы
На полинялый небосвод
Ведут сомнительные девы
Свой непотребный хоровод.
Сквозь облака, по сферам райским
(Улыбочки туда-сюда)
С каким-то веером китайским
Плывет Полярная звезда.

За ней вприпрыжку поспешая,
Та пожирней, та похудей,
Семь звезд — Медведица Большая —
Трясут четырнадцать грудей.

И до последнего раздета,
Горя брильянтовой косой,
Вдруг жидколягая комета
Выносится перед толпой.
Глядят солдаты и портные
На рассусаленный сумбур,
Играют сгустки жировые
На бедрах Etoile d'amour,
Несутся звезды в пляске, в тряске,
Звучит оркестр, поет дурак,
Летят алмазные подвязки
Из мрака в свет, из света в мрак.
И заходя в дыру все ту же,
И восходя на небосклон,—
Так вот в какой постыдной луже
Твой День Четвертый отражен!..
Нелегкий труд, о Боже правый,
Всю жизнь воссоздавать мечтой
Твой мир, горящий звездной славой
И первозданною красой.

1925

* * *

Трудолюбивою пчелой,
Звеня и рокоча, как лира,
Ты, мысль, повисла в зное мира
Над вечной розою — душой.

К ревнивой чашечке ее
С пытливой дрожью святотатца
Прильнула — нащупаться, всосаться
В таинственное бытие.

Срываешься вниз головой
В благоухающие бездны —
И вновь выходишь в мир подзвездный,
Запорошенная пыльцой.

И в свой причудливый киоск
Летишь назад, полухмельная,
Отягощаясь, накопляя
И людям — мед, и Богу — воск.

* * *

Сквозь облака фабричной гари
Грозя костлявым кулаком,
Дрожит и злится пролетарий
Пред изворотливым врагом.

Толпою стражи ненадежной
Великолепье окружа,
Упрямый, но неосторожный,
Дрожит и злится буржуа.

Должно быть, ие борьбою партий
В парламеитах решится спор:
На европейской ветхой карте
Все вновь перечертит раздор.

Но иа растущую всечасио
Лавину иебывалых бед
Невозмутимо и бесстрастио
Глядят: историк и поэт.

Людские войиы и союзы,
Бывало, славили оии.
Разочароваииые Музы
Припомиили им эти дии —

И ныие, гордые, составить
Два правила велели впредь:
Раз: победителей ие славить.
Два: побеждеииых ие жалеть.

Романс

В голубом эфира поле
Ходит Веспер золотой.
Старый Дож плывет в гоидоле
С Догарессой молодой.

Догаресса молодая
На супруга ие глядит,
Белой грудью ие вздыхая,
Ничего ие говорит.

Тяжко долгое молчаиье.
Но, осмелясь иакоиец,
Про высокое преданье
Запевает им гребец.

И под Тассову октаву
Старец сызиова живет,
И супругу ои по праву
Томио за руку берет.

Но супруга молодая
В море дальиее глядит.
Не ропща и ие вздыхая,
Ничего ие говорит.

Охлаждаясь поиеволе,
Дож поиикнул головой.
Ночь тиха. В иебесиом поле
Ходит Веспер золотой.

С Лидо теплый ветер дует,
И замолкшему певцу
Повелитель указует
Возвращаться ко дворцу.

Соррентинские заметки

1. Водопад

Там, над отвесною громадой,
Начав разбег на вышине,
Шуми, поток, нграй н прядай,
Скача уступами ко мне.

Повисни в радугах искристых,
Ударься мощною струей
И снова в недрах каменистых
Кипенье тайное сокрой.

Лети с неудержимой силой,
Чтобы корыстиая рука
Струи полезной не схватнла
В долбленый кузов черпака.

2. Пан

Смотря на этн скалы, гроты
Вскипанье волн, созвездий бег,
Забыть убогие заботы
Извечно жаждет человек.

Но диким ужасом вселенной
Хохочет козлоногий бог,
И, потрясенная мгновенно,
Душа замрет. Не будь же строг,

Когда под кровлю ресторана,
Подавлена, угнетена,
От ею вызванного Пана
Бегом спасается она.

3. Афродита

Сирокко, ветер невеселый,
Все вымел начисто во мне.
Теперь мне шел бы череп голый
Да горб высокий на спине.

Он сразу многое бы придал
Нам с Афродитою, двоим,
Когда, обнявшнсь, я н ндол,
Под апельсинами стоим.

* * *

Von allen säubr' ich diesen Ort,
Sie müssen miteinander fort

Goethe

Я сердцеед, шутник, игрок,
Везде слыву рубахой-парнем,
Но от меня великий прок
Амбарам, лавкам и пекарням.

Со мной встречаясь, рад не рад,
Снимает шляпу магистрат.
Тир-лир-лир-лир-лир-люр-люр-лю —
Я крыс на дудочку ловлю.

За буйный нрав меня не раз
Из королевства изгоняли,
Но приходил, однако, час —
Назад с поклоном приглашали:
Один искусный крысолов
Ученых стоит ста голов.
Тир-лир-лир-лир-лир-люр-люр-лю —
Он служит службу королю.

Я зверю бедному сулю
В стране волшебной новоселье,
И слушать песенку мою —
Неотразимое веселье.
Я крыс по городу веду
И сам танцую на ходу.
Тир-лир-лир-лир-лир-люр-люр-лю —
Я крыс по-своему люблю.

Веду крысиный хоровод
В страну мечтаний, прямо, прямо,—
Туда, где за городом ждет
Глубоко вырытая яма...
Но с дурами в готовый ров
Не прыгнет умный крысолов:
Тир-лир-лир-лир-лир-люр-люр-лю —
Еще он нужен королю.

Ночь

Измученные ангелы мои!
    Сопутники в большом и малом!
Сквозь дождь и мрак, по дьявольским кварталам
    Я загонял вас. Вот они,

    Мои вертепы и трущобы!
О, я не знаю устали, когда
Схожу, никем не знаемый, сюда,
    В теснины мерзости и злобы.

Когда в душе все чистое мертво,
    Здесь, где разит скотством и тленьем,
Живит меня заклятым вдохновеньем
    Дыханье века моего.

    Я здесь учусь ужасному веселью:
Постылый звук тех песен обретать,
Которых никогда и никакая мать
    Не пропоет над колыбелью.

Граммофон

Ребенок спал, покуда граммофон
Все надрывался Травиатой.
Под вопль и скрип какой дурманный сон
Вонзался в мозг его разъятый?

Внезапно мать мембрану подняла —
Сон сорвался, дитя проснулось,
Оно кричит. Из темного угла
Вся тишина в него метнулась...

О, наших бедных душ не потрясай
Твоею тишиною грозной!
Мы молимся — Ты сна не прерывай
Для вечной ночи, слишком звездной.

Скала

Нет у меня для вас ни слова,
Ни звука в сердце нет,
Виденья бедные былого,
Друзья погибших лет!

Быть может, умер я, быть может —
Заброшен в новый век,
А тот, который с вами прожил,
Был только волн разбег,

И я, ударившись о камни,
Окровавлен, но жив,—
И видится издалека мне,
Как вас несет отлив.

Памятник

Во мне конец, во мне начало.
Мной совершенное так мало!
Но все ж я прочное звено:
Мне это счастие дано.

В России новой, но великой,
Поставят идол мой двуликий
На перекрестке двух дорог,
Где время, ветер и песок...

Веселье

Полузабытая отрада,
Ночной попойки благодать:
Хлебнешь — и ничего не надо,
Хлебнешь — и хочется опять.

И жизнь перед нетрезвым взглядом
Глубоко так обнажена,
Как эта гибкая спина
У женщины, сидящей рядом.

Я вижу тонкого хребта
Перебегающие звенья,
К ним припадаю на мгновенье —
И пудра мне пылит уста.

Смеется легкое созданье,
А мне отрадно сочетать
Неутешительное знанье
С блаженством ничего не знать.

Я

Когда меня пред Божий суд
На черных дрогах повезут,

Смутятся нищие сердца
При виде моего лица.

Оно их тайно восхитит
И страх завистливый родит.

Отстав от шествия, тайком,
Воображаясь мертвецом,

Тогда пред стеклами витрин
Из вас, быть может, не один

Украдкой также сложит рот,
И нос тихонько задерет,

И глаз полуприщурит свой,
Чтоб видеть, как закрыт другой.

Но свет (иль сумрак?) тайный *тот*
На чудака не снизойдет.

Не отразит румяный лик,
Чем я ужасен и велик:

Ни почивающих теней
На вещей бледности моей,

Ни беспощадного огня,
Который уж лизнул меня.

Последнюю мою примету
Чужому не отдам лицу...

Не подражайте ж мертвецу,
Как подражаете поэту.

К Лиле

(С латинского)

Скорее челюстью своей
Подымет солнце муравей;
Скорей вода с огнем смесится;
Кентаврова скорее кровь
В бальзам целебный обратится,—
Чем наша кончится любовь.

Быть может, самый Рим прейдет;
Быть может, Тартар нам вернет
Невозвратимого Марона;
Быть может, там, средь облаков,
Над крепкой высью Пелиона,
И нет, и не было богов.

Все допустимо, и во всем
Злым и властительным умом
Пора, быть может, усомниться,
Чтоб омертвелою душой
В беззвучный ужас погрузиться
И лиру растоптать пятой.

Но ты, о Лила, и тогда,
В те беспросветные года,
Своим единым появленьем
Мне мир откроешь прежний, наш,
И сим отвергнутым виденьем
Опять залюбоваться дашь.

* * *

Сквозь уютное солнце апреля
Неуютный такой холодок.
И — смерчом по дорожке песок,
И смолкает скворец-пустомеля

Там над северным краем земли
Черно-серая вздутая туча.
Котелки поплотней нахлобуча,
Попроворней два франта пошли

И под шум градобойного гула
В сердце гордом, веселом и злом
«Это молнии *нашей* излом,
Это *наша* весна допорхнула!»

Марина Цветаева
1892-1941

Marina Tsvétaïéva
1922-1939

Лютая юдоль,
Дольняя любовь.
Руки: свет и соль.
Губы: смоль и кровь.

Левогрудый гром
Лбом подслушан был.
Так — о камень лбом —
Кто тебя любил?

Бог с замыслами! Бог с вымыслами!
Вот: жаворонком, вот: жимолостью,
Вот: пригоршнями: вся выплеснута
С моими дикостями — и тихостями,
С моими радугами заплаканными,
С подкрадываньями, забарматываньями...

Милая ты жизнь!
Жадная еще!
Ты запомни вжим
В правое плечо.

Щебеты во тьмах...
С птицами встаю!
Мой веселый вмах
В летопись твою.

12 июня 1922

* * *

Так, в скудном труженичестве дней,
Так, в трудной судорожности к ней,
Забудешь дружественный хорей
Подруги мужественной своей.

Ее суровости горький дар,
И легкой робостью скрытый жар,
И тот беспроволочный удар,
Которому имя — даль.

Все древности, кроме: дай и мой,
Все ревности, кроме той, земной,

Все верности,— но н в смертный бой
Неверующнм Фомой.

Мой неженка! Сединой отцов:
Сей беженки не берн под кров!
Да здравствует левогрудый ков
Немудрствующих концов!

Но может, в щебетах и в счетах
От вечных женственностей устав —
И вспомнишь руку мою без прав
И мужественный рукав.

Уста, не требующне смет,
Права, не следующие вслед,
Глаза, не ведающие век,
Исследующие: свет.

15 июня

* * *

Рукн — н в круг
Перепродаж н переуступок!
Только бы губ,
Только бы рук мне не перепутать!

Этнх вот всех
Суетностей, от которых сна нет.
Рукн воздев
Друг, заклинаю свою же память!

Чтобы в стнхах
(Свалочной яме моих Высочеств!)
Ты не зачах,
Ты не усох наподобье прочих.

Чтобы в груди
(В тысячегрудой моей могиле
Братской!) — дожди
Тысячелетий тебя не мылн...

Тело меж тел,
— Ты, что мне про́падом был двухзвездным!..
Чтоб не нстлел
С надписью: не опознан.

9 июля

* * *

Леты слепотекущий всхлип.
Долг твой тебе отпущен: слнт
С Летою,— еле-еле жнв
В лепете сребротекущих нв.

Ивовый сребролетейскнй плеск
Плачущнй... В слепотекущий склеп

Памятей — перетомилась!— спрячь
В ивовый сребролетейский плач.

На́ плечи — сребро-седым плащом
Старческим, сребро-сухим плющом
На́ плечи — перетомилась!— ляг,
Ладанный слеполетейский мрак

Маковый...
— ибо красиый цвет
Старится, ибо пурпур — сед
В памяти, ибо, выпив всю —
Сухостями теку.

Тусклостями: ущерблеииых жил
Скупостями, молодых сивилл
Слепостями, головных истом
Седостями: свиицом.

Берлин, 31 июля 1922

Сивилла

1

Сивилла: выжжеиа, сивилла: ствол.
Все птицы вымерли, но бог вошел.

Сивилла: выпита, сивилла: сушь.
Все жилы высохли: ревиостеи муж!

Сивилла: выбыла, сивилла: зев
Доли и гибели!— Древо меж дев.

Державиым деревом в лесу нагом —
Сначала деревом шумел огоиь.

Потом, под веками — вразбег, врасплох
Сухими реками взметиулся бог.

И вдруг, отчаявшись искать извие:
Сердцем и голосом упав: во мие!

Сивилла: вещая! Сивилла: свод!
Так Благовещеиье свершилось в тот

Час иестареющий, так в седость трав
Бренная девствеииость, пещерой став

Дивиому голосу...
— так в звездиый вихрь
Сивилла: выбывшая из живых.

5 августа

2

Каменной глыбой серой,
С веком порвав родство,
Тело твое — пещера
Голоса твоего.

Недрами — в ночь, сквозь слепост
Век, слепотой бойниц.
Глухонемая крепость
Над пестротою жниц.

Кутают ливни плечи
В плащ, плесневеет гриб.
Тысячелетья плещут
У столбняковых глыб.

Горе горé! Под толщей
Век, в прозорливых тьмах —
Глиняные осколки
Царств и дорожный прах

Битв...

6 августа

* * *

Леты подводный свет,
Красного сердца риф.
Застолбенел ланцет,
Певчее горло вскрыв:

Не раскаленность жерл,
Не распаленность скверн —
Нерастворенный перл
В горечи певчих горл.

Гóре горе! Граним,
Плавим и мрем — вотще.
Ибо нерастворим
В голосовом луче

Жемчуг...
Железом в хрип,
Тысячей пил и сверл —
Неизвлеченный шип
В горечи певчих горл.

11 августа

Деревья

Моему чешскому другу,
Анне Антоновне Тесковой

1

В смертных изверясь,
Зачароваться не тщусь.

В старческий вереск,
В среброскользящую сушь,

— Пусть моей теии
Славу трубят трубачи!
В вереск-потери,
В вереск-сухне ручьи.

Старческий вереск!
Голого камня иарост!
Удостоверясь
В тождестве нашнх сиротств,

Сняв н отрииув
Клочья последней парчн —
В вереск-руины,
В вереск-сухие ручьн.

Жизнь: двоедушье
Дружб и удушье уродств.
Седью и сушью
(Ибо вожатый — суров)
Ввысь, где рябииа
Краше Давида-Царя!

В вереск-седииы,
В вереск-сухне моря.

5 сентября

* * *

Это пеплы сокровищ:
Утрат, обнд.
Это пеплы, пред конмн
В прах — гранит.

Голубь голый и светлый,
Не живущнй четой.
Соломоновы пеплы
Над великой тщетой.

Беззакатного времени
Грозный мел.
Значнт, Бог в мои двери —
Раз дом сгорел!

Не удушенный в хламе,
Сиам н дням господии,
Как отвесиое пламя
Дух — нз ранннх седии!

И не вы меня предали,
Годы, в тыл!
Эта седость — победа
Бессмертных сил.

27 сентября

* * *

Спасн Господи, дым!
— Дым-то, Бог с ннм! А главное — сырость!
С тем же страхом, с каким
Переезжают с квартнры:

С той же лампою вплоть,—
Лампой инщеиств, студеичеств, окранн.
— Хоть бы деревце, хоть
Для детей!— И каков-то хозяин?

И не слишком ли строг
Тот, в моинстах, в монетах, в туманах,
Непреклонный как рок
Перед судорогою карманов?

И каков-то сосед?
Хорошо б холостой, да потнше!
Тоже сладости нет
В том-то в старом — да *нами* иадышан

Дом, пропнтан насквозь!
Нашей затхлостн запах! Как с ватой
В ухе — спелось, сжилось!
Не чужими: своими захватан!

Стар-то стар, сгнил-то сгнил,
А все мил... А уж тут: иомера ведь!
Как рождаются в мир
Я ие зиаю: но *так* умирают.

1 сентября

* * *

Не надо ее оклнкать:
Ей оклик — что охлест. Ей зов
Твой — раною по рукоять.
До самых органных инзов

Встревожена — творческий страх
Вторжения — бойся, с высот
— Все крепостн иа пропастях!—
Пожалуй — органом вспоет.

А справишься? Сталь и базальт —
Гора, ио лввиной в лазурь
На твой серафическнй альт
Вспоет — полногласием бурь.

И сбудется!— Бойся!— Из ста
На сотый срываются... Чу!
На оклик гортаниый певца
Органною бурею мщу!

7 февраля 1923

* * *

Нет, правды не оспарнвай.
Меж кафедральных Альп
То бьется о розариум
Неоперенный альт.

Девнчий н мальчишеский:
На самом рубеже.
Еднnственный нз тысячи —
И сорванный уже

В само́м истоке суженый:
Растворены вотще
Сто и одна жемчужина
В голосовом луче.

Пой, пой,— миры поклонятся!
Но регент: «Голос тот
Над кровною покойннцей
Над Музою поет!

Я в голосах мальчншескнх
Знаток...»— и в прах и в кровь
Снопом лучей рассыпавшись
О гробовой покров.

Нет, сказок не насказывай
Не радужная хрупь,—
Кантатой Метастазовой
Растерзанная грудь.

Клянусь дарамн божьими
Своей душой живой!—
Что всех высот дороже мне
Твой срыв голосовой!

8 февраля

Эмигрант

Здесь, меж вами: домами, деньгами, дымамн,
Дамамн, Думамн,
Не слюбившнсь с вами, не сбнвшись с вами
Неким —
Шуманом пронося под полой весну
Выше! нз внду!
Соловьнным тремоло на весу
Некий нзбранный.

Боязливейший, ибо взяв на дыб
Ноги лижете!
Заблуднвшнйся между грыж н глыб
Бог в блудилище

Лншннй! Вышний! Выходец! Вызов! Ввысь
Не отвыкшнй... Виселиц
Не принявший... В рвани валют н виз
Веги — выходец.

9 февраля

Душа

Выше! Выше! Ловн — летчнцу!
Не спросившись лозы — отческой
Нереидою по — лощется,
Нереидою в ла — зурь!

Лнра! Лира! Хвалынь — сияяя!
Полыханне крыл — в скниии!
Над мотыгамн — н — спннами
Полыханне двух бурь!

Муза! Муза! Да как — смеешь ты?
Только узел фаты — веющей!
Или ветер стаииц — шелестом
О страиицы — и смыв, взмыл...

И покамест — счета — кипами,
И покамест — сердца — хрнпами,
Закипание — до — кипени
Двух вспеиёиных — крепись!— крыл.

Так, над вашей игрой — крупиою,
(Между трупами — и — куклами!),
Не общупаиа, не́ куплена,
Полыхая и пля — ша,—

Шестнкрылая, ра—душная,
Между мнимыми — ниц!— сущая,
Не задушена вашими тушами
Ду—ша!

10 февраля

* * *

Весиа иаводит сон. Уснем.
Хоть врозь, а все ж сдается: всё
Разрозненности сводит сои.
Авось увндимся во сие.

Всевндящий, он зиает, чью
Ладонь — и в чью, кого — и с кем.
Кому печаль мою вручу,
Кому печаль мою повем

Предвечиую (дитя, отца
Не зиающее и коица
Не чающее!). О, печаль
Плачущих без плеча!

О том, что памятью с перста
Спадет, и камешком с моста...
О том, что заняты места,
О том, что иаияты сердца

Служить — безвыездно — навек,
И жить — пожизненно — без иег!
О заживо — чуть встав! чем свет! —
В архив, в Элизиум калек.

О том, что тише ты и я
Травы, руды, беды, воды...
О том, что выстрочит швея:
Рабы — рабы — рабы — рабы.

5 апреля

Диалог Гамлета с совестью

— На дне она, где ил
И водоросли... Спать в иих
Ушла,— но сна и там иет!
— Но я ее любил,
Как сорок тысяч братьев
Любить не могут!
— Гамлет!

На дне она, где ил:
Ил!.. И последний венчик
Всплыл на приречных бревиах...
— Но я ее любил,
Как сорок тысяч...
— Меньше,
Все ж, чем один любовиик.

На дне она, где ил.
— Но я ее —
(недоуменно)
— любил??

5 июня 1923 г.

Наклон

Материнское — сквозь сон — ухо.
У меня к тебе наклои слуха,
Духа — к страждущему: жжет? да?
У меиз к тебе наклон лба,

Дозирающего вер—ховья.
У меия к тебе иаклон кровн
К сердцу, неба — к островам иег.
У меня к тебе наклон рек,

Век... Беспамятства наклон светлый
К лютне, лестиицы к садам, ветви
Ивовой к убеганью вех...
У меия к тебе наклон *всех*

Звезд к земле (родовая тяга
Звезд к звезде!) — тяготенье стяга
К лаврам выстраданных мо—гил.
У меня к тебе наклон крыл,

Жил... К дуплу тяготенье совье,
Тяга темени к изголовью
Гроба,— годы ведь уснуть тщусь!
У меня к тебе наклон уст

К роднику...

28 июля

* * *

Есть час Души, как час Луны,
Совы — час, мглы — час, тьмы —
час... Час Души — как час струны
Давидовой сквозь сны

Сауловы... В тот час дрожи,
Тщета, румяна смой!
Есть час Души, как час грозы,
Дитя, и час сей — мой.

Час сокровеннейших низов
Грудных.— Плотины спуск!
Всé вещи сорвались с пазов,
Всé сокровенья — с уст!

С глаз — всё завесы! Всé следы —
Вспять! На линейках — нот —
Нет! Час Души, как час Беды,
Дитя, в час сей — бьет.

Беда моя!— Так будешь звать.
Так, лекарским ножом
Истерзанные,— дети — мать
Корят: «Зачем живем?»

А та, ладонями свежа
Горячку: «Надо.— Ляг».
Да, час Души, как час ножа,
Дитя и нож сей — благ.

14 августа

Овраг

1

Дно — оврага.
Ночь — корягой
Шарящая. Встряска хвой.

Клятв — не надо.
Ляг — и лягу.
Ты бродягой стал со мной.

С койки затхлой
Ночь по каплям
Пить — закашляешься. Всласть

Пей! Без пятен —
Мрак! Бесплатен —
Бог: как к пропасти припасть.

(Час — который?)
Ночь — сквозь штору
Знать — немного знать. Узнай

Ночь — как воры,
Ночь — как горы.
(Каждая из нас — Синай

Ночью...)
10 сентября

2

Никогда не узнаешь, что́ жгу, что́ трачу
— Сердец перебой —
На груди твоей нежной, пустой, горячей,
Гордец дорогой.

Никогда не узнаешь, каких не-наших
Бурь — следы сцеловал!
Не гора, не овраг, не стена, не насыпь:
Души перевал.

О, не вслушивайся! Болевого бреда
Ртуть... Ручьёвая речь...
Прав, что слепо берешь. От такой победы
Руки могут — от плеч!

О, не вглядывайся! Под листвой падучей
Сами — листьями мчим!
Прав, что слепо берешь. Это только тучи
Мчат за ливнем косым.

Ляг — и лягу. И благо. О, все на благо!
Как тела на войне —
В лад и в ряд. (Говорят, что на дне оврага,
Может — неба на дне!)

В этом бешеном беге дерев бессонных
Кто-то на́смерть разбит.
Что победа твоя — пораженье *сонмов*,
Знаешь, юный Давид?

11 сентября

Двое

1

Есть рифмы в мире сем:
Разъединишь — и дрогнет.
Гомер, ты был слепцом.
Ночь — на буграх надбровных.

Ночь — твой рапсодов плащ,
Ночь — на очах — завесой.
Разъединил ли б зрящ
Елену с Ахиллесом?

Елена. Ахиллес.
Звук назови созвучней.
Да, хаосу вразрез
Построен на созвучьях

Мир, и разъединен,
Мстит (на согласьях строен!)
Неверностями жен
Мстит — и горящей Троей!

Рапсод, ты был слепцом:
Клад рассорил, как рухлядь.
Есть рифмы — в мире *том*
Подобранные. Рухнет

Сей — разведешь. Чтó нужд
В рифме? Елена, старься!
...Ахеи лучший муж!
Сладостнейшая Спарты!

Лишь шорохом древес
Миртовых, сном кифары:
«Елена: Ахиллес:
Разрозненная пара».

30 июня 1924 г.

2

Не суждено, чтобы сильный с сильным
Соединились бы в мире сем.
Так разминулись Зигфрид с Брунгильдой,
Брачное дело решив мечом.

В братственной ненависти союзной
— Буйволами!— на скалу — скала.
С брачного ложа ушел, неузнан,
И неопознанною — спала.

Порознь!— даже на ложе брачном —
Порознь!— даже сцепясь в кулак —
Порознь!— на языке двузначном —
Поздно и порознь — вот наш брак!

Но и постарше еще обида
Есть: амазонку подмяв, как лев,—
Так разминулися: сын Фетиды
С дщерью Аресовой: Ахиллес

С Пенфезилеей.
О вспомни — снизу
Взгляд ее! сбитого седока
Взгляд! не с Олимпа уже,— из жижи
Взгляд ее — все ж еще свысока!

Что ж из того, что отсель одна в нем
Ревность: женою урвать у тьмы.
Не суждено, чтобы равный — с равным...
. . . .

Так разминовываемся — мы.

3

В мире, где всяк
Сгорблен и взмылен,
Знаю — один
Мне равносилен.

В мире, где столь
Многого хощем,
Знаю — один
Мне равномощен.

В мире, где все —
Плесень и плющ,
Знаю: один
Ты — равносущ

Мне.

3 июля

Остров

Остров есть. Толчком подземным
Выхвачен у Нереид.
Девственник. Еще никем не
Выслежен и не открыт.

Папоротником бьет и в пене
Прячется.— Маршрут? Тариф?
Знаю лишь: еще нигде не
Числится, кроме твоих

Глаз Колумбовых. Две пальмы:
Явственно!— Пропали.— Взмах
Кондора...
(В вагоне спальном
— Полноте!— об островах!)

Час, а может быть — неделя
Плаванья (упрусь — так год!).
Знаю лишь: еще нигде не
Числится, кроме широт

Будущего...

5 июля

Под шалью

Запечатленный, как рот оракула —
Рот твой, гадавший многим.
Женщина, что́ от дозору спрятала
Меж языком и нёбом?

Уж не глазами, а в вечность дырами
Очи, котлом ведерным!
Женщина, яму какую вырыла
И заложила дерном?

Располагающий ста кумирнями
Идол — не столь заносчив.
Женщина, что́ у пожара вырвала
Нег и страстей двунощных?

Женщина, в тайнах, как в шалях, ширишься,
В шалях, как в тайнах, длишься.
Отъединенная — как счастливица
Ель на вершине мглистой.

Точно усопшую вопрошаю,
Душу, к корням пригнувшую...
Женщина, что́ у тебя под шалью?
— Будущее!

3 ноября

* * *

Та́к — только Елена глядит над кровлями
Троянскими! В столбняке зрачков
Четыре провинции обескровлено
И обезнадежено сто веков.

Та́к — только Елена над брачной бойнею,
В сознании: наготой моей
Четыре Аравии обеззноено
И обезжемчужено пять морей.

Та́к только Елена — не жди заломленных
Рук!— диву дается на этот рой
Престолонаследников обездомленных
И родоначальников, мча́щих в бой.

Та́к только Елена — не жди взывания
Уст! — дниву дается на этот ров
Престолонаследниками заваленный:
На обессыновленность ста родов.

Но нет, не Елена! Не та двубрачная
Грабительница, моровой сквозняк.
Какая сокровищница растрачена
Тобою, что в очи нам смотришь — та́к,

Как даже Елене за красным ужином
В глаза не дерзалось своим рабам:
Богам. — «Чужеземкою обезмуженный
Край! Все еще гусеницей — к ногам!»

11 ноября

* * *

Рас—стояние: версты, мили...
Нас рас—ставили, рас—садили,
Чтобы тихо себя вели
По двум разным концам земли.

Рас—стояние: версты, дали...
Нас расклеили, распаяли,
В две руки развели, распяв,
И не знали, что это — сплав

Вдохновений и сухожилий...
Не рассо́рили — рассори́ли,
Расслоили...
Стена да ров.
Расселили нас, как орлов-

Заговорщиков: версты, дали...
Не расстроили — растеряли.
По трущобам земных широт
Рассовали нас, как сирот.

Который уж, ну который — март?!
Разбили нас — как колоду карт!

24 марта

* * *

Русской ржи от меня поклон,
Ниве, где баба за́стится.
Друг! Дожди за моим окном,
Беды и блажи на́ сердце...

Ты, в погудке дождей и бед
То ж, что Гомер — в гекзаметре,
Дай мне руку — на весь тот свет!
Здесь — мои обе заняты.

Прага, 7 мая 1925

* * *

Лес! Сплошная маслобойня
Света: быстрое, рябое,
Бьющееся без забрал...
Погляди, как в час прибоя
Лес играет сам с собою!
— Так и ты со мной играл.

Весна 1928

Разговор с гением

Глыбами — лбу
Лавры похвал.
«Петь не могу!»
— «Будешь!»— «Пропал.

(На толокно
Переводи!)
Как молоко —
Звук из груди.

Пусто. Сухá.
В полную веснь —
Чувство сука».
— «Старая песнь!

Брось, не морочь!»
— «Лучше мне впредь —
Камень толочь!»
— «Тут-то и петь!»

— «Чтó я, снегирь,
Чтоб день-деньской
Петь?»
— «Не моги,
Пташка, а пой!

Нáзло врагу!»
— «Коли двух строк
Свесть не могу?»
— «Кто когда — *мог*?!»

— «Пытка!»— «Терпи!»
«Скошенный луг —
Глотка!»— «Хрипи:
Тоже ведь — звук!»

— «Львов, а не жен
Дело».— «*Детей:*
Распотрошен —
Пел же — Орфей!»

— «Так и в гробу?»
— «И под доской».
— «*Петь* не могу!»
— «*Это* воспой!»

Медон, 4 июня 1928

Лучина

До Эйфелевой — рукою
Подать! Подавай н лезь.
Но каждый из нас — такое
Зрел, зрнт, говорю, н днесь,

Что скушным н некраснвым
Нам кажется ваш Париж.
«Россия моя, Россия.
Зачем так ярко горишь?»

Июнь 1931

* * *

Нет, бнл барабан перед смутным полком,
Когда мы вождя хоронили:
То зубы царёвы над мертвым певцом
Почетную дробь выводилн.

Такой уж почет, что ближайшим друзьям —
Нет места. В изглавьи, в изножьи,
И справа, и слева — ручищи по швам —
Жандармские груди и рожи.

Не диво ли — н на тишайшем из лож
Пребыть поднадзорным мальчишкой?
На что-то, на что-то, на что-то похож
Почет сей, почетно — да слишком!

Гляди, мол, страна, как, молве вопреки,
Монарх о поэте печется!
Почетно — почетно — почетно — архи-
Почетно,— почетно — до черту!

Кого ж это так — точно воры вора́
Пристреленного — выносили?
Изменника? Нет. С проходного двора —
Умнейшего мужа России.

Медон, 19 июля 1931

Ода пешему ходу

1

В век сплошных скоропадских,
Роковых скоростей —
Слава стойкому братству
Пешехожих ступней!

Все́утёсно, все́рощно,
Прямиком, без дорог,
Обивающих мощно
Лншь природы — порог,

Дерзко попранный веком.
(В век турбин и динам
Только жить, что калекам!)
...Но и мстящей же вам

За рекламные клейма
На вскормившую грудь.
— Нет, безногое племя,
Даль — ногами добудь!

Слава толстым подметкам,
Сапогам на гвоздях,
Ходокам, скороходкам —
Божествам в сапогах!

Если есть в мире — ода
Богу сил, богу гор —
Это взгляд пешехода
На застрявший мотор.

Сей ухмыл в пол-аршина,
Просто — шире лица:
Пешехода на шину
Взгляд — что лопается!

Поглядите на чванством
Распираемый торс!
Паразиты пространства,
Алкоголики верст —

Что сквозь пыльную тучу
Рукоплещущих толп
Расшибаются.
— Случай?
— Дури собственной — столб.

2

Вот он, грузов наспинных
Бич, мечтателей меч!
Красоту — как насильник
С ног сшибающий: лечь!

Не ответит и ляжет —
Как могила — как пласт,—
Но лица не покажет
И души не отдаст...

Ничего не отдаст вам
Ни апрель, ни июль,—
О безглазый, очкастый
Лакированный нуль!

Между Зюдом и Нордом —
Поставщик суеты!
Ваши форды (рекорды
Быстроты: пустоты),

Ваши рольсы н ройсы —
Змея ветхая лесть!
Сыне! Господа бойся,
Ногн давшего — бресть.

Драгоценные куклы
С Оперá н Мадлэн,
Вам бы тнхие туфлн
Мертвецовы — взамен

Лакированных лодок.
О, холодная ложь
Маиекенных колодок,
Неступнвшнх подошв!

Слава Господу в небе —
Богу снл, Богу цартв —
За граннт н за щебень,
И за шпат н за кварц.

Чнстоганную сдачу
Под копытом — кремня...
И за то, что — *ходячим*
Чудом — создал меия!

3

Дармоедством пресытясь,
С шины — спешнтся внук.
Пешеходы! Держнтесь —
Ног, как праотцы — рук.

Где предел для резнны —
Там простор для ногн.
Не хватает бензииу?
Вздоху — хватнт в грудн!

Как поток жаждет прага,
Так восторг жаждет — трат.
Ннчему, кроме шага,
Не учнте ребят!

По ручьям, по моренам,
Дальше — нет! дальше — стой!
Чтобы Альпы —коленом
Знал, саваны — ступней.

Я костьмн, другн, лягу —
За *раскрытие* школ!
Чтоб от первого шага
До последнего — шел

Внук мой! отпрыск мой! мускул,
Посрамивший Аид!
Чтобы в царстве моллюсков —
На свонх на двонх!

Медон, 26 августа 1931 — 30 марта 1933

Стол

1

Мой письменный верный стол!
Спасибо за то, что шел
Со мною по всем путям.
Меня охранял — как шрам.

Мой письменный вьючный мул!
Спасибо, что ног не гнул
Под ношей, поклажу грез -
Спасибо — что нес и нес.

Строжайшее из зерцал!
Спасибо за то, что стал
(Соблазнам мирским порог)
Всем радостям поперек,

Всем низостям — наотрез!
Дубовый противовес
Льву ненависти, слону
Обиды — всему, всему.

Мой за́живо смертный тёс!
Спасибо, что рос и рос
Со мною, по мере дел
Настольных — большал, ширел,

Так ширился, до широт —
Таких, что, раскрывши рот,
Схватясь за столовый кант...
— Меня заливал, как штранд!

К себе пригвоздив чуть свет —
Спасибо за то, что — вслед
Срывался! На всех путях
Меня настигал, как шах —

Беглянку.
— Назад, на стул!
Спасибо за то, что блюл
И гнул. У невечных благ
Меня отбивал — как маг —

Сомнамбулу.
Битв рубцы,
Стол, выстроивший в столбцы
Горящие: жил багрец!
Деяний моих столбец!

Столп столпника, уст затвор —
Ты был мне престол, простор —
Тем был мне, что морю толп
Еврейских — горящий столп!

Так будь же благословен —
Лбом, ло́ктем, узлом колеи
Испытаииый,— как пила
В грудь въевшийся — край стола!

Июль 1933

2

Тридцатая годовщина
Союза — верией любви.
Я знаю твои морщииы,
Как зиаешь и ты — мои,

Которых — ие ты ли — автор?
Съедавший за дестью десть,
Учивший, что иету — завтра,
Что только сегодия — есть.

И деиьги, и письма с почты —
Стол — сбрасывавший — в поток!
Твердивший, что каждой строчки
Сегодня — последиий срок.

Грозивший, что счетом ложек
Создателю не воздашь,
Что завтра меия положат —
Дури́щу — да на тебя ж!

* * *

Тоска по родине! Давно
Разоблачеииая морока!
Мне совершеино все равио —
Где совершеино одинокой

Быть, по каким камням домой
Брести с кошелкою базарной
В дом, и ие знающий, что — мой,
Как госпиталь или казарма.

Мие все равио, каких среди
Лиц — ощетиииваться плениым
Львом, из какой людской среды
Быть вытеснениой — иепремеиио —

В себя, в едииоличье чувств.
Камчатским медведём без льдииы
Где ие ужиться (и не тщусь!),
Где уиижаться — мие едиио.

Не обольщусь и языком
Родным, его призывом млечиым.
Мне безразлично — на каком
Непонимаемой быть встречным!

(Читателем, газетиых тоии
Глотателем, доильцем сплетен...)
Двадцатого столетья — он,
А я — до всякого столетья!

Остолбеневши, как бревно,
Оставшееся от аллеи,
Мне все́ — равны, мне всё — равно,
И, может быть, всего равнее —

Роднее бывшее — всего.
Все признаки с меня, все меты,
Все даты — как рукой сняло:
Душа, родившаяся — где-то.

Та́к край меня не уберег
Мой, что и самый зоркий сыщик
Вдоль всей души, всей — поперек!
Родимого пятна *не* сыщет!

Всяк дом мне чужд, всяк храм мне пуст,
И все — равно, и все — едино.
Но если по дороге — куст
Встает, особенно рябина...

Май 1934

Бузина

Бузина цельный сад залила!
Бузина зелена, зелена!
Зеленее, чем плесень на чане,
Зелена — значит, лето в начале!
Синева — до скончания дней!
Бузина моих глаз зеленей!

А потом — через ночь — костром
Ростопчинским!— в очах красно
От бузинной пузырчатой трели.
Красней кори на собственном теле
По всем порам твоим, лазорь,
Рассыпающаяся корь

Бузины...
                Не звени! Не звени!
Что за краски разведены
В мелкой ягоде, слаще яда!
Кумача, сургуча и ада —
Смесь, коралловых мелких бус —
Блеск, запекшейся крови — вкус!

Бузина казнена, казнена!
Бузина — цельный сад залила
Кровью юных и кровью чистых,
Кровью веточек огнекистых —
Веселейшей из всех кровей:
Кровью сердца — твоей, моей...

А потом — водопад зерна,
А потом — бузина черна,
С чем-то сливовым, с чем-то липким.

Над калнткой, стоиавшей скрнпкой
Возле дома, который пуст,—
Одииокий бузииный куст.

Новоселы моей страны!
Из-за ягоды бузины,
Детской жажды моей багровой,
Из-за древа и из-за слова:
Бузина (по сей день — иочьми...),
Яда — всосаииого очьми...

11 сентября 1931—21 мая 1935

Читатели газет

Ползет подземный змей,
Ползет, везет людей.
И каждый — со своей
Газетой (со своей
Экземой!) Жвачиый тик,
Газетный костоед.
Жеватели мастик,
Читатели газет.

Кто — чтец? Старик? Атлет?
Солдат?— Ни чёрт, ии лиц,
Ни лет. Скелет — раз иет
Лица: газетиый лист!
Которым — весь Париж
С лба до пупа одет.
Брось, девушка!
— Родишь —
Читателя газет.

Кача — «жнвет с сестрой» —
ются — «убил отца!»—
Качаются — тщетой
Накачиваются.

Чтó для таких господ —
Закат или рассвет?
Глотатели пустот,
Читатели газет!

Газет — читай: клевет,
Газет — читай: растрат.
Что нн столбец — навет,
Что ни абзац — отврат...

О, с чем иа Страшный суд
Предстаиете: на свет!
Хвататели минут,
Читатели газет!

— Пошел! Пропал! Исчез!
Стар материнский страх.
Мать! Гуттеибергов *пре*сс
Страшней, чем Шварцев *прах!*

Уж лучше на погост,—
Чем в гнойный лазарет
Чесателей корост,
Читателей газет!

Кто наших сыновей
Гниет во цвете лет?
Смесители кровéй,
Писатели газет!

Вот, други,— и куда
Сильней, чем в сих строках!—
Чтó думаю, когда
С рукописью в руках

Стою перед лицом
— Пустее места — нет!—
Так значит — *нелицом*
Редактора газет-

ной нечисти.

Ванв, 1—15 ноября 1935

* * *

Обнимаю тебя кругозором
Гор, гранитной короною скал.
(Занимаю тебя разговором —
Чтобы легче дышал, крепче спал.)

Феодального замка боками,
Меховыми руками плюща —
Знаешь — плющ, обнимающий камень
В сто четыре руки и ручья?

(Но не жимолость я — и не плющ я!
Даже ты, что руки мне нужней,—
Не расплющен — а вольноотпущен
На все стороны мысли моей!)

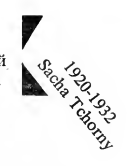
Кругом клумбы и кругом колодца,
(Куда камень придет — седым!)
Круговою порукой сиротства —
Одиночеством круглым моим:

(Так вплелась в мои русые пряди
Н е о д н а серебристая прядь!)
И рекой, разошедшейся на две —
Чтобы остров создать — и обнять.

Всей Савойей и всем Пьемонтом,
И — немножко хребет надломя —
Обнимаю тебя горизонтом
Голубым — и руками двумя!

St. Pierre de Roumilly
21—24 августа 1936

А. Черный
1880-1932



Весна в Шарлоттенбурге

Цветет миидаль вдоль камеииых оград.
Вишиевый цвет вздымается к балкоиу.
Трамваи быстрые грохочут и гремят,
И облачиый фрегат плывет по иебосклону,
И каждый луч, как алая струиа.
Весна!
Цветы в петлицах, в окиах, иа углах,
Собаки рвут из рук докучиые цепочки.
А дикий виноград, томясь в тугих узлах,
До труб разбросил клейкие листочки,—
И молодеет старая стеиа.
Весиа!
Играют девочки. Веселый детский альт
Смеется и звеиит без передышки,
Наполиив скрежетом иаглаженный асфальт,
На роликах иесутся вдаль мальчишки,
И воробьи дерутся у окиа.
Весиа!
В витриие греется, раскииув лапы, фокс.
Свистит маляр. Несут кули в ворота.
Косматые слоны везут в телегах кокс.
Кипит спокойиая и бодрая работа...
И скорбь растет, как темиая волиа.
Весиа?

Русская лавочка

В бочоике селедки
Уютиыми дремлют рядами...
Изыскаиио-кроткий
Приказчик склоияется к даме:
«Угодио-с икорки?
Балык первоклассиый из Риги...»
Кот Васька с конторки
Лениво глазеет на фиги.
Под штофом с полыиио̆й
Тараиь аромат излучает.
Ужель за витриио̆й

Парижская площадь сияет?
Так странно в Париже
Стоять над кадушкой с морошкой
И в розовой жиже
Болтать деревянною ложкой...
А рядом полковник
Блаженно припал к кулебяке,—
Глаза как крыжовник,
Раскинулись веером баки...
Холм яблок на стойке
Круглится румяною митрой,
Вдоль полки настойки
Играют российской палитрой.
Пар ходит, как в бане,
Дух воблы все гуще и слаще.
Над дверью в тумане
Звенит колокольчик все чаще.

1931

У окна

Грохочет мартовский ветер,
И солнце — бронзовый шар —
Зажгло в облезлых платанах
Холодный бенгальский пожар.

А мимо окна несется
Поток фигурок смешных:
Собачки в пестрых попонках
И люди в кашне шерстяных.

Душевным насморком болен,
Смотрю на четыре стены,
Но моль над чернильницей вьется
В предчувствии синей весны...

И даже паук проснулся,
Качает липкую нить...
А мне, вот, одно осталось:
Пить чай и жадно курить.

Под дверью письмо зашуршало,
Друг шлет средиземный привет.
«На юге по всем долинам
Миндальный раскрылся цвет»...

Миндальный? Пускай миндальный.
Дойдет и до нас черед...
Уже на всех прейскурантах
Черешня в Париже цветет.

Опять облака над бульваром
Всплывут, как стан медуз...
И с полки снимаю я глобус,
Земной разноцветный арбуз.

И вот — исчезают обои,
Белеет маяк над скалой,
Шипят веселые волны,
И палуба дышит смолой...

Ну, что ж... Апрель у порога.
А пристань у нас на углу:
За франк с полтиной по Сене
Проедусь с собакой в Сен-Клу.

1931

Почтальон

Поет гудок. Сбегаю вниз.
Камыш качает гривой...
Усатый, старый почтальон
Ждет молча под оливой.

Велосипед лежит в траве.
Старик порылся в сумке.
Нос в сизых жилках. Щеки — мак...
Кто здесь считает рюмки?

Письмо — журнал — газета. Все.
Кивнул мне добродушно,
И вот опять стальной рысак
Понесся вдаль послушно...

Мелькнуло кэпи за бугром...
Качается, как утка,
Спина все ниже над рулем —
Подъем в мистраль не шутка.

Когда б над старой головой
Зажегся нимб священный,
Не удивился б я ничуть,
Мой почтальон почтенный.

От фермы к ферме в дождь и зной,
Все адресаты — братья,
А в прошлом — огненный Верден,
Солдатское распятье...

Кому в эмиграции жить хорошо

(Главы из поэмы)

I

Однажды в мглу осеннюю,
Когда в Париже вывески
Грохочут на ветру,
Когда жаровни круглые
На перекрестках сумрачных
Чадят-дымят каштанами,
Алея сквозь глазки,—

В кавказском ресторанчике
«Царь-Пушка» по прозванию
Сошлись за круглым столиком
Чернильные закройщики —
Три журналиста старые —
Козлов, Попов и Львов...
И после пятой рюмочки
Рассейско-рижской водочки
Вдруг выплыл из угла,—
Из-за карниза хмурого,
Из-под корявой вешалки,
Из сумеречной мглы —
На новый лад построенный
Взъерошенный, непрошеный
Некрасовский вопрос:
Кому-де в эмиграции
В цыганской пестрой нации
Живется хорошо?
Козлов сказал: «Наборщику»,
Попов решил: «Конторщику»,
А Львов, икнувши в бороду,
Отрезал: «Ни-ко-му».
Опять прошлись по рюмочке
И осадили килькою,
Эстонской острой рыбкою,
Пшеничный полугар.
Козлов, катая шарики
Из мякиша парижского,
Вздохнул и проронил:
«А все-таки, друзья мои,
Ужели в эмиграции
Не сможем мы найти
Не то чтобы счастливого,
Но бодрого и цепкого
Живого земляка?
На то мы и газетчики,—
Давайте-ка прощупаем
Все пульсы, так сказать...
Пойдем в часы свободные
По шпалам по некрасовским,
По внепартийной линии,
По рельсам бытовым...»
Попов, без темперамента,
Как вобла хладнокровная,
Взглянул на потолок:
«Ну, что ж, давай прощупаем.
С анкетами-расспросами
Мы ходим к знаменитостям
Всех цехов и сортов;
К махровым кино-барыням,
К ученым и растратчикам,
К писателям, издателям,
К боксерам и раджам.
Пожалуй, дело ладное,
По кругу эмигрантскому
Пройтись с карандашом...»

А Львов пессимистически
Потыкал в кильку спичкою,
Очки прочистил замшею
И наконец изрек:
«Искать Жар-Птицу в погребе
Занятие бесплодное,—
Но что же, за компанию
Пойду и я на лов...»
Козлов мигнул хозяину —
Сейчас, мол, кончим, батенька.
Уж полоса железная
До половины с грохотом
Спустилася на дверь...
«С кого начнем, приятели?» —
Спросил Козлов задумчиво.—
«С наборщика, с конторщика,
Пожалуй, не модель?»
«Давайте, други милые,
Начнем хоть с маляров.
Профессия свободная,
Веселая, доходная...» —
Промолвил Львов с усмешкою,
И зонтик свой встряхнул.
Пошли ночною улицей,
Сутулые и хмурые,
И молча распрощалися
У бара на углу...

III

К почтенной русской пифии
Варваре Теософченко,
Как ситцем на прилавочке,
Торгующей судьбой,—
Ввалились ранним утречком
Три пациента странные:
Какой они профессии,
Какого рода-звания,
Сам бес не разберет...
Как тыква перезрелая,
К ним подкатила радостно
Орловской корпуленции
Сырая госпожа.
«Прошу. Озябли, голуби?
Кто первый — в ту каморочку,
А вы вот здесь покудова
Приткнитесь на диванчике,—
Газетки на столе...»
Но Львов сказал решительно:
«Мы все втроем, сударыня,—
А за сеанс мы вскладчину
По таксе вам внесем».—
«Втроем? Да как же, батюшка,
Судьба у всех, чай, разная?
Как сразу трем гадать?»
Но даму успокоили:
«Мы, милая, писатели,

Мы сами предсказатели,
Поди, не хуже вас...
А вы уж нам по совести
Свою судьбу счастливую
Раскройте поскорей...
Ведь вы, как доктор, матушка,
Ведь к вам все ущемленные
Приходят за рецептами,
А сам-то доктор, думаем,
Ведь должен быть здоров?..»

* * *

Насупилась красавица,
С досадой прочь отбросила
Колоду карт набухшую
И тихо говорит:
«Глумитесь, что ли, соколы?
Да нет, глаза-то добрые,
Участливые, русские
У всех у трех глаза...
Не с радости гадаю я,
А сами понимаете,
И заяц станет знахарем,
Коль нечего жевать...
Не жалуюсь, голубчики,
Клевала я по зернышку
И утешала каждого
Широкою рукой.
Кабы судьба треклятая
Хоть хвостик бы оставила
От всей моей от щедрости,—
Ни одного несчастного
Средь нас бы не нашлось...
Эх, сколько горя горького,
Бескрайнего, бездонного
В каморку эту тесную
Текло, лилось рекой!
Ведь я же тоже, милые,
Не истукан бесчувственный,
Не янычар с кинжалищем,
А русский человек.
Да вот теперь и тюкнуло:
Клиенты все посхлынули...
Поди, не верят более
Ни картам, ни судьбе.
Да и с деньгами, яхонты,
Все нынче подтянулися:
Уж лучше съесть две порции
Монмартрского борща,
Чем зря с судьбой заигрывать,—
Доить ежа в мешке...
Вот и сижу счастливая,—
Вяжу жилеты теплые
Да по домам окраинным
Знакомым разношу...
Коли у вас в редакции

Кому-нибудь понадоблюсь,—
Свяжу в кредит, родимые,
Хоть тридцать лет носи!..»

* * *

Приятели почтительно
Гадалке поклонилися,
Сверх таксы расплатилися,
Вздохнули и ушли.

IV

Час от Парижа — много ли?
Но тишь в полях безмерная,
Вокруг усадьбы крохотной
Крутым кольцом стена.
Каштаны оголенные
Мотаются-качаются,
Луна, бельмо печальное,
Над кровлей ворожит...
А из окна вдоль дворика
Желтеет свет полоскою.
Тепло в столовой низенькой...
Хрипят-стучат часы.
Приятели-анкетчики
Пьют чай с вареньем яблочным
У круглого стола
И слушают задумчиво,
Как голосит комариком
Пузатый самовар.
Их добрая знакомая,
Дородная хозяюшка
Агафья Тимофеевна,
Шестое выдув блюдечко,
Ладонью губки вытерла
И начала доклад:
«Что вам сказать, затейщики?
Живу-дышу, не жалуюсь,
Мои испанки-курочки,
Могу сказать, не хвастаясь,
Известны всем вокруг.
Пером, как уголь, черные,
Дородны, как боярыни,
Штаны на ножках — с муфтою,—
Не куры, а орлы...
И яйца, что гусиные,—
Чуть наберу лукошечко —
Не донесешь до станции,
С руками оторвут.
Но, как раба последняя,
Весь день-деньской я в хлопотах,—
С зари помет выскребывай,
Курятник подметай,
Да тачку при из лавочки
С пшеном иль с кукурузою,—
Едят мои испаночки,
Как батальон солдат...

Все, почитай, что выручу,
Оии же сами слопают,
А я с моей племяииицей
Остаточки жую.
Ни имеиии, ни праздииков,
Среда ли, воскресеиие,
Одиим лишь руки заияты,
Одиим башка затуркаиа:
Корми, лечи и чисть.
А летом... сверх пропорции
Другие удовольствия,—
То вдруг подроют сеточку,
Здоровые ведь, бестии!—
И шасть к соседу в сад...
Летишь, скликаешь, мечешься.
За все, что смято-склеваио,
Свои яички кровные
Неси соседу в даиь...
А ястребы? А коршуиы?
А крысы с ближией мельиицы?
Повадились, проклятые,
Прорыли ход под сеткою
И задушили, аспиды,
Четыриадцать цыплят...»

* * *

Агафья Тимофеевиа
Седьмое блюдце иалила,
Подула и отставила
И кротко говорит:
«В усадьбе этой, милые,
Коиечио, есть счастливые,
Да только уж ие я...»—
«А кто?»— привстав иад креслицем,
Спросил Козлов стремительио.
«Да, куры, куры, батюшка!
Живут в тепле и в сытости,
Без горя и забот...
Не я ль при иих подеищица?
Не я ль за иих уборщица?
А им, вальяжиым барыиям,
Всего лишь и хлопот —
Зиай с петухом амуриичай,
Да яйца от безделия
По всем углам иеси...»

* * *

Три друга рассмеялися,
И в старом самоварчике
Три рожи добродушиые
Широко расплылись.

V

Козлов сидел с коллегами
У милой Веры Павловиы,
У тетушки своей,

И слушал, как расписывал
Приехавший из Африки
Российский эскулап
Житье свое гвинейское,
Похожее на взмылеииый,
Беигальско-экзотический,
Благополучный фильм.
«Да-с... Земство наше чериое,
Дремучее, простороое,
Не то что здешний быт.
Я тачку эмигрантскую
В Европе бросил к лешему,—
В просторах вольиой Африки
Врач — первый человек...
Как шаха, на носилочках,
Внесут в село гвинейское,
Навстречу населеиие
Гремит в жестянки ржавые,
Трясет задами в ракушках —
Приветствует врача...
Вождь лучшую мне хижииу
Отводит средь селения,
Подносит в дар мне идола
С огромнейшим пупком,
«Бой» тащит фрукты, курочку
И столик раскладиой...
Поешь, покуришь вволюшку,
Страж в очередь покорную
Для оспопрививания
Сгоияет весь иарод.
Мой фельдшер — вакса черная,
Как колдуну заправскому,
Подиосит мне почтительио
Всю огиеииую сиасть...
Объедешь всю епархию,
В поселок свой воротишься,—
Ложись в гамак под пальмою
И виски дуй со льдом.
То в шахматы с учителем
Под баобабом срежешься,
То в теинис перекинешься
От скуки сам с собой...
Иль на охоту с неграми
В иочную пору тронешься,—
Осветят глушь прожектором,
Пали в любые встречные
Горящие глаза.
Домой придешь с трофеями:
Пантера, рысь ушастая...
И камушком завалишься
Под полог на кровать.
А утром, после душика,
Закажешь завтрак повару,
Для аппетита сделаешь
Турнэ велосипедное,—
Удав-подлец с тропииочки

Прочь в заросли ползет,
В ветвях мартышки щелкают,
Да бабочки гигантские
Трепещут над рулем...
Вернешься свежий, встрепанный,
Пойдешь в амбулаторию:
Волчанки, грыжи, зобики,
Слоновая болезнь...»

* * *

«Не служба, а варение.
Так, стало быть, вы счастливы?»—
Спросила Вера Павловна,
Козлову подмигнув.
Врач ухнул рому в чашечку
И стрелку перевел:
«Как вам сказать, сударыня...
В подводном царстве сказочном
Был счастлив ли Садко?
Без русского без берега
Какое, к черту, счастие!
Все дальше он, все мглистее,—
О чем тут говорить...
Как сыч в лесу таинственном,
Один я там торчу,—
При всем благополучии,
За два-три года в Африке
Лишь раз от попугая я
Добился русских слов...»
Врач посмотрел на чашечку
И, морщась, выдул ром.

VIII

Портной Арон Давыдович
Сидел за голой стойкою
И мял в руках задумчиво
Потертые штаны...
То вскинет их скептически,
На свет посмотрит, сморщится,
То с миной безнадежности
Двумя худыми пальцами
Откинет вверх очки...
Вдруг колокольчик бронзовый
Визгливо-истерически
Над дверью зазвенел.
Со сверточком под мышкою
В салончик тускло-кремовый
Приплелся из редакции
Клиент знакомый Львов.
Принес пальто в починочку,—
Подкладка сбоку лопнула:
Она ведь не двужильная,
Не век ей шов держать...
«Ну, как вы поживаете?»—
Спросил усталым голосом,
Усевшись, журналист.

* * *

«Такое поживание,—
Сказал Арон Давыдович,
Встряхнув пальтишко старое,—
Что лучше и не жить...
Где эти сумасшедшие,
Что из моей материи
По мерке платье новое
Заказывали мне?
За месяц хоть бы кто-нибудь
Хоть самые паршивые
Дешевые-триковые
Мне брюки б заказал!
Шью двадцать лет как каторжный,
Имею вкус и линию
И вдруг теперь починщиком
Из первых скрипок стал...
Как до войны в Житомире,
В Париже,— понимаете!—
Одними переделками
Оправдываю хлеб...
Двух мастеров,— подумайте,
Не мастера, а золото,—
Пришлось с сердечным скрежетом
Во вторник рассчитать...
Что ж это за история?
Где франты? Где все модники?
Куда девать материю?
Портной я или нет?
Вы там в газетах пишете
Про кризисы, про мизисы,—
Читал и перечитывал,
Аж вспухла голова!
Америка в истерике,
Германия и Англия
Донашивают старое
И штопают бюджет...
Где главные закройщики?
И в чем подкладка кризиса?
Как по фасону новому
Перекроить все старое?
Весь мир трещит по швам!»

* * *

«Вот вам для иллюстрации:
Студент мне брюки старые
Принес перевернуть,—
Какой-то добрый родственник
С попутчиком из Латвии
Прислал ему в презент.
Материя английская,—
Пускай доносит юноша,
Студент ведь не маркиз...
Ушел. Я брюки вывернул,
Взглянул на свет внимательно:

Уже перелицоваио!
Хорошенькая жизнь...»

* * *

Скрестил Арон Давыдович
Худые пальцы медленно
И вкось на Львова хмурого
Взгляиул из-под очков.

X

В редакцию за справкамн
Пришла душа потертая:
Субъект с глазами горлинки,
С бородкой русым штопором,
С продрогшим красиым носиком —
Смесь институтки с Гаршиным,
На каблуках расплюснутых,
В брезентовом пальто...
Стал в очередь в простеночке
И иа пустую вешалку
Лирически-стоически
Уставился, как карп.

* * *

«Вот кандидат в счастливые,—
Шепнул Попов приятелям.—
Давайте побеседуем
С им где-нибудь в чуланчике —
Ведь все-таки — улов...»—
«А чем он занимается?»—
Спросил Козлов скептически.
«Изобретатель, душечка,—
А проще — птица Божия,
Попавшая в силки...»

* * *

Под кипами газетными,
Торчащими вдоль полочек
От пят до потолка,
Присела личность кроткая,
Потерла руки потные
И иачала доклад:
«Второй уж год слоняюсь я
По разным учреждениям,
А толку ни на грош...
Идея очеиь ясиая:
Все люди злятся, бесятся,
Волнуются, кипят...
Мужья и жены ссорятся,
Юристы и политики,
Поэты и любовники
Бурлят чрезмерным пафосом,—
И так до бескоиечности
Везде — в любой страие...
Пять лет вертел мозгами я,
Как для людей использовать

Избыток сей энергии?
И, наконец — нашел!
Прибор мой магнетический
В любой квартире, комнате,
Любой избыток страстности,—
Любви ли, споров, ревности,—
Вмиг переводит полностью
В полезную энергию,
В комплекс рабочих сил...
Мой аппарат поставивши,
Теперь семейство каждое
Себя своими силами
Вполне экономически
Сумеет вентилировать,
Согреть и отопить...»

* * *

«Идея гениальная!»—
Сказал Козлов опасливо,
Свой табурет расшатанный
Отодвигая вбок.
«А сколько ж средств вам надобно,
Чтоб ваше изобретенье
Пустить скорее в ход?»
Изобретатель встрепанный
Взглянул глазами горлинки
На мутное окно:
«С рекламой и конторою —
Три миллиона с четвертью,
Уж все пути намечены,—
Ведь пустяки же, в сущности,—
Да кризис помешал...»
И, гордо носик вскинувши,
Он вышел в коридор.

* * *

К Попову наклонившися,
Львов проронил медлительно:
«Ваш кандидат в счастливые,
Пожалуй, не того-с...
Его бы в санаторию
На девять-десять месяцев,
А после подучить.
Тогда б, пожалуй, выдумал
Сей Эдисон стремительный
Какой-нибудь практический
Полезный аппарат,—
Машинку для доенния
Мышей иль комаров...»

XI

Во сне какая ж логика:
В ночной рубашке вздувшейся
Стоит Козлов и ежится
На крыше за трубой

И слушает звенящие
Ночные голоса...
Блокнот в ладони треплется,
В другой руке качается
Холодное стило.

* * *

«Я, никому не ведомый
Иван Петрович Кругликов,
В глуши Прованса Верхнего
На шахтах алюминьевых,
Пять лет тружусь, как вол...
Пиши меня в счастливые:
Весь день гружу в вагончики
Руду я темно-рыжую,
Как черт, я весь коричневый
От пят до головы...
А вечерами хмурыми
Я борщ в бараке стряпаю
И на леса угрюмые,
Закатом окаймленные,
Смотрю в окно, как сыч.
Пиши-пиши, записывай,
Газетная душа»...

* * *

«Алло! А я под Ниццею
Ночным слоняюсь сторожем...
Днем сплю в своей каморочке:
Как каменный,— без снов.
Ночами охраняю я
Пустые виллы мертвые...
Присяду под террасою,—
Мимозы вьются-треплются,
Грохочут волны дальние...
Ботиками пудовыми
От холода стучу.
Ох, думы, думы темные,
Как море, неуемные,
С заката до зари...
Пиши-пиши, записывай,
Чернильный человек!»

* * *

«А я в Гренобле мыкаюсь,—
Я на цементной фабрике
Заборчики цементные
Прессую третий год...
Я в прошлом был учителем
Орловской прогимназии,—
Кто я теперь, не ведаю,—
Не стоит ворошить...
Душа моя цементная
Оцепенела, съежилась,
Посплю, поем,— на фабрику
И больше ничего.

Пншн меия в счастливые,
Парнжский землячок!»

* * *

«Эй, господин над крышею!—
Чуть слышиый альт надтреснутый
По ветру долетел.—
У берегов Австралин
Уж третьн сутки треплется
Наш старый пароход...
Компання голландская,
Матросы африкаискне,
А я, псаломщнк пензенскнй,
Здесь поваром служу...
Ох, иадоело, мнленькнй!
Хоть сыт, хоть койка мягкая,—
Но стражду, как Иоиа, я
Во чреве у кита...
Нет лн в Парнже, батюшка,
Какой-ннбудь работишки?
Я в русской типографнн
Готов хоть пол местн,
Лишь бы нз брюха тесного,
Железно-нноземного,
К своим опять попасть...»

* * *

Со всех сторон доиосятся
Звенящне, скрнпящие
Ночные голоса...
Козлов, как лось затравленный,
Метнулся вбок, попятнлся...
Влез на трубу стремительно,
Вниз головой просунулся,
Скользнул в нутро мохнатое,
И вот, как полагается
В подобиых сонных случаях,
Проснулся весь в нспарине,
В своей зиакомой комиате
На пятом этаже.

XIII

Для полноты коллекции,
На имя трех прнятелей
Прншло в конверте сереньком
Из Рнма письмецо...
Чернила водянистые,
Расплывчатые, снзые,
Корявый почерк старческнй
Сползал зигзагом вкось,—
Зато по содержанию
Настой полыни бежеиской
Стоградусиою горечью
Дымился иад пнсьмом...

* * *

«Привет вам, люди добрые,
Из города счастливого,
Из Рима горделивого —
Со всех семи холмов!..
Лишь в эту зиму темную
Беда-нужда всесветная
Волною отраженною
Пришла — плеснулась — грохнула
В парижское окно...
Нам это не в диковинку:
Мы в Риме, горсть осевшая,
Ломоть, от всех отрезанный,
Хронические пасынки
Средь эмигрантской братии,—
Давно привыкли к кризису,
Как к старому бельму.
Средь райской декорации,
Средь величавых форумов,
Средн фонтанов плещущих,
Средь пиний мирно дремлющих,
Под солнцем золотым,—
Как домовые тихие,
Мы жмемся, незаметные,
В углах-подвалах пасмурных,
В продрогших чердаках.
На площадях сияющих —
Теплее, чем у нас...
Порою сам не ведаешь,
Как год за годом держишься?
Бюджет — фантасмагория,
Работы — ни на грош.
Ни в гиды, ни в извозчики,
Ни в маляры, ни в плотники,—
Лишь воробьев на форуме
Бесплатно разрешается
Под аркою считать...
Считаешь и завидуешь:
Счастливцы, воробьи!
А ведь недавно, милые,
Чуть-чуть в тарелку капало,—
Для аргентинок пламенных
Я, харьковский нотариус,
Платки великолепные
Билибинскими павами
Цветисто расшивал...
Швейцары при гостиницах,—
Министры по обличию,—
Процент взимали божеский,
Впускали в вестибюль...
Увы, все нынче схлынуло,—
Туристов нет и звания...
В библиотеке Гоголя
Сидишь часами долгими
И смотришь в потолок...
Газетою прикроешься,

Уснешь, как новорожденный,—
Теплынь и тишина.
Во сне ведь я не пасынок:
С друзьями стародавними,
Давно глаза закрывшими,
Беседуешь во сне,
По старому по Харькову
С клиентами знакомыми
Пройдешься при луне.
Не осудите, милые,
Больного старика...»

* * *

Постскриптум: «Драгоценные!
Не нужен ли кому-нибудь
В Париже из писателей
Комплект,— тисненный золотом,—
Романов Боборыкина?
Я дешево продам».

XV

Под Новый год в час утренний
Вонзился в дверь стремительно
Веселый почтальон.
Порылся в сумке кожаной
И Львову полусонному
Поднес с парижской грацией
Письмо «рекомандэ»...

* * *

Перед окном сереющим
Львов сел на кресло дряблое,
Халат свой подобрал
И с полным безразличием —
С иллюзиями детскими
Давно уже покончено!—
Вскрыл мундштуком конверт.
И вдруг оттуда — милые!—
Крутясь, как птичка Божия,
Слетел на коврик стоптанный
Жемчужно-белый чек...
Львов, поднял, охнул,— батюшки!
Берлинское издательство,
Давно уж захиревшее,
Как ландыш без дождя,—
Должно быть, в знак раскаянья
В счет долга застарелого
Прислало чек,— подумайте,—
На тысячу франчков...
С душевным изумлением,
Как пепел, с сердца хмурого
Стряхнувши скептицизм,
Подумал Львов оттаявший:
«О, Дон-Кихот пленительный,
Издатель дорогой!
Пред новогодним праздником

Анахронизмом благостиым
Тургеневскую девушку
В себе ты возродил...
Не слыхано! Не видано!»
Подай сию историю,
Хоть под гарниром святочиым,
Читатель, разумеется,
Подумает: брехня...
Но чек — не привидение,—
И вера в человечество
Проснулась в Львове вновь,
И над камином вспыхнуло
В бенгальском озарении
Волшебное видение:
Коричневое, новое,
Чудесное пальто...

* * *

Но в виде дополнения
Львов из конверта выудил
Такое письмецо:
«Сердечноуважаемый!
Проездом из Швейцарии
Через Париж в Голландию
Жена, как с ней списался я,
На днях вас посетит...
Она в Париже, думаю,
Дня два лишь проболтается,—
Для родственников надобно
Подарки ей купить,—
У вас ведь цены снизились...
Так вот, мой драгоценнейший,
Прошу ей передать...»
Какое продолжение —
Всем ясно и без слов...
Львов, чек свернувши в трубочку,
Промолвил тихо: «Тэк-с».

* * *

Видали вы когда-нибудь,
Любезные читатели,
Как рыболов под ивою
Сидит с постылой удочкой
И час, и два, и три?
Вдруг поплавок коралловый
Качнется, вздрогнет, скроется...
Удилище натянется,
Струной дрожит бечевочка,
Душа звенит, поет...
Видали вы, друзья мои,
Как он добычу к берегу
Рукой подтянет трепетной —
И сильным взмахом вытянет
Из лона светло-синего
Заместо карпа жирного
Размокнувший... башмак?

Няня Пушкина

Подруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя...

Пушкин

Сквозь льдистое оконце
С морозной вышины
Глядит литое донце
Серебряной луны.
По кровле ветер пляшет,
Гудит в ночном саду,
И снег волнистый пашет
На скованном пруду...
Но здесь в углу родимом
Ночной не страшен клик:
Лампада алым дымом
Ласкает темный лик.
Не спится старой няне.
Лежанка, как огонь...
Прошелестели сани,
Зафыркал бодрый конь.
Бревно в углу стрельнуло,
Мороз, что час, лютей,
Кот моется у стула,
Зовет-сулит гостей.
Прислушалась, привстала:
Часов старинных хрип,
И за стеной средь зала
Шагов знакомых скрип.

* * *

Вошла ворчунья в зальце,
Зажав в руке костыль...
Со свечки каплет сальце,
Трещит-чадит фитиль,
Бумага грудой белой
Разрыта на столе,
Лесок оледенелый
Сверкает на стекле.
Над ширмой, как заплата,
Сухой полыни клок.
Цветная кисть халата
Взлетает мерно вбок...
«Опять, неугомонный,
Проходишь до утра,
Как домовой бессонный?
Давно в постель пора!»
Сняла нагар со свечки.
Кот входит важно в зал.
Поэт у жаркой печки
Скрестивши руки стал.
В саду — глухие вскрики
И лунные межи...
«Дай, старая, бруснички,
Да сказку расскажи...»

* * *

На стареньком диване
У мерзлого окна
Дремотный голос нянин,
Как плеск веретена.
В руках мелькают спицы,
Трясется голова
И вьются небылицы —
Волшебные слова:
Про лешего Антипку,
Про батрака Балду,
Про золотую рыбку,
Про кузнеца в аду...
Зарделось в зале лето,
Шумит-шуршит травой.
В простенке тень поэта
С курчавой головой...
А кот все горбит шубу,
Не тот ли это кот,
Что был прикован к дубу
У синих-синих вод?
«Распелась... Вот чечетка!
Смотри, в саду — светло».
И крестит няня кротко
Любимое чело.

* * *

Не спится дряхлой няне.
Все косточки болят...
В оранжевом тумане
Мерцает тихий сад.
Завыли псы. Не волк ли?
В окне сугроб — копной.
Шаги за стенкой смолкли.
«Улегся. Спи, родной...»
За снежным перелеском,—
Не гость ли? Ох, Творец!—
Залился ровным плеском
Веселый бубенец.
Быть может, друг столичный?
Пойти бы на крыльцо...
Беседы, хохот зычный,
Шипучее винцо...
Вот Сашеньке б утеха!
Сидит в снегах, как волк.
Но отзвенело эхо,
И колокольчик смолк.
Пора вставать. Поспала.
В углу белеет печь...
Баранки обещала
Она ему испечь.

Ломоносов отрок

I

Над палубой крутою
Рыбацкой шхуны «Чайка»
Волнистою фатою
Клубятся облака,
И северные волны
Шипят и тускло блещут,
И, расступаясь, плещут
В дубовые бока.

Порою мыс горбатый,
Усеян голышами,
Мелькнет спиной покатой
И пенистой каймой,
Да сосенки на взгорье,
Распластаны на части,
Поклонятся сквозь снасти
И сгинут за кормой.

У мачты мальчик зоркий
Сидит и смотрит в море:
Встают и льются горки
Расплавленным стеклом...
Оне напевом песни,
Согласными рядами,
Плывут, плывут грядами,
Поют морской псалом.

Сквозной игрой лучистой
Заголубела льдина...
Куда стремится льдистый
Сверкающий алтарь?
А под кормой из влаги,
Блеснув спиною гладкой,
Взвилась косою складкой
Неведомая тварь.

Так рано сникло солнце...
И парус вздулся туже.
Мерцают веретеица
Бесчисленных светил.
И мальчик смотрит, смотрит:
Кто мудрый, в сием мраке
Исчислит Божьи знаки,
Их горний путь и пыл?

Встал месяц в дымном свете...
Горит фонарь на баке.
Отец готовит сети,
И рыбаки молчат.
Кто отроку расскажет
О чужеземных странах,
О теплых океанах,
Про звездный вертоград?

В огромном Божьем доме —
Подводные теченья,
Луна в полночной дреме,
Цветенье льдистых глыб...
Там в городах далеких
Есть книги, карты, школы,
А здесь лишь парус голый
Да груды влажных рыб...

II

Игрушка непогоды,
Заплыл фрегат заморский
В неведомые воды,
К холодным берегам.
Вверху — грядою скалы,
Внизу, бедны и грубы,
Поморских хижин срубы,
Да птиц полярных гам.

Юнец со шхуны «Чайка»
Плывет к фрегату в шлюпке,—
У ног седая лайка
Сидит, задравши нос.
По лесенке висячей
Вскарабкался он лихо,
За ним, качаясь тихо,
Пушистый лезет пес.

Матросы гостю рады,
И пес такой забавный...
Точеные наяды
Круглятся на носу.
Веселый рыжий юнга
Взял мальчика за плечи.
Слова нерусской речи
Как щебет птиц в лесу.

Трап вниз и вход, как норка...
Ступеньки, переходы,—
Приплывший в шлюпке зорко
Глядит по сторонам.
А рядом юркий юнга
То вверх, то вниз ныряет,
Смеется, словно лает,
Бьет лапой по штанам.

Средь низкой, темной залы
Забавный гость ни с места,—
Напрасно рыжий малый
Прочь тянет за кафтан...
На гнутой ножке глобус!
На полках книжек горы,
И медные приборы,
И карты звездных стран!..

Но буквы непонятны...
Оне, как клад зарытый,—

Слова — иемые пятиа
На корешках тугих.
В глазах вскипают слезы...
Очнулся отрок русский
И лестницею узкой
Подиялся и притих.

Глухоиемым чурбаиом
Простился с моряками.
На западе багряиом
Суровая печаль.
Скрипят и гнутся весла.
К иогам прижалась лайка,
И с детским плачем чайка
Метнулась к тучам вдаль.

Подмокла соль в лукошке,—
Пускай браият иа шхуие...
Луч в облачиом окошке,
Как смутиый, дальиий зов...
В душе зарделся факел,
И тысячи вопросов
Плывут из-за утесов,
Из-за глухих лесов!

III

Над кровлей вьются хлопья,
Сиега шипят-дымятся,
И весла, словио копья,
Чериеют у стеиы.
С сугробов, с крыш, с заборов
Несется пыль седая
И вьется, оседая
Вдоль Севериой Двииы.

Перед окоицем сиежиым,
В пустой избе мерцая,
Горит тюльпаиом иежиым
Огарок восковой.
Над киигой — тихий отрок...
Бураи стучится в сеии.
По балке ходят теии.
В трубе протяжиый вой.

В иогах медвежья полость...
Весь вечер — без попреков:
Отец уехал в волость,
А мачеха в гостях.
В грамматике славяиской
Перечитал все строчки.
В углу, как гриб иа кочке,
Спит лайка иа сетях.

Треща, погасла свечка.
Влез мальчик иа полати.
Под полостью в колечко

Свернулся, словно кот.
В часы ночного мрака
В душе встает чредою,
Как звезды иад водою,
Зиакомый хоровод:

Чудесиый зал фрегата,—
Приборы, книги, глобус!
Скелет морского ската,
Полярный сиоп огней...
И Сухарева башня
С петровской школой иовой,—
Заезжий гость торговый
Рассказывал о ней.

И в час ночного бдеиья
Срывается молитва:
«Ты, Свет и Утешеиье,
Опора слабых сил!
В меия вдохнул Ты жажду,—
Тебе ль ее отринуть?..
Не дай во мраке сгинуть
И утоли мой пыл...»
Метель поет все тише,
Под полостью так жарко.
В ларе скребутся мыши,
Проснулись петухи.
И в голове бессоииой
Плывут, плывут рядами
Размериыми ладами
Невнятные стихи...

Трески сушеной вязки
Шуршат в сеиях иа стенке.
У проруби салазки
Опять забыл убрать...
«В Москву!»— вздохнула вьюга.
«В Москву!»— шепнули мыши,
И сиежный дед иа крыше
Гудит: «Бежать, бежать...»

КОММЕНТАРИИ

Георгий Викторович Адамович

«БЕЗ ОТДЫХА ДНИ И НЕДЕЛИ...» Печатается по кн.: *Адамович Г.* На Западе. Париж, изд. Дом книги, 1939. «На Западе» — в настоящее время является библиографической редкостью: тираж книги был всего лишь 200 экз. Стихотворение вошло и в сборник Адамовича «Единство». Стихи разных лет. Нью-Йорк, Русская книга, 1967.

«ХОЛОДНО, НИЗКИЕ КРУЧИ...» «На Западе». Ранее — в сборнике «Чистилище» и в журнале «Числа» (1930—1931, № 4).

«КАК ХОЛОДНО В ПОЛЕ, КАК ГОЛО...» «Единство». Ранее — в сборниках Г. Адамовича «Чистилище» и «На Западе».

«НЕТ, ТЫ НЕ ГОВОРИ: ПОЭЗИЯ — МЕЧТА...» «Единство». Ранее — в сборниках «Чистилище» и «На Западе».

«ПО ШИРОКИМ МОСТАМ... НО ВЕДЬ МЫ ВСЕ РАВНО НЕ УСПЕЕМ...» «Единство». Ранее — в сборниках «Чистилище» и «На Западе», а также в антологии Ю. П. Иваска «На Западе» (Нью-Йорк, изд. им. Чехова, 1953).

«ЕЩЕ ПЕРЕМЕНИТСЯ ВСЕ В ЭТОЙ ЖИЗНИ,— О, ДА!..» «На Западе». Впервые — в журнале «Перезвоны» (1926, № 19); затем — в журнале «Новый корабль» (1927, № 2).

«НИ С КЕМ НЕ ГОВОРИ. НЕ ПЕЙ ВИНА...» «Единство». Ранее — в «Современных записках» (1927, № 32), с разночтением во 2-й строке: *Оставь сестру и брата.*

«ТАМ, ГДЕ-НИБУДЬ, КОГДА-НИБУДЬ...» «Единство». Ранее напечатано в «На Западе» (заключительное стихотворение сборника). Посвящено Зинаиде Гиппиус. Еще ранее — в «Современных записках» (1927, № 32) (без посвящения).

«ПОД ВЕТКАМИ СИРЕНИ СГНИВШЕЙ...» Современные записки, 1928. № 35.

«У ДРЕМЛЮЩЕЙ ПА́РКИ В РУКАХ...» «На Западе». *Па́рки* (у римлян), в греческой мифологии мойры — богини судьбы: Клото, Лахесис и Атропос. Мойра Клото прядет нить жизни человека и определяет ее конец.

«ЧТО ТАМ БЫЛО? ШИРЬ ЗАКАТОВ БЛЕКЛЫХ...» «Единство». Ранее — в «Современных записках» (1928, № 37).

«ВСЮ НОЧЬ СЛОВА ПЕРЕБИРАЮ...» «Единство». Ранее — в «Современных записках» (1928, № 35).

«ПАТРОН ЗА СТОЙКОЮ ГЛЯДИТ ПРИВЫЧНО, СОННО...» «Единство». Ранее — в сборнике «На Западе», с разночтениями в 9-й строке: *За непришедшую! И за конец разлуки*; в 11-й строке: *Еще, за ангела... и те другие звуки*; в последней строке: *День начинается в полоске ледяной.* Впервые — в «Современных записках» (1929, № 40) под названием «Рассвет».

«ЗА СЛОВО, ЧТО ПОМНИЛ КОГДА-ТО...» «Единство». Ранее — в «Числах» (1930, № 1).

«О, ЕСЛИ ГДЕ-НИБУДЬ, В СТРУЯЩЕМСЯ ЭФИРЕ...» «На Западе». В «Единстве» — без изменеиий. Впервые — в журнале «Числа» (1930, № 1).

«НУ ВОТ И КОНЧЕНО ТЕПЕРЬ, КОНЕЦ...» «Единство». В сборнике «На Западе» — без разночтений, кроме пунктуации. Рвнее — а «Числах» (1930, № 1).

«НЕВЫНОСИМЫ СТАНОВЯТСЯ СУМЕРКИ...» «На Западе».

«ГРАФ ФОН-ДЕР ПАЛЕН».— РУКИ НА ПЛЕЧАХ...» «На Западе». *Граф фон-дер Пален* — ие вполне ясио, кого из фои-дер Палеиов **имеет** а виду Г. Адвмович: Петра Петровичв (1778—1864) — вдохноаителя заговора протнв Павла I или Петра Алексеевича (1745—1826) — участника заговора протнв Павла I.

«ЕСЛИ ДНИ МОИ, МИЛОСТЬЮ БОГА...» «На Западе».

«ТВОИХ ОЗЕР, НОРВЕГИЯ, ТВОИХ ЛЕСОВ...» «Единство». В сборнике «На Западе» — разночтеиня в 5-й и 6-й строках:

О верности, терпении, любви,
О сбившихся с пути, о всех усталых...

Впервые иапечатаио в «Числах» (1930—1931, № 4).

«ПОРА ПЕЧАЛИ, ЮНОСТЬ — ВЕЧНЫЙ БРЕД...» «Единство». Впервые — в «Числах» (1930—1931, № 4).

«БЫЛ ДОМ, КАК ПЕЩЕРА...» «Единство». Ранее — в сборннке «На Западе», где совершеиио ниая третья строфа:

Лазурью дышу я, не воздухом дымным!
Скрипели веревки и голос молил,
И верность, как лебедь, над призрачным миром
Взлетала и падала тут же без сил.

Рвиее — в «Современиых записках» (1931, № 44), с датой под стнхотворением: 1931.

«ИЗ ГОЛУБОГО ОКЕАНА...» «На Западе». Без изменеиий — а «Единстве». Раиее — в «Числах» (1934, № 10).

«КОГДА МЫ В РОССИЮ ВЕРНЕМСЯ...» «Единство». Раиее было напечатаио а альманахе «Круг» (1936), а также в сборнике Г. Адамовичв «На Западе».

ЧРЕЗ МИЛЛИОНЫ ЛЕТ — О, ХОТЬ В ЭФИРНЫХ ВОЛНАХ...» «Нв Западе».

«ТЯНЕТ СЫРОСТЬЮ ОТ ОСТРОВОВ...» «Единство». Раиее — а сборнике «На Западе».

«РАССВЕТ И ДОЖДЬ. В САДУ ГУСТОЙ ТУМАН...» «На Западе».

«ОН ГОВОРИЛ: Я НЕ ЛЮБЛЮ ПРИРОДЫ...» «Едиистао». Ранее — в сборнике «На Западе».

«О, ЕСЛИ ПРАВДА, ЧТО В НОЧИ...» «Единство». В сборнике «На Западе» — без эпиграфа и с разночтеинем в предпоследией строке: *Тогда конец... бессмер... победа.* Первая строка — из стихотворения А. С. Пушкииа «Заклииаиие».

«ОДИН СКАЗАЛ: «НАМ ЭТОЙ ЖИЗНИ МАЛО...» «На Западе». В сборнике «Единство» — без нзменеиий. Включеио также а витологию Ю. К. Терапивио «Муза диаспоры». Избранные стихи зарубежных поэтов. 1920—1960. Франкфурт-иа-Майие, изд. Посев, 1960.

«НИЧЕГО НЕ ЗАБЫВАЮ...» «Нв Западе». Последияя строка — цитата из стихотаорения В. Брюсова «Творчество» (1894):

Фиолетовые руки
На эмалевой стене
Полусонно чертят звуки
В звонко-звучной тишине.

«НИ СРЕЗАННЫХ ЦВЕТОВ, НИ ДЫМА ПАНИХИДЫ...» «Единство». В сборинке «На Западе» — разночтеиие а 10-й строке: *Коснуться губ твоих, безмолвно и устало.*

«ЕСТЬ, НЕСОМНЕННО, СТРАННЫЕ СЛОВА...» «Единство». Ранее — а сборнике «На Западе», без рвзночтений, ие считая пунктуации.

«ЗА ВСЕ, ЗА ВСЕ СПАСИБО. ЗА ВОЙНУ...» «Единство». Ранее — в сборнике «На Западе», без разиочтений, ио с иною строфикой.

«КОГДА УСПОКОИТСЯ ГОРОД...» «Единство». В сборнике «На Западе» — разночтение в 5-й строке: *Под черным безоблачным небом*. Стихотворение Адамовича навеяно «Ночным смотром» В. А. Жуковского (1836)·

В двенадцать часов по ночам
Из гроба встает барабанщик...

«КУРТКУ ПОТЕРТУЮ С БЕЛИЧЬИМ МЕХОМ...»; «ЛЕТИТ ПАРОВОЗ, КЛУБИТСЯ ДЫМ...»; «ЛОЖИТСЯ НА РАССВЕТЕ ЛЕГКИЙ СНЕГ...»; «НАВЕКИ БЛАЖЕНСТВО НАМ БОГ ОБЕЩАЕТ!..» Печатаются по сборнику «На Западе».

«НАПЕРЕКОР БЕССМЫСЛЕННЫМ ЗАКОНАМ...» «Единство». В сборнике «На Западе» — разночтение во 2-й строке: *Наперекор бессмысленной судьбе*; в 6-й строке: *Оно опутает их всех, как нить*; в 8-й строке: *Воскреснет в нем и будет снова жить*; в 10-й строке: *Простую жалость, о звезда моя*.

«ТИХИМ, ТЕМНЫМ, БЕСКОНЕЧНО-ЗВЕЗДНЫМ...» «Единство». Включено также в сборник «На Западе», где имеются разночтения в последней строфе:

Я не слушаю, не отвечаю,
Я живу, гляжу на белый свет.
Только понемногу умираю
Голосу любимому в ответ.

Впервые — в «Современных записках» (1929, № 40) под названием «Голос».

«СТИХАМ СВОИМ Я ЗНАЮ ЦЕНУ...» «Единство».

«ДА, ДА... Я ПРЕЗИРАЮ НЕРВЫ...» «Единство». Ранее — в альманахе «Встреча» (1945, № 2), с разночтением в 14-й строке: *Все говори, как есть... да, да...*

«ОН МИЛОСТЫНИ ПРОСИТ У ТЕБЯ...» «Единство». Ранее — в альманахе «Орион» (1947).

«НОЧЬ... И К ЧЕМУ ГОВОРИТЬ О ЛЮБВИ?..» «Единство». Также в альманахе «Орион».

«В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ... НЕ МОЖЕТ БЫТЬ СОМНЕНЬЯ... «Единство». Также в альманахе «Орион».

«ПРИГЛЯДЫВАЯСЬ ОСТОРОЖНО...» «Единство». В «Опытах» (1953, № 2) в 10-й строке: *Сбиваться, возвышая тон*.

«ОСТРОВ БЫЛ ДАЛЬШЕ, ЧЕМ НАМ ПОКАЗАЛОСЬ...» Опыты. 1953. № 2.

«БЫЛ ВЕЧЕР НА ПЯТОЙ НЕДЕЛЕ...» Опыты. 1953. № 2.

«Я НЕ ТЕБЯ ЛЮБИЛ, НО СОЛНЦЕ, СВЕТ...» «Единство». Напечатано также в журнале «Опыты» (1955, № 4) под названием «Посвящение» и с некоторыми разночтениями. Мотив реинкарнации, сквозящий в этом стихотворении, встречается в творчестве многих поэтов «парижской ноты». См. предисловие в кн.: *Крейд В.* Прапамять. Антология русских стихотворений о перевоплощении. Изд. Антиквариат, 1988.

«СВЕТАЛО. СИДЕЛКА ВЗДОХНУЛА. ПОТОМ...» «Единство». Вариант этого стихотворения — в альманахе «Встреча» (1945, № 2).

«НАМ TRISTIA — ДАВНО РОДНОЕ СЛОВО...» «Единство». Перевод эпиграфа: Сульмон — мой родной город. *Чуть брезжил день последнего, Второго* — имеется в виду начало царствования Николая II; Адамович родился в 1894 г., в год восшествия на престол последнего российского императора.

«НИ МУЗЫКИ, НИ МЫСЛИ, НИЧЕГО...» «Единство» — заключительное стихотворение сборника. Напечатано также в «Новом журнале» (1967, № 86). В журнальном варианте 3-я строка: *Тебе давно игрой постылой стало*.

«НО СМЕРТЬ БЫЛА СМЕРТЬЮ. А НОЧЬ НАД ХОЛМОМ...» «Единство».

«СЛУШАЙ — И В СМУТНЫХ ДОГАДКАХ НЕ ЛГИ...» «Единство». Впервые — в «Новом журнале» (1967, № 86).

«НОЧЬЮ ОН ПЛАКАЛ. О ЧЕМ, ВСЕ РАВНО...» Новый журнал. 1967. № 86. Вошло в «Единство».

ПЯТЬ ВОСЬМИСТИШИЙ. Новый журнал. 1969. № 94.

«ТАМ СОЛНЦА НЕ БУДЕТ... МЕРЦАНЬЕ...» Печатается по авторской машинописи, хранящейся в Иллинойсском университете (Эрбана — Шампейн). Опубликовано в «Новом журнале» (1969, № 96).

ПАМЯТИ М. Ц. Новый журнал. 1971. № 102. Посвящено памяти Марины Цветаевой.

НА ЧУЖУЮ ТЕМУ. Новый журнал. 1971. № 102.

Дон Аминадо
(Аминад Петрович Шполянский)

ВТЕАТРЕ. Печатается по кн.: *Аминадо*. Накнув плащ. Сборник лирической сатиры. Париж, книгоиздательство Нескучный сад, 1928.

СТАРАЯ АНГЛИЯ. «Накинув плащ». Свое название этот сборник получил как по первому стихотворению в книге, так и по стихотворению «Старая Англия» (см. предпоследнюю строфу).

ВОСПОМИНАНИЕ; ИЗ ЧУЖОГО ОКОШКА; УЕЗДНАЯ ВЕСНА; ЖИЛИ-БЫЛИ. Печатаются по книге «Накинув плащ».

ВЕТЕР С ПУСТЫНИ. «Накинув плащ». *Экклезиаст* — имеется в виду «Книга Екклесиаста, или Проповедника» — одна из книг Ветхого завета. *Мои вечерние огни* — аллюзия на «Вечерние огни», последний поэтический сборник А. Фета.

ГОРОДА И ГОДЫ. «Накинув плащ». Перепечатано в сборнике стихов Аминадо «В те баснословные года», где опущены 2-я и 5-я строфы.

ГОЛУБЫЕ ПОЕЗДА. «Накинув плащ».

МАРТ МЕСЯЦ. «Накинув плащ».

ПРИЗНАНИЕ. «Накинув плащ». *О, доколе, Катилина* — начало первой речи Цицерона против Катилины; Quousque tandem abutere, Catilina, patientia nostra? (*лат.*) — До каких же пор, Катилина, ты будешь злоупотреблять нашим терпением? (Фрагмент этой речи заучивали в гимназиях наизусть.)

БЕЗ ЗАГЛАВИЯ. «Накинув плащ».

ДРУГ-ЧИТАТЕЛЬ. Печатается по кн.: *Аминадо*. В те баснословные года. Париж, 1951. (Книга вышла в свет в январе 1951 г.) Название навеяно стихами Ф. И. Тютчева:

Я знал ее еще тогда,
В те баснословные года...

АВГУСТ. «В те баснословные года». Стихотворение включено в антологию Ю. П. Иваска «На Западе» (1953).

ЛЕТНЯЯ ЗАПИСЬ. «В те баснословные года».

ПУТЕШЕСТВИЕ В ШВЕЙЦАРИЮ. «В те баснословные года». *Этот узник молодой* — герой поэмы Байрона «Шильонский узник»; о Бониваре, узнике Шильона, Байрон писал также в своем знаменитом «Шильонском сонете».

«ПРОЛЕГО́МЕНЫ». «В те баснословные года». *Пролего́мены* (у Дон Аминадо ударение нарочито неправильное) — предварительные замечания, предуведомление; слово, вошедшее в русский язык главным образом благодаря переводу трактата И. Канта «Пролегомены ко всякой будущей метафизике, могущей возникнуть в качестве науки». *Степняк-Кравчинский* Сергей Михайлович (1851—1895) — писатель, убийца шефа жандармов Мезенцова (1878). *Верхарн* Эмиль (1855—1916) — бельгийский поэт. *Санин* — герой одноименного романа М. П. Арцыбашева (1878—1927). *Ницше* Фридрих (1844—1900) — немецкий философ; философия Ницше повлияла на автора романа «Санин». *Цевница* — многоствольная свирель или флейта. *Ходотов* Николай Николаевич (1878—1932) — актер Петербургского Александринского театра. *Айседора* Дункан (1877—1927) — танцовщица, жена С. Есенина.

ИСКАНИЯ. «В те баснословные года».

РУССКАЯ БАЛЛАДА. «В те баснословные года».

HONORIS CAUSA. «В те баснословные года». *Honoris causa* (*лат.*) — за заслуги. *Птоломеи* — царская египетская династия; один из Птолемеев — Филадельф — прославился как покровитель искусств и наук и основатель знаменитой Александрийской библиотеки.

РОДИНА-МАТЬ. «В те баснословные года». *Ты и узбецкая...* — пародирование некрасовского стихотворения «Русь», включенного в «Кому на Руси жить хорошо».

ПОДРАЖАНИЕ БЕРАНЖЕ. «В те баснословные года». Ранее — в сборнике Аминадо «Накинув плащ». *Беранже* Пьер Жан (1780—1857) — французский поэт, известный более всего своими «Песнями», переведенными на русский язык Василием Курочкиным.

ПРОЛОГ. «В те баснословные года».

УЕЗДНАЯ СИРЕНЬ. «В те баснословиые года». Вошло в антологию Ю. П. Иваска «На Западе».

ШЛИ ПОЕЗДА ПО КАЗАНСКОЙ ДОРОГЕ. «В те бвсиословные года».

БАБЬЕ ЛЕТО. «В те басиословиые года».

«СПРЯТАЛСЯ МЕСЯЦ ЗА ТУЧКУ...» «В те басиословные года».

AMO — AMARE. «В те басиословные года». *Amo* (*лат.*) — я люблю, *amare* — любить.

Константин Дмитриевич Бальмонт

ИЗ НОЧИ. Печатается по журиалу «Современиые записки» (Париж, 1920, № 1).

СВЕТЛАЯ КУДЕЛЬ. Печатается по журиалу «Сполохи» (1921, № 1).

ВСТРЕЧА. Современные записки. 1921. № 5 (в подборке, состоящей из пяти стихотвореиий).

ВЕТЕР. Последиие иовости. Париж. 1923. 19 августа.

ТАИНСТВЕННАЯ СКЛЯНКА. Печатается по сборнику К. Бальмоита «Мое — Ей». Прага, 1924. (В сборник вошли стихотворения, иаписаииые, за несколькими исключениями, а 1923 г.)

ГАРМОНИЯ ГАРМОШКИ; ОНА; МОЯ ТВЕРДЫНЯ; КАПЛЯ. Печатаются по сборнику «Мое — Ей».

РУССКИЙ ЯЗЫК. Современные записки. 1924. № 22. Поздиее — в сборнике «Голубая подкоаа» (США, изд. Алатас, 1937). *В нем Та, что приняла* — Богоматерь. *Янтарное море* — Балтийское.

ОТЧЕГО? Современные записки. 1924. № 22. *Леда* — в греческой мифологии жена спартанского царя Тиидарея. Здесь имеется в аиду юиошеское стихотвореиие (каитата) А. С. Пушкииа «Леда» (1814).

МНЕ ХОЧЕТСЯ. Звено. Журнал литературы я искусства (Париж). 1927. № 215.

ДРЕМОТА. Современиые записки. 1927. № 31 (под заголоаком: «Из книги «В раздвинутой дали»).

У ЖЕРНОВА. Сегодня (Рига). 1929. № 326.

ТРИНАДЦАТЬ. Печатается по книге К. Бальмоита «В раздвинутой дали». Позма о России. Белград, 1929. *Тульпа Леонид* Васильевич — язвестеи иам только как автор стихотворения, иапечатанного в сборнике «Вольная Сибирь». Прага, изд. Общества сибиряков, 1929. Вып. 6—7.

Я РУССКИЙ. Печатается по кн.: *Бальмонт К.* Севериое сияиие. Стихи о Литве и Руси. Париж, Русское киижиое дело Родник, 1931.

СЕВЕРНЫЙ ВЕНЕЦ; ГРЯДУЩАЯ РОССИЯ; ЗЛАТОВОЗДУХ; НАШЕПТЫВАНЬЯ ОСЕНИ; ОТСЮДА ВИЖУ. Печатаются по книге «Сеаериое сияние».

«Я ВИЖУ ТЕБЯ ПРОХОДЯЩЕЙ — ЦВЕТУЩЕЙ МЕЖОЙ...» «Северное сияние» (стихотворение является заключительиой частью триптиха «Незабываемая»).

Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ. Современные записки. 1933. № 51.

СКВОЗНАЯ СЕТЬ. Современные записки. 1933. № 51.

ИВА. Печатается по аавторской машииописи, храиящейся в Иидиаиском униаерситете.

КВЕТЦАЛЫ. Печатается по авторской машинописи (хранится в Индиаиском университете).

ГОЛУБАЯ ЗАНАВЕСКА. Печатается по авторской машииописи (хранится в Индиаиском уииверситете).

ТЫ МНЕ СНИШЬСЯ. Печатается по автографу, храиящемуся а Индиаиском уииверситете. *И. В. Амфитеатрова* — жеиа писателя Александра Амфитеатрова (1862—1938).

ЗВЕЗДНЫЙ ЗВОН. Автограф (хранится в Колумбийском униаерситете).

НЕ В ЭТИ ДНИ. Автограф (храиится в Колумбийском униаерситете).

КРУГ. Печатается по кн.: *Терапиано Ю.* (ред.) Муза диаспоры. Франкфурт-иа-Майие, изд. Посев, 1960.

ИЗГНАНИЕ. Печатается по «Новому журналу» (1963, № 74).

3 ОКТЯБРЯ 1917 ГОДА. Современные записки. 1921. № 1.

«У ПТИЦЫ ЕСТЬ ГНЕЗДО, У ЗВЕРЯ ЕСТЬ НОРА...» Печатается по кн.: *Бунин И.* Роза Иерихона. Берлин, Книгоиздательство Слово, 1924.

РАДУГА. «Роза Иерихона».

МОРФЕЙ. Печатается по кн.: *Бунин И.* Избранные стихи. Париж, изд. Современные записки, 1929. Ранее это стихотворение было напечатано в журнале «Современные записки» (1924, № 20; без названия и без других разночтений). Включено также в книгу «Роза Иерихона». *Морфей* — греческий бог сновидений.

ВХОД В ИЕРУСАЛИМ. Избранные стихи. Париж, 1929. Ранее — в книге «Роза Иерихона». *«Осанна! Осанна!» (древнеевр.)* — спаси, Боже, сохрани! Этим возгласом встречали Иисуса Христа евреи при въезде его в Иерусалим.

НА ОСТРОВЕ БУЯНЕ. Избранные стихи. Париж, 1929. Ранее — в «Розе Иерихона» (в этой книге — под названием «Русская сказка»). *Шлык* — род повойника, женский головной убор.

СИРИУС. Избранные стихи. Париж, 1929. Ранее — в «Розе Иерихона», где была еще одна строфа (предпоследняя), позднее опущенная:

Где молодость, простая, чистая,
В кругу любимом и родном,
И ветхий дом и ель смолистая
Среди сугробов под окном?

«О, СЛЕЗ НЕВЫПЛАКАННЫХ ЯД!..» Роза Иерихона. Берлин, 1924.

«ОВАЛЬНЫЙ СТОЛ, ОГРОМНЫЙ, ВДОЛЬ ПО ЗАЛУ...» Новый журнал. 1960. № 58.

«ЗАЧЕМ ПЛЕНЯЕТ СТАРАЯ МОГИЛА...» Избранные стихи. Париж, 1929. Ранее — в «Современных записках» (1924, № 20) и в «Розе Иерихона».

«ДУША НАВЕКИ ЛИШЕНА...» «Роза Иерихона».

«В ПОЛНОЧНЫЙ ЧАС Я ВСТАНУ И ВЗГЛЯНУ...» «Роза Иерихона». В «Избранные стихи» включено без изменений.

«МЕЧТЫ ЛЮБВИ МОЕЙ ВЕСЕННЕЙ...» Избранные стихи. Париж, 1929. Ранее — в «Современных записках» (1924, № 20) и в «Розе Иерихона».

«ЗАРОС КРАПИВОЙ И БУРЬЯНОМ...» «Роза Иерихона».

«ВСЕ СНИТСЯ МНЕ ЗАРОСШАЯ ТРАВОЙ...» «Роза Иерихона». В «Избранных стихах» — без изменений.

«ПЕЧАЛЬ РЕСНИЦ, СИЯЮЩИХ И ЧЕРНЫХ...» Избранные стихи. Париж, 1929. Ранее — в «Современных записках» (1924, № 20) и в «Розе Иерихона».

«ШЕПНУТЬ ЗАКЛЯТИЕ ПРИ БЛЕСКЕ...» «Роза Иерихона».

«КОЛОКОЛОВ СРЕДНЕВЕКОВЫЙ...» «Роза Иерихона».

«В ГЕЛИОТРОПОВОМ СВЕТЕ МОЛНИЙ ЛЕТУЧИХ...» Избранные стихи. Париж, 1929.

ПАНТЕРА. Избранные стихи. Париж, 1929.

ВЕСНА 1886 г. «Роза Иерихона». *И первый стих, и первая любовь* — впервые Бунин выступил в печати со стихами в 1887 г.

ПЕТУХ НА ЦЕРКОВНОМ КРЕСТЕ. «Роза Иерихона».

ВСТРЕЧА. Избранные стихи. Париж, 1929. Ранее — в «Современных записках» (1924, № 21). *Кумания* — куманы, или половцы,— племена тюркского происхождения; в XI в. занимали среднеазиатские, причерноморские степи, Крым и часть Балкан. После битвы с монголо-татарами при реке Калке (1223) вынуждены были отступить в Венгрию, образовав Куманию (Малую и Великую) на территории Венгрии, между Дунаем и Тиссой.

МОРСКАЯ КРАСА. Избранные стихи. Париж, 1929, *Лядвии* (правильно: лядвен) — бедра.

«ЛЬЕТ БЕЗ КОНЦА. В ЛЕСУ ТУМАН...» «Избранные стихи».

ДОЧЬ. «Избранные стихи». Впервые — в «Современных записках» (1924, № 21).

«ОПЯТЬ ХОЛОДНЫЕ СЕДЫЕ НЕБЕСА...» «Избранные стихи».

«ТИХОЙ НОЧЬЮ ПОЗДНИЙ МЕСЯЦ ВЫШЕЛ...» Печатается по «Современным запискам» (1924, № 20).

ДЕНЬ ПАМЯТИ ПЕТРА. Избранные стихи. Париж, 1929. 1-я и 2-я строки — цитата из Вступления к «Медному всаднику» А. С. Пушкина.

«УНЫНИЕ И СУМРАЧНОСТЬ ЗИМЫ...» Печатается по кн.: *Бунин И.* Митина любовь. Изд. Русская земля, 1925.

«ЛИК ПРЕКРАСНЫЙ И БЕСКРОВНЫЙ...»; «Я СНЯЛ УЗДУ, СЕДЛО — И ВОЛЬНО...»; «УЛИЧИВ МЕНЯ В ИЗМЕНЕ...»— все три стихотворения печатаются по «Возрождению» (1925, 31 октября).

«МАРГАРИТА ПРОКРАЛАСЬ В СВЕТЕЛКУ...» Звено. 1926. № 194. *Гретхен* — уменьшительное имя от Маргарита. Стихотворение навеяно «Фаустом» Гёте.

«ТОЛЬКО КАМНИ, ПЕСКИ ДА НАГИЕ ХОЛМЫ...» Звено. 1926. № 194.

СВЕТ. Россия (Париж). 1927. 1 октября.

РАЗЛУКА. Возрождение (Париж). 1927. № 786.

«ТЫ ЖИЛА В ТИШИНЕ И ПОКОЕ...» Новый журнал. 1960. № 59.

NEL MEZZO DEL CAMIN DI NOSTRA VITA. Русские новости (Париж). 1947. № 100. Перевод названия: Земную жизнь пройдя до половины. Первая строка «Божественной комедии» Данте — Nel mezzo del cammin di nostra vita *(итал.)*.

КАИР. Новый журнал. 1953. № 34. *Луксор* — город в Верхнем Египте на правом берегу Нила, на месте древней столицы — Фив, где находился знаменитый храм бога Амона-Ра. *Хедив* — титул правителей Египта со второй половины XIX в. *Хуфу* (Хеопс) — египетский царь IV династии (2600—2480 гг. до н. з.). *Камбиз* — Камбис II, сын Кира, царь персов (529—522 гг. до н. з.), покорил Египет в 525 г. до н. з.

«СОХНУТ, ЖАРКО ПАХНУТ ТРАВЫ...» Новый журнал. 1959. № 57.

«ЧТО ВПЕРЕДИ? СЧАСТЛИВЫЙ, ДОЛГИЙ ПУТЬ...» Новый журнал. 1959. № 57.

Зинаида Николаевна Гиппиус

КРАСНОГЛАЗОЕ. Современные записки. 1925. № 25. Ранее — в газете «Звено» (1923, № 7). Ранний вариант последней строфы:

И если в дверь мою железную
Он постучит — услышу ль я?
Нет, рву, как тряпку бесполезную,
Я мой остаток бытия.

ГЛАЗА ИЗ ТЬМЫ. Современные записки. 1925. № 25.

РОДНОЕ. Современные записки. 1925. № 25. Посвящено Татьяне Ивановне Манухиной (1885—1962), писавшей также под псевдонимом Таманин. Манухина печаталась в «Русских записках» и «Новом журнале»; в 1933 г. опубликовал ее роман «Отечество», а в 1954 г.— написанное ею житие «Святая благоверная княгиня Анна Кашинская».

КЛЮЧ. Напечатано в кн.: *Гиппиус З.* Стихи. Дневник 1911—1921. Изд. Слово, 1922.

БУДЕТ. «Стихи. Дневник 1911—1921». Стихотворение посвящено Ивану Ивановичу Манухину, автору мемуаров, печатавшихся в «Новом журнале» (Нью-Йорк), врачу по профессии.

«ЕСТЬ РЕЧИ...» Современные записки. 1922. № 10. Название заимствовано из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Есть речи — значенье...»

НЕ ЗА МНОЙ. Современные записки. 1922. № 10.

ГОЛУБОЙ КОНВЕРТ. Современные записки. 1923. № 14.

НАДЕЖДА МОЯ. Современные записки. 1923. № 14. Перевод эпиграфа: Моя надежда! Не плачь... (*итал.*).

ДОМОЙ. Современные записки. 1923. № 15. Позднее — в кн.: *Гиппиус З.* Сияния. Париж, 1938.

ЗЕРКАЛА ПОВСЮДУ. Современные записки. 1923. № 15. Позднее — в кн. «Сияния».

ПРОГРАММА. Современные записки. 1923. № 15.

НЕСОГЛАСНЫЕ РИФМЫ. Звено. 1923. № 7.

ПРОШЕДШИЙ МИМО. Современные записки. 1924. № 18. В кн. «Сияния» напечатано под названием «Идущий мимо».

ВЕРНОСТЬ. Современые запискн. 1924. № 18. Стихотворение посвящено Илье Исидоровичу Фондаминскому (1880—1942), публицисту, одному из редакторов «Современных записок».

СБУДЕТСЯ. Современные записки. 1924. № 20.

ВЕЕР ВРЕМЕНИ. Современные записки. 1924. № 20. Перепечатано под названием «Веер» в кн. «Сияния», 6-я строка в «Сияниях» читается: *Ты не владеешь им,— ни я.* Последняя строфа в «Сияниях» переделана:

С тех пор бегут они и множатся,
Пустое дление дробя...
И если веер снова сложится,
В нем отыщу ли *я тебя?*

ЛИК. Современные записки. 1925. № 23.

ДВЕ СЕСТРЫ. Современные записки. 1925. № 23.

НЕГЛАСНЫЕ РИФМЫ. Современные записки. 1925. № 25.

СЛОВО? Современные записки. 1925. № 25.

СОН. Современные записки. 1926. № 27.

ТРОЙНОЕ. Современные записки. 1927. № 31.

ОТРАЖЕННОСТЬ. Современные записки. 1927. № 31.

ЛЯГУШКА. Современные записки. 1927. № 31. Без изменений (кроме характера строфики) включено в сборник «Сияния»— в цикл «Южные стихи».

МЕРА. Числа. 1930. № 1. Без изменений (кроме пунктуации) включено в книгу «Сияния».

ЗВЕЗДОУБИЙЦА. Современные записки. 1930. № 43.

ХОРОШАЯ ПОГОДА. Современные записки. 1930. № 44.

В НОВОЙ. Современные записки. 1932. № 49. Напечатано также в «Возрождении» (Париж) (1949, № 5).

ЖИТЬ. Современные записки. 1932. № 49.

8 НОЯБРЯ. Числа. 1933. № 9. Вошло в сборник «Сияния». *Архистратиг* — духовный чин архангела Михаила как предводителя небесных сил в борьбе с дьяволом.

О ВОСКРЕСЕНЬИ. Современные записки. 1933. № 52. *Кроме слов — последних — Фомы:* в Евангелии от Иоанна (20:28) «Господь мой и Бог мой!»

СЛОЖНОСТИ. Современные записки. 1933. № 52. Включено в сборник «Сияния» с изменением в 7-й строке: *Но пускай я упаду.*

ЗДЕСЬ. Современные записки. 1933. № 52.

ТАМ. Современные записки. 1933. № 52.

У МАЛЕНЬКОЙ ТЕРЕЗЫ. Современные записки. 1934. № 54. *Маленькая Тереза* — церковь в Париже на улице La Fontaine. З. Гиппиус и Д. Мережковский относились к св. Терезе (1873—1897) с особенным благочестием; в их гостиной стояла ее статуя и перед ней — всегда свежие цветы. З. Гиппиус посвятила св. Терезе несколько стихотворений.

ТЫ. Современные записки. 1934. № 54.

СЧАСТЬЕ. Современные записки. 1934. № 54.

ДРУГОЙ. Современные записки. 1935. № 57.

ОТЪЕЗД. Современные записки. 1935. № 57. З. Гиппиус уехала из России в 1919 г.

REMEMBER! Современные записки. 1938. № 67. Перевод названия: Помни! (*англ.*).

СЛОВА И МОЛЧАНИЯ. Современные записки. 1938. № 67.

ДВЕ СЕСТРИЦЫ. Современные записки. 1938. № 67.

ETERNITE FREMISSANTE. Сияния. Париж, 1938. Тираж этого сборника — 200 экз.; в 1972 г. вышло репринтное переиздание, как часть второго тома «Стихотворений и поэм» З. Гиппиус. Сборник «Сияния» представляет собой в настоящее время исключительную библиографическую редкость. Книге предпослан эпиграф:

Тебе, чье имя не открою,
Но ты со мной всегда.
Ты мне, как горная вода
Среди земного зноя.

Впервые стихотворение напечатано в «Современных записках» (1934, № 54). В журнальном варианте название взято в кавычки. Посвящение добавлено в «Сияниях». Перевод названия: Трепещущая вечность *(франц.). Владимир*

Сергеевич Варшавский (1906—1977) — прозаик, публицист, печатавшийся в «Числах», «Опытах», «Встречах», «Новоселье», «Новом журнале» и других эмигрантских периодических изданиях. Более всего был известен своей книгой «Незамеченное поколение».

НАД ЗАБВЕНЬЕМ. «Сияния». Ранее — в «Современных записках» (1932, № 49).

СИЯНЬЯ. «Сияния».

РОЖДЕНИЕ. «Сияния».

ЗА ЧТО? «Сияния». Впервые — в «Современных записках» (1924, № 18) под названием «Сумерки» в подборке под общим заглавием «Южные стихи». В журнальном варианте 10-я строка читается: *Бледных серебряных лилий.*

ЖАРА. «Сияния». Впервые в «Современных записках» (1924, № 18).

ДОЖДЬ. «Сияния».

СТИХИ О ЛУНЕ. «Сияния».

БЫТЬ МОЖЕТ. Написано в сентябре 1930 г. Первоначально посвящено Г. Адамовичу. В «Сияниях» посвящение опущено.

ЯСНОСТЬ. «Сияния». *Виктор Андреевич Мамченко* (1901—1982) — поэт, автор сборников «Тяжелые птицы», «Звезды в аду», «В потоке света», «Земля и лира», «Певчий час», «Воспитание сердца» и др.

ПРОРЕЗЫ; КАК ОН. «Сияния».

ГОРНОЕ. «Сияния». Впервые в «Современных записках» (1930, № 43). В «Сияниях»— без изменений, кроме пунктуации.

ВТАЙНЕ. «Сияния». Впервые в «Современных записках» (1926, № 27).

НОЧНАЯ ГОСТЬЯ. Возрождение. 1958. № 82. 6-я строфа: *мэтр в Грассе* — И. Бунин. 10-я строфа: *Бродячая собака* — артистический кабачок в Петербурге, открывшийся 31 декабря 1911 г. Среди посетителей «Бродячей собаки» были Н. Гумилев, А. Ахматова, С. Городецкий, Г. Иванов, О. Мандельштам, М. Кузмин, Б. Садовский, В. Маяковский и другие.

«ДОВОЛЬНО! ЗЕМНОГО С СОЗВЕЗДИЙ НЕ ВИДНО!..» Возрождение. 1958. № 84.

ТРИ ВСТРЕЧИ. Возрождение. 1959. № 92.

БОЖЕЯ ТВАРЬ. Печатается по журналу «Возрождение» (1959, № 92).

«КТО ОНИ, КТО ОНИ?..» Новый журнал. 1965. № 80 (с подстрочным примечанием редактора Романа Гуля: «Это неопубликованное стихотворение З. Н. Гиппиус прислано нам В. А. Злобиным из ее архива»).

«НЕ ОТДАВАЙСЯ НИКАКОЙ НАДЕЖДЕ...»; «ДАНА МНЕ ГРОЗНАЯ ОТРАДА...»; «ОНА ВОЙДЕТ, ЗЕМНАЯ И ПРЕЛЕСТНАЯ...»; «ВСКИПАЮТ ВОЛНЫ ТОШНОТЫ НЕЗДЕШНЕЙ...» Печатаются по кн.: *С. Маковский.* На Парнасе Серебряного века. Мюнхен, 1962.

«КОГДА-ТО БЫЛО, МЕНЯ ЛЮБИЛА...» «На Парнасе Серебряного века». *Психея* (по-гречески «душа»— psyche) — в греческой мифологии девушка несравненной красоты, в которую влюбился Эрот (Амур в римской мифологии) — бог любви.

«ЛЮБОВЬ УХОДИТ НЕЗАМЕТНО...» Новый журнал. 1961. № 66 (с подстрочным примечанием редактора: «Эти два стихотворения (имеется в виду также «Стужа».— *В. К.*) присланы нам В. А. Злобиным из архива Мережковских»).

СТУЖА. Новый журнал. 1961. № 66.

Вячеслав Иванович Иванов

КАМЕННЫЙ ДУБ. Впервые — в «Современных записках» (1937, № 63). Включено в антологию Ю. Иваска «На Западе» (1953). *Борей* — холодный северный ветер.

ПЧЕЛА. Печатается по кн.: *Иванов Вячеслав.* Свет вечерний. Оксфорд, 1962.

NOTTURNO. Современные записки. 1937. № 63. *Notturno* (*итал.*) — ноктюрн.

КОТ-ВОРОЖЕЙ. Впервые — в «Современных записках» (1937, № 65). Здесь печатается по кн. «Свет вечерний». *Мемнон* — название связано со ста-

туями египетского фараона Аменофиса (Аменхотепа) III около Фив. При восходе солнца слышно было музыкальное звучание, исходящее от этих статуй.

СЛОВО — ПЛОТЬ. Современные записки. 1937. № 65. В сборнике «Свет вечерний» этот сонет напечатан с разночтениями и под названием «Язык».

ПАЛИНОДИЯ. Впервые — в «Современных записках» (1937, № 65), затем — в книге «Свет вечерний». *«Палинодия»* — стихотворение Стесихора (ок. 640—555 до н. э.), в котором он отрекся от прежнего своего стихотворения, в коем оскорбил дочь Зевса и Леды Елену. В соответствии с мифом, Стесихор был ослеплен за свою дерзость и вновь прозрел, когда отрекся от своего стихотворения, написав «Палинодию». *Гиммегский мед:* Гиммет — равнина, расположенная от Афин до примыкающего с юго-востока горного выступа, знаменитая в античной Греции своим медосбором. Гимметтский мед упоминается у древних писателей (Павсания и Страбона). *Эвклид* — древнегреческий математик. *Фиваида* — область вокруг Фив в Египте, позже название Верхнего Египта.

СОБАКИ. Печатается по «Современным запискам» (1937, № 63).

СВЕРСТНИКУ. Печатается по «Современным запискам» (1937, № 63). *Евгений Васильевич Аничков* (1866—1937) — известный до революции литературовед, продолжавший свои исследования в эмиграции (писал о Пушкине, Лермонтове, Герцене, Чернышевском, А. Веселовском, Куприне и др.).

ЗЕМЛЯ. Впервые — в «Современных записках» (1937, № 63). *Смарагдовый* — изумрудный. *Раина* — пирамидальный тополь.

AVE, VIRGO VICTORIARUM! Впервые — в кн. «Свет вечерний» (1962). Перевод названия: Радуйся, дева побед! *(лат.) Лидия* Вячеславовна Иванова — дочь Вяч. Иванова и Лидии Дмитриевны Зиновьевой-Аннибал — пианистка, органистка и композитор.

ДЕМОНЫ МАСКАРАДА. Стихотворение написано до революции, переделано в 1930-е годы и напечатано в «Современных записках» (1938, № 66). *Степун Федор* Августович (1884—1965) — писатель, прозаик и философ, интересовавшийся проблемой «многосоставности» человеческой личности и связанной с этим концепцией масок и личин, носимых индивидуумом. *Цирцея* (Кирка) — в греческой мифологии волшебница, дочь бога солнца Гелиоса и океаниды Персы.

ДРУГУ ГУМАНИСТУ. Впервые — в «Свете вечернем». *Фаддей Францевич Зелинский* (1859—1944) — известный филолог-классик. «Ῥῆξον φωνήν» (Rexon phonen) *(греч.)* — откликнись же. *Мистов хоровод:* мист — посвященный в мистерии, таинства, их участник. *Палимпсест* — рукопись на пергаменте, написанная поверх текста — стертого, смытого, соскобленного. 7-я строка: Зелинский известен своими переводами трагедий Софокла; *латеранский* — от Латеранского музея, в котором хранится статуя Софокла.

ПОДРАЖАНИЕ ЯПОНСКОМУ. Впервые — в «Свете вечернем».

РИМСКИЕ СОНЕТЫ. Впервые — в «Современных записках (1936, № 62). Затем — в «Oxford Slavonic Papers» (1954, № 5). Сонет I: Ave Roma *(лат.)* — Здравствуй, Рим. Сонет II: *Квириты* — римские граждане. *У Югурнской влаги* — «Диоскуры (Кастор и Поллукс) впервые по легенде явились на Форуме; там, напоив коней у колодца Ютурны, возвестили они гражданам победу...» *(примечание Вяч. Иванова)*. *Квиринал* — название одного из холмов, на которых расположен Рим. Сонет III: *Пиндар* (522—442 гг. до н. э.) — один из известнейших лирических поэтов Греции. Сонет IV: *Кампанья* — область в Италии южнее Рима, по берегу Тирренского моря, где находится Неаполь. Сонет V: *Тритон* — в греческой мифологии сын бога моря Посейдона и его жены Амфитриты; обычно изображался с винтообразной морской раковиной, звуками которой он вызывал и усмирял бури. *Бернини*, Джованни Лоренцо (1598—1680) — итальянский архитектор, скульптор и художник. *В келью Гоголя входил Иванов* — «знаменитый римский живописец, Александр Иванов, долго работавший в Риме, бывал частым гостем Гоголя на via Sistina» *(примеч. Вяч. Иванова)*. *Пиранези*, Джованни Баттиста (1720—1778) — итальянский художник и архитектор. Сонет VI: *Лоренцо* — Лоренцо Медичи по прозванию Великолепный (1449—1492) — глава Флорентийской республики, покровитель искусств и наук. Сонет VII: *Асклепий* — в греческой мифологии сын бога Аполлона, бог врачевания. Сонет VIII: *Треви* — знаменитый фонтан в Риме.

FERREA TURRIS. Современные записки. 1938. № 67. Перевод названия: Железная башня (*лат.*). Перевод эпиграфа: Воздвигается железная башня. Вергилий, Энеида, VI. 554.

MONTE TARPEO. Современные записки. 1938. № 66. *Monte Tarpeo (итал.)* — Тарпейская скала, вначале весь Капитолийский холм, позже — только его южная часть, откуда сбрасывали изменников и преступников.

«УЖ ТЫ, РАЮ МОЙ, РАЮ ПРЕСВЕТЛЫЙ...» Новый журнал. 1971. № 103.

ИЗ «РИМСКОГО ДНЕВНИКА 1944 ГОДА». Печатается по кн.: *Иванов Вячеслав.* Свет вечерний. Oxford, 1962.

ЯНВАРЬ. 3. *Младенец* — Иисус Христос.

ФЕВРАЛЬ. 5. *Мистагог* — посвящающий в таинства, учитель. 7. *Велисарий-слепец:* Велисарий (ок. 504—565) — знаменитый полководец императора Юстиниана I. В 562 г. он был обвинен в заговоре, осужден и, согласно легенде, ослеплен. Посвящение *Марку Спаини:* Марк Спанин — антропософ, директор Казино в Сан-Ремо.

МАРТ. 1. *Купель моих крестин:* Вяч. Иванов был крещен 16 марта нового стиля 1866 г. *Марс* находится в созвездии Овна последнюю треть марта и две трети апреля. *Иды* — названия дней в древнеримском календаре. Они приходятся на 15-й день марта, мая, июля и октября, в остальные месяцы на 13-е число. 3. *Платон* (427—347 гг. до н. э.) — великий древнегреческий философ, ученик Сократа.

АПРЕЛЬ. 1. *Ты слышишь арфу Ариеля:* Ариель — дух воздуха. 10. *Святой Цецилии черты:* Св. Цецилия — в католической церкви покровительница музыки и слепых. 11. Посвящение *Татьяне Львовне Сухотиной — гр. Толстой* — старшей дочери Льва Толстого.

МАЙ. 7. *Вефиль* (Дом Божий) — город в Ханаане (Бытие, 28:19). *Ирод* — царь иудейский, правивший Галилеей с 37 г. до н. э. до 2 г. н. э. *Рахиль* — младшая дочь Лавана, жена Иакова (Бытие, 29:16 и далее). 8. Посвящение *Юрию Верховскому:* Юрий Никандрович Верховской (1878—1956) — поэт-символист.

ИЮНЬ. 1. *Иградзил* (игтдрасиль) — в скандинавской мифологии древо мировое, ветви которого охватывают небеса. 4. Посвящение *поэту Джованни Кавикиоли:* Кавикиоли, Джованни (1894—1964) — итальянский писатель, родился и умер в Мирандоле. *Аларик:* Аларих I (ок. 370—410) — король вестготов. В 410 г. захватил и разграбил Рим. *Гензерик:* Гензерих (Гейзерих) (умер в 477 г.) — вождь вандалов, захватил и разграбил Рим в 455 г. *Из Мирандолы (прославлен Тихий город славой Пика):* граф Пико делла Мирандола, Джованни (1463—1494) — итальянский философ и теолог, знаток арабского, греческого, латинского, халдейского и древнееврейского языков. *(Так* ог *Льва бежал Аттила):* Аттила — царь гуннов с 434 г., умер в 453 г.; основатель огромного государства от Волги до Германии; проник в Италию в 452 г., но после переговоров с папой Львом I отступил.

ИЮЛЬ. 9. *Соловьев, Владимир* Сергеевич (1853—1900) — философ, поэт, публицист и критик. 10. *Каникула* — собачка, щенок *(лат.).* — Сириус, самая яркая звезда, в созвездии Большого Пса. *Купол* — купол собора св. Петра. 11. *Каникула, иль песья бесь...:* ср. со стихотворением древнегреческого поэта Алкея «Лето» — *Звездный ярится пес... Бесятся псы, Женщины бесятся! Муж — без сил: иссушил Чресла и мозг Пламенный Сириус.*

АВГУСТ. 3. *De Profundis* — начало строки 130 псалма Давида «De profundis Clamavi ad te, Domine» (*лаг.*) (Biblia Sacra, Liber psalmorum, 130). Перевод — Из глубины взываю к тебе, Господи. Этот заупокойный гимн в богослужении католической церкви поют при погребении. *Палинодий* — см. прим. к стихотворению Вяч. Иванова «Палинодия».

СЕНТЯБРЬ. 1. *Вресень* — месяц, когда цветет вереск, сентябрь. *Вертоград* — сад, виноградник. 5. *Противу Павлова рожна* — аллюзия на главу 9 «Деяний святых Апостолов». Когда Савл подходил к Дамаску, «внезапно осиял его свет с неба. Он упал на землю и услышал голос», сказавший ему: «Трудно тебе идти против рожна». *«Что ты гонишь, о Савл, меня с моей земли?»* — в синодальном переводе Библии сказано: «Савл, Савл! что ты гонишь Меня?» 7. *О слове Гераклиту голос* — Гераклит Эфесский, по прозванию Темный (VI — V вв. до н. э.) — греческий философ.

ОКТЯБРЬ. 1. *Скорпий* (Скорпион) — созвездие зодиака.

ДЕКАБРЬ. 7. *Оры* — в греческой мифологии богини времен года, юности и красоты, спутницы богов, хранительницы входа на Олимп. *Сов на Акрополе не множь:* одним из атрибутов богини Афины является сова, символизирующая мудрость.

В ДЕТСКИЙ АЛЬБОМ. Печатается по кн.: Свет вечерний. (1962). Посвящение: *Alle sorelle Giuseppina e Letizia Volpicelli* (*итал.*). Сестрам Джузеппине и Летиции Вольпичелли. Летиция — крестница Вячеслава Иванова.

Георгий Владимирович Иванов

«ЭТО КАЧАЕТСЯ СОСНА...» В сборники Г. Иванова не вошло. Печатается по кн.: *Иванов Г.* Несобранное. Ред.-составитель В. Крейд. США, изд. Антиквариат, 1987.

«КАК ОСУЖДЕННЫЕ, ПОТЕРЯННЫЕ ДУШИ...» В сборники Г. Иванова не вошло. Печатается по газете «Звено» (1924, 30 июня). Г. Иванов цитирует последнюю строфу этого стихотворения в своем эссе «Закат над Петербургом» (см.: *Иванов Г.* Третий Рим. Художественная проза, статьи. Ред.-составитель В. Крейд. США, изд. *«Эрмитаж»*, 1987). В этой автоцитате последняя строка изменена: *В волшебном городе на берегу Невы*...

«БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ ДЫМИЛОСЬ...» Впервые в газете «Звено» (1924, 20 октября). Первая строфа цитируется в очерке Г. Иванова «Невский проспект» (Последние новости, 1927, 7 июня). Цитируется также и в кн. Г. Иванова «Петербургские зимы» (Париж, изд. Родник, 1928). Включено в книгу «Розы».

«ЕСЛИ ВСЕ, ДЛЯ ЧЕГО МЫ РОСЛИ...» В сборники Г. Иванова не вошло. Печатается по газете «Звено» (1924, № 90).

«В ДЫМУ, В ОГНЕ, В СИЯНЬИ, В КРУЖЕВАХ...» Впервые в журнале «Благонамеренный» (Брюссель) (1926, № 1). Здесь печатается по кн.: *Иванов Г.* Несобранное (1987).

«ЗАБУДУТ И ОТЧАЯНЬЕ И НЕЖНОСТЬ...» В сборники Г. Иванова не вошло. Печатается по кн.: *Иванов Г.* Несобранное (1987).

«НАПРАСНО ПРОЛИТА КРОВЬ...» Розы. Париж, 1931. Впервые в журнале «Благонамеренный» (1926, № 1), в подборке из трех стихотворений под общим заглавием «Стансы».

«В ТРИНАДЦАТОМ ГОДУ, ЕЩЕ НЕ ПОНИМАЯ...» «Розы». Ранее в «Звене» (1926, 16 мая), без разбивки на строфы.

«ПРИСЛУШАЙСЯ К ДАЛЬНЕМУ ПЕНЬЮ...» «Розы». Впервые — в газете «Дни» (Париж) (1926, № 1057). Затем — в «Звене» (1928, № 2). *Эолова арфа* — узкая и длинная деревянная коробка с натянутыми в ней струнами. В зависимости от силы ветра издает различные по высоте мелодичные звуки.

«ЗАКРОЕШЬ ГЛАЗА НА МГНОВЕНЬЕ...» «Розы». В «Звене» (1925, 16 марта) 4-я строка читается: *Какую-то сложную дрожь.*

«ОТ СИНИХ ЗВЕЗД, КОТОРЫМ ДЕЛА НЕТ...» «Розы». Впервые — в «Звене» 7 сентября 1925 г. под названием «Стансы». Затем — в «Числах» (1930. Кн. 1), без изменений, но без разбивки на строфы. 10-я строка в «Звене»: *Он холодно скользит к границам мира.*

«ДАЛЬ ГРУСТНА, ЯСНА, ХОЛОДНА, ТЕМНА...» «Розы». Впервые — в «Звене» (1927, № 227), где 5-я строка: *Зеленеет лес, чернеет* мост. На той же странице в «Звене» напечатан портрет (силуэт) Г. Иванова работы Е. Кругликовой.

«КАК В ГРЕЦИЮ БАЙРОН...» Звено. 1927. № 227. В «Розах» — без изменений. *Байрон*, Джордж Ноэл Гордон (1788—1824) — английский поэт, принимал участие в восстании Греции против турок в 1823 г.

«СИНЕВАТОЕ ОБЛАКО...» Современные записки. 1927. XXXI. В «Розах» — без изменений.

«МЕДЛЕННО И НЕУВЕРЕННО...» Впервые — в «Последних новостях» (1928, 10 мая). Без изменений — в «Числах» (1930, Кн. 1).

«В ГЛУБИНЕ, НА САМОМ ДНЕ, СОЗНАНЬЯ...» Печатается по кн. «Розы».

«ПЕРЕД ТЕМ, КАК УМЕРЕТЬ...» Журнал «Числа» (1930, Кн. 1). В сборнике «Розы» — без изменений.

«Я СЛЫШУ — ИСТОРИЯ И ЧЕЛОВЕЧЕСТВО...» Современные запискн. 1930. XLII. В «Розах»— без изменений.

«В СУМРАКЕ СЧАСТЬЯ НЕВЕРНОГО...» Современные запнскн. 1930. XLIV. В «Розах» — без нзменений. Включено также в кн. Г. Иванова «Отплытие на остров Цитеру» (1937); здесь — с разбнвкой на двустншия.

«КОГДА-НИБУДЬ И ГДЕ-НИБУДЬ...» Последние новости. 1928. 20 декабря. Затем — а «Чнслах» (1930. Кн. 1). Вошло в «Розы».

«ЭТО МЕСЯЦ ПЛЫВЕТ ПО ЭФИРУ...» Впервые — в «Современных запнсках» (1931, № 57), в подборке «Восемь стнхотворенні», явнвшейся основой будущего сборнмка «Отплытие на остров Цитеру» (Берлнн, нзд. Петрополнс, 1937). Известна точная двта выхода из печатн этой книги: 13 января 1937 г. В настоящем нзданнн печатается по «Отплытию». В журнальном варнанте разночтенне а последней строке: *Где душа твоя в счастье легит.*

«ЭТО ЗВОН БУБЕНЦОВ ИЗДАЛЕКА...» Чнсла. 1930—1931. Кн. 4; последнее в подборке нз семи стихотворений под общнм назаанием «Разрозненные строфы» (1930). Вошло в «Отплытие».

«РОССИЯ СЧАСТИЕ. РОССИЯ СВЕТ...» Современные запнскн. 1931. № 47. В сборнике «Отплытие»— без изменений.

«СЛОВО ЗА СЛОВОМ, СТРОКА ЗА СТРОКОЙ...» Соаременные запискн. 1932. № 48; а подборке нз шести стихотворенні под общнм заголовком: «Из кннги «Ночной смотр». В ходе работы над своим восьмым сборннком Г. Иваноа решил вместо назаания «Ночной смотр» двть ему название «Отплытне на острова Цитеру». Ср. пераое двустншие со стнхамн Ф. И. Тютчева:

Дума за думой, волна за волной —
Два проявленья стихии одной...

«ЖИЗНЬ БЕССМЫСЛЕННУЮ ПРОЖИЛ...» Впервые а ежемесячном журнале «Встречи» (1934, № 1), нздааавшемся под редакцней Г. Адамовнча н Л. Кантора. Здесь печатается по «Отплытню на остров Цитеру» (1937). В журнальном варнанте — иная разбнвка на строфы.

«ТАК ИЛЬ ЭТАК. ТАК ИЛЬ ЭТАК...» Соаременные запнски. 1934. № 55. Затем — в «Отплытни» (1937). В журнальном варианте 4-я строка: *Годы долгие решалось.* Ср. со стихотворением И. Анненского «То и Это» в сборнике «Кнпарнсовый ларец».

«В ШУМЕ ВЕТРА, В ДЕТСКОМ ПЛАЧЕ...» Печатается по кн. «Отплытие на остров Цитеру» (1937). Напнсано а сентябре 1936 г.

«БЫЛО УТРО КАКОГО-ТО ЛЕТНЕГО ДНЯ...» Впервые — в лнтературном альманахе «Орнон» (1947), в подборке из десятн стихотворений с датой: 1944—1945. Напнсано в Бнаррнце (Франция). Здесь печатается по сборнику «Портрет без сходства».

«ОН СПАЛ, И ОФЕЛИЯ СНИЛАСЬ ЕМУ...» Напечатан в альманахе «Русский сборник» (Парнж, нзд. Подорожннк, 1946). В «Портрете без сходства»— иная рвзбивка на строфы. В архнве Иллинойсского унвверснтета (Эрбанв — Шампейн, США) хранится автограф этого стнхотворения с разночтеннямн в последней строфе:

И зная, что гибель стоит за плечом,
Мечтать ни о ком, грустить ни о чем.

«НИЧЕГО НЕ ВЕРНУТЬ. И ЗАЧЕМ ВОЗВРАЩАТЬ?..» Впераые — а «Возрожденин» (Парнж), январь 1949, № 1, с датой под стихотаореннем: 1947.

«В КОНЦЕ КОНЦОВ СУДЬБА ЛЮБАЯ...» Печатается по кн.: *Иванов Г.* Портрет без сходства (1950). Ранее — а лнтерптурном альманахе «Орнон» (Парнж, 1947). В «Портрете»— без разночтений, не счнтая пунктуации.

«С БЕСЧЕЛОВЕЧНОЮ СУДЬБОЙ...» Впервые — в альманахе «Орнон» (Парнж), где последнне строки чнтаются:

Закатом справа залито,
А слева тонет в звездах.

В настоящем нзданни печатается по кн. «Портрет без сходства».

«ЧТО-ТО СБУДЕТСЯ, ЧТО-ТО НЕ СБУДЕТСЯ...» Напнсано а 1948 г. Впервые напечатано в «Новом журнале» (1949, № 22). Здесь печатается по кн.: *Иванов Г.* Портрет без сходства. Парнж, нзд. Рнфма, 1950.

«ЛУНАТИК В ПУСТОТУ ГЛЯДИТ...» Печатается по кн. «Портрет без сходства». Впервые — в «Новом журнале» (1949, № 22); в журнальном варианте — без разбивки на строфы.

«ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР ПРОЗРАЧНЫЙ И ГРУЗНЫЙ...» Возрождение. 1950. № 9. Май — июнь; в «Портрете без сходства» — без изменений.

«ТЕПЕРЬ ТЕБЯ НЕ УНИЧТОЖАТ...» Возрождение. 1949. № 5. Сентябрь — октябрь. В «Портрете» — без изменений, кроме пунктуационных.

«У ВХОДА В БОЙНИ, СКВОЗЬ СТАЛЬНОЙ ТУМАН...» Печатается по «Портрету без сходства». Впервые — в газете «Дни» (Париж) (1926, № 1057). Вторая строфа в газетной публикации:

А небо было в розах и огне —
Таких, что сердце начинало биться.
Казалось, вся печаль о уходящем дне,
Казалось, вся любовь, обещанная мне,
Там пламенеет и клубится.

«ЕСЛИ БЫ ЖИТЬ... ТОЛЬКО БЫ ЖИТЬ...» Печатается по «Портрету без сходства». Ср. с сонетом И. Анненского «Желанье жить»:

И во всем безнадежность желанья:
«Только б жить, дольше жить, вечно жить.»

«О НЕТ, НЕ ОБРАЩАЮСЬ К МИРУ Я...» Впервые — в «Новом журнале» (1951, № 25), в подборке под заголовком «Стихи 1950 года».

«ЕСЛИ БЫ Я МОГ ЗАБЫТЬСЯ...» Новый журнал. 1951. № 25.

«НУ, МАЛО ЛИ ЧТО БЫВАЕТ?..» Печатается по кн.: *Иванов Г.* 1943—1958. Стихи. Вступительная статья Романа Гуля. Издание «Нового журнала». Нью-Йорк, 1958.

«КАК ВСЕ БЕСЦВЕТНО, ВСЕ БЕЗВКУСНО...» «1943—1958 Стихи». Впервые — в «Новом журнале» (1951, № 25), в подборке «Стихи 1950 года».

«КАК ОБИДНО — ЧУДНЫМ ДАРОМ...» Новый журнал. 1951. № 25. Написано в 1950 г.

«ДРУГ ДРУГА ОТРАЖАЮТ ЗЕРКАЛА...» Написано в мае 1950 г. Напечатано в «Возрождении» (1950, № 9). В настоящем издании печатается по кн. «Портрет без сходства». Ср. первое двустишие со стихотворением З. Гиппиус «Зеркала повсюду»:

Друг друга они повторяли,
Друг друга они отражали.

«ТО, ЧТО БЫЛО, И ТО, ЧЕГО НЕ БЫЛО...» Новый журнал. 1951. № 25; в подборке «Стихи 1950 года». В сборнике «1943—1958 Стихи» — без разночтений.

«ЭТОЙ ЖИЗНИ НЕЛЕПОСТЬ И НЕЖНОСТЬ...» Новый журнал. 1951. № 25; затем — в кн.: «1943—1958 Стихи».

«МЕЛОДИЯ СТАНОВИТСЯ ЦВЕТКОМ...» «1943—1958 Стихи». Впервые — в «Новом журнале» (1951, № 25). В журнальной публикации два заключительных двустишия объединены в четверостишие.

«ЭМАЛЕВЫЙ КРЕСТИК В ПЕТЛИЦЕ...» «1943—1958 Стихи». Впервые в «Новом журнале» (1951, № 25), где напечатано без разделения на строфы. Написано в 1950 г.

«НЕ ОБМАНЫВАЮТ ТОЛЬКО СНЫ...» «1943—1958 Стихи». Впервые — в «Литературном современнике» (1952, № 3), в подборке из четырех стихотворений «Из стихов 1921 года». Очевидно, в заголовке опечатка, и следует читать «Из стихов 1951 года». В журнальной публикации стихотворение напечатано без разбивки на строфы.

«ПОЭЗИЯ: ИСКУССТВЕННАЯ ПОЗА...» Новый журнал. 1952. № 31. Затем — в кн. «1943—1958 Стихи».

«ВСЕ ПРЕДСТАВЛЯЮ В БЛАЖЕННОМ ТУМАНЕ Я...» «1943—1958 Стихи». Впервые — в нью-йоркском журнале «Опыты» (1953, № 1), в подборке «Из стихов 1952-го года». В журнальной публикации 3-я строка: *Светлые волны прекрасной реки...*

«ЗА ТРИДЦАТЬ ЛЕТ ТАКОГО МАЯНЬЯ...» *Иванов Г.* Несобранное. Если первую строку понимать буквально, то стихотворение следует датировать 1952 г., когда исполнилось 30 лет со времени отъезда Г. Иванова из Петербурга в командировку, оказавшуюся «командировкой» навсегда.

«МНЕ БОЛЬШЕ НЕ СТРАШНО. МНЕ ТОМНО...» «1943—1958 Стихи». В первой публикации (Новый журнал, 1952, № 31) была еще и третья строфа:

...Я вижу со сцены — к партеру
Сиянье... Жизель... облака...
Отплытье на остров Цитеру,
Где нас поджидала че-ка.

«ТОРЖЕСТВЕННО КОНЧАЕТСЯ ВЕСНА...» Печатается по кн.: *Иванов Г.* 1943—1958 Стихи. Впервые — в «Новом журнале» (1952, № 31), где в последней строке разночтение: *Рассыпали — метелкой подмели.*

«МЕНЯЕТСЯ ПРИЧЕСКА И КОСТЮМ...» «1943—1958 Стихи». Впервые — в «Новом журнале» (1952, № 31) — последнее в подборке из четырех стихотворений с датой: 1952.

«ЧЕМ ДОЛЬШЕ ЖИВУ Я, ТЕМ МЕНЕЕ...» Новый журнал. 1953. № 33; в подборке «Дневнпк (март — май 1953)». В сборнике «1943—1958 Стихи» — без изменений, кроме пунктуации.

«Я ТВЕРДО РЕШИЛСЯ И ТУТ ЖЕ ЗАБЫЛ...» «1943—1958 Стихи». Впервые — в «Новом журнале» (1953, № 33), где последняя строка читается: *Душистую влажность сирени.* Написано весной 1953 г.

«ЗВЕЗДЫ МЕРКЛИ В БЛЕДНЕЮЩЕМ НЕБЕ...» Новый журнал. 1953. № 33. Написано в 1953 г.

«СОЗНАНЬЕ, КАК МОРЕ, НЕ МОЖЕТ МОЛЧАТЬ...» «1943—1958 Стихи». Впервые — в «Новом журнале» (1954, № 38). В подборке «Дневник (1954)».

«БЕЛАЯ ЛОШАДЬ БРЕДЕТ БЕЗ УПРЯЖКИ...» Литературный современник. Альманах. Мюнхен, 1954. Без изменений — в сборнике «1943—1958 Стихи».

«НУ ДА — НЕМНОГО ЧЕЛОВЕЧНОСТИ...» *Иванов Г.* Несобранное. Написано в 1954 г. Другой вариант этого стихотворения опубликован в «Собрании стихотворений» Г. Иванова (под ред. В. Сечкарева и М. Далтон. Würzburg, 1975).

«ЭТО БЫЛО УТРОМ РАНО...» *Иванов Г.* Несобранное. Эпиграф — из стихотворения О. Мандельштама «Что поют часы-кузнечик...» (1917).

«РАСПЫЛЕННЫЙ МИЛЬОНОМ МЕЛЬЧАЙШИХ ЧАСТИЦ...» Впервые в «Новом журнале» (1954, № 38) — без посвящения. Здесь печатается по кн. «1943—1958 Стихи». Посвящено Ирине Одоевцевой.

«ЛУНЫ НАЧИЩЕННЫЙ ПЯТАК...» Новый журнал. 1954. № 38. Затем — в кн. «1943—1958 Стихи».

«КАЛИТКА ЗАКРЫЛАСЬ СО СКРИПОМ...» «1943—1958 Стихи». Впервые — в «Новом журнале» (1954, № 38). Написано в 1954 г.

«Я ЛЮБЛЮ БЕЗНАДЕЖНЫЙ ПОКОЙ...» «1943—1958 Стихи». Впервые — в «Новом журнале» (1954, № 38) — в подборке «Дневник (1954)». В первой публикации — без разбивки на строфы. «*Песни без слов*» — «Romances sans Paroles» Поля Верлена (1844—1896). И. Анненский переводил стихи Верлена, в частности, из его книги «Песни без слов».

«ДОЖДЯ ОСЕННЯЯ ТУМАННОСТЬ...» *Иванов Г.* Несобранное. Ред.-составитель В. Крейд. Изд. Антиквариат, 1987. Стихотворение написано под влиянием «Телеги жизни» А. С. Пушкина. *Все это было, было, было* — точное цитирование стихотворения А. Блока (1909), начинающегося этими словами.

«СЛАВА, ИМПЕРАТОРСКИЕ ТРОНЫ...» *Иванов Г.* Несобранное. Впервые опубликовано поэтом К. Померанцевым, датирующим это стихотворение приблизительно 1954 годом.

«ЛИСТЬЯ ПАДАЛИ, ПАДАЛИ, ПАДАЛИ...» Новый журнал. 1955. № 42; последнее стихотворение в подборке «Дневник (1955)». В сборнике «1943—1958 Стихи» — без разночтений.

«ТЫ НЕ РАССЛЫШАЛА, А Я НЕ ПОВТОРИЛ...» «1943—1958 Стихи». Впервые — в «Новом журнале» (1955, № 42); в подборке «Дневник (1955)». Эпиграф — из стихотворения Г. Иванова «Не о любви прошу, не о весне пою». Стихотворение «Ты не расслышала...» посвящено Ирине Владимировне Одоевцевой, которая взяла строки «*Вот наша жизнь прошла. А это не пройдет*» в качестве эпиграфа к своей книге «Десять лет» (Париж, изд. Рифма, 1961).

«МНЕ ВЕСНА НИЧЕГО НЕ СКАЗАЛА...» «1943—1958 Стихи». Впервые — в «Новом журнале» (1956, № 44) в подборке «Дневник (1955—1956)». В журнальной публикации 5-я и 6-я строки:

Только кто-то в тумане, с перрона
Улыбнулся в ночной синеве.

«НЕТ В РОССИИ ДАЖЕ ДОРОГИХ МОГИЛ...» «1943—1958 Стихи». Впервые — в «Новом журнале» (1956, № 44); в подборке, озаглавленной «Дневник (1955—1956)». *Гуль, Роман* Борисович (1896—1986) — писатель-прозаик, литературный критик, редактор «Нового журнала», автор предисловия к сборнику Г. Иванова «1943—1958 Стихи».

«ИДУ — И ДУМАЮ О РАЗНОМ...» Новый журнал. 1957. № 48. Написано в 1957 г.

«СВОБОДЕН ПУТЬ ПОД ФЕРМОПИЛАМИ...» «1943—1958 Стихи». Ранее — в «Новом журнале» (1957, № 48), с датой под стихотворением: 1957. *Фермопилы* — узкий проход на границе Фессалии и Локриды, место сражения греков с персами в 480 г. до н. э.
О Константине *Леонтьеве* Г. Иванов написал очерк «Страх перед жизнью. Константин Леонтьев и современность» (Сегодня, 1932, № 268). *Пройдя меж трезвыми и пьяными* — ср. со строкой в блоковской «Незнакомке» (1906): *И медленно, пройдя меж пьяными. «Дыша духами и туманами, Она садится у окна»* — цитируется «Незнакомка». *Леонид* — царь Спарты, предводитель греков, погиб при Фермопилах, сражаясь с персами.

«БРЕДЕТ СТАРИК НА РЫБНЫЙ РЫНОК...» «1943—1958 Стихи». Впервые — в «Новом журнале» (1957, № 50), где 13-я строка читается: *Но Врангель... Зимы в Петрограде. Мистраль* — холодный северо-западный ветер.

«ОТВЛЕЧЕННОЙ СЛОЖНОСТЬЮ ПЕРСИДСКОГО КОВРА...» «1943—1958 Стихи». Впервые — в «Новом журнале» (1957, № 51), в подборке «Дневник 1957».

«ВЕЧЕР. МОЖЕТ БЫТЬ, ПОСЛЕДНИЙ...» Возрождение. 1959. № 89.

«ОТЧАЯНЬЕ Я ПРЕВРАТИЛ В ИГРУ...» Опыты. 1958. № 9.

«ДЛЯ ГОЛОДНЫХ СОБАК ПОНЕДЕЛЬНИК...» Опыты. 1958. № 9.

«СТРОКА ЗА СТРОКОЙ. ТОСКА. ОБЛАКА...» Новый журнал. 1960. № 59. Эпиграф — из стихотворения Г. Иванова «Свободен путь под Фермопилами» (см. прим.). *«И голубые комсомолочки...»* — автоцитата из стихотворения «Свободен путь под Фермопилами». *Должно быть, умер и за них* — неточная автоцитата из этого же стихотворения.

«ДЫМНЫЕ ПЯТНА СОСЕДНИХ ОКОН...» Новый журнал. 1959. № 56.

«ПОБРИЛИ КИКАПУ В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ...» Новый журнал. 1959. № 56. В настоящем издании мы исключили из основного текста ошибочное подстрочное примечание Г. Иванова: «Стихотворение художника Н. К. Чурляниса (1875—1911)». На самом же деле первая строфа в стихотворении Г. Иванова является неточной цитатой из стихотворения Тихона Васильевича Чурилина (1885—1944) «Конец Кикапу», напечатанного в альманахе «Весенний салон поэтов» (1918), в котором опубликованы и стихи самого Г. Иванова. У Чурилина:

Побрили Кикапу — в последний раз.
Помыли Кикапу — в последний раз.
С кровавою водою газ
И волосы, его.
Куда-с?

«В ВЕТВЯХ ОЛЕАНДРОВЫХ ТРЕЛЬ СОЛОВЬЯ...» Новый журнал. 1959. № 58; в подборке «Посмертный дневник». 2-я строка — неточная автоцитата из стихотворения «Калитка закрылась со скрипом» (сборник «1943—1958 Стихи»).

«А ЧТО ТАКОЕ ВДОХНОВЕНЬЕ?..» Новый журнал. 1961. № 60; в подборке «Посмертный дневник». 8-я строка: цитата из стихотворения Ф. И Тютчева «Цицерон» (1830), начинающегося словами: *«Оратор римский говорил». Азраил* (Израил) — ангел смерти у мусульман.

«МЕНЯ УНОСИТ ОКЕАН...» Впервые — в «Новом журнале» (1959, № 56); в подборке под заголовком «Посмертный дневник». *Тимпан* — древний ударный музыкальный инструмент.

«ЗАЧЕМ КАК ШАЛЬНЫЕ СВИСТЯТ СОЛОВЬИ...» Впервые — в «Новом журнале» (1959, № 56). 1-я строка — неточная автоцитата из стихотворения «Эоловой арфой вздыхает печаль» (сборник «Сады»). 3-я строка — автоцитата из того же стихотворения.

Александр Алексеевич Кондратьев

В ЦЕРКВИ В ДЕНЬ УСПЕНЬЯ. Печатается по автографу. Включено в сборник А. Кондратьева «Закат», вышедший посмертно под ред. В. Крейда (США, Коннектикут, изд. Антиквариат, 1990). Ранний вариант последней строфы, датированной 17.VIII.1919:

Девство сохранившая, рождая,
Мира не оставив в день Успенья,
К жизни Ты восстала бесконечной,
Матерь жизни, Дева Преблагая,
По Твоей молитве Сын Предвечный
Наши души сохранит от тленья.

НА УСТУПАХ МАССАНДРЫ. Печатается по автографу. Вошло в посмертный сборник А. Кондратьева «Закат».

«СЛЫШИШЬ ВЕТРА ХОЛОДНОГО ПЕНИЕ...» Печатается по автографу. Опубликовано в альманахе «Священная лира» (Варшава, 1937). В альманахе участвовали кроме А. Кондратьева Л. Гомолицкий и Г. Клингер.

«ЛАЗУРЬ НЕБЕС НАД МОЕЙ ГОЛОВОЮ...» Печатается по автографу. Вошло в «Закат». В рукописях Кондратьева встречается и другая дата под стихотворением: 16.IX.1918 — 17.IV.1919. Варианты: 4-я строка: *Сквозь шум и шелест столетних дубо́в; Сквозь шум и шелест тенистой дубравы; Сквозь шум и шелест дубо́в темнолистых;* 8-я строка: *Твои ступни лобызающий жадно;* 10-я строка: *Златистой зелени риз твоих свежих;* 22-я строка: *О, многогрудая Матерь-Кибела! Кибела* — богиня плодородия, культ которой возник в Малой Азии и был перенесен в Грецию.

«ПОД ЗАЩИТУ ТВОЮ ПРИБЕГАЕМ...» Печатается по автографу. Первая публикация — в «Волынском слове» (Ровно) (1921, № 71). Вошло в сборник «Закат» под названием «В день Покрова». Вариант 3-ей строки: *Огради нас от бед и скорбей;* 6-й строки: *С грустью в сердце, в молчании строгом;* 8-й строки: *В этом храме простом и убогом. Покров* (Покров Пресвятой Богородицы) — праздник православной церкви, празднуется 1 октября старого стиля.

ГЕРАКЛЕС ОМФАЛЕ. Печатается по автографу. *Гераклес,* или Геракл — известнейший из греческих героев. *Омфала* — царица Лидии, которой Геракл был отдан в рабство.

«СЕРЕБРЯСЬ, БЛИСТАЕТ ЮНАЯ ЛУНА...» Печатается по автографу. Включено в сборник «Закат».

ЛЯГУШКИ. Печатается по автографу. Впервые напечатано в «Волынском слове», 3 мая 1921 г. Вошло в сборник «Закат».

«О, УСНИ МОЕ СЕРДЦЕ УСТАЛОЕ!..» Печатается по автографу. Впервые — в «Волынском слове» 13 мая 1921 г. Вошло в «Закат». 4-я строка в раннем варианте читается: *Прилетит к тебе радость бывалая.*

«ЗАЛИВАЯСЬ, ПОЮТ СОЛОВЬИ...» Печатается по автографу. Впервые — в «Волынском слове» 13 мая 1921 г. Вошло в «Закат», где 4-я строка читается: *Сыплет крестики наземь свои.*

8 ФЕВРАЛЯ. Печатается по автографу. Впервые — в газете «Молва» (Варшава), № 264. В бумагах Кондратьева сохранилась эта газетная вырезка с надписью его рукой: «Посылаю Вам на память стихи свои, посвященные воспоминаниям о СПБ университете, в исправленной редакции. По недосмотру напечатал с одной лишней стопой в одной из строк». А над заголовком — другая надпись: «СПБ университет, как доказал П. Б. Струве, старше Московского». Кондратьев окончил юридический факультет Петербургского университета, где учился вместе с Блоком и Савинковым. 8 февраля — дата основания университета, ежегодно отмечавшаяся выпускниками и студентами. Стихотворение перепечатано в еженедельнике «Панорама» (Лос-Анджелес) 6—13 июля 1990 г. (публикация В. Крейда).

Стигийские поля — берега реки Стикс, протекающей в царстве мертвых, где бродят тени усопших. *Двенадцать коллегий* — главное здание Петербургского университета.

ПОСВЯЩЕНИЕ ТЭФФИ. Печатается по автографу. С писательницей *Тэффи* (Надежда Александровна Бучинская, урожденная Лохвицкая, 1872—1952) Кондратьев был знаком еще по Петербургу. Живя на Волыни, Кондратьев переписывался с Тэффи. *Сирены* — в греческой мифологии женщины с туловищем птицы, жившие у берегов Южной Италии, своим чарующим пением завлекали мореплавателей и убивали их. *Грюнберг* (точнее — Гринберг, Роман Николаевич (1897—196?) — издатель. *Гессен,* Иосиф Владимирович (1865—1943) — издатель, редактор, в частности, один из редакторов берлинской газеты «Руль».

«ПОСМОТРИ: ЗАЗЕЛЕНЕЛИ ГОРЫ...» Печатается по автографу. Включено в «Закат». Посвящено Елене Павловне Кондратьевой (урожденной Красовской, 1874—1944), жене поэта. Вариант 2-й строки: *Солнце блещет с синей высоты.*

«ВОТ ВЕЩИ НУЖНЫЕ ДЛЯ ТВОРЧЕСТВА ПОЭТАМ...» Печатается по автографу. Опубликовано в статье В. Крейда «Забытый поэт Александр Кондратьев» (Панорама) (Лос-Анджелес, 1990. № 482). В одном из вариантов стихотворение названо — «С французского».

ВЕРТОГРАД НЕБЕСНЫЙ. Печатается по альманаху «Священная лира» (Варшава, 1937). Варианты в автографе — 26-я строка: *Обрати, Благодатная, взор;* 28-я строка: *Распростри Твой златой омофор. Омофор* — часть епископского облачения, широкая лента, надеваемая поверх других одеяний.

«НАШЕ Я ПРЕХОДЯЩЕ И ТЛЕННО...» Печатается по альманаху «Священная лира» (Варшава, 1937). В автографе стихотворение датировано: 18—19.X.31 г. Ранее напечатано было в газете «Русское слово» (1934, № 157), с вариантом в 4-й строке: *Пред Тобою мелькают мгновенно.*

«ЕСТЬ В ЦАРСТВЕ СНОВ СТРАНА...» Печатается по автографу. Тематически стихотворение перекликается с повестью Кондратьева «Сны», написанной в 1930-е годы и впервые опубликованной в 1990 г. в «Новом журнале» (Нью-Йорк), № 179. Публикация В. Крейда. *Грифон* — мифическое животное с птичьей головой, крыльями орла и туловищем льва.

«ОБИТАЛИЩЕ ДУШ, ОТРЕШЕННЫХ ОТ ТЕЛА...» Печатается по автографу. Опубликовано в «Русской мысли» (Париж) 18 сентября 1969 г.

«СЕСТЕР КАСТАЛЬСКИХ БЛАГОСТЫНИ...» Печатается по автографу. Опубликовано Глебом Струве в «Русской мысли» 29 мая 1969 г. *Кастальский ключ* — источник у подножия Парнаса, посвященный Аполлону и музам. *Горынь* — река на Волыни; село Дорогобуж, где жил в эмиграции Кондратьев с 1918 по 1939 г., находится поблизости от реки Горынь.

МАРЕНА. Печатается по журналу «Русская мысль» (Прага) (1922, № 6—7). Позднее — в книге Кондратьева «Славянские боги» (1936) под названием «Марена — Дажбогу», с некоторыми разночтениями и примечанием к слову «Марена»: «Богиня зимы и смерти у древних славян. Близка к Морозу».

СВЕТЛЫЙ ВИТЯЗЬ. Русская мысль. 1922. № 6—7. В книге «Славянские боги» — без разночтений, но с подстрочным примечанием: «Изображение этого бога дошло до нас на иконах св. Победоносца Георгия (в кавалерии не служившего) и в «Стихе о Егории Храбром».

ЩЕТИНСКИЙ ТРИГЛАВ. Печатается по «Русской мысли» (1922, № 6—7). В 1936 г. — в книге «Славянские боги» с примечанием: «Божество, лики которого соответствуют фазам луны. Черная масть коня указывает на ночный характер этого бога...»

ДЗЕВАННА. Печатается по «Русской мысли» (1922, № 6—7). В «Славянских богах» — с подстрочным примечанием, относящимся к 4-й строке: «В Польше эту богиню считали покровительницей невест. Ее именем назван там цветок».

МЕСЯЦ. Печатается по «Русской мысли» (1922, № 6—7). В «Славянских богах» — без разночтений, не считая пунктуации и подстрочного примечания.

ПЕРУН — ВЕЛЕСУ. Печатается по автографу. В «Славянские боги» не вошло. По-видимому, Кондратьев предполагал включить это стихотворение во второе издание «Славянских богов» — замысел, о котором поэт неоднократно упоминает в своих письмах и которому не суждено было осуществиться.

ЗА БЕЛОЙ ЛЕБЕДЬЮ, ЦАРЕВНОЮ МОРСКОЙ. Печатается по автографу. Включено в «Славянские боги», где напечатано под названием «Месяц — Перуну» и без даты под стихотворением.

ЛЕШАЧИХА. Печатается по автографу. Вошло в «Славянскне богн», где иапечатано с одиим рвзночтением и без даты.

ЗЕМЛЯ 1. Печатается по книге А. Коидратьева «Славяиские боги». Стихотворения на мифологические темы. 1936. В предисловии к зтому сборнику, включающему 69 соиетов, Кондратьев писал: «...я пытался восстаиовить по имевшимся в моем распоряжеини осколкам божественные лики славяиского пантеона и дать некоторым из них возможность мелькнуть перед читателем иа фоне сонета». Название «Земля 1» объясняется тем, что в книге нмеется еще соиет — под названием «Земля 11».

СОН ЛЕТА. «Славяиские боги».

МОРСКОЙ ЦАРЬ. «Славянскне богн». В автографе стихотворение датировано: 26.IV.1923.

МОРСКАЯ ЦАРЕВНА. «Славяиские боги». Дата под автографом: 14/27.1.22

ВИЛЫ. «Славяискне боги».

КУКОЛКА-ЧУЧЕЛКА 1. «Славяиские боги». В автографе рвзночтенне в 8-й строке: *И даже трясовиц зловредных прочь гоня.* Дата в автографе: 17.XII.1921.

КУКОЛКА-ЧУЧЕЛКА II. «Славяиские богн». В автографе — без разночтений, не счнтая вариаита в 1-й строке: *Давно перехожу я от семьи в семью,* а твкже даты под соиетом: 18.XII.1921.

БАБА-ЯГА. «Славяиские богн». В автографе дата под соиетом: 3 марта 1923.

КИКИМОРА — БАЮНУ. «Славяиские боги».

ВИЙ. «Славяиские боги».

БОЛОТНИК. «Славяиские боги». В автографе — датв: «27.IV.1925 ст. ст.».

БОЛОТНИЦЫ. «Славяиские боги». Разночтеине в автографе: 1-я строка: *Сверкая, облила сиянием луна.* Дата под стихотвореинем в автографе: 2.XII.23.

МИКУЛА. «Славяиские боги». В автографе дата — «4.III.23 и. ст.».

ДОМОВОЙ. «Слвяиские богн».

ПОЛЕВИК. «Славяиские боги».

КОРОВЬЯ СМЕРТЬ. «Славяиские боги».

ОГНЕННЫЙ ЗМЕЙ. «Славяиские боги». В автографе варнвнт в 11-й строке: *И к гостю тянется, зардевшись словно мак...* Разиочтение в 12-й строке: *И обняла его... «Ну, ждет тебя награда».*

ВЕДЬМА. «Славяиские боги».

УПЫРЬ. «Славяиские богн». Сонет написаи 28 февраля 1923 г. Разночтение в 1-й строке автографа: *Тоска лежит на сердце. Тихо. Ночь темна.*

ТРЯСАВИЦА АКИЛЕД. «Славяиские боги». В автогрвфе — дата под стихотвореннем: Июль 1925 г. Разночтение в 12-й строке: *И каждая его в объятиях сожмет.*

Сергей Константинович Маковский

ВОСТОК И ЗАПАД. Сполохн. 1922. № 6.

«СУДЬБЫ ПЕРЕХИТРИТЬ НЕ ПРОБУЯ...» Сполоки. 1922. № 11.

«АХ, ЭТИ ГОРЫ!..» Somnium breve. Парнж, 1948. В предисловии к зтому сборнику с латиискним названием (в переводе — «Краткий сон») Маковскнй писал, что «большинство стихов, соствввиих зту книжку, было напечатано на протяженни четверти века в различных повременых нздвнияк». Эпигрвф — из стихотворения Ф. Тютчева «О, зтот Юг! о, зта Ннцца!..» Стихотвореиие «Ах, зти горы!..» вошло также в аитологию Ю. П. Иваска «На Западе» (Нью-Йорк, 1953).

ПЕВИЦА. «Somnium breve». Печаталось твкже в аитологии «На Звпаде».

«ВСЕ СЛЕЗЫ К СТАРОСТИ...» «Somnium breve». Включено в аитологию «Эстафета», составленную позтвмн И. Яссеи, В. Андреевым н Ю. Терапнвно.

«КОГДА В ТЕБЯ ТОЛПОЙ ВОРВУТСЯ...» «Somnium breve».

НИЩИЙ. «Somnium breve».

«О, МИР ДВОЯЩИЙСЯ, МИР ОТРАЖЕНИЙ...» «Somnium breve». *Граф Петр Андреевич Бобринский* (1893—1962) — поэт, змигрировавший в 1920 г. в Константинополь н вскоре в Парнж, где прожил более сорока лет. Участнннк

парижского поэтического кружка «Перекресток». Сборник стихотворений Бобринского (Стихи. Париж, 1969) вышел посмертно с предисловием Г. Адамовича. *Серафим* — шестикрылый ангел.

«ПЫЛАЕТ НЕБО НАД ПУСТЫНЕЙ...» «Somnium breve».

ПЛИТЫ. «Somnium breve». Напечатано также в антологии «Эстафета».

«СПЕШИ, ДУША! УЖ БЛИЗОК ПЕРЕЛЕТ...» «Somnium breve». Включено в антологию Ю. П. Иваска «На Западе» (1953).

«СТОНЕТ НОЧЬ, КУДА-ТО МАНИТ...» «Somnium breve».

«ВОЗЛЮБЛЕННАЯ ТИШИНА...» «Somnium breve». Эпиграф из «Оды на день восшествия на всероссийский престол ея величества государыни императрицы Елисаветы Петровны».

«ЭТА БЕЛАЯ ТИШЬ — ЧАРУЕТ ОНА!..» Еще страница. Восьмая книга стихов. Париж, 1957. Этот сборник был напечатан 28 августа 1957 г.

СОЧЕЛЬНИК. «Еще страница». Вошло также в антологию «Муза диаспоры» (1960). *Сочельник* — канун Рождества.

«СНЕГ РОССЫПЬЮ АЛМАЗНОЙ ПАДАЕТ...» «Еще страница».

«ОПЯТЬ, ОПЯТЬ У МОРЯ СТОЯ...» «Еще страница». Стихотворение вошло в первый раздел сборника — «На юге».

ОГАРОК. «Еще страница». Включено также в антологию «Муза диаспоры». Франкфурт-на-Майне, изд. Посев, 1960. *Пряха* — мифологический образ пáрки, богини судьбы.

КРЕСТ. «Еще страница» (в разделе «Раздумия»).

«БЕСКРАЙНЫЕ СУМРАЧНЫ ЗЕМЛИ...» «Еще страница» (в разделе «На юге»).

«БЫЛ СОЗДАН МИР ИЛИ НЕ СОЗДАН...» «Еще страница» (в разделе «Раздумия»).

«ВДАЛИ ОТ ГОРОДА И ОТ ЛЮДЕЙ...» «Еще страница» (заключительное стихотворение в разделе «Раздумия»).

ЗЕМЛЯ. «Еще страница» (в разделе «Раздумия»).

«Я ЕСМЬ. И НЕТ МЕНЯ — ИСЧЕЗНУ...» Печатается по кн.: Источник. Антология русской духовной лирики. Редактор-составитель Вадим Крейд. Изд. Slavic Gospel Press. Чикаго, 1989.

«ПУСТЬ ОТЧИЗНЫ НЕТ НЕБЕСНОЙ...» «Источник».

«НЕ ПОКОРЯЙСЯ ИСКУШЕНЬЮ...» «Источник». Вошло также в антологию Ю. Терапиано «Муза диаспоры».

«НЕ МЫСЛЬ — ПРЕДЧУВСТВИЕ, ПРОЗРЕНЬЕ...» «Источник».

«НЕ МОЖЕТ БЫТЬ, ЧТОБ ЭТОТ МИР ТРЕХМЕРНЫЙ...» «Источник». Вошло также в антологию Ю. Терапиано «Муза диаспоры».

«ЗНОЕН ДЕНЬ, НО С ГОР ПРОХЛАДА...» «Источник».

НАВАЖДЕНИЕ. Печатается по кн.: *Крейд В.* Прапамять. Антология русских стихотворений о перевоплощении. Изд. Антиквариат (США), 1988. *На празднике Панафиней* — праздник в честь богини Афины — покровительницы афинян. *Всходя по-царски на якобинский эшафот:* Мария Антуанетта (1755—1793) — французская королева, жена короля Людовика XVI, была казнена во время французской революции.

«ОСИРОТЕЛ БАССЕЙН. ДАВНО ЛИ ДРУЖНО...» Печатается по антологии Ю. П. Иваска «На Западе». Нью-Йорк, изд. им. Чехова, 1953.

«ГОРИТ ПОЛУДЕННОЕ ЛЕТО...» «На Западе».

ДОЖДЬ. Печатается по антологии Ю. Терапиано «Муза диаспоры».

«ЗАТИШЬЕ ВИЛЛЫ... МЕРНЫМ СТОНОМ...» «На Западе».

РИМ. Новый журнал. 1953. № 32. Перевод эпиграфа: Скажите, камни, мне, о говорите мне высокие дворцы. *Ольга Александровна Шор* — спутница жизни Вячеслава Иванова в его последний (римский) период; писала о Вячеславе Иванове под именем О. Дешарт. San Pietro — монументальный собор св. Петра в Риме. *Термы Каракаллы* — руины бань, постройка которых была начата в 212 г. во время правления императора Каракаллы и закончена в годы правления Александра Севера. *Трамонтана* — холодный северный и северо-восточный ветер. *Сад Корсини:* Корсини — знаменитый флорентийский род, известный своими богатствами, дворцом и картинной галереей. *Тиволи:* город в двух десятках километров от Рима. Водопады Тиволи многократно изображались художниками и воспевались поэтами.

REQUIEM. Новый журнал. 1960. № 59. Перевод эпиграфа: Посвящается богам и душам усопших. *Кастальские струи, высоты парнасские* — гора Парнас с двумя вершинами в Фокиде, с которой берет начало кастальский источник. *Вервие* — веревка.

Арсений Несмелов
(Арсений Иванович Митропольский)

ТИШИНА. Воля России. 1928. № 7.

СОЛДАТ. Воля России. 1928. № 7.

ШЕСТЬ. Современные записки. 1928. № 36. Вошло в сборник А. Несмелова «Белая флотилия» (Харбин, 1942).

ЛОСЬ. Москва (Чикаго). 1929. Июль.

ПРИКОСНОВЕНИЯ. Печатается по кн.: *Несмелов А.* Без России. Харбин, 1931. Ранее — в «Современных записках» (1929, № 39), с единственным, кроме пунктуационных, разночтением — в 10-й строке: *Крутились волны и несла река.*

«РУССКАЯ МЫСЛЬ». Без России. Харбин, 1931. *Бердяев* Николай Александрович (1874—1948) — философ, с 1922 г. жил в эмиграции. *Муйжель* Виктор Васильевич (1880—1924) — писатель. *Ленский* Владимир (псевдоним Владимира Яковлевича Абрамовича, 1877—1926) — поэт, сотрудничал во многих периодических изданиях.

ПЕРЕХОДЯ ГРАНИЦУ. Без России. Харбин. 1931.

БЕЛЫЙ ОСТРОВ. «Без России». *Сольвейг* — героиня пьесы «Пер Гюнт» норвежского драматурга Генрика Ибсена (1828—1906).

«ЛОВКИЙ ТЫ И ХИТРЫЙ ТЫ...» Якорь. Антология зарубежной поэзии. Составители Г. В. Адамович и М. Л. Кантор. Изд. Петрополис, 1936. *Архалук* — короткая стеганая поддевка, которую носили дома вместо халата. *Урга* — с 1924 г. Улан-Батор, столица Монголии.

ПЕСНИ ОБ УЛЕНСПИГЕЛЕ. Русские записки. 1937. № 1. Позднее — в сборнике А. Несмелова «Полустанок» (Харбин, 1938). В книжном варианте — с посвящением В. К. Обухову (Василий Константинович Обухов — поэт, выпустивший в Китае сборник стихов «Песчаный берег»). По сравнению с журнальной публикацией в книжном варианте имеются разночтения: в песне IV 16-я строка: *В узколобые глаза;* 21-я строка: *Пил и пел. Рубил. Обедал.* Поэма Несмелова написана по мотивам «Легенды об Уленшпигеле» бельгийского писателя Шарля де Костера (1827—1879). *Вильгельм I Оранский*, по прозвищу Молчаливый (1533—1584) — военачальник, проявивший себя в войне за освобождение Нидерландов из-под испанского владычества. *Герцог Альба* (Фернандо Альварес де Толедо, 1507—1582) — испанский полководец при Карле V и Филиппе II, в особенности «прославившийся» своим кровавым режимом в Нидерландах в 1567—1573 гг. *Ламе Гоодзак* (Ламме Гудзак) — герой книги «Легенда об Уленшпигеле».

«УЕЗЖАЮЩИЙ В АФРИКУ ИЛИ...» Полустанок. Харбин, 1938. Книга вышла 30 августа 1938 г. тиражом 150 экз. *Целебес* — один из островов Индонезии, входящих в группу Зондских островов.

НИЩИЕ ДУХОМ. «Полустанок». Эпиграф из Евангелия от Матфея: «Он же сказал: иди. И, выйдя из лодки, Петр пошел по воде, чтобы подойти к Иисусу...» (14 : 29). *Рубикон* — небольшая река, отделяющая Италию от древний Цизальпинской Галлии. В 49 г. до н. э., перейдя эту реку, Юлий Цезарь, не подчинившись приказу сената распустить свои войска, повел их на Рим.

ЭПИЛЕПТИК; «ВСЕ НАСТОЙЧИВЕЕ И ГРОМЧЕ...»; ПОНУЖАЙ; ЛОДОЧНИК; ИНТЕРВЕНТЫ; СТИХИ О ХАРБИНЕ; ПОХИТИТЕЛИ. Печатаются по книге «Полустанок».

ХУНХУЗ. «Полустанок». *Хунхузы* (буквально — «краснобородые») — разбойники в Маньчжурии. *Гаолян* — маньчжурское просо, растение с высоким стеблем и широкими листьями.

ОКОЛО ЦИЦИКАРА. «Полустанок». *Цицикар* — город на северо-востоке Китая в провинции Хэйлуцзян.

МОРСКИЕ ЧУДЕСА; В СОЧЕЛЬНИК. «Полустанок».

КАСЬЯН И МИКОЛА. «Полустанок». *Он дважды именинник:* именины Николая — 22 мая и 19 декабря. *Арий* — александрийский священник (IV в.), создавший учение о неравенстве Христа Богу-Отцу. Арианство было осуждено Никейским собором как ересь в 325 г. *И раз в четыре года стал именинник он*,— т. е. 29 февраля.

ПРОЩЕНЫЙ БЕС. Новый журнал. 1973. № 110. Поэма написана А. Несмеловым в Харбине в начале 1941 г. Впервые опубликована в «Новом журнале» поэтом Валерием Перелешиным. *Велес* (Волос) — в языческом культе

восточных славян бог — покровитель скота, торговли и богатства. *Перун* — у восточных слвяви бог громв, молнии и дождя.

«СЫПЛЕТ НЕБО ЩЕБЕТОМ...» Печатвется по ки. А. Несмелова «Белая флотилия». Стихи. Харбии, 1942.

В ЭТОТ ДЕНЬ. «Белвя флотилия». *Кроки* — наскоро сделаиный набросок, рисуиок.

ПОТОМКУ. «Белвя флотилия».

ЛАМОЗА. «Белая флотилия». В китайском просторечии *ламоза* — зиачит «русский».

ТИХВИН. «Белая флотилия».

МОИМ СУДЬЯМ. «Белая флотилия».

БЕДНОСТИ. «Ковчег». Сборник русской зарубежиой литературы. Нью-Йорк, 1942.

Николай Авдеевич Оцуп

«ТЫ ГОВОРИЛА: МЫ НЕ В ССОРЕ...» Беседа. 1924. № 5.

ЧАСЫ. Беседа. 1924. № 5.

«ТРАМВАИ СТАЛИ ПРОХОДИТЬ...» Беседв. 1924. № 5. *За эти девять страшных лет*, т. е. со времени нвчалв первой мировой войны и по 1923 г., когдв написвио было это стихотвореиие.

РАЗГОВОР. Беседв. 1924. № 5.

ДВЕ КАНЦОНЫ. Современные записки. 1926. № 27. *Канцона* — короткое лирическое стихотворение, чрезвычвйно отличвющееся по своей структуре у рвзных поэтов. Одиако обычной для канцоиы является посылка в конце стихотворения, как в первой канцоие у Оцупа.

ПРИРОДЕ. Современиые звписки. 1927. № 30.

«КАК ЧАСТО Я НЕ ЧУВСТВУЮ ГРЕХА...» Современиые звписки. 1927. № 30.

ЭПОХА. Современиые записки. 1927. № 33.

В ДЕРЕВНЕ. Современиые записки. 1927. № 33.

«С ЧЕГО БЫ НАЧАТЬ — С НЕЗНАКОМОЙ ЗВЕЗДЫ...» Современиые записки. 1928. № 35.

«С КАЖДЫМ ГОДОМ ТЫ БЕДНЕЙ...» Современиые записки. 1928. № 35.

ИЗ ПОЭМЫ «БАЛТИЙСКИЙ ПЕСОК». Современные записки. 1929. № 39. Этот отрывок из поэмы напечатаи также в антологии Ю. П. Иваска «На Западе» (1953).

«В ЖИЗНИ, КОТОРАЯ ТОЛЬКО ТОМИТ...»; «НЕ ТОЛЬКО В НАШ ПОСЛЕДНИЙ ЧАС...»; «ИДТИ, ИДТИ, БЫТЬ МОЖЕТ, И ВПЕРЕД...»; «ВЪЕЗЖАЮТ ПОЛОЗЬЯ ОБОЗА...»; «ПОЧТИ УПАВ, ПОЧТИ КАСАЯСЬ ЛЬДА...» Числа. 1930. № 1.

«ВСЕ БУДЕТ УНИЧТОЖЕНО, ПОКА ЖЕ...» Числв. 1931. № 4. Написано в 1929—1930 гг.

«РАСКАЧИВАЕТСЯ ПАКЕТ...»; «СНЕГ ПЕРЕДВИНУЛСЯ И ВНИЗ...»; «КОГДА УСТАНЕТ ВОРОБЕЙ...» Числа. 1931. № 4.

«ДЕЛО НЕИЗВЕСТНО В ЧЕМ...» Числа. 1931. № 4. Датируется 1929—1930 гг.

«ГДЕ СНЕГОМ ЗАНЕСЕННАЯ НЕВА...» Числв. 1932. № 6. *Последних в жизни Гумилева* — Н. Оцуп считал себя учеиником Гумилева и, живя в эмиграции, миого писал о нем. Н. Гумилев погиб в конце августа 1921 г.

«ВОЗВРАЩАЕТСЯ ВЕТЕР НА КРУГИ СВОЯ...» Числа. 1932. № 6. Написано в 1931 или 1932 г.

«ЧТОБ СИЛЬНУЮ И ГОРДУЮ СБЕРЕЧЬ...» Числа. 1932. № 6. Написвио в 1931 или 1932 г.

«ОТ ЖАЛОСТИ КО МНЕ ТВОЕЙ...» Числа. 1932. № 6. Написано в 1931 или 1932 г.

«НЕ ПРАВДА ЛИ, ЖЕМЧУГ — С ДУШОЙ...»; «ИЗМУЧЕННЫЙ, СЧАСТЛИВЫЙ И ХУДОЙ...»; «НИ СМЕРТИ, НИ ЖИЗНИ, А ТОЛЬКО ПОДОБИЕ...» Современные записки. 1932. № 50.

«О НЕЖНОСТИ И РАЕ И ОБМАНАХ...» Современные записки. 1933. № 53.

«ЖАЛКО, ЧТО С ГРУБОСТЬЮ СЕРДЦУ НЕ СПРАВИТЬСЯ...» Современные записки. 1933. № 53.

«У ГАЗЕТЧИЦ В КАЖДОМ ВОРОХЕ...» Числа. 1933. № 9.

КРАСАВИЦА. Числа. 1934. № 10.

«НЕ ЗНАЮ ИМЕНИ ЭТОЙ ПТИЧКИ...» Современные записки. 1935. № 57.

БУРЯ МГЛОЮ. Эстафета. Сборник стихов зарубежных поэтов. Париж — Нью-Йорк, 1948.

«ДОПИЛИ ЗОЛОТОЙ КРЮШОН...»; «В БЕЛОЙ ДАЧЕ НАД СИНИМ ЗАЛИВОМ...»; «НЕ ДИВО — РАДИО: НАД ОКЕАНОМ...» Печатаются по кн.: Ю. Терапиано (ред.) Муза диаспоры. Франкфурт-на-Майне, 1960.

Борис Юлианович Поплавский

ЗВЕЗДНЫЙ АД. Флаги. Стихи. Париж, изд. Числа, 1931.

ЧЕРНАЯ МАДОННА. «Флаги». Впервые — в журнале «Воля России» (1928, № 2), без посвящения. *Андреев Вадим* Леонидович (1902—1976) — поэт и прозаик. См. прим. к стихотворению А. Присмановой «Раковина».

«ВОСХИТИТЕЛЬНЫЙ ВЕЧЕР БЫЛ ПОЛОН УЛЫБОК И ЗВУКОВ...» «Флаги». Впервые — в «Современных записках» (1929, № 38). Включено в антологии «На Западе», «Муза диаспоры», «Вне России».

ДЕТСТВО ГАМЛЕТА. «Флаги».

«РОЗОВЫЙ ЧАС ПРОПЛЫВАЛ НАД СВЕТАЮЩИМ МИРОМ...» «Флаги». Включено в антологию Ю. П. Иваска «На Западе» (1953).

РОЗА СМЕРТИ. «Флаги». Впервые — в журнале «Звено» (Париж), 1928. № 5. Вошло в антологию Ю. Терапиано «Муза диаспоры» (1960). Перепечатано в кн.: *Иванов Г.* Несобранное. США, Коннектикут, изд. Антиквариат, 1987.

МОРЕЛЛА 1. «Флаги». Впервые — в «Современных записках» (1930, № 42). Вошло в антологии «На Западе» и «Муза диаспоры». *Пэри* — в персидской мифологии эфирные существа, наделенные сверхъестественной красотой; добрый гений, изображающийся в виде крылатой девы, охраняющей от злых духов.

«НЕЗДЕШНИЙ РЫЦАРЬ НА КОНЕ...» «В венке из воска». Четвертая книга стихов. Париж, Дом книги, 1938. Стихотворение включено в раздел «Дополнение к «Флагам». *Поль Фор* (1872—1960) — французский поэт.

«МАЛЬЧИК СМОТРИТ, БЕЛЫЙ ПАРОХОДИК...» «В венке из воска» (раздел «Дополнение к «Флагам»). *Геспериды* — в греческой мифологии дочери титана Атласа, хранительницы садов, где росли золотые яблоки.

«СНЕГ ИДЕТ НАД ГОЛОЙ ЭСПЛАНАДОЙ...» Снежный час. Стихи 1931—1935. Париж, 1936. Перепечатано в антологиях «На Западе» и «Муза диаспоры». *Эспланада* — открытое ровное место перед зданием.

«ВЕЧЕР БЛЕСТИТ НАД ЗЕМЛЕЮ...»; «ТРАВА РОЖДАЕТСЯ, ТЕПЛОМ ДОРОГА ДЫШИТ...»; «ВО МГЛЕ ЛЕЖИТ ПЕЧАЛЬ ПОЛЕЙ...»; «СУМЕРЕЧНЫЙ МЕСЯЦ, СУМЕРЕЧНЫЙ ДЕНЬ...»; «КАК СТРАШНО УСТАВАТЬ...» Печатается по кн. «Снежный час».

«РАННИЙ ВЕЧЕР БЛЕСТИТ НАД ДОРОГОЙ...» «Снежный час». Впервые — в «Числах» (1932, № 6).

«ПРЕЖДЕ ЗА СНЕЖНОЙ ПУРГОЮ...»; ФЛАГИ СПУСКАЮТСЯ. «Снежный час».

«РОЖДЕСТВО РАСЦВЕТАЕТ. РЕКА НАВОДНЯЕТ ПРЕДМЕСТЬЯ...» «Снежный час». Впервые — в «Современных записках» (1932, № 49). Включено в антологии «На Западе» и «Вне России». Разночтения — в «Современных записках»: 4-я строка: *Ровной синею нотой блестит на замерзшем пруде*; 5-я строка: *Четко слышится шаг, в тишине без конца повторяясь*; 9-я строка: *Рождество за окном. Отчего же такое молчанье;* 14-я строка: *Все смирилось судьбе и к луне обратилось давно*; в «Современных записках» была еще одна строфа, опущенная в «Снежном часе»:

Значит, где-то не здесь и не в городе счастье родилось.
Значит, где-то в лесу, где под елями снег недвижим,
В абсолютном смиреньи впервые в нас сердце забилось
И на миг показалось, что с звездами мы говорим.

«В ЯРКОМ ДЫМЕ ИЮНЬСКОГО ДНЯ...» «Над солнечною музыкой воды» — цикл из 16 стихотворений, включенных в книгу «Снежный час». *Эол* — бог ветров.

«ВЕТЕР ЛЕГКИЕ ТУЧИ РАЗВЕЯЛ...» «Над солнечною музыкой воды». Впервые — в «Числах» (1933, № 9).

«СТЕКЛО БЛЕСТИТ ОГНЕМ...» «Над солнечною музыкой воды».

«РАЗМЕТАВШИСЬ ШИРОКО У МОРЯ...» «Над солнечною музыкой воды». Впервые — в «Современных записках» (1932, № 50), с несколькими разночтениями: 19-я строка: *Там, в немолчном своем разговоре*; 26-я строка: *В незаметном скольженьи своем*; 29-я строка: *И на ней, в золотом равновесьи.* В «Современных записках» это стихотворение напечатано без деления на строфы.

«ЖАРКО ДЫШИТ СТЕПНОЙ ОКЕАН...» «Над солнечною музыкой воды».

«ПЕЧАЛЬ ЗИМЫ СЖИМАЕТ СЕРДЦЕ МНЕ...» Печатается по кн. «В венке из воска».

БЕЛОЕ СИЯНИЕ. Печатается по кн.: *Поплавский Борис.* Дирижабль неизвестного направления. Париж, 1965. Сборник подготовлен к печати другом Б. Поплавского Николаем Татищевым, отметившим в своем предисловии к «Дирижаблю», что стихи этого сборника были написаны между 1924 и 1935 гг. и что все они, кроме двух, ранее не публиковались.

ДОПОТОПНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ АД. «Дирижабль неизвестного направления». Впервые — в журнале «Воля России» (Прага, 1929, № 1) под заглавием «Литературный ад». В «Воле России» была строфа (третья), опущенная в «Дирижабле»:

Там снеговое молоко кипит
И убегает вдоль по тротуару.
Пока в перстах резиновых копыт
Ревет и шепчет улицы гитара.

В «Дирижабле» отсутствует также последняя в журнальном варианте строфа:

Пусть молоко вскипевшее снегов
Прольется на шелка средь клубов пара,
Под дикий рев трамваев и шагов,
Терзающих асфальтную гитару.

Супруга Лота, не гляди назад — Ангелы, решив уничтожить город Содом, погрязший в грехах, вывели из него праведника Лота и его жену и велели им не оглядываться назад. Жена Лота оглянулась и превратилась в соляной столп (Бытие, 19:15 — 26).

МОЛИТВА. «Дирижабль неизвестного направления».

РОМАНС. «Дирижабль неизвестного направления». *Саломея* — по случаю дня рождения Ирода Саломея, дочь Иродиады, плясала перед ним и так ему угодила, что он обещал выполнить любое ее желание. По требованию своей матери, жены Ирода, она попросила голову Иоанна Крестителя (Матфей, Гл. 14; Марк, Гл. 6). *Ронсеваль* — место в Пиренейских горах, где произошло сражение войск Карла Великого с басками в 778 г. Сражение в Ронсевальском ущелье явилось сюжетной канвой французского эпоса «Песнь о Роланде».

БЕСКОРЫСТЬЕ. «Дирижабль неизвестного направления».

Анна Семеновна Присманова

«НЕТ ВЕСНОЙ НА СВЕТЕ ЛИШНИХ: РАДОСТЬ ВСЯКОМУ!..» Печатается по журналу «Эпопея». Литературный ежемесячник. 1923. № 4. Журнал издавался в Берлине под редакцией Андрея Белого.

ЗЕЛЕНЫЙ ДВОРИК. Воля России. 1926. № 6—7. Стихотворение включено в первый сборник А. Присмановой «Тень и тело» (Париж, Объединение поэтов и писателей, 1937). В журнальном варианте имелась позднее опущенная строфа:

И был тогда желан и жуток ледник,
Где мыши сторожили молоко.
И пели мы усердно у обедни,
Хотя сигали сердцем далеко.

ЯБЛОКО. Печатается по сборнику «Тень н тело».

«МОЛОЧНЫХ ЧУВСТВ ДАНО НАМ ТОЛЬКО ПЯТЬ...» «Тень н тело».

КАРАНДАШ. «Теиь и тело». В мемуариой литературе встречаются свидетельства о личных встречах А. Присмаиовой и М. Цветаевой, ио, кажется, эти свидетельства отиосятся ко времени более поздиему, чем время, когда было написаио стихотвореиие «Карандаш».

«С НОЧНЫХ ВЫСОТ ОНИ НЕ СВОДЯТ ГЛАЗ...» Первое стихотвореиие в сборнике «Тень и тело». *Борис Поплавский* умер 9 октября 1935 г. Стихотвореиие «С ночных высот» было иаписаио как отклик ив поразившую Присмаиову виезапную смерть друга. Зиакомство Присмаиовой и Поплавского состоялось в 1924 г. или, самое поздиее, в 1925 г.

«НАСТОЯЩИЙ ВОИТЕЛЬ ЯВЛЯЕТСЯ ПУШЕЧНЫМ МЯСОМ...» «Тень и тело».

«ПО ВЕЛЕНЬЮ ВОДОЛЕЯ...» «Теиь и тело». В витологии «Якорь» иапечатаио под назваиием «Сердце рощи».

ГОБЕЛЕН. «Тень и тело». Впервые — в «Современных записках» (1936, № 61).

«ПТИЦЕЙ СЛОВО НАШЕ БЬЕТСЯ...» «Тень и тело».

«РАЗВЕ ПОМНИТ САДОВНИК, ОТКИНУВШИЙ СТЕКЛА К ВЕСНЕ...» «Теиь и тело». Напечатано также в альманахе «Круг» (1937, Вып. 1). *Ловитва* — ловля.

ЛЕБЕДЬ. «Тень и тело».

«НАС ЗАБЫЛИ, ДУША. МЫ ОСТАЛИСЬ НА ТОМ ПАРОХОДЕ...» «Тень и тело». *Гингер Александр* Самсоиович (1897—1965) — русский зарубежиый поэт, муж А. Присмаиовой.

ЦЕРКОВНЫЕ СТЕКЛА. Совремеиные записки. 1937. № 64. Стихотвореиие иавеяио посещеиием Руана, старинного города в шестидесяти с небольшим милях иа северо-западе от Парижа. *И обилие памятных мест* — из числа этих памятиых мест ивиболее «памятные»: кафедральиый собор Нотр Дам (1220) и место сожжеиия Жаины д'Арк (1431). *Руан* — место рождения Корнеля и Флобера.

ЯД. Впервые — в «Современных записках» (1940, № 70). Затем — во втором сборнике стихотворений А. Присмаиовой «Близиецы» (Париж, Объедииеиие русских писателей во Франции, 1946). Стихотвореиие иаписано в 1938 г., и к тому же году относятся воспомииаиия И. Одоевцевой о ее совместиом с Георгием Ивановым посещеиии Присмановой, где они встретились с пришедшей проститься перед отъездом в Россию М. Цветаевой.

ВОЛНЫ. Совремеииые записки. 1939. № 68. В сборники А. Присмановой ие вошло.

СИЯНИЕ. Впервые — в «Русских записках» (1939, № 14); вторая часть стихотворения «Пепел», затем как отдельное стихотворение в сборнике «Близнецы». Название стихотворения, по-видимому, навеяио сборником Зинаиды Гиппиус «Сияния», вышедшим в Париже в 1938 г. *Блох Раиса* Ноевна (1899—1943) — поэтесса, автор сборников «Мой город» и «Тишииа», жена поэта Михаила Горлииа. Оба погибли во время второй мировой войны.

СНЕГ. «Близнецы».

КУЗНЕЦ. «Близиецы». Стихотвореиие включеио в аитологию Ю. Терапиано «Муза диаспоры» (1960) и в аитологию В. Крейда «Пвпамять».

ТИШИНА. «Близнецы». Стихотворение навеяио буддийской философией, которую изучал Александр Гингер; ему же посвящеио стихотвореиие.

СТОЛЯР; ГОРЫ; ПРИРОДА. «Близиецы».

РАКОВИНА. «Близнецы». *Андреев Вадим* Леонидович (1902—1976) — поэт, прозаик, сын писателя Леонида Андреева, автор сборников, вышедших на Западе: «Свинцовый час», «Недуг бытия», «Второе дыхание», и поэмы «Восстанье звезд», вышедшей отдельным изданием. Вадим Андреев был одним из составителей известной в эмиграции антологии «Эстафета», название которой дано по одноимеиному стихотворению А. Гингера. В «Эстафету» включены четыре стихотвореиия А. Присмановой.

РЫЦАРЬ. «Близнецы».

«ТАК СЕРДЦЕМ ДВИЖИМЫЙ СКЕЛЕТ...» Заключительное стихотворение в сборнике «Близнецы». *Заполнила я эту книгу* — книгу «Близнецы».

ЧАЙ. Печатается по кн.: *Присманова А.* Соль. Третья книга стихов. Париж, Объединение русских писателей во Франции, 1949. Третья часть поэмы впервые была напечатана в антологии «Эстафета» под названием «Зной», с подзаголовком «отрывок из поэмы «Чай» и с датой: Париж, июль 1947. *Но наша связь с Землею Неба* — т. е. с Поднебесной (с Китаем).

ОСВОБОЖДЕНИЕ. «Соль» (1949). *Георгий Раевский* — псевдоним Георгия Авдеевича Оцупа (1897—1963), брата поэта Николая Оцупа, стихотворения которого включены в настоящее издание. Георгий Раевский — автор поэтических сборников: «Строфы» (1928), «Новые стихотворения» (1946), «Третья книга» (1953).

КОЛЕСО. «Соль» (1949).

СЕСТРЫ. Впервые — в журнале «Новоселье» (1948, № 37—38), затем (с разночтениями) — в сборнике «Соль» (1949), по которому и печатается в настоящем издании. Позднее перепечатано в антологии «На Западе» (1953) и в антологии «Вне России» (1978). Сестры *Марфа* и *Мария* — персонажи евангельской притчи. Марфа приняла в своем доме Иисуса и более всего заботилась об угощении; Мария же села у ног Иисуса и слушала каждое его слово (Лука, 10:38—42).

ПРОСТИ. «Соль» (1949).

ТУМАН. Опыты (Нью-Йорк). 1953. № 2.

ОБЛАКО. Новый журнал (Нью-Йорк). 1956. № 46.

Игорь Северянин
(Игорь Васильевич Лотарев)

ПОЭЗА ПРИЧИНЫ БОДРОСТИ. Печатается по кн.: *Северянин И.* Менестрель. Новейшие поэзы. Т. 12. Изд. Москва. Берлин, 1921. *В республике миниатюрной* — в Эстонии, где Северянин жил с 1918 г.

ПОЭЗА ПРАВИТЕЛЬСТВУ; ОСЕННЯЯ ПАЛИТРА. «Менестрель».

РОНДЕЛЬ XVI. «Менестрель». *Рондель* — одна из так называемых «твердых форм» в европейской поэзии — вариант рондо, ограничивающий стихотворение 13 или 14 строками, в зависимости от типа рифмовки.

НОНА. «Менестрель». *Нона* — девятистрочная строфа.

РИСУНОК; ПОЭЗА ЛЕТНЕЙ ВСТРЕЧИ. «Менестрель».

ФЕЯ EIOLE. Печатается по сборнику И. Северянина «Фея Eiole» Поэзы 1920—1921 гг. Т. 14. Берлин, изд. Отто Киркнер и К°, 1922. Это стихотворение впервые опубликовано в газете «Голос России» (Берлин).

ПОДРУГАМ. «Фея Eiole». Впервые в газете «Голос России» (Берлин), следующая публикация — в «Новом русском слове» (Нью-Йорк). *Помпеи* — город в Италии, засыпанный пеплом при извержении Везувия в 79 г. *Троя* — главный город Троады (в Малой Азии), разрушенный и разоренный греками.

SIREL. «Фея Eiole». Впервые — в «Голосе России».

TÜU И ANI. «Фея Eiole». Впервые — в «Голосе России».

РАСЦВЕТ СИРЕНИ КУЛЬТИВИРОВАННОЙ. «Фея Eiole». Впервые — в газете «Свободное слово» (Ревель, 1921); в том же году перепечатано в газете «Сегодня» (Рига). *Фелисса* Михайловна Круг (1902—1957) — жена И. Северянина, поэтесса. И. Северянин женился на Ф. М. Круг в декабре 1921 г., расстались в 1935 г.

ТВОИ ПОЦЕЛУИ. «Фея Eiole». Впервые — в газете «Сегодня».

ТЕРЦИНА-КОЛИБРИ. «Фея Eiole». Впервые — в газете «Голос России» (Берлин). Стихотворение написано в 1919 г.

ПОЭЗА О СБОРКЕ ЛАНДЫШЕЙ. «Фея Eiole». Впервые — в «Голосе России».

ПО ГРИБЫ — ПО ЯГОДЫ. «Фея Eiole». Впервые — в газете «Последние известия» (Ревель, 1921).

ПОЭЗА ВЕРНОЙ РЫБОЛОВКЕ. «Фея Eiole». Впервые — в «Голосе России» (Берлин).

О, ЕСЛИ Б. «Фея Eiole».

«КАПРИЗ ИЗУМРУДНОЙ ЗАГАДКИ». «Фея Eiole». Впервые — в газете «Время» (Берлин, 1921), в том же году — в газете «Сегодня» (Рига).

ПОЭЗА НОВЫХ ШТРИХОВ. «Фея Eiole». Впервые — в газете «Эхо» (Ковно, 1921).

КАНЦОНА. «Фея Eiole». Впервые — в газете «Последние известия» (Ревель, 1921); в том же году перепечатана в однодневной газете «На помощь!» (Ревель). *Канцона* — короткое лирическое стихотворение, состоящее из равностиших строф и посылки (envoy), состоящей из меньшего числа строк, чем любая из строф. Стихотворение И. Северянина не вполне соответствует традиционной форме канцоны.

ТРИОЛЕТ. «Фея Eiole». Ранее — в газете «Свободное слово» (Ревель, 1921). *Триолет* — старофранцузского происхождения твердая поэтическая форма; триолет состоит из восьми строк, допускающих только две рифмы в определенной последовательности. Первая строка триолета буквально или с небольшими изменениями повторяется в качестве четвертой и — еще раз — в качестве седьмой строки.

ДВА ЦВЕТКА. «Фея Eiole». Ранее — в однодневной газете «На помощь!» (Ревель, 1921).

АЛАЯ МОНАХИНЯ. «Фея Eiole». Впервые — в газете «Свободное слово» (Ревель, 1921).

ЛЮБОВЬ — ЖЕРТВА. «Фея Eiole». Ранее — в «Последних известиях» (Ревель, 1921).

СОНЕТ СТУДЕНЫЙ. «Фея Eiole».

МИРРЕ ЛОХВИЦКОЙ. «Фея Eiole». Ранее — в «Последних известиях» (Ревель, 1921). Стихотворение написано к 15-летию со дня смерти Мирры Лохвицкой (19 ноября 1869 — 27 августа 1905), поэтессы, сестры Н. А. Тэффи. Мирру Лохвицкую И. Северянин почитал как своего учителя в поэзии.

ВЕЧЕРОВАЯ. «Фея Eiole».

ПОЭЗА ВЛИЯНИЙ CRÊME D'EPINNE VINETE. «Фея Eiole». *Crême d'epinne vinete* — сорт барбарисового ликера.

НА СМЕРТЬ АЛЕКСАНДРА БЛОКА. «Фея Eiole». Впервые — в газете «Свободное слово» (Ревель, 1921). «*Ночные Часы*» — сборник стихов Блока, вышедший в издательстве «Мусагет» в 1911 г.

СОНЕТ БАЛЬМОНТУ. «Фея Eiole». Бальмонт выехал за границу 25 июня 1920 г. Через две недели со дня отъезда из России он встретился с И. Северяниным в Ревеле на пути в Париж. *Рондель* — см. прим. к стихотворению И. Северянина «Рондель XVI». *Квинтина* — пятистрофное стихотворение, каждая из строф которого состоит из пяти строк; тип рифмовки во всех строфах повторяется (допускаются только две рифмы).

СОНЕТ ОЛЬГЕ ГЗОВСКОЙ. «Фея Eiole». Впервые — в «Голосе России» (Берлин, 1921); затем (также в 1921 г.) перепечатано в нью-йоркском «Новом русском слове». *Гзовская Ольга* Владимировна (1889—1962) — актриса, гастролировавшая в конце 1920 г.— январе 1921 г. в Эстонии. В программу ее выступлений было включено и чтение стихотворений И. Северянина.

РОНДО. «Фея Eiole». Ранее — в газете «Голос России» (Берлин). *Рондо* — 15-строчное стихотворение (у Северянина в данном случае — 11-строчное), обычно разделенное на три строфы, в которых допускается лишь две рифмы; рефрен, как правило, завершает вторую и третью строфы (у И. Северянина — первую и третью). *Правдин, Борис* Васильевич (1887—1960) — поэт, филолог-русист, приват-доцент Юрьевского университета.

ОТЗНАК. «Фея Eiole». *Кайгородов А. Д.* (1878—1945) — художник.

ПОЭЗА ПРИНЦУ СИРЕНИ. «Фея Eiole». «Принцем сирени» И. Северянин прозвал поэта Бориса Башкирова-Верина, эмигрировавшего в Финляндию (печатался в «Днях нашей жизни», издававшихся в Хельсинки, в парижской «Иллюстрированной России», в журнале «Возрождение»).

ПОЭЗА ПРИНЦУ ЛИЛИИ. «Фея Eiole». «Принцем лилии» И. Северянин называл за одержимость искусством своего друга инженера Александра Карловича Эссена. И. Северянин и Эссен познакомились в 1920 г.

Ж. ОФЕНБАХ. «Фея Eiole». Ранее — в газете «Время» (Берлин, 1921). *Жак Оффенбах* (1819—1880) — французский композитор.

ПОДАРОК ПО СРЕДСТВАМ. «Фея Eiole». Ранее — в «Последних новостях» (Париж, 1920).

«МЕДУЗА». «Фея Eiole». Впервые — в «Свободном слове» (Ревель, 1921); в том же году перепечатано в рижской газете «Сегодня».

ПОЭЗА ЧЕРЕЗ ЗАЛИВ. «Фея Eiole». Ранее — в газете «Свободное слово» (Ревель, 1921).

СОНЕТ Т. «Фея Eiole». *Борей* — бог северного ветра.

ФЕЛИССЕ КРУТ. «Фея Eiole». *Фелисса Крут* — см. прим. к стихотворению «Расцвет сирени культивированной». *«Менестрель»* — сборник стихотворений И. Северянина, вышедший в Берлине в 1921 г.

ПОЭЗА К СМЕРТИ. «Фея Eiole». Мать поэта, Наталия Степановна Лотарева, умерла в день, когда было написано это стихотворение.

ЗА НЕСКОЛЬКО ЧАСОВ. «Фея Eiole».

ХВАЛА ПОЛЯМ. «Фея Eiole». Ранее — в ревельской газете «Свободное слово», в 1921 г. Стихотворение включено в антологию А. А. Боголепова «Русская лирика от Жуковского до Бунина». Нью-Йорк, изд. им. Чехова, 1952.

СОНЕТ. «Фея Eiole». *Агасфер* (Вечный жид) — легендарный скиталец, осужденный на вечную жизнь и скитания.

ПОЭЗА ОТЧАЯНЬЯ. «Фея Eiole». Ранее — в «Голосе России» (Берлин, 1920).

С УТЕСОВ ЭСТИИ. «Фея Eiole». Ранее — в ревельском «Свободном слове» в 1921 г. *Не день, а третий год* — И. Северянин обосновался в Эстонии на постоянное жительство с весны 1918 г. *Ригорнель* — стихотворение, состоящее из трехстрочных строф с рифмой в первой и третьей строках. *Crème de prunelle* — ликер, настоянный на ягодах терновника.

БУНИН. Печатается по кн.: *Северянин И.* Медальоны. Сонеты и вариации о поэтах, писателях и композиторах. Белград. Издание автора. Книга вышла в феврале 1934 г.

ТЭФФИ. «Медальоны». Стихотворение написано в 1925 г.

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ. «Медальоны». Сонет написан в 1926 г. *По кормчим звездам...* — имеется в виду сборник Вяч. Иванова «Кормчие звезды». Книга лирики (1901 и 1903).

ЦВЕТАЕВА. «Медальоны». Написано в 1926 г. *О в персиянку Разине влюбленном* — имеется в виду цикл М. Цветаевой «Стенька Разин» (апрель — май 1917).

ИГОРЬ СЕВЕРЯНИН. «Медальоны». Написано в 1926 г.

У ЛЕСНИКА. Сегодня (Рига). 1928. 25 июля, затем в журнале «Числа» (1931, № 5).

В ПУТИ. Сегодня. 1928. 21 сентября.

ТВОЯ ДОРОЖКА. Сегодня. 1929. 21 октября.

ОСЕННИЕ ЛИСТЬЯ. Числа. 1931. № 5.

НЕ БОЛЕЕ ЧЕМ СОН. Числа. 1931. № 5.

ОТЛИЧНОЙ ОТ ДРУГИХ. Числа. 1931. № 5. Стихотворение посвящено Фелиссе Михайловне Крут.

Любовь Столица
(Любовь Никитична Ершова)

«ПОРОЙ И ЗЕЛЕНЬ ВЕШНЯЯ ЯЗВИТ...» Сполохи. 1921. № 1. *Эвтерпа* — муза лирической поэзии.

ИЗ ДНЕВНИКА ЛЮБВИ. Сполохи. 1922. № 5. *Фавн* — в римской мифологии бог лесов и полей, обладал профетическим даром, изображался с козлиными ногами. *Гавриил, Михаил* — архангелы. *Гиацинт* — сын спартанского царя, любимец Аполлона. *Сива* (Шива) — вместе с Брамой и Вишну представляет индуистскую троицу.

«ЛАМПАДУ СИНЮЮ ЗАПРАВИЛА...» Русская мысль (Прага). 1922. № 5. *Латания* — растение с веерообразными листьями, род декоративной пальмы. *Уанстеп* — американский бальный танец.

ХОРУГВЬ. Возрождение (Париж). 1925. 16 ноября.

КАК СТРОИЛАСЬ РУСЬ. Возрождение (Париж). 1925. 30 ноября.

ВИДЕНИЕ. Перезвоны. 1926. № 14.

У ТРОИЦЫ. Перезвоны. 1926. № 14. *Акафисты* — церковные хвалебные песнопения или служба во славу Христа и Богородицы.

ЗАПЛАЧКИ. Перезвоны. 1926. № 19. *Перун* — древнеславянский бог, князь богов славянского языческого пантеона. *Вретище* — рубище. *Лестовка* — старообрядческие четки.

ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ. Перезвоны. 1926. № 20. *Сергий Радонежский* (1314—1392) — православный святой. *Скуфья* — остроконечная шапка у православных священников.

СЛАДОСТЬ ИИСУСОВА. Перезвоны. 1926. № 26.

НЕЗАБВЕННОЕ. Перезвоны. 1927. № 28.

КНЯЗЬ ИОАНН III. Перезвоны. 1927. № 34. Стихотворение вошло в цикл «Государевы портреты». *Фрязин* — чужеземец. *Рында* — оруженосец, телохранитель при московских царях. *Ферязь* — старинная одежда, мужская и женская, без ворота и без талии. *Баскак* — ханский сборщик дани. *Дарuга* — чиновник. *Басма* — ювелирное украшение. *Наблюдает византийка*: Софья Палеолог, племянница последнего византийского императора, жена князя Иоанна III.

ЦАРЬ АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. Перезвоны. 1927. № 35. *Аркадское царство* — Аркадия, горная область в центральной части Пелопоннеса, воспетая поэтами как страна всеобщего счастья.

ЦАРЬ МИХАИЛ ФЕОДОРОВИЧ. Перезвоны. 1927. № 36.

СВ. КНЯЗЬЯ БОРИС И ГЛЕБ. Перезвоны. 1928. № 40. Борис и Глеб, сыновья князя Владимира, убиты братом Святополком. *Вежа* — шатер. *Чаруса* — трясина, поросшая травой. *У мертвого гридня* — у мертвого дружинника. *Лал* — красный самоцвет.

ПОМИНАНИЕ. Перезвоны. 1929. № 42. *Стихири* — церковные песнопения.

БЛАГОДАТНЫЙ БОГОМАЗ. Перезвоны. 1929. № 43.

Юрий Константинович Терапиано

«ПАРК РАСЦВЕТАЮЩИЙ, ВЕСЕННИЙ...» Печатается по третьему поэтическому сборнику Ю. Терапиано «На ветру». Париж, изд. Современные записки, 1938. Книга вышла тиражом 200 экз., никогда не перепечатывалась. Некоторые стихотворения из сборника «На ветру» позднее были включены в книгу Ю. Терапиано «Избранные стихи» (Вашингтон, 1963). 2-я строка в «Избранных стихах»: *В пруду голубом отражен.*

«ГОСПОДИ, ГОСПОДИ, ТЫ ЛИ...» «На ветру». Впервые — в альманахе «Круг» (1937. Вып. 1). *И на пир в Галилейской Кане* — на свадьбе в Кане Галилейской Иисус сотворил чудо превращения воды в вино (Иоанн, Гл. 2).

«КАЧАЛОСЬ ДЕРЕВО СУХОЕ...» «На ветру».

«Я БОЛЕН, НЕ ВЕРИТСЯ В ЧУДО...» «На ветру».

«КЛОНИТ КО СНУ, НАПЛЫВАЮТ ТЯЖЕЛЫЕ МЫСЛИ...» «На ветру». Впервые — в альманахе «Круг» (1938. Вып. 3). Вошло также в книгу Ю. Терапиано «Паруса» (1965), где 4-я строка читается: *Думать не в силах... Я вижу горячий песок*; 8-я строка: *Грузный и мерно дрожащий*; 11-я строка: *Горькая участь — как мне подружиться с тобой*; 12-я строка: *Как мне смириться, как верить, как быть мне с тобой*?

АРТУР РЭМБО. «На ветру». Перепечатано в кн. Ю. Терапиано «Избранные стихи» под названием «Артюр Рембо» и с переработанными 1, 4 и 5-й строфами:

Неукротимый пасынок Вийона —
Испачканный костюм, пух в волосах,
Он гений и безумец — вне закона,
Но ангелам сродни на небесах.

. . . .

Но, заблудившись в лондонском тумане,
В своем кромешном творческом аду,
Он был внезапно в сердце тайно ранен
Видением, явившимся ему.

Ослеп, оглох — и с гордостью, с презреньем
Сам свой полет небесный оборвал,
Простился с музыкой и вдохновеньем
И навсегда купцом безвестным стал.

ЛЕКОНТ ДЕ ЛИЛЬ. «На ветру». Перепечатано с некоторыми измеиениями в кн. Ю. Тервпнаио «Избраиные стихи» (1963). Последнее двустишие в «Избраииых стихах» опущено. *Шарль Леконт де Лиль* (1818—1894) — французский поэт.

«БЬЕТ ПОЛНОЧЬ. ВСЕ ЛЮДИ УСНУЛИ...» Печвтается по кн.: *Терапиано Ю.* Избранные стихи. Вашиигтон, изд. Виктора Камкиина, 1963. В этот сборник вошли стихотворения из книг Ю. Терапиано — «Лучший звук», «Бессонница», «Нв ветру», «Страиствие земиое», а также ряд иовых стихотворений.

«УТРОМ В ОСЛЕПИТЕЛЬНОМ СИЯНЬЕ...» «Избранные стихи». Впервые — в журнале «Новоселье» (1945, № 19). В дальиейшем — в антологии Ю. Иваска «На Западе» (1953) н в антологии В. Крейда «Источник» (Чикаго, 1989).

«ПОЭТ РАССКАЗАЛ В ИЗУМЛЕНЬЕ...» «Избрвнные стихи». Впервые — в «Новоселье» (1948, № 37—38). Стихотворение написано под влиянием лермонтовского «Ангела» (1831).

«В ПРОШЛЫЕ ДНИ...» «Избранные стихи». Раиее — в книге «На ветру», где 7-я строка читается: *Выплывали дома, невозможные днем.*

«ВЫЙДУ В ПОЛЕ, НА ШОССЕ ВСЕ ТО ЖЕ...» «Избраиные стихн».

ПСИХЕЯ. «Избранные стихи». Включено твкже в антологию «Эстафета» под редакцией И. Яссен, В. Андреева и самого Терапивно. В «Эстафете» этот триптих напечвтан с датой: 1943.

«ЗАКАТА ОСЕННЕГО СВЕЖЕСТЬ...» «Избраиные стихи». Впервые — в «Новом журнале» (1952, № 29).

«ОТПЛЫВАЮЩИЕ КОРАБЛИ...» «Избрвнные стихи». Раиее — в журнале «Опыты» (Нью-Йорк, 1953, № 1).

«ВЫХОЖУ НА ДОРОГУ С ТОБОЮ...» «Избраиные стихи». Рвиее — в антологии «Эствфета», где стихотворение датироввио: 1946.

«БЫЛ АНГЕЛ ПОСЛАН ЭТУ ДУШУ ВЗЯТЬ...» «Избраиные стнхи». *Рубисова Елена* Федоровна — русская зарубежная поэтесса и прозаик, автор поэтического сборникв «Дуэль» (Париж, 1946).

«СИЯЕТ ОГНЯМИ ПАРИЖ...» «Избранные стихи». Впервые — в «Новом журнале» (1952, № 29).

«НЕСЕТСЯ В ПУСТОТЕ ЗЕМЛЯ...» «Избранные стихн». *Прегель София* Юрьевна (1904—1972) — поэтесса, редактор нью-йоркского и позднее парижского журивла «Новоселье», в котором печаталнсь и стихн Ю. Терапивно. С. Прегель — автор поэтических сборников «Рвзговор с пвмятью», «Солнечный произвол», «Полдень», «Берега», «Встречв», «Веснв в Пвриже» и «Последние стихи» (вышел в 1973 г. посмертно).

«КОГДА НАС ГОРЕ ПОРАЖАЕТ...» «Избранные стихи».

«В КОЛОДЕЦ С ВЛАГОЙ ЛЕДЯНОЙ...» «Избранные стихи».

«ТИХИМ СВЕТОМ, ЯСНЫМ СВЕТОМ...» «Избрвнные стихи».

«МНЕ СНИЛОСЬ: Я ПОД ДУЛОМ ПИСТОЛЕТА...» «Избранные стихи».

«КАКИМ СКУПЫМ И БЕСПОЩАДНЫМ СВЕТОМ...» «Избрвнные стихи». Раиее — в сборнике «На ветру» (1938), где 8-я строка читается: *Без веры, без надежды на успех*; 3-я и 4-я строфы в книге «На ветру» значительио отличвются от поздиейшего вариаита:

Мне так мучительно читать, с какою
Любезностью — иль сам он был во сне —
И беззаконно славил как героя
Бояна,— что *гремел по всей стране*
И называл поэзией — чужие
Пустые сладкозвучные слова...
И шел в свой парк... И с ним была Россия,
Доныне безутешная вдова.

«ЗДЕСЬ НИЧТО, НИЧТО НЕ ВЕЧНО...» «Избраиные стихи». Впервые — в «Новом журнале» (1952, № 29).

«С ОЗАРЕННОГО ВОСТОКА...» «Избранные стихи». Включено твкже а антологию «Источник» (Чикаго, 1989).

«В ЛЕС ПО ЗЕЛЕНОЙ ГОРЕ ПОДНИМАЮТСЯ ЛЮДИ...» «Избранные стихи».

«СНОВА НОЧЬ, БЕССОННИЦА ПУСТАЯ...» «Избранные стихи». Впервые в журиале «Опыты» (1955, № 5).

«МАТЕРЬ БОЖЬЯ, СЕРДЦЕ ВСЯКОЙ ТВАРИ...» «Избранные стихи». Ранее — в антологии Ю. П. Иваска «На Западе» (1953). Стихотворение является заключительной частью триптиха «В день Покрова».

«ПОД МУЗЫКУ ШЛА БЫ ПЕХОТА...» «Избранные стихи».

«И ПОСЛЕ ДЕВЯТОГО ВАЛА...» «Избранные стихи». Впервые — в «Новом журнале» (1952, № 29).

НАД СЕНОЙ. «Избранные стихи».

ЭПОХА. «Избранные стихи». Впервые — в журнале «Современник» (Торонто). 1963. № 7. *Арион* — древнегреческий поэт, ученик — как говорит предание — поэта Алкмана (VII в. до н. э.). Разбогатевший в Италии, на пути домой, на остров Лесбос, он был выброшен за борт моряками, решившими завладеть его богатством. Однако очарованный его пением дельфин, слышавший предсмертную песню, подхватил брошенного в волны поэта и вынес на берег. *Даная* — в греческой мифологии дочь аргосского царя. По предсказанию оракула, ее сын должен был убить своего деда, и, чтобы избежать роковых событий, Даная была заключена в башню, дабы никто не мог приблизиться к ней. Однако полюбивший ее Зевс проник к ней в уединение в виде золотого дождя. *Мене, текел, фарес* — согласно Библии, Валтасар, вавилонский царь, пил на пиру из сосудов, взятых из Иерусалимского храма. Появившаяся кисть руки написала на стене слова: мене, текел, упарсин. «Мене — исчислил Бог царство твое и положил конец ему; Текел — ты взвешен на весах и найден очень легким; Перес [фарес, упарсин] разделено царство твое и дано Мидянам и Персам». В ту же ночь Валтасар был убит (Даниил, 5:25—28).

«Я, ПОЖАЛУЙ, ДАЖЕ НЕ ЗНАЮ...» Печатается по кн.: *Терапиано Ю.* Паруса. Вашингтон, изд. Русская книга, 1965.

«ПОДНИМИСЬ НА ВЫСОКУЮ ГОРУ...» «Паруса».

«МИР РАЗГОРОЖЕН НАДВОЕ ЗАБОРОМ...» «Паруса». Впервые — в «Современнике» (Торонто). 1965. № 11.

«ЛЕТОМ ДУШНО. ЛЕТОМ ЖАРКО...» «Паруса». Вошло в антологию «Вне России» (Мюнхен, 1978).

УСПЕНИЕ. «Паруса». Эпиграф из стихотворения О. Мандельштама «Золотистого меда струя из бутылки текла...» *А тот, о котором сегодня я вновь вспоминаю* — Осип Мандельштам; Ю. Терапиано встречался с ним и оставил о нем свои воспоминания (см. кн.: *Терапиано Ю.* Встречи. Нью-Йорк, изд. им. Чехова, 1953). *Орфей погребен* — согласно мифу, Орфей был растерзан фракийскими менадами. Его разбросанные части тела были погребены Музами и похоронены на Олимпе, а его голова и лира, брошенные менадами в море, были прибиты к острову Лесбос и похоронены в Метимне.

«НЕБО СЕГОДНЯ КАК БУДТО СВЕТЛЕЕ...» «Паруса».

ДИАНА ЛЮКСЕМБУРГСКОГО САДА. «Паруса». *Диана* — римская богиня растительности, родовспомогательница, олицетворение Луны.

«ДУМАЛ — ТАКОГО СОЗНАНЬЯ...» «Паруса». Эпиграф: неточная цитата из стихотворения А. Белого «Друзьям» (1907); у Белого: *Думой века измерил.*

«НЕТ, ЭТО ТОЛЬКО ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР...» «Паруса». Впервые — в «Современнике» (Торонто), 1965. № 11.

«ГЛУБИНУ ОДИНОЧЕСТВА МЕРЬТЕ...» «Паруса». Впервые — в «Современнике» (Торонто), 1960. № 1.

«НЕТ СТАРОСТИ. И СМЕРТИ НЕТ. ЕСТЬ ВОЛЯ...» «Паруса».

«ВОТ ТАК СЛУЧАЕТСЯ ВЕСНОЮ...»; «НА РЫНОК ВЫХОЖУ ЦВЕТОЧНЫЙ...»; БРЕТАНЬ; «НЕ ЗНАЮ, ПОЧЕМУ ТАКАЯ...»; «КУДА НИ ПОГЛЯЖУ, ВЕЗДЕ...»; «ХРУПКИЕ ВЕТКИ КАЧАЮТСЯ...» Печатается по кн. «Паруса».

«ЕЩЕ НАЗВАТЬ ТЕБЯ НЕ СМЕЮ...» «Паруса». Эпиграф из стихотворения Е. Баратынского «Смерть» (датируется приблизительно 1828 г.). *Елисейские поля* — рай.

«БЫТЬ МОЖЕТ, В СТАРОСТИ УВИДИШЬ ТЫ ЗАКАТ...» «Паруса». Ранее — в книге Терапиано «На ветру» (первое стихотворение в этом сборнике), где 2-я строка читается: *И помнишь тесное чужое небо*; 7-я строка: *И вдруг,— как дождь, как миллионы роз.*

«ПРОСНЕШЬСЯ ГЛУБОКОЮ НОЧЬЮ...» Содружество. Из современной поэзии русского зарубежья. Вашингтон, изд. В. Камкина, 1966.

«ПРОЛЕТИТ НАД ПОЛЕМ ТЕПЛЫЙ ВЕТЕР...» «Содружество».

ПЕТЕРБУРГ. Печатается по кн.: *Ходасевич Владислав.* Собранне стнхов. Париж, хнигоиздательство Возрождение, 1927. Впервые — в газете «Дии» (Париж) (1925. 25 дехабря).

«ЖИВ БОГ! УМЕН, А НЕ ЗАУМЕН...» «Собранне стнхов» (1927). Впервые — в «Современиых запнсхах» (1923, № 16). В стнхотворении подчерхивается иепрнятие футурнстнческой позтнкн с важнейшей для нее хонцепцней зауми.

«ВЕСЕННИЙ ЛЕПЕТ НЕ РАЗНЕЖИТ...» «Собрание стихов» (1927). Впервые — в «Современных запнсхах» (1923, № 16), где последняя строфа читается:

Иль сон, где, некогда единый,—
Взрываюсь и взлетаю я,
Как грязь, разбрызганная шиной
По всем орбитам бытия.

СЛЕПОЙ. «Собранне стнхов» (1927). Ранее — в журнале «Петроград» (1923. Май) с некоторыми разночтеннями н с разделеннем на трехстишия.

«ВДРУГ ИЗ-ЗА ТУЧ ОЗОЛОТИЛО...» «Собранне стихов» (1927). Впервые — в журиале «Беседа» (1923, № 1); последнее стихотворение в подборхе из четырех под общнм названнем «Знмние стихн».

У МОРЯ. 1. «ЛЕЖУ, ЛЕНИВАЯ АМЕБА...» «Собранне стихов» (1927). Впервые — в журнале «Россия» (1922, № 3).

2. «СИДИТ В ТАБАЧНЫХ МАГАЗИНАХ...» «Собранне стнхов» (1927). Впервые — в журиале «Россия» (1922, № 3). Предпоследняя строка этого стихотворення определила названне всего обшнрного цикла — «Европейская иочь»,— вошедшего хак часть третья в «Собраиие стнхов» 1927 г.

3. «ПУСТИЛСЯ В МОРЕ С РЫБАКАМИ...» «Собраиие стихов» (1927). Н. Берберова хомментировала зто стихотворение: «9 дек. 1922 — 20 марта 1923, Saarow. 9 дех.— только 2 строфы. Кончил 20 марта, перед ужином, под разговор Белого с Н. в соседней комнате. Было очень хорошо пнсать».

4. «ИЗЛОМАЛА, ОДОЛЕВАЕТ...» «Собранне стихов» (1927). Напнсаио 10 дехабря 1922 г. — 19 марта 1923 г.

БЕРЛИНСКОЕ. «Собранне стихов» (1927). Впервые — в «Современных записхах» (1922, № 13). По свидетельству Н. Берберовой, стнхотворенне было написано 14—24 сентября 1922 г.

«С БЕРЛИНСКОЙ УЛИЦЫ...» «Собранне стнхов» (1927). Впервые — в «Современных запнсхах» (1923, № 15), где стнхотворенне посвящено А. Белому. Напнсано 22 октября 1922 г.— 24 февраля 1923 г.

AN MARIECHEN. «Собранне стихов» (1927). Впервые — в «Беседе» (1923, № 3), в подборке под общим названием «Берлннскне стнхн». Написано 20—21 июля 1922 г. Перевод названия: «К Марнхен».

«БЫЛО НА УЛИЦЕ ПОЛУТЕМНО...» «Собранне стихов» (1927). Впервые — в журнале «Россия» (1923, № 6). Напнсаио 22 декабря 1923 г.

«НЕТ, НЕ НАЙДУ СЕГОДНЯ ПИЩИ Я...» «Собранне стихов» (1927). Впервые — в «Беседе» (1923, № 3), первое стнхотворенне в подборке под общим назваинем «Берлннснне стихи». Напнсано 23 марта — 10 июня 1923 г.

ПОД ЗЕМЛЕЙ. «Собраиие стнхов» (1927). Впервые — в «Беседе» (1923, № 3), в подборке под общим названием «Берлнисхие стнхн». Написаио 21 сентября 1923 г.

«ВСЕ КАМЕННОЕ. В КАМЕННЫЙ ПРОЛЕТ...» «Собрание стихов» (1927). Впервые — в «Беседе» (1923, № 3). Написаио 23 сентября 1923 г. *Окарино* (правильнее — охарниа) — итальянскнй духовой музыкальный инструмент, керамичесхий или фарфоровый.

Впервые — а «Беседе» (1923, № 1), первое стихотворение в подборке «Знмние стихи». Напнсано 5—10 февраля 1923 г. *Не* с *Богом бился я в ночи* — ремнинсцеиция хнигн «Бытне» о том, хах Некто борется ночью с Иаковом (Бытие. 32:24—29).

ХРАНИЛИЩЕ. «Собрание стихов» (1927). Впервые — в «Звене» (Париж. 1924, 8 дехабря). Написано 23 июля 1924 г.

«ИНТРИГИ БИРЖ, ПОТУГИ НАЦИЙ...» «Собрания стихов» (1927). Впервые — в газете «Дни» (1924. 21 сентября). Написано 19—20 марта 1924 г. *Прокурации* — дворцы на площади Сан Марко в Венеции. *Урсула* — католическая святая. *Алинари* — название (по фамилии владельца) магазина, торгующего художественными изделиями и репродукциями.

СОРРЕНТИНСКИЕ ФОТОГРАФИИ. «Собрание стихов» (1927). Впервые — в журнале «Благонамеренный» (1926, № 2). Согласно Н. Берберовой, написано 5 марта 1925 г.— февраль 1926 г. *Айдесский ветер*, т. е. ветер из подземного царства Аида. *Остерия* — таверна. *Денница* — утренняя заря. *Золотокрылый ангел* — на шпиле собора Петропавловской крепости в Петрограде.

ИЗ ДНЕВНИКА. «Собрание стихов» (1927). Впервые — в газете «Дни» (Париж. 1926, 2 апреля). Написано 1—2 сентября 1925 г.

ПЕРЕД ЗЕРКАЛОМ. «Собрание стихов» (1927). Впервые — в «Современных записках» (1925, № 24). Написано 18—23 июля 1924 г. Эпиграф: «Земную жизнь пройдя до половины» — начало «Божественной комедии» Данте.

ОКНА ВО ДВОР. «Собрание стихов» (1927). Ранее — в «Современных записках» (1924, № 20). Написано 16—21 мая 1924 г.

БЕДНЫЕ РИФМЫ. «Собрание стихов» (1927). Впервые — в журнале «Новый дом» (Париж. 1926, № 1). Написано 2 октября 1926 г.

«СКВОЗЬ НЕНАСТНЫЙ ЗИМНИЙ ДЕНЕК...» «Собрание стихов» (1927). Написано в январе 1927 г.

БАЛЛАДА. «Собрание стихов» (1927). Впервые — в «Современных записках» (1925, № 25). Написано в июне — 17 августа 1925 г. *Шарло* — здесь Чарли Чаплин. *Венетийский* — венецийский, венецианский.

ЗВЕЗДЫ. «Собрание стихов» (1927). Впервые — в «Современных записках» (1925, № 26), где напечатано с эпиграфом из Державина: «Твои следы суть бездны звезд». Работа над стихотворением была начата 23 сентября 1925 г. *Etoile d'amour (франц.)* — звезда любви. *День четвертый* — в соответствии с книгой «Бытие», в четвертый день сотворил Бог «светила на тверди небесной».

«ТРУДОЛЮБИВОЮ ПЧЕЛОЙ...» Печатается по журналу «Беседа», май — июнь 1923. В прижизненные сборники В. Ходасевича не вошло.

«СКВОЗЬ ПЫЛЬНЫЕ ФАБРИЧНОЙ ГАРИ...» Печатается по журналу «Беседа», май — июнь 1923.

РОМАНС. Россия. 1924. № 2. Написано 20 марта 1924 г. *И под Тассову октаву* — Торквато Тассо (1544—1595) — итальянский поэт, прославленный в особенности своею поэмой «Освобожденный Иерусалим», неоднократно переводившейся на русский. *Лидо* — остров в Венецианском заливе.

СОРРЕНТИНСКИЕ ЗАМЕТКИ. Напечатано в газете «Последние новости» 23 августа 1925 г. Работа над этим циклом закончена в апреле 1925 г. *Пан* — греческий бог леса, покровитель пастухов и охранитель стад, изобретатель свирели-сиринги, частый спутник бога Диониса. *Сирокко* (scirocco — *итал.*) — порывистый юго-восточный ветер.

«Я СЕРДЦЕЕД, ШУТНИК, ИГРОК...» Журнал «Жар-Птица» (1926, № 14). Перевод эпиграфа: От всего я очищаю это место, вы должны все вместе удалиться (*нем.*).

НОЧЬ. Современные записки. 1928. № 34. Написано в 1927 г.

ГРАММОФОН. Современные записки. 1928. № 34. Написано в 1927 г.

СКАЛА. Современные записки. 1928. № 37. Согласно Н. Берберовой, «написано в 1928 г. после долгого разговора о символизме и символистах».

ПАМЯТНИК. Современные записки. 1939. № 69. Написано в 1928 г. Опубликовано посмертно.

ВЕСЕЛЬЕ. Современные записки. 1928. № 37. Написано в 1928 г.

Я. Современные записки. 1932. № 50. Написано в 1928 или в 1929 г.

К ЛИЛЕ. Возрождение (Париж). 1930. 3 апреля. Подзаголовок «С латинского» объяснен Н. Берберовой: «Ввиду очень личного характера стихов Ходасевич хотел придать им вид перевода...» *Тартар* — в греческой мифологии подземное царство. *Марон* — Публий Вергилий Марон (70—19 г. до н. э.) — римский поэт. *Пелион* — гора в Греции, находится неподалеку от Олимпа.

«СКВОЗЬ УЮТНОЕ СОЛНЦЕ АПРЕЛЯ...» Современные записки. 1939. № 69. Опубликовано посмертно. Написано в 1937 г.

Марина Ивановна Цветаева

«ЛЮТАЯ ЮДОЛЬ...» Печатается по кн.: *Цветаева М.* После Росснн. 1922—1925. Парнж, 1928. Стнхотворенне напнсано в 1922 г. в Берлнне н вошло в первый раздел сборннка «После Росснн».

«ТАК, В СКУДНОМ ТРУЖЕНИЧЕСТВЕ ДНЕЙ...» «После Росснн».

«РУКИ — И В КРУГ...» «После Росснн».

«ЛЕТЫ СЛЕПОТЕКУЩИЙ ВСХЛИП...» «После Росснн». *Лета* — в греческой мифологнн река забвення в подземном царстве Аида.

СИВИЛЛА. «После Росснн». Напнсано в Праге. Цнкл нз трех стихотворенні, нз которых в настоящем изданни публнкуются даа.

«ЛЕТЫ ПОДВОДНЫЙ СВЕТ...» «После Россни».

ДЕРЕВЬЯ. «После Россни». Из цикла, состоящего нз девятн стихотворенні. Посвящено Анне Тесковой. *Тескова, Анна Антоновна* (1872—1954) — чешская писательннца н переводчнца. *Краше Давида-Царя*: Давнд (традиционные даты жизнн 1055—1015 гг. до н. э.) — царь нудейский н нзраильский.

«ЭТО ПЕПЛЫ СОКРОВИЩ...» «После Росснн».

«СПАСИ ГОСПОДИ, ДЫМ!..» «После Росснн».

«НЕ НАДО ЕЕ ОКЛИКАТЬ...» «После Росснн».

«НЕТ, ПРАВДЫ НЕ ОСПАРИВАЙ...» «После Росснн». Четвертая строфа, отсутствующая в кн. «После Росснн», добавлена на основаннн позднейших нзданнй. *Кангатой Метастазовой*: Пьетро Трапасси (1698—1782) — нтальянский поэт н лнбреттист. Метастазнос — эллинизированная фамилия Трапасси, данная ему прнемным отцом.

ЭМИГРАНТ. «После Росснн».

ДУША. «После Росснн». *Нереида* — морская ннмфа. *Хвалынь* — Хвалынское море (Каспийское). *Скиния* — походный храм у древних евреев.

«ВЕСНА НАВОДИТ СОН, УСНЕМ...» «После Росснн». *Элизиум* — часть подземного царства у греков, где жилн душн героев и праведников.

ДИАЛОГ ГАМЛЕТА С СОВЕСТЬЮ. «После Росснн».

НАКЛОН. «После Росснн».

«ЕСТЬ ЧАС ДУШИ, КАК ЧАС ЛУНЫ...» «После Росснн». *Как час струны Давидовой, сквозь сны Сауловы* — «И когда дух от Бога бывал на Сауле, то Давид, взяв гуслн, играл,— н отраднее н лучше становилось Саулу, н дух злой отступал от него» (Первая Книга царств, 16:23).

ОВРАГ. «После Росснн». Цнкл нз двух стихотворенні: 1. «Дно оврага...» 2. «Никогда не узнаешь, что жгу, что трачу...»

ДВОЕ. «После Росснн». Цнкл нз трех стихотворенні: 1. «Есть рифмы в мнре сем...» 2. «Не суждено, чтобы снльный с снльным...» 3. «В мнре, где всяк...» *Ахеи лучший муж*: в «Илиаде» н «Одиссее» Ахея — синоним всей Греции. *Кифара* — струнный музыкальный инструмент древних греков. *Зигфрид, Брунгильда* — герон древнегерманского эпоса «Песнь о Нибелунгах». *Пенфезилея* — дочь бога войны Ареса, царица амазонок, пришла на помощь троянцам, была убита Ахиллом.

ОСТРОВ; ПОД ШАЛЬЮ; «ТАК — ТОЛЬКО ЕЛЕНА ГЛЯДИТ НАД КРОВЛЯМИ...»; «РАССТОЯНИЕ: ВЕРСТЫ, МИЛИ...»; «РУССКОЙ РЖИ ОТ МЕНЯ ПОКЛОН...» Печатается по кн. «После Росснн».

«ЛЕС! СПЛОШНАЯ МАСЛОБОЙНЯ...» Печатается по кн.: *Цветаева М.* Письма к Анне Тесковой. Прага, 1969. Стнхотворение адресовано поэту Николаю Гронскому.

РАЗГОВОР С ГЕНИЕМ. Впервые — в «Современных записках» (1931, № 46), где напечатано под названием «Школа стиха».

ЛУЧИНА. Печатается по кн.: *Цветаева М.* Избранное. М., 1961.

«НЕТ, БИЛ БАРАБАН ПЕРЕД СМУТНЫМ ПОЛКОМ...» Печатается по кн.: *Цветаева М.* Избранные произведения. М.-Л., 1965. Стихотворение вошло в цикл «Стихи к Пушкину». *Умнейшего мужа России* — А. С. Пушкина.

ОДА ПЕШЕМУ ХОДУ. Печатается по кн.: *Цветаева М.* Избранное. М., 1961. *В век сплошных скоропадских:* Скоропадский, Павел Петрович (1873—1945) — генерал царской армии. В 1918 г. был гетманом Украины.

СТОЛ. 1. «Мой письменный верный стол!» Встречи. 1934. № 1. 2. «Тридцатая годовщина...» Встречи. 1934. № 1. *Штранд (нем.)* — морской берег, пляж. *Морю голп еврейских — горящий столп!* — Во время исхода израильтян из Египта Ангел в виде облачного столпа отделял войска еги-

петские от израильтян, освещая путь последним, затемняя первым (Исход, 14 : 19, 20). *Десть* — единица счета бумаги.

«ТОСКА ПО РОДИНЕ! ДАВНО...» Современные записки. 1935. № 57.

БУЗИНА. Печатается по кн.: *Цветаева М.* Сочинения в двух томах. М., 1980.

ЧИТАТЕЛИ ГАЗЕТ. День поэзии. 1956.

«ОБНИМАЮ ТЕБЯ КРУГОЗОРОМ...» Новый журнал. 1963. № 74. *Савойя* — департамент на Юго-Востоке Франции. *Пьемонт* — область на Северо-Западе Италии. Главный город — Турин.

А. Черный
(Александр Михайлович Гликберг)

ВЕСНА В ШАРЛОТТЕНБУРГЕ. Печатается по журналу «Сполохи» (1921, № 1).

РУССКАЯ ЛАВОЧКА. Последние новости (Париж. 1931. № 3608. 7 февраля).

У ОКНА. Последние новости. 1931. № 3637. 8 марта.

ПОЧТАЛЬОН. Последние новости. 1931. № 3849. 6 октября.

КОМУ В ЭМИГРАЦИИ ЖИТЬ ХОРОШО (Главы из поэмы). Печатается по газете «Последние новости» (№№ 3863, 3873, 3877, 3882, 3901, 3905, 3915, 3924). Гл. III: *Пифия* — жрица бога Аполлона в Дельфах. Гл. XI: *Но стражду, как Иона, я во чреве у кита* — в Ветхом завете Иона по воле Бога пробыл во чреве кита три дня и три ночи (Иона, Гл. 2 : 1). *Пиния* (Pinus Pinea) — итальянская сосна. *В библиотеке Гоголя* — русская библиотека в Риме. *Романов Боборыкина* — Боборыкин, Петр Дмитриевич (1836—1921) — беллетрист.

НЯНЯ ПУШКИНА. Печатается по кн.: *Черный Саша.* Румяная книжка. Белград, 1929. Впервые — в альманахе «Молодая Россия». Сборник для детей под ред. А. М. Черного. Париж, 1927.

ЛОМОНОСОВ ОТРОК. Печатается по «Румяной книжке» (Белград, 1929). Впервые — в «Русской земле», альманахе для юношества (ко Дню русской культуры). Под редакцией А. М. Черного и В. В. Зеньковского. Париж, 1928.

БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ О ПОЭТАХ

Георгий Адамович
(1894—1972)

Впервые Г. Адамоаич выступил в печати а 1915 г., будучи студеитом-филологом Петербургского университета. В 1916 г. вышел сборник его стихотворений «Облака», о котором Гумилев писал, что а нем «чуаствуется хорошая школа и провереиный вкус». Второй сборник — «Чистилище» — был издаи в 1922 г. ивкануие эмиграции. С 1923 г. Адамович поселился во Франции. Его стихи печатались едва ли ие во всех ведущих журиалах и альманахах зарубежья и были аключены в лучшие змиграитские аитологии: «Якорь», «На Западе», «Муза диаспоры», «Содружество». Умоиастроения Адамовича способствовали формироваиию так изазываемой «парижской ноты»— иаправлеиию в поззии, отличавшемуся аскетизмом аыразительных средста и ориентацией иа самое существенное а человеческой жизни. Представления и взгляды Адамовича повлияли на многих позтоа. Свои же собственные стихи Адамоаич выпустил отдельной книжкой лишь а 1939 г., когда «парижская нота» почти уже отзаучала. Назааиие зтой книги — «На Западе»— апоследствии было заимствоааио позтом Ю. Иваском, издавшим известную одиоимеииую аитологию зарубежиой поззии. Последняя поэтическая киига Адамоаича — «Единство» (1967).

Как позт Адамович еще ие оцеиеи по достоииству. Его сбориики не переиздааались, не сущестаует ни собрания его стихотаореиий, ни даже избранного. В сознании предаоеииого чнтателя имя Адамовичв ассоциироаалось с еженедельиыми критическими зссе, печатаашимися в газетах. Позднее некоторые из очерков аошли а книги «Одиночество и свобода» (1955) и «Комментарии» (1967). В большинстве же его литературные заметки, рецензии, статьи остаются разбросаииыми по периодическим издаиням.

К суждениям Адамоаича о стихах прислушивались миогие. В его собстаенных стихотворениях видиа зкзистенциальная основа критических суждеиий: естестаенная простота, благородная ясность, ориентация на фуидаментальиые челоаеческие ценности. В поззии он адохноаляся Лермонтовым, Аннеиским, Блоком, одиако и ане зтих влияний сумел сказать саое убедительиое и впечатляющее слоао.

Дон Аминадо
(1888—1957)

Аминад Петрович Шполянский (литературные псевдонимы: Дон Аминадо, Дон-Амииадо, Д. Аминадо) детские годы проаел а Херсонской губернии. В юности учился а Ноаороссийском униаерситете в Одессе и а университете св. Владимира а Киеае. Получиа юридическое образоаание, Д. Аминадо поселился а Москае. Вскоре литературная работа целиком отодвинула интересы профессиональные. Он сотрудничает а москоаской газете «Раннее утро», пишет для популярных иллюстрированиых журналов. Сотрудиичестао а знаменитом «Сатириконе» принесло ему широкую изаестность.

Первый сборник стихотаорений («Песни аойны») вышел а 1914 г. и в следующем году был переиздан. Через два года была напечатана аторая книга —

«Весна семнадцатого года». В начале первой мировой войны Д. Аминадо был мобилизован. «Кончились происшествия, начались события»,— писал он на склоне лет в своих воспоминаниях «Поезд на третьем пути».

Во время гражданской войны Д. Аминадо переехал в Киев, где сотрудничал в местных газетах; затем — непродолжительное пребывание в Одессе, и 20 января 1920 г. на пароходе «Дюмон-д-Юрвиль», названном Д. Аминадо «кораблем призраков», он отправляется в Константинополь. В том же году переехал в Париж, где и прожил большую часть своей жизни. В 1921 г. вышел его первый эмигрантский сборник сатирических стихотворений «Дым без отечества»; в 1927 г.— книга «Наша маленькая жизнь», в которую вошло сорок юмористических рассказов на темы эмигрантского быта. Вероятно, его лучшая поэтическая книга («Накинув плащ. Сборник лирической сатиры») была опубликована в Париже в 1928 г. Последняя предвоенная книга Д. Аминадо — «Нескучный сад» (1935). В течение многих лет до начала второй мировой войны сотрудничал в самой известной ежедневной эмигрантской газете — «Последние новости». Популярность его была необыкновенной. «В числе его поклонников,— вспоминал писатель Л. Зуров,— были все русские шоферы, входившие во всевозможные полковые объединения и воинский союз. Его стихи вырезали из газет, знали наизусть. И многие, я знаю, начинали газету читать с злободневных стихов Дон Аминадо». Бунин писал о нем как об одном «из самых выдающихся русских юмористов, строки которого дают художественное наслаждение».

После войны Д. Аминадо отошел от газетной работы. В 1951 г. был издан сборник стихотворений «В те баснословные годы». Через три года — блестяще написанные воспоминания «Поезд на третьем пути». В последние годы жизни Д. Аминадо не писал стихов. В русском Париже уже мало что напоминало об оживленной, блестящей веселой жизни 20-х и 30-х годов, в которые у Д. Аминадо была, по словам мемуариста, «всеэмигрантская известность».

Константин Бальмонт
(1867—1942)

Поэтическое наследие Бальмонта грандиозно. Начиная с 1890 г., когда в Ярославле вышел первый «Сборник стихотворений», его книги издавались почти ежегодно, иногда по нескольку в год. Бальмонт был одним из первопроходцев новой поэзии и много способствовал тому, что символизм из течения почти келейного становился с годами все более общепризнанным. В начале нашего столетия слава Бальмонта как первого русского поэта казалась неоспоримой. Продолжался этот триумф, впрочем, недолго. Критика неоднократно писала о «конце Бальмонта». Гумилев это скептическое отношение отчеканил в формуле: «Очень крупный поэт может писать очень плохие стихи». Но он же признавал, что книги Бальмонта «Горящие здания», «Будем как солнце», «Только любовь» вошли в русскую поэзию навсегда.

Творчество Бальмонта в эмиграции, т. е. с 1920 г. и до конца жизни, еще более неровное, однако им было написано значительное количество стихотворений, отличающихся чистотой тона, напевностью и формальной изощренностью. За рубежом вышли книги: «Светлый час», «Гамаюн», «Дар земле», «Сонеты солнца, меда и луны» (2-е изд.), «Марево», «Зовы древности», «Мое — Ей», «В раздвинутой дали», «Северное сияние», «Светослужение» и др. Многим из мотивов своей ранней романтической лирики Бальмонт остался верен и в творчестве эмигрантского периода: космичность и мимолетность, декоративность и эгоцентричность. В 20-е и 30-е годы его стихи по-прежнему музыкальны, он по-прежнему лирик в каждой своей строке. Вопреки бытовавшему мнению о постепенной деградации Бальмонта на чужбине, непредубежденный читатель найдет в его поздних стихах и прежнее сладкозвучие, и новое эмоциональное богатство.

Однако этот «русский Верлен», как его называли в Париже, казался поэтам младшего поколения уже целиком принадлежащим прошлому. Сам Бальмонт болезненно переживал свою отчужденность от почвы, от своего окружения, от эпохи. В последние годы жизни участились приступы нервной депрессии. Смерть его осталась незамеченной современниками: во время войны он умер в русском общежитии, устроенном матерью Марией.

Иван Бунин

(1870—1953)

Бунин родился в Воронеже, в помещичьей семье. Первое выступление в печати — длинное стихотворение «Над могилой Надсона» (1887); первая книга — «Стихотворения» (1891). Затем напечатаны книги стихов: «Под открытым небом» (1898), «Листопад», вышедший в издательстве символистов «Скорпион» в 1901 г., «Новые стихотворения» (1902), «Стихотворения» (1912). За «Листопад» Бунину была присуждена Пушкинская премия. Поэзию и прозу Бунин нередко печатал вместе — под одной обложкой. Начало этого совмещения жанров восходит к 1900 г., когда в серии «Библиотека детского чтения» вышла книга Бунина «Стихи и рассказы». Мы видим тот же подход и в первом «Собрании сочинений», и в книге «Рассказы и стихотворения 1907—1910 гг.», и в книгах, изданных за рубежом.

Бунин уехал в эмиграцию почетным членом Российской академии наук, знаменитым писателем, отдавшим литературному творчеству 33 года, и ровно столько же ему суждено было жить и писать вдали от России. Во Франции Бунин оставался творчески не менее активным, чем в первую половину своего писательского пути. Что же касается художественности его произведений, то достаточно назвать «Митину любовь», «Жизнь Арсеньева», «Темные аллеи». Эхо старого мифа об упадке бунинского таланта в эмиграции — предвзятость и нелепость. Стихов за рубежом действительно написано сравнительно немного. Первый зарубежный поэтический сборник — «Роза Иерихона»— вышел в 1924 г. в Берлине, где в начале 20-х годов сосредоточились десятки русских книгоиздательств. В 1929 г. в Париже были опубликованы «Избранные стихи», включавшие написанное Буниным и до и после отъезда из России.

Бунин — первый русский писатель, награжденный Нобелевской премией. Присуждение состоялось в 1933 г. и было торжественно отмечено «зарубежной Россией». Премия присуждена «за строгую художественность, с которой Бунин продолжил традицию русской классической прозы». Событием в культурной жизни эмиграции явилось предпринятое издательством «Петрополис» 12-томное «Собрание сочинений» Бунина.

Военные годы были для писателя временем испытаний. Он жил в зоне, свободной от оккупации, однако нужда, лишения, недомогания, отсутствие литературной среды, возможности печататься — все это действовало угнетающе. В 1943 г. вышли в Нью-Йорке первым изданием «Темные аллеи». В 1946 г. этот сборник рассказов был опубликован в Париже. «Темные аллеи» Бунин считал своей лучшей книгой в отношении литературного мастерства. Впрочем, по этому поводу уместно процитировать Бориса Зайцева, сказавшего: «Бунин не может ничего написать плохо». Алданов, восхищавшийся силой бунинского таланта в старости, говорил: «Бунин едва ли не единственное исключение: он пишет все лучше и лучше». Бунин умер за чтением чеховских писем: в конце жизни он работал над книгой о Чехове, которая осталась неоконченной и была опубликована посмертно.

Зинаида Гиппиус

(1869—1945)

Несмотря на широкую известность и признание, З. Гиппиус до настоящего времени остается поэтом недооцененным. Уже после ее смерти Г. Адамович писал, что «она почти ничего не оставила такого, что надолго людям запомнилось бы». Странно, что такой знаток и ценитель поэзии, каким был Адамович, холодно отнесся даже к сборнику «Сияния» — лучшей ее поэтической книге. Оригинальность ее личности и необычайный склад ума отмечали многие. Блок говорил о ее «единственности». С. Маковский вспоминал: «Вся она была вызывающе «не как все»: умом пронзительным еще больше, чем наружностью».

Зинаида Гиппиус писала стихи с детства. Первое напечатанное стихотворение появилось в «Северном вестнике» в 1888 г. В 1889 г. она вышла замуж за Д. Мережковского, с которым — до его смерти в 1941 г.— не разлучалась ни на один день. Первая поэтическая книга З. Гиппиус — «Собрание стихов. 1889—1903». Ко времени ее выхода З. Гиппиус опубликовала несколько сбор-

ников рассказов, роман «Победители», печаталась во многих литературных журналах, основала вместе с Мережковским Религиозно-философское общество в Петербурге и редактировала журнал «Новый путь». Столь же творчески активными были и годы меж двумя революциями, из которых лет восемь Мережковские жили в Западной Европе. За этот период вышли сборники рассказов «Алый меч», «Черное по белому», «Лунные муравьи», а также «Литературный дневник» (1907), драма «Маков цвет» (совместно с Д. Мережковским и Д. Философовым) и два романа: «Чертова кукла» и «Роман-царевич». В 1910 г. в издательстве символистов «Скорпион» вышел второй том «Собрания стихов» З. Гиппиус. Последняя ее предэмигрантская поэтическая книга —«Последние стихи»— издана в 1918 г.

С 1919 г. З. Гиппиус жила в эмиграции, около десяти месяцев — в Польше, где участвовала в основании газеты «Свобода» и издала сборник стихов «Походные песни» (под псевдонимом Антон Кирша). С 1920 г. до своей смерти в 1945 г. З. Гиппиус жила в Париже, где вместе с Мережковским организовала общество «Зеленая лампа», явившееся одним из важнейших интеллектуальных центров русского зарубежья. Столь же широкой известностью пользовались и «воскресенья» у Мережковских.

В эмиграции З. Гиппиус издала еще два сборника стихотворений «Стихи: Дневник 1911—1921» (1922) и «Сияния» (1939). В ее литературном наследии эмигрантского периода — произведения самых различных жанров: рассказы, мемуары, публицистика. Ее стихи и статьи печатались в многочисленных эмигрантских журналах и альманахах. Стихотворения З. Гиппиус вошли в лучшие эмигрантские антологии. В последние годы она работала над книгой «Дмитрий Мережковский», которая осталась незавершенной.

Вячеслав Иванов

(1866—1949)

Вяч. Иванов родился в Москве в семье землемера, интеллигента-шестидесятника. Уже в ученические годы писал стихи и прозу, пламенно и навсегда увлекся классической филологией, пережил экзальтированную религиозность и крайний атеизм, «славянский энтузиазм» и болезненную революционность. В студенческие годы этот духовный поиск продолжался с огромной интенсивностью. Историко-филологический факультет университета представился ему вначале как некое «священное пиршество» в сфере познания. Московский университет он посещал недолго. В 1886 г. Вяч. Иванов поступил в Берлинский университет, где учился у виднейшего ученого Моммзена; с этого времени начался первый зарубежный период, длившийся до 1905 г. Это было время увлечения Достоевским, Вл. Соловьевым, Ницше, мистическими учениями, годы, проведенные в Германии, Франции, Англии, Италии.

С 1905 г. начался новый период, который, как и предыдущий, заграничный, продолжался 19 лет. Вяч. Иванов поселился в Петербурге; его квартира — «башня» на Таврической улице — стала местом встреч писателей, философов, ученых, своего рода творческой лабораторией, одним из самых ярких литературно-общественных кружков, какие когда-либо существовали. В Россию Вяч. Иванов вернулся автором сборников «Кормчие звезды» (1903) и «Прозрачность» (1904). Он стал признанным вождем религиозного символизма, центральной фигурой на перекрестке новых литературных и духовных исканий. Каждая из его книг становилась событием в художественной и интеллектуальной жизни общества. За «Прозрачностью» последовали «По звездам» (сборник статей), книги стихов «Эрос», «Cor ardens», «Нежная тайна», философские и эстетические статьи, собранные в книгах «Борозды и межи», «Родное и вселенское», поэма «Младенчество», трагедия «Прометей» и др. Одна из лучших книг русской и европейской философской эссеистики — «Переписка из двух углов» (авторы Вяч. Иванов и М. Гершензон) — вышла в 1921 г.

В августе 1924 г. Вяч. Иванов уехал из России по командировке «с научной целью». Сначала он поселился в Риме. Восемь лет проработал в университете в Павии (Италия), а с 1934 г. и до конца жил в Риме. Изучавший эмигрантский период жизни поэта А. Климов пишет, что в эмигрантских изданиях Вяч. Иванов «печататься не хотел ввиду данного им в Москве при отъезде обещания, что он будет соблюдать полную политическую нейтральность». В 1920—1930 гг. его произведения печатаются в итальянских, французских, испанских, немецких журналах и издательствах. Однако с 1936 г.

его стихи регулярио появляются иа страиицах лучшего эмиграитского журиалв «Совремеииые записки». В 1939 г. отдельиым издаиием аышла поэма «Человек». В 1944 г. Вяч. Иввиоа последиий раз пережил длительиый поэтический подъем; за год им было иаписаио 118 стихотвореиий, поздиее объедииеииых в «Римский диевиик». После «Римского диевиика» Вяч. Иваиов аериулся к работе иад «Повестью о Светомире царевиче» — иад первой своей художествеииой прозой, которой суждеио было стать и последией. Поэтическое иаследие эмиграитского периода иевелико: изаестио около 130 стихотаореиий; оии отмечеиы иоаым поэтическим видеиием, созерцательиым спокойствием, религиозиостью, стремлеиием к аскетической простоте.

Георгий Иванов
(1894—1958)

С отроческих лет и до последиих дией поэзия для Г. Иваиова оставалась средоточием его жизиеииых иитересов. Первое стихотворение было иапечатвио в 1910 г., первый сбориик («Отплытие иа остроа Цитеру») аышел в 1912 г. По рекомеидации Гумилева, рецеизировавшего этот сбориик, Г. Иааиов был приият а Цех поэтов — кружок, в котором художествеииое мастерство цеиилось преаыше всего. Общеиие с участииками Цеха (Гумилевым, Маидельштамом, Лозииским и другими) стало для Г. Иааиова иаилучшей школой вкуса, вртистизма, художествеииой образоввииости. Уже ко аремеии аыхода «Гориицы» (1914) юиый поэт, по словам Гумилева, «дорос до самоопределеиия».

За «Гориицей» последовали «Памятиик славы» (1915) и «Вереск» (1916). Следующая киига аышла только а иачале иэпа. Это были зиамеиитые «Сады» — лучший сбориик петербургского периода Г. Иваиоаа. В «Садах» видеи сиитез миогих культуриых традиций, объедииеииых личиым мироощущеиием; стихи «Садов» певучи, легки, мелаихоличиы, упоительиы.

Осеиью 1922 г. Г. Иваиов уехал иа Запвд. Перед отъездом ои успел выпустить под саоей редвкцией «Посмертиые стихи» Гумилева, подготоаил к печати гумилевские «Письма о русской поэзии», а также свою кингу «Лампада» — собраиие стихотвореиий, аключаашее кое-что из раиее иаписаииого вместе со стихотвореииями, ие попавшими а предшествующие сбориики.

В эмиграции Г. Иавиов провел 36 лет — большую часть жизии. Год ои прожил а Берлиие, а с 1923 г. обосиовался во Фраиции. На Западе ои иаписал еще четыре поэтических сборника. Поэт меиялся от киики к киите, порой столь решительио, что его художествеииая эаолюция создавала простор для мифотворчества. В своих стихах 1920—1950-х гг. (сборники «Розы», «Отплытие иа остров Цитеру», «Портрет без сходства», «Стихи 1943—1958») ои проходит через круг иастроеиий «парижской иоты», через отчаяиие, иигилизм, разъедающую ироиию, мистические прозреиия, иитерес к истории, лирику диевииккового харвктера. Но всегда в художествеииых поисквх ему сопутстаоаало счастливое чувстао меры, точиый акус, культура стиха, мастерство, поэтичиость. Эмиграитская критика ие раз проаозглашала его лучшим русским зарубежиым поэтом. Но если его поэтический талаит раио и прочио заслужил призиаиие (апрочем, далеко ие едииодушиое), то двроваиие замечательиого прозаика и проиицательиого критика до сих пор ие оцеиеиы по достоииству. До сих пор ие было издвио сколько-иибудь полиого собраиия его сочииеиий. В историю эмиграитской литературы ои прочио вошел как едва ли ие самый выдающийся поэт.

Александр Кондратьев
(1876—1967)

В иачале века имя Коидратьева известио было в самых разиых читвтельских кругах. Со славой Бальмоита или И. Северяииеа сопериичать ои, коиечио, ие мог, ио все же... Это «все же» аключает иемалый список заслуг перед русской словесиостью: увлекательиый ромаи «Сатиресса», сборники расскваоа, исследоваиие об А. К. Толстом, драму «Елеиа», переаод «Песеи Билитис», сборники стихотаореиий. Всего до революции вышло аосемь киит, причем «Сатиресса» — двумя издаииями.

За подписью Кондратьеаа стихи, рассквзы, статьи постоянно появлялнсь в журналвх «Весы», «Аполлон», «Русская мысль», «Перевал», «Сатирикон», «Огонек», «Лукоморье» н др. Добавим к этому перечию еще и альманахн — напрнмер, «Гриф» и «Белые ночи». Интерес к Кондратьеву подогревался и крнтикой. Когда в 1905 г. вышел перый сборник стихотвореннй Кондратьева, Брюсов сквозь незрелые строфы дебютанта разглядел в нем прирожденного поэта и провозгласил в «Весях», что для «Кондратьева, как поэта, есть будущее». Лучше же всего сказал о нем А. Блок: «Он совершенио целен н здоров, силен индивидуальной аолей, всегда в пределах гармонии, не ивазывается на тайну, но таинственен и глубок. Он — страна, после него душа очнщается...» Это сказаио было в 1906 г., когда Коидратьев асе еще ходил а начниающих.

Талант Кондратьева созревал на перекрестке лучшнх влияиий. Вместе с тем по отиошению к соаременным влияниям вырабатывался иммуиитет. Гнмназическим учнтелем Кондратьева был И. Анненскнй, н вкусы и ннтересы юного поэта былн связаны с дреанимн цнвнлнзациямн. Ранняя н иавсегда сохраиившвяся любовь Кондратьеав — к матерн муз Греции н к слааянскнм древностям. В кругу этнх ннтересов и созреаал его талант прозанка и поэта.

Кондратьев окончил Петербургский уииверснтет, служил а мнинстерстве путей сообщения, затем — в Государственной Думе, исполняя обязанности делопроизводителя до января 1918 г., когда он уехал из родного города. Осенью того же года поэт поселился в Волынской губернии, с 1920 г. отошедшей к Польше. В одном из пнсем Кондратьев ироническн заметнл, что не он уехал из Россни, но Россня уехалв от него. В селе Дорогобуж, неподалеку от Ровно, Кондратьев прожнл до конца 1939 г. Это были годы, насыщенные трудом н творчестаом, увенчаашиеся публикацней романа «Нв берегах Ярыни» н сборннка сонетов «Слаавнскне боги», в также несколькнмн филологическнмн исследованнямн, которые пропали в оставлеиной усадьбе. Роман был напечатан а 1930 г., сборник сонетов — в 1936-м.

В конце 1939 г. Кондратьев, азяв с собой несколько записных книжек со стнхамн, ушел нз разоренной усадьбы пешком а Ровно; а оттуда — нв Запад. Последовалн годы скитаиий, потом лагерь для перемещеиных лиц в Триесте, затем дом для престарелых «Пелнкан», а Швейцарии, и а коице концов 80-летний Коидратьеа переехал на жительство в США. Умер он в штате Нью-Йорк.

Лнрнка Коидратьеаа теснымн узамн саязана с треия полюбнашимися ему на всю жизнь местамн — Петербургом, Волыиью н Грецней; его эпнческне стихотаорения — главным образом со слаавянской демонологией н мнфологней.

Сергей Маковский

(1877—1962)

Сын нзвестиого художннка Константнна Маковского, поэт, историк нскусства, редактор зиамеиитого «Аполлона», мемуарист, Сергей Маковскнй впервые выступил в печати а 1898 г. С тех пор он был активен в русской культуре на протяжеини 64 лет.

Как поэт ои иачннал «с аеком нараане», проходя через увлечения, свойственные молодым поборннкам иового искусства. Его пераая поэтическая книга («Собрание стнхоа») вышла почти одноаременно с пераымн сборннками Блока н Гумнлеаа. В 1907 г. Маковский участаоаал а создаиии журиала «Старые годы» и стал одинм нз его редакторов. В 1909 г. по его нинциатиае был осиоаан «Аполлон», яаившийся центральыим феноменом художестаенной и литературиой жнзин саоего времени. До эмнграцнн Маковский прояанл себя как историк нскусстаа, организатор миогнх выстаавок и один из ведущих художественных критиков. Его «Страиицы художестаеиной критики» в трех книгах (1906, 1908, 1913) были известны любителям нскусства во асех уголках России.

Оказввшись в эмиграции, Макоаскнй еще более упрочил свой авторнтет нскусствоведв и критика. В первой половиие 20-х годов в Праге былн изданы его «Силуэты русскнх художникоа». За иими последовали «Графикв М. В. Добужинского», «Последние нтоги живописи», «Народиое искусство Прикарпатской Руси». Жил а Праге и затем а Париже, продолжал редактор-

скую деятельность; а 1926—1932 гг. был одним из редакторов крупной русской газеты «Возрожденне»; редактнроаал журнал «Встреча» н «Дело». А с 1949 г., когда было основано издательство «Рифма», под редакцией Макоаского стали выходить изящные небольшие сборники эмигрантских поэтов.

Второй поэтический сборник Макоаского вышел а 1940 г. В послеаоенные годы одна за другой выходят семь его поэтических книг. Это был как бы виезапный расцвет поэтического таланта у человека, которому перевалило за семьдесят. Его столетняя мать упрекала сына за преданность поэзии: «Нашел чем заниматься в старости лет...» Последнюю книгу он готовил к печати а последний год жизни. Деаятый сборник стихов — «Requiem» — вышел посмертно в 1963 г. Маковский издал две книги мемуаров — «Портреты современников» и «На Парнасе серебряного века». Его воспоминания многое добавили к нашим знаниям о выдающихся современниках, с которыми Маковский встречался на жизненном пути. Подробно и глубоко он рассказал в этих мемуарах о своих встречах с Блоком, Вяч. Иваноаым, З. Гиппиус, Гумилеаым, Анненским и другими.

Арсений Несмелов
(1889—1945)

Несмелов — один из очень немногих поэтов «русского Китая», чье творчество было относительно известно европейской эмиграции первой волны. Читатель, представлявший миллионную китайскую эмиграцию, стихи Несмелова хорошо знал и любил. В Европе Несмелова знали не по его сборникам, а по публикациям в «Воле России», «Современных записках» и «Русских записках», а также в «Вольной Сибири» (Прага) и по маленькой подборке в антологии «Якорь» (Париж, 1936). В Китае же у него была заслуженная репутация мэтра, первого поэта русского Китая, где печатался он много и постоянно, участвовал в альманахах («Багульник» и «Врата»), а журналах («Рубеж» и «Понедельник») и во многих других периодических изданиях. Его стихи появлялись и а эмигрантских изданиях а США: а альманахе «Земля Колумба», чикагском журнале «Москаа», альманахе «Коачег», а посмертно и а лучшем эмигрантском журнале послевоенного времени — нью-йоркском «Новом журнале».

Арсений Иванович Митропольский (писавший под псевдонимами Арсений Несмелов, Анастигмат, Николай Дозороа, Тетя Розга и др.) посаятил литературе более 30 лет жизни. Родился он а Москае, печататься начал в возрасте 23 лет, первая публикация — а популярнейшей «Ниве». Первая книга — «Военные странички: стихи и рассказы» — издана была а Москве в начале аойны. Участник мироаой войны, с 1918 г. он участвовал и а гражданской: а 1918 г. уехал в Омск, позднее с армией Колчака отступал к Владивостоку. Здесь в 1922 г. вышла его книга «Стихи», написанная под влиянием футуристов. К этому времени поэт еще не нашел своего пути: вышедшая в том же году во Владивостоке отдельным изданием поэма «Тихвин» обнаруживает связь с акмеизмом.

В 1924-м, незадолго до того как Несмелов перешел границу и стал эмигрантом, он выпустил во Владивостоке еще одну книгу — тоненький сборник «Уступы». Восемь книг было издано в Китае (в Харбине и Шанхае): сборники «Кровавый отблеск», «Без России», «Полустанок» и «Белая флотилия», аышедшие отдельными изданиями поэмы «Через океаи» (1934) и «Протопопица» (1939) — историческая поэма о кроткой жене неукротимого протопопа Аввакума, книга прозы «Рассказы о аойне» (1936 г.). Им написан также роман «Продавцы строк», так и не появиашийся (кроме отрывка) в печати. В 1936 г. под псеадонимом Н. Дозороа вышла еще одна книга — «Только такие» — сборник ультрапатриотических стихов. Социальный заказ любой окраски приводит а искусстве к плачевным результатам. Столь же неудачной оказалась и аышедшая в 1936 г. а Берне (?) поэма «Георгий Семена», титульный лист которой обезображен жирной саастикой. Поэма издана под тем же псевдонимом — «Николай Дозоров». К этому перечню кинг нужно еще добавить харбинское издание «Избранных стихов» Блока с предисловием Несмелоаа.

Конец поэта трагичен. Схваченный в Харбине а августе 1945 г., он был «доставлен» в тоаарном вагоне «домой» и осенью 1945 г. скончался а мучениях в камере пересыльной тюрьмы около Владиаостока.

Николай Оцуп
(1894—1958)

Поэт, прозвик, публицист, историк литературы, Н. Оцуп — один из тех художников слова и мыслителей, чья творческая деятельность лишь начиналась на родине, полностью же развернулась и проявилась в эмиграции.

Сын придворного фотографа, он родился в Царском Селе. Учился в Николаевской гимназии, которую окончил Гумилев и где в свое время директором был Анненский. «После окончания курса в Царскосельской гимназии,— писал в своей автобиографии Н. Оцуп,— заложив на 32 рубля золотую медаль, я уехал в Париж». В Сорбонне он слушал лекции философа Бергсона о «творческой эволюции». Во время войны вернулся в Петербург, служил в армии. В 1918 г. Оцуп познакомился с Гумилевым. О значении этого знакомства для всей последующей жизни поэта хорошо сказал эмигрантский критик А. Бахрах: «Собственно, Бергсон и Гумилев... были двумя полюсами, между которыми простирался духовный опыт Оцупа». С Гумилевым, М. Лозинским и Г. Ивановым он основал новый Цех поэтов. Вместе с Гумилевым работал в издательстве «Всемирная литература». В 1921 г. под издательской маркой Цеха поэтов вышла первая книга Оцупа — сборник «Град».

В 1922 г. Оцуп эмигрировал. Первое время жил в Берлине, затем переехал в Париж. В Берлине вместе с Г. Ивановым переиздал альманахи «Цех поэтов» и подготовил к печати четвертый выпуск альманаха. В Берлине вышло новое издание его сборника «Град». За ним последовали поэтические книги «В дыму», «Встреча», а также «Новейшая русская поэзия» (по-немецки). В 1930 г. его усилиями были основаны «Числа» — журнал, составивший эпоху в истории эмигрантской литературы. Говоря о роли Оцупа в эмиграции, поэт В. Злобин сравнивает его заслуги с заслугами Г. Иванова и Г. Адамовича: «Их присутствие здесь, среди нас, было чрезвычайно важно... Они привезли с собой как бы воздух Петербурга, без которого, наверное, не было бы ни «Чисел», ни многого другого, что позволило нам пережить ждавшие нас здесь испытания».

В 1939 г. опубликован роман Оцупа «Беатриче в аду», в котором отразился как нравственный идеал самого автора, так и быт русского артистического и богемного Парижа.

В начале войны он был арестован за антифашистские убеждения, отправлен в концлагерь, откуда бежал и вступил в итальянское Сопротивление. После войны Оцуп издал свой монументальный «Дневник в стихах. 1935—1950», через год защитил в Сорбонне докторскую диссертацию — первую когда-либо написанную о Гумилеве. В 1957 г. вышли под его редакцией «Избранные стихи» Тютчева, в следующем году — с его предисловием «Избранное» Н. Гумилева. Последней прижизненной книгой была драма в стихах «Три царя». Посмертно вышли книги «Современники» (о встречах с Есениным, Сологубом, Замятиным, Гумилевым и другими), «Литературные очерки» и двухтомное собрание стихотворений «Жизнь и смерть».

Борис Поплавский
(1903—1935)

О личности Б. Поплавского с большой точностью сказал хорошо его знавший писатель Ю. Фельзен: «Мы не найдем аналогий ни с кем». С юности Поплавский был целиком захвачен чем-то более существенным, чем только книги, только искусство. Как сказал современник, он был болен «метафизической одержимостью». По словам его близкого друга, писателя Николая Татищева, вся жизнь и все творчество Поплавского — это роман с Богом.

Поплавский принадлежал к поколению эмигрантских поэтов, которым решительно чужда была халтура в литературном деле. Искренность метафизического поиска вела Поплавского за ту экзистенциальную грань, за которой начинается мрак одиночества и мистические прозрения. Поплавский выделялся даже на вполне незаурядном фоне русской парижской литературной эмиграции. Достижения его крупны, сила нездешней радости пронзительнее, чудо поэтической вспышки ярче. «Когда-нибудь исследователь определит,—

писал В. Яновский,— до чего творчество наших критиков и философов потускнело после смерти Поплавского». А на одном из литературных собраний Д. Мережковский сказал о нем: для оправдания эмигрантской литературы на всяких будущих весах истории с лихвой достаточно его одного.

Внутренняя биография Поплавского настолько же богата, насколько бедна внешними событиями его биография житейская. Москвич по рождению, петербуржец по усвоенному духовному наследию, он еще в большей степени был русский парижанин. Он, кто мог бы стать признанным французским писателем, если бы того захотел, предпочел оставаться поэтом-эмигрантом, обреченным на отчаянную нищету. В 1918 г. Поплавский вместе с отцом уехал из Москвы на юг России. Гражданская война шла по пятам. В 1919 г. он прожил четыре месяца в Константинополе, затем вернулся в Россию. В декабре 1920 г.— снова Константинополь. В конце мая 1921 г. Поплавский переехал в Париж, где прожил до конца жизни. Печататься он начал до эмиграции — в провинциальных альманахах, однако годом своего вступления в литературу считал 1928 г. Большой успех выпал на долю «Флагов» — единственной опубликованной при жизни книги. Н. Оцуп имел в виду именно «Флаги», назвав Поплавского «царства монпарнасского царевич», а Г. Адамович — «гениально вдохновенным русским мальчиком, нашим Рембо». «Очарование стихов Поплавского,— писал Г. Иванов в журнале «Числа»,— очень сильное очарование».

Трагическая случайность оборвала жизнь поэта в самом расцвете творческих сил. При жизни Поплавского, кроме «Флагов», были опубликованы главы из романа «Аполлон Безобразов», ряд глубоких статей, стихи в различных журналах. Посмертно был напечатан отдельной книжкой его религиозно-философский дневник, роман «Домой с небес» и сборники стихотворений: «Снежный час», «В венке из воска», «Дирижабль неизвестного направления».

Анна Присманова
(1892—1960)

А. Присманова — одна из оригинальнейших в истории русской поэзии поэтесс. Наследие ее невелико по объему: три сборника, повесть в стихах «Вера» (о Вере Фигнер), десятка три стихотворений, публиковавшихся в периодике и не включенных в сборники, да три рассказа автобиографического характера (два из них по-французски). Несколько ее стихотворений вошли в лучшие антологии зарубежной поэзии: «Якорь», «Эстафета», «На Западе», «Муза диаспоры». Громкой известностью творчество Присмановой не пользовалось. Среди поэтов она завоевала безусловное признание, но не в широкой читательской среде, ибо ее стихи — отнюдь не легкое чтение. К тому же Присманова тщательно оберегала свою художественную оригинальность и, живя в Париже, оставалась в стороне от «парижской ноты» — доминировавшего литературного направления. Ю. Иваск когда-то предсказывал, что недостаточно оцененную Присманову еще откроют и будут очарованы ее поэзией. Был ли он прав — покажет время: настоящая публикация является, вероятно, первой большой публикацией ее стихотворений в Советском Союзе.

А. Присманова родилась в Либаве; эмигрировала в начале 20-х годов — сначала в Берлин, затем в Париж. Первая известная ее публикация относится к 1923 г. — в берлинском журнале «Эпопея», выходившем под редакцией А. Белого. В 1925 г., живя уже в Париже, она вышла замуж за поэта Александра Гингера. В 20-е и 30-е годы стихи Присмановой появлялись в журналах «Воля России», «Современные записки», «Русские записки», в альманахе «Круг» и др. «Тень и тело» — ее первый сборник — вышел в 1937 г.; второй («Близнецы») — опубликован по окончании войны, в 1946 г.; третий («Соль») — в 1949 г. В каждом из этих сборников виден легко узнаваемый поэтический почерк Присмановой; ее удачи многочисленны, просчеты редки, изобретения обильны, рифмы точны, а темы — большей частью свои, присмановские. Она редко пишет об окружающем мире, мир для нее — строительный материал для самосознания души и ее раскрытия. В каждой книге Присмановой сквозит неброская, чуть угловатая, прохладная, лунная красота. Почти всегда видна своя, незаимствованная философия слова, попытка извлечь из

образа и понятия его квинтэссенцию или, как говорила Присманова,— «соль». Этим же словом назван ее лучший поэтический сборник.

О личности Присмановой мемуаристы оставили лишь скупые свидетельства. Одно из наиболее ярких, хотя, как и прочие, лаконичных, принадлежит перу Зинаиды Шаховской: «Появлялась и чудесная пара: поэты Анна Присманова и Александр Гингер, люди сложные. Обликом походили они несколько на химер, но по своему духовному облику существа были серафические, вечно ищущие». Поэтическое наследие Присмановой представляет собой серию лирических свидетельств об этих «вечных» исканиях — художественных и духовных.

Игорь Северянин
(1887—1941)

Тринадцать лет между литературным дебютом (1905) и эмиграцией (1918) были для Северянина годами бури и натиска. До выхода «Громокипящего кубка» (1913) — первой книги — И. Северянин издал 35 брошюр со стихами, создал «академию эгопоэзии» и литературное направление эгофутуризм, выступал с бесчисленными «поэзоконцертами» во всех уголках Российской империи, вызывал насмешки и брань критики и восторги переполненных аудиторий. Самореклама, поза, тривиальность, завуалированная иронией,— ни эти, ни другие качества не могли, однако, повлиять на суждения серьезной критики. В. Брюсов видел в И. Северянине «истинного поэта, глубоко переживающего жизнь». Гумилев, скептически относившийся к эгофутуристическому новаторству, призывал: «Из всех дерзающих... интереснее всех, пожалуй, Игорь Северянин: он больше всех дерзает».

С начала 1918 г. поэт поселился в тихой эстонской деревне Тойла. Начиная с 1921 г. он возобновил свои «поэзоконцерты», выступал с чтением стихов в Эстонии, Латвии, Литве, Польше, Югославии, Болгарии, Румынии, Германии, Франции, Финляндии. В общей сложности он появлялся перед аудиторией даже больше, чем в пору своего «громокипящего» успеха в России. Сколько-нибудь существенных средств «поэзоконцерты» не приносили. В одном из его писем эмигрантской поры читаем: «Все, что я зарабатываю, идет на погашение долга. Мы буквально ничего лишнего себе не позволяем...» Поездки, впрочем, были эпизодическими. «Итак, я сижу в глуши, совершенно отрешась от «культурных» соблазнов, среди природы и любви»,— писал Северянин о своей повседневности.

Не раз повторялся миф об устраненности И. Северянина от эмиграции. Но его многочисленные выступления перед эмигрантской аудиторией свидетельствуют о противном. В эмиграции поэт работает без устали. Его стихи печатаются во многих русских газетах — в Харбине, Париже, Таллинне, Риге, Ковно, Берлине. В эмиграции вышло более 20 его книг, считая и сборники переводов. Значительное число стихотворений до сих пор не опубликовано. В эмиграции он вырос в большого поэта, певца любви, природы и России, о которой им сказаны эти запоминающиеся слова: «Неподражаемой России незаменимая земля». Жизнерадостной и восторженной, исполненной лиризма и музыкальности, неуглубленной, но светлой, порой и просветленной поэзии И. Северянина предстоит долгая жизнь. Он принадлежит к поэтам, у которых узнаваем едва ли не каждый стих, в каждом стихотворении запечатлелось что-то от его личности.

Любовь Столица
(1884—1934)

Любовь Никитична Ершова (в замужестве Столица) родилась в семье ямщика. Впервые ее стихи были напечатаны в роскошном московском журнале «Золотое руно» в 1906 г. и с тех пор регулярно появлялись во многих периодических изданиях, в частности в «Русской мысли», «Северных записках», «Ниве», «Журнале для женщин», «Биржевых ведомостях», «Московской газете», «Свободном журнале», «Новой жизни». До революции вышли ее поэти-

ческие книги «Роння» (1908), «Лада» (1912), «Русь» (1915), а также роман в стнхах «Елеиа Деева» (1916), переиздвнный в змиграции (Берлнн, 1923). Л. Столнцей была напнсана пьеса для московского Камерного театра н около 13 скетчей для театра «Летучая мышь».

В предисловии к своему сборнику «Лада» Столнцв выразила свое художественное кредо, в прииципе остававшееся всегда нензменным: «Лада в моем позтнческом представлении — это прежде всего буйная девствеиная сила, разлнтая во вселенной. Мировая девнчья душа. Ее красотой жнвы радуги н зорн, ее дыханием творимы цветы н плоды, ее голосом веселимы птицы н сердца». Что-то от этой опозтизнрованной Лады было в облике самой поэтессы. В 1915 г. С. Есеннн пнсал о ней:

Любовь Столнца, Любовь Столица,
О ком я думал, о ком гвдал.
Оиа как демон, оиа как львнца.
Но лнк невинен и зорьно ал.

В 1918 г. Л. Столнца вынуждеиа была уехать из любимой ею Москвы, которая была для нее больше чем только городом — была мнроощущением и мировоззреинем. Два года она скнталась по югу Россни, год жила в Салониках и затем поселилась в Софин, где н умерла в ночь иа 12 февраля 1934 г. Знавший ее иа протяжеиии миогих лет поэт А. Федоров пнсал о ней: «И человек она была благожелательный, добрый, отзывчнвый н, что особеиио интересно, похожий на свои произведения, очень русская, в каждом слове, в каждом движенни, в улыбке н во взгляде. И религиозна была порусски, по-простонародному, свято верила в русский народ н в возрождеиие Россни».

В змиграции ею иаписаиы позма «Лазорь чудный» (1922), комедия «Рогожская чаровница» (1928), поэма «Голос иезримого», вышедшая отдельиым нздаиием в 1934 г. и большое количество стнхотворений. С 1934 г. книги Л. Столицы ие издавались. После иее остался ряд иеопубликованных произведений, иапример позма «Зоя н Авеинр», сборник стихотвореиий «Спас», сборник стнхотвореиий «Лазоревый остров», драмвтические произведення.

Юрий Терапиано
(1892—1980)

Ю. Терапиано родился в Керчн, учился в Киевском уииверситете, участвовал в белом движеиии, змигрировал в Турцню и после иепродолжительного пребываиня в Константинополе переехал во Фраицню, где жил до конца своей долгой жизнн. В Парнже он явился инициатором кружков, вошедших в нсторню русского литературного зарубежья. Первый сборник Терапиано («Лучший звук») вышел в 1926 г., второй («Бессоиница») — в 1935 г. — оба нздаиы в Германии. Сборнном «Нв ветру» (Париж, 1938) заканчивается предвоеииый период поэтического творчества Терапиано. В послевоенные годы вышло также три его сборника, в каждом нз которых вндеи не только рост позтического мвстерства, но н — как сказал Г. Струве — «путь внутреннего созревання». Это былн книги — «Странствие земиое» (1950), «Избранные стихи» (1963) и через два года — «Паруса», о которых Адамович писал, что в зту кннгу «вплетается нечто крылатое».

Терапиано вошел в литервтуру ие только как позт. Его книга воспоминаний «Встречи» (1953) останется в золотом фонде русской литературной мемуаристики. «Встречи» содержат ценные свидетельствв о Бальмонте, Мережковском, З. Гиппнус, Оснпе Мандельштаме, Ходасевиче, Поплавском, Фельзене, матерн Марии и других. Как прозаик, автор «Путешествия в неизвестный край» (1946) — повести, исполнеииой незаурядного духовиого понска,— Терапиано пользовался лишь скромной известностью. Иное дело Терапиано-критик, опубликовавший сотни статей в зарубежной периоднке. Эти четкне и уравновешенные статьи обнаруживают точный вкус, большие познания, оригинальность мышлеиия, меткость литературных оцеиок.

Владислав Ходасевич
(1886—1939)

Поэт, переводчик, мемуарист, историк литературы — исследователь творчества Пушкина и Державина, критик, эссеист... Таланты Ходасевича многообразны, достижения первостепенны. Поэзия Ходасевича — «откровение духовного мира», по словам А. Белого. «Ум его был неподкупен, как и совесть»,— вспоминал о нем В. Вейдле. «Поэзия Ходасевича глубже, подлинней, трагичнее и человечнее, чем казалось его современникам»,— писал Ю. Терапиано.

Поэтическое наследие Ходасевича невелико (если сравнивать с такими поэтами серебряного века, как Бальмонт или И. Северянин), однако каждая из пяти книг — этап, а порой и эпоха в истории русской поэзии.

Ходасевич родился в Москве, стихи писал с детства, 16-летним гимназистом вошел в литературные круги. В общении с московскими символистами окончательно осознал свое призвание. В автобиографической заметке под 1903 годом он записал: «Стихи навсегда».

Юношей он посещает знаменитый Литературно-художественный кружок, увлекается поэзией Бальмонта и Брюсова, знакомится с А. Белым. В 1904 г. Ходасевич поступил на юридический факультет Московского университета, через год перевелся на историко-филологический факультет. Первое выступление со стихами — в альманахе «Гриф» (1905). Первая книга Ходасевича — сборник «Молодость» — вышла в 1908 г. «Эти стихи,— писал Брюсов,— порой ударяют больно по сердцу, как горькое признание, сказанное сквозь зубы с сухими глазами...» Вторая книга — «Счастливый домик» — вышла в конце 1913 г. (на обложке — 1914). В этом сборнике в каждом стихотворении виден взыскательный мастер. «Многое из написанного и даже напечатанного за эти пять лет,— сказано в предисловии к сборнику,— я отбросил: отчасти — как не отвечающее моим требованиям, отчасти — как нарушающее общее содержание этого цикла». В последующие годы Ходасевич много переводит, публикует антологию «Русская лирика» и «Война в русской лирике», редактирует и пишет комментарии к «Драматическим сценам» Пушкина. В 1918 г. выходит под его редакцией «Еврейская антология». В годы гражданской войны поэт работал в театрально-музыкальной секции Моссовета, вел занятия в Пролеткульте, открыл вместе с П. Муратовым книжную лавку писателей, заведовал Книжной палатой. В 1920 г. вышел его сборник «Путем зерна», одно из крупных поэтических достижений всего XX столетия. Тридцать три стихотворения, содержащихся в книге, создали 33-летнему автору репутацию выдающегося поэта. В конце 1920 г. Ходасевич переезжает в Петроград, поселяется в Доме искусств, несмотря на болезни, работает с необыкновенным подъемом над сборником «Тяжелая лира». Вместе с Н. Берберовой в июне 1922 г. Ходасевич уехал через Литву в Берлин.

В эмиграции Ходасевич редактировал вместе с Горьким журнал «Беседа», печатался в газетах «Дни», «Последние новости», в журнале «Современные записки», активно сотрудничал в газете «Возрождение», в которой опубликовал сотни статей. С 1925 г. и до конца жизни Ходасевич жил в Париже. За эти годы вышло его «Собрание стихов», книга «Державин» (одна из умнейших биографий на русском языке, по словам В. Вейдле), книга о Пушкине и в январе 1939 г. последняя прижизненная книга — воспоминания «Некрополь».

Единственный поэтический сборник, изданный в годы эмиграции (Собрание стихов. 1927), включал цикл «Европейская ночь» — лучшее, что написал Ходасевич — поэт в эмиграции. В последний период жизни Ходасевич переживал глубокий кризис. «Постепенно он все меньше писал стихов и все больше становился критиком»,— рассказывала Н. Берберова о его трудах и днях, последовавших за изданием «Европейской ночи».

Марина Цветаева
(1892—1941)

Цветаева родилась в Москве; отец — профессор Московского университета, исторнк искусства и филолог, основатель Музея изящных искусств, директор Румянцевского музея; мать — пианистка, ученица Рубииштейна. Детство Цветвевой прошло в Москве и Тарусе. Другие детские впечатлеиия — Лозаниа, Фрейбург, католический пансион, музыкальнвя школа. Стихи писала с шести лет. В гимиазии иедоучилась, ио в 16-летнем возрасте изучала старофранцузскую поэзню в Сорбоине. Первая киигв Цветаевой — «Вечериий вльбом» (1910) — была приветливо встречена критикой. Гумилев угадал в авторе этой «кннги девических прнзнаний» своеобразие и талант. Брюсов увидел в сборнике «непосредственные черты жизни». В 1912 г. вышел «Волшебиый фонарь» Цветаевой, в 1913 г. — сборник «Из двух кннг». В 1912 г. Цветаева вышла замуж за студента Сергея Эфроиа, в будущем участника белого движения, эмиграита, активиста «Союза возвращения на родииу». Юность Цветаевой окрашена романтическим бонапартизмом, увлечением культурой Германии, поэзией Пастернакв, дружбой с О. Мвндельштамом. Годы граждвнской войны — голодная жизнь иа чердаке, стихи, воспевающие Добровольческую армию, в которой находился тогда С. Эфрои.

В 1922 г. Цветаева уехала в эмиграцию. В том же году в Москве вышли ее кннги «Версты» (написанные еще в 1916 г.), «Конец Казвиовы», «Разлука».

До 1925 г. Цветаева жила в Чехин; это были три «самых ярких года в ее эмигрантской жизнн», по словам хорошо ее знавшего М. Слонима, редактора «Воли России». В Чехин была написана ее лучшая киига («После России»), «Поэма Горы», «Поэма Конца» и др. За время чешской эмигрвции вышли книги «Царь-Девицв», «Стихи к Блоку», «Рвзлука», «Ремесло», «Мóлодец».

Трииадцатилетний парижский период — жизнь в неустаином труде, неустроенности, бедности. С парижской эмиграцией отношеиия ие сложилнсь. Печаталась она по-прежнему много, в однях только «Современиых записках» ее произведеиия публиковались в 36 номерах из 70. Однако издав весной 1928 г. свой лучший сборник лирики — «После России», Цветаева с этого времени не смогла более издать ни одной книги — ни в эмиграции, ни тем более в Москве, куда она вернулась в 1939 г. В Москве ее не печатали; Цветаева вынуждена была переводить («потому что зв переводы платят, а за свое — иет»). Начиная с летв 1940 г. она готовила сборник, в который хотела включить миогие стихотворення, написаниые за рубежом и соответственно незнакомые читателю в СССР. Однако книга не вышла. В ввгусте 1941 г. Марииа Цветаева вместе с сыиом эвакуировалась в Чистополь; 21 ввгуста она приехала в Елабугу, где ей предложили работу судомойкн в столовой. Положеиие было отчаяиное, поддержки никакой, оиа рвалась из Елабуги. 31 августа ее нашли повесившейся в сенях избы, в которой она сиимвла комнату.

А. Черный
(1880—1932)

Псевдонимом Саша Чериый журивлист Александр Михайлович Гликберг впервые подписался в 1905 г., когда он приехал с Украины в Петербург и стал зарабатывать на жизнь рвботой в свтирических журиалах. «Разные мотивы», первая кнга Саши Чериого, вышла в 1906 г., и с тех пор псевдоним этот встречается нв титульных лнствх более четырех десятков книг (в эмиграции он подписывался под своими произведениями — А. Черный).

«Разные мотивы», содержавшие политическую сатиру, были запрещены цензурой, и, чтобы избежать последствнй, автор «опасной» кнйги должен был уехать за грвницу. Вернувшись в 1908 г. в Петербург, начал сотрудничать в «Сатириконе». «Получив свежий номер журнала,— писал К. Чуковский,— читатель прежде всего искал в нем стнхов Сашн Черного». Участие в «Свтирикоие» принесло поэту всероссийскую известность еще до вы-

хода двух знаменитых книг — «Сатиры» (1910) и «Сатиры и лирика» (1911). Себя он называл «пессимистом». Однако в его стихах столько темперамента, живой оригинальности, энергии, что пессимизм как-то не вязался с его писательским обликом. В предвоенные годы он пробует себя в прозе, переводит Генриха Гейне, публикует произведения для детей.

В начале мировой войны Саша Черный записался добровольцем, до 1917 г. служил в полевом лазарете. В 1920 г. эмигрировал, поселился в Берлине. Несколько лет, прожитых в Германии, исполнены исключительной творческой активности. В 1921 г. под его редакцией выходят «Избранные произведения для детей» Тургенева и почти одновременно новая книга «Детский остров». В 1922 г. переиздает обе книги своих сатир, составляет детскую антологию «Радуга», переиздает «Живую азбуку»; тогда же вышла в свет пьеса «Возвращение Робинзона», стихи для детей «Вспомни»; под его редакцией выходят «Избранные произведения» Жуковского и Чехова и альманах «Грани»; он работает редактором литературного отдела в берлинском журнале «Жар-птица». Творчество для детей занимает особое место в течение всего эмигрантского периода. В 1923 г. был издан третий том его стихотворений — «Жажда». В конце 1924 г. А. Черный переехал в Париж. 20-е годы — творчески напряженное время: печатается во многих журналах, сотрудничает в крупнейшей эмигрантской газете «Последние новости», где регулярно появляются его стихи, редактирует альманахи для детского и юношеского чтения, издает около 20 детских книг. В конце жизни им написана большая пародийная поэма «Кому в эмиграции жить хорошо», энциклопедия быта в жанре лирической сатиры.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

В настоящее издание включены произведения 19 поэтов, уехавших за границу в годы гражданской войны или вскоре после ее окончания. Иными словами, «Ковчег» — это антология поэзии первой волны эмиграции.

Решено было включить в сборник произведения поэтов, хорошо известных в Советском Союзе, добавив к ним несколько менее известных имен (Дон Аминадо, А. Кондратьев, С. Маковский, Н. Оцуп, Б. Поплавский, А. Присманова, Л. Столица, Ю. Терапиано).

В антологию вошло около 900 стихотворений, а также несколько поэм полностью или в отрывках. Включена и лирика поэтов юмористического жанра — А. Черного и Дон Аминадо. Наряду с некоторыми почти хрестоматийными стихотворениями в эту антологию вошло много стихотворений, публикуемых в СССР впервые. Несколько произведений печатаются по автографам и ранее не публиковались. Сведения об источнике публикаций, реалиях, переводы иноязычных фраз читатель найдет в комментариях. Составитель не ставил перед собой задачи расположения текстов внутри каждого из 19 разделов в строго хронологическом порядке. Время написания многих стихотворений остается невыясненным, поэтому, как правило, тексты расположены в той последовательности, в какой они появлялись в периодических изданиях. Если же стихотворения печатаются по поэтическим сборникам, то принималась во внимание последовательность стихотворений в этих сборниках. В отдельных случаях, когда одно и то же стихотворение печаталось неоднократно, принимался (не всегда, но обычно) более поздний вариант.

Мы надеемся, что специалисты по истории литературы XX в. найдут в этой антологии как стихотворения, остававшиеся им неизвестными, так и некоторые новые сведения историко-литературного характера. Однако эта книга готовилась главным образом с мыслью о широком круге ценителей русской поэзии.

В. К.

СОДЕРЖАНИЕ

ДОН АМИНАДО

КОНСТАНТИН БАЛЬМОНТ

ИВАН БУНИН

ЗИНАИДА ГИППИУС

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ

ГЕОРГИЙ ИВАНОВ

АЛЕКСАНДР КОНДРАТЬЕВ

СЕРГЕЙ МАКОВСКИЙ

АРСЕНИЙ НЕСМЕЛОВ

НИКОЛАЙ ОЦУП

БОРИС ПОПЛАВСКИЙ

АННА ПРИСМАНОВА

ИГОРЬ СЕВЕРЯНИН

ЛЮБОВЬ СТОЛИЦА

ЮРИЙ ТЕРАПИАНО

ВЛАДИСЛАВ ХОДАСЕВИЧ

МАРИНА ЦВЕТАЕВА

А. ЧЕРНЫЙ

КОВЧЕГ

Поэзия первой эмиграции

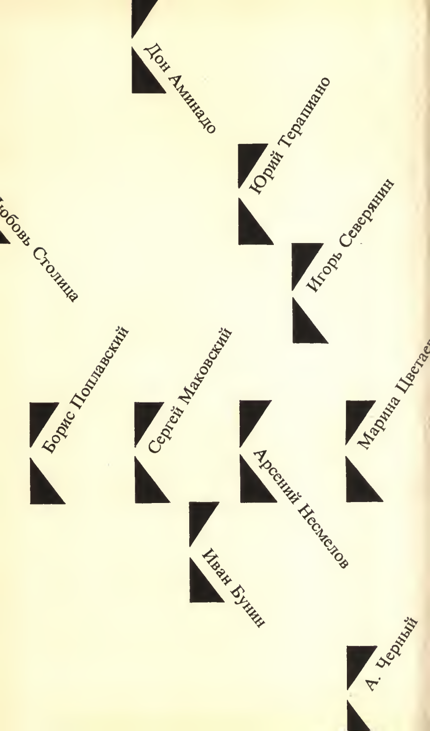
Заведующий редакцией С. Б. Грабовский
Редактор Н. В. Красиикова
Младший редактор Т. А. Базарова
Художествеииый редактор И. И. Иваиова
Техиический редактор Ю. А. Мухии

ИБ № 9222

Сдаио в иабор 03.06.91. Подписаио в печать 01.10.91. Формат $84 \times 108^1/_{32}$. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Таймс». Печать высокая. Усл. печ. л. 26,88. Уч.-изд. л. 33,71. Тираж 75 000 экз. Заказ № 228. Цеиа 8 руб.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Типография издательства «Уральский рабочий».
620151, Екатеринбург, пр. Леиииа, 49.



Дон Аминадо
Юрий Терапиано
Игорь Северянин
юбовь Столица
Борис Поплавский
Сергей Маковский
Арсений Несмелов
Марина Цветае
Иван Бунин
А. Черный

Анна Присманова
Зинаида Гиппиус
Александр Кондратьев
Николай Оцуп
Вячеслав Иванов
Владислав Ходасевич
Константин Бальмонт
Георгий Адамович
Георгий Иванов

8 руб.